Альтернатива

СОЧТИ ЧИСЛО ЗВЕРЯ

999 ЧИСЛО ЗВЕРЯ

ЭРИК ван ЛАСТБАДЕР
ТОМАС ДИШ
РЭМСИ КЕМПБЕЛЛ и другие

(антология рассказа)

999.
ТОМ 2
«ЧИСЛО ЗВЕРЯ»

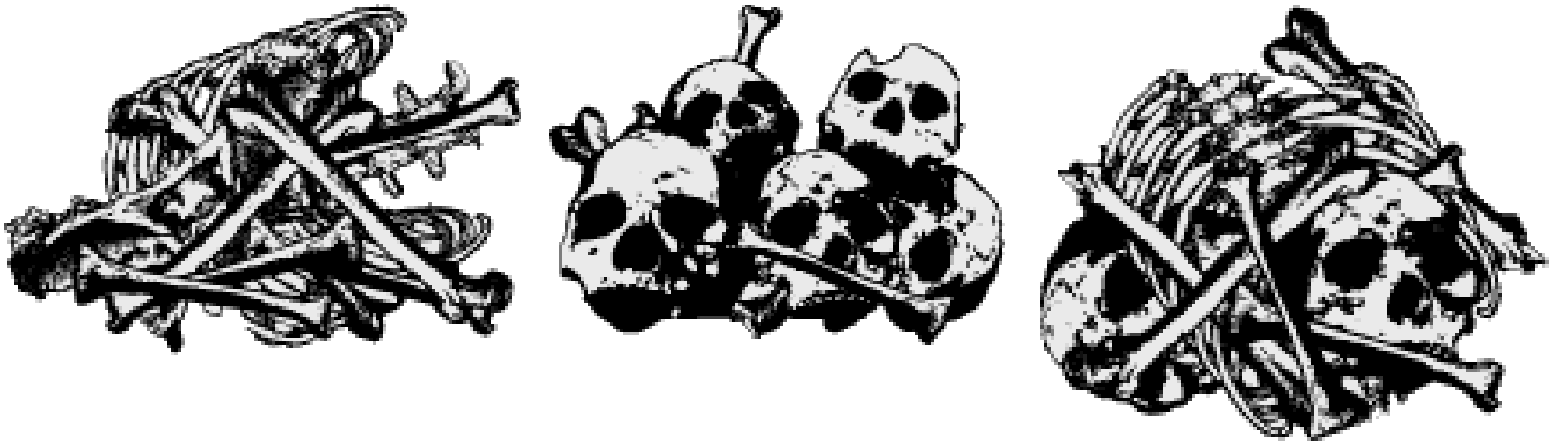
(антология рассказа)

08.06.2017-16.06.2017 © оформление Alex-Rus

08.06.2017-16.06.2017 © редактор Alex.Rus.UA

???

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA



Аннотация

Эта антология рассказа по красноречивой теме 999 (Том 2 «Число зверя») вновь (см. Том 1 «Имя зверя») буквально предлагает читателю ужаснуться, а заодно попытаться отгадать мистические тайны. И в этом помогают настоящие мастера́ своего де́ла (Рик Хотала, Эрик ван Ластбадер, Эдвард Ли, Эд Горман, Эл Саррантонио, Томас Майкл Диш, Стивен Спрюлл, Майкл Маршалл Смит, Питер Шнайдер, Эдвард Брайант, Джин Родман Вулф, Френсис Пол Уилсон, Томас Френсис Монтелеоне, Т. Е. Д. Клайн, Чет Уильямсон, Рэмси Кемпбелл, Ким Ньюман, Томас Лиготти).

Запоминающееся ночное прочтение гарантировано.

08.06.2017-16.06.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus[1]

1 Редакция 08.06.2017-16.06.2017 сборника по теме 999. Том 2 «Число зверя» (антология рассказа) на основе текстового файла (первичный редактор Юрий) от 23.01.2011 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Рик Хотала
«Стук»

Улицы пылали.

Последние полтора месяца Мартин Гордон не покидал до́ма после захода солнца.

Не осмеливался.

Он не видел ни единой программы новостей с тех пор, как на прошлой неделе телевизионные станции прекратили вещание. А свежего но́мера газеты или журнала не держал в руках и того дольше. Но ему не требовалось ничьих предупреждений, что выходить из до́ма с наступлением темноты — большой риск. Из окна́ своей спальни на втором этаже он видел молодёжные шайки, рыскающие по улицам пылающего го́рода, — чёрные силуэты, точно расплавленный металл на фоне пляшущего огня.

Праздновать наступление тысячелетия начали с первых чисел декабря. Сперва это были импровизированные весёлые вечерние сборища, но последние недели празднования длились с сумерек до рассвета, и то́лпы людей бродили из одного квартала в другой. То, что началось как безобидное импровизированное празднование, быстро превратилось в бессмысленный вандализм, когда наружу вырвались человеческие обиды и неуверенность в завтрашнем дне. И вскоре наступило время поджогов и грабежей.

Мартин уволился в прошлый понедельник. Ну, «*уволился*», решил он, не совсем то слово: на заводе не осталось никакого начальства, так что подать заявление об уходе было некому, и он просто перестал выходить на работу.

Его не слишком огорчало, что он оказался безработным. Во-первых, его работа ему, в сущности, никогда не нравилась, а теперь у него оказалось вдосталь времени заниматься тем, что он любил, например, своей моделью железной доро́ги. Конечно, без электричества он не мог привести поезда́ в движение, и в сгущающемся сумраке ему оставалось только любоваться тем, *что* он изготовил днём, и надеяться, что в конце концов, когда подача электричества будет восстановлена, он опять будет дирижировать движением своих составов.

Однако последние дни почти всё светлое время суток он отдавал укреплению баррикад вокруг своего до́ма. Он принёс в жертву почти все тяжёлые дубовые две́ри между комнатами, чтобы загородить о́кна нижнего этажа. Он приобрёл в скобяном магазине самые надёжные шурупы и,

распилив две́ри пополам, крепко-накрепко привинтил их к оконным рамам. Такой ставень мог бы попытаться выломать только тот, кто почему-то вдруг решил бы ворваться в дом ценой любых усилий.

Раздобывать провизию становилось всё более трудной задачей. Всю свою наличность Мартин уже́ истратил. Все банки в городе закрылись ко второй неделе декабря, так что его жалкие сбережения оказались для него недоступны.

В конечном счёте никакого значения это не имело, так как все продовольственные магазины, до которых он мог бы дойти пешком, были полностью разграблены. Без электричества со всеми скоропортящимися продуктами пришлось распроститься, однако Мартин успел запастись сухими смесями и консервами, которых ему должно было хватить на месяц, а если расходовать их бережно, то и на более долгий срок. Еда эта не слишком вдохновляющая — обычно холодные бобы или овощные смеси, которые он ел прямо из банок. Надеяться он мог лишь на то, что беспорядки пойдут на убыль, полиция наладит порядок и мало-помалу восстановится нормальный образ жизни.

Конечно, тот, который будет считаться нормальным в 2000 году́.

Каждый день, едва солнце касалось горизонта, Мартин проверял, надёжно ли заперты парадная и задняя две́ри, затем садился за холодный ужин, прежде чем подняться наверх, чтобы он мог следить за своим двором из спальни. А после полуночи он ложился спать.

Он настолько освоился с происходящим, что разбудить его могла бы только особенно буйная компания, подойди она близко к его дому. В подобных случаях он просыпался и садился на кровати, положив дробовик себе на колени, словно младенца. Зажигал он только одну свечку и ставил её позади себя, чтобы она освещала дверь, но не ослепила бы его в случае каких-либо неожиданностей.

Однако до сих пор ничего такого не случалось, а этот вечер по какой-то причине выдался вообще непривычно тихим. Беспорядки в честь Миллениума продолжались вовсю, но в стороне от его улицы. Из окна́ верхнего этажа Мартину были видны озарённые огнём здания вдалеке и слышны звуки музыки и буйные голоса́, исступлённые вопли и хохот.

— Чёрт, ну и празднование! — пробормотал он.

У него была привычка разговаривать с самим собой вслух, поскольку уже́ восемь лет после смерти матери он жил один. Своего отца он вообще не знал; по словам его матери,[2] он бросил их, когда Мартину был всего год. Подобно многим и многим мужчинам в тяжёлые экономические времена, он в один прекрасный день вышел из дому купить сигарет и не вернулся.

2 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Воздух был по-зимнему пронизывающе холодным, и некоторое время послушав звуки дальнего разгула, Мартин решил, что может без особых опасений закрыть окно и лечь спать. Поскольку дом не отапливался — даже если было бы электричество, всё равно уже́ больше ме́сяца топливо не доставляли, — его матрас был завален одеялами и пледами. Он лежал в темноте, смотрел на багрово-оранжевые всполохи пламени над крышами, а дыхание вырывалось у него изо рта облачками пара.

Он только-только уснул, как внезапно был разбужен.

В секундной слепой панике Мартин не мог понять, *что* собственно[3] его разбудило. Шум и крики по-прежнему раздавались вдалеке. Он растерянно оглядел тёмную спальню в уверенности, что слышал… но что?

Кто-то забрался в дом?

На него нахлынул безотчётный страх.

Исключить это нельзя, подумалось ему, *но как кто-то мог проникнуть в дом настолько бесшумно, что не разбудил его раньше?*

Двигаясь медленно, чтобы не шуметь, Мартин сел на постели и взял дробовик, прислонённый к стене за кроватью. Ему сразу полегчало. Сбросив одеяла, он спустил но́ги на пол. Едва его подошвы коснулись ледяных половиц, как вверх по ногам пробежала дрожь.

Пригнувшись в оборонительной позе, он ждал, не раздастся ли этот звук снова, и пытался не стучать зубами. Костлявые пальцы дро́жи выбивали мотив на ксилофоне его спины́. Волосы на затылке вздыбились от жуткого предчувствия, и тут он услышал тот же звук — очень слабый.

Это был чей-то стук…

… стук в парадную дверь.

Сердце в груди́ Мартина сжималось и разжималось точно кулак, когда он взвёл курки дробовика и осторожно шагнул вперёд. Он часто дышал, и холодный пар его дыхания ложился на плечи, будто скрученный шарф.

Он не успел приблизиться к лишённому двери́ проёму в стене спальни, как стук раздался снова, громче. Он эхом прокатился по холодному тёмному дому, резонировавшему, точно пустота в гигантской литавре.

Когда Мартин вышел в коридор и остановился посмотреть через перила вниз, он дрожал как в лихорадке. Глаза́ у него, казалось, никак не желали свыкнуться с темнотой, но он отчаянно вглядывался в дверь, и когда стук раздался снова, ему почудилось, будто увидел, как дверь прогибается под каждым тяжёлым ударом.

3 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сжав дробовик покрепче, он начал спускаться, сосредоточив взгляд на узких окнах по обеим сторонам двери́. Он хотел получить хоть какое-то представление о том, *кто* стои́т на крыльце, но видел только густое чёрное пятно, почти жмущееся к стёклам, будто просящаяся в дом приблудная кошка.

Мартин перевёл дух, готовясь предостеречь, пригрозить, но голос ему изменил, застрял в горле, будто рыболовный крючок.

Ему это не понравилось.

Совсем не понравилось.

Но,[4] несмотря на нарастающее внутреннее напряжение, он продолжал спускаться. Каждая ступенька поскрипывала под его тяжестью, терзая его нервы, пока он не оказался в прихожей.

Единственный свет в доме исходил от единственной свечи́, горевшей у него в спальне. Сюда свет практически не достигал. Темнота в доме смыкалась всё плотнее, опутывая его, как мягкий фигурный бархат. Когда он осознал, что удерживает дыхание, то выдохнул воздух с долгим присвистом. Дрожащими руками он поднял дробовик и прицелился в дверь.

Хотя он ожидал его и убеждал себя, что готов, у него ёкнуло сердце, когда стук возобновился.

Тяжёлые удары обрушились на дверь: один… второй… третий.

И прекратились.

От внезапной тишины у Мартина зазвенело в ушах. Он стоял посреди прихожей, не в силах от испуга ничего сказать или сделать.

Пока он ждал, чтобы стук возобновился, его дурные предчувствия обострились. Он пугливо вертел головой туда-сюда, словно ожидая увидеть, как что-то подкрадывается к нему из темноты, хотя и твердил себе, что *там ничего нет*. Его взгляд вернулся к двери́, так как невидимый некто за ней вновь принялся стучать ещё громче.

А вдруг, подумал Мартин, *это кто-нибудь из его друзей? Кто-то, кто пришёл проверить, что он и как?*

Маловероятно.

Настоящих друзей у Мартина не было. Он всегда держался особняком, и в долгие годы, отданные уходу за больной матерью, привык к одиночеству, а потому её смерть мало что тут изменила.

При мысли о матери его словно ударило током.

4 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«*А что, если там она?!*» — подумал он, не в силах подавить сотрясшую его дрожь. Он невольно вспомнил, как в течение этих последних ужасных лет, когда болезнь приковала её к постели, когда он выбирал свободную минуту, чтобы заняться своими поездами, она принималась бить кулаками по стене и ему приходилось бросить их.

Он попытался отогнать эту мысль, но *стук был совсем таким же*.

— Нет! — сказал он себе. — Мама же умерла!

Он старался не рисовать себе, как она, совсем высохшая, горбится на крыльце, кутается от хóлода в свой пожелтевший саван и стучит, стучит в дверь, чтобы он её впустил. Её серая, истлевшая в могиле кожа, отваливается больши́ми неровными лоскутами при каждом ударе в дверь, звучащем, как удар молотком по старинному китайскому гонгу.

Нет, нет!

Не может быть. Это не она.

Он же видел, как её гроб засыпáли землёй.

Она умерла!

Даже если он не задушил её подушкой, как намекал детектив, несколько раз приходивший в дом, она всё равно умерла и была похоронена! А если даже он сделал что-то подобное, то только из жалости, чтобы избавить её от долгих страданий после инсульта, вызвавшего паралич.

Он сказал себе, что *не должен давать волю своему воображению. Это патология. Несомненно, там кто-то есть, безусловно, но это не… это не может быть его мать.*

Но кто-то там был, и когда этот кто-то опять забарабанил в дверь, Мартин сказал себе, что, если они не уймутся, не уйдут сию же минуту, он без предупреждения разрядит в них оба ствола своего дробовика.

И ему всё равно, кто там может быть.

Пусть даже это[5] мальчуган, у которого пропал котёнок, и он обходит соседей, спрашивая про него. А то и[6] запойный пьяница или наркоман заблудился, вообразил, будто пришёл домой, и ломится не в свою дверь.

Не имеет значения!

Чёрт, даже имей это значение, ему наплевать!

5 В оригинале без «это», из-за чего страдает связность и удобочитаемость. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале без «и», из-за чего страдает связность и удобочитаемость. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Любой человек с каплей здравого смысла в голове запирается в крепости своего до́ма, едва стемнеет. В *такое* время на улицах остаются только *опасные* люди, люди, которые заслуживают смерти, если начинают допекать порядочных людей, вроде Мартина, который хочет только одного: чтобы его оставили в покое.

И он выстрелит, если будет нужно.

Последнее время он не читал газет, не слушал новостей, но не сомневался, что с начала празднеств погибло много людей — и убийства, и несчастные случаи. Теперь, когда полиции хватает других дел, ещё одна смерть в таком большом городе останется незамеченной.

И всё-таки Мартин не решался окликнуть стучащих или выстрелить.

Наоборот, он направился к противоположной стене,[7] прислонился к дверце стенного шкафа — одной из немногих сохранившихся внутри до́ма, медленно опустился на пол и сел, целясь из дробовика в входную дверь.

Стук продолжался, не стихая, удары раздавались всё чаще и чаще, их грохот — всё громче и громче. Мартин не сомневался, что скоро дверь разлетится в щепки. Несмотря на ночной холод, по его лицу ползли капли пота. Глаза́, казалось, вылезали из орбит, так пристально он всматривался в дверь… и ждал… желая только одного: чтобы стук прекратился, а стучащий ушёл бы и оставил его в покое.

Но этого не произошло, и Мартин не мог не гадать, кто же это такой. Он продолжал проигрывать мысленно разные варианты, пока не наткнулся на возможный. При мысли о котором на секунду перестал дышать. Внезапно его пронизала тревога.

Что если его отец вернулся домой после стольких лет?

Возможно ли это?

Мартин всю свою жизнь прожил в этом доме с матерью, так что его отец, если он каким-то чудом ещё жив, конечно, сразу же отправится сюда, просто проверяя, не живут ли его жена и сын по-прежнему здесь.

Указательный палец Мартина чуть коснулся спускового крючка. Он так стиснул[8] зубы, что услышал их скрип где-то в глубине головы́. Перед глазами у него пульсировала и закручивалась темнота: водоворот темноты, вращающийся в ещё более глубокой темноте.

Стук в дверь стал таким громким, что казалось, он теперь раздается не только снаружи, но и внутри его головы́. Удар за ударом обрушивался на деревянную филёнку, и каждый удар резонировал внутри его че́репа, и он трясся, как в пароксизме малярии.

«*Уйди!*» — думал он, но не смел сказать это вслух.

7 В оригинале «и» после запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
8 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«*Уйди!*»

«*Оставь меня в покое!*»

А стук продолжался в такт с мучительными ударами се́рдца, которое гремело у него в ушах так сокрушительно, что заболела шея.

«*Прошу тебя… Во имя Го́спода? … Уйди же, уйди!*»

Но стук не смолкал. Он становился всё громче, громче, и Мартин наконец понял, что должен подойти к двери́ и посмотреть, кто за ней, кем бы этот «*кто*» ни оказался.

Он медленно поднялся с пола. Тело у него онемело, содрогалось от боли, и он так крепко сжимал дробовик, что несколько секунд не мог шевельнуть пальцами, точно их парализовало.

Мартин решил, что ему необходимо взять себя в ру́ки, что надо сейчас же положить этому конец, иначе будет только хуже. Однако ему несдобровать, если тот за дверью — кем бы он ни был — заметит хоть малейший признак страха или нерешительности.

Он еле волочил но́ги по деревянным половицам, но громкое их шарканье было недостаточно громким, чтобы заглушить непрерывные удары по двери́.

Мартин облизнул гу́бы и так судорожно вздохнул, что грудь словно стянули железные обручи. Живот свела судорога, и только огромным усилием воли он вынудил свои ру́ки поднять дробовик и навести его на дверь.

«*Уходи! Теперь же! А не то пожалеешь!*» — вот что хотел крикнуть Мартин, но перед глазами у него встали жуткие образы его мёртвой матери и отца, которого он не знал.

А что, если на крыльце они оба?

Он побрёл к двери́, испытывая странную тяжесть во всём теле. Словно его давил кошмар. Сколько шагов он ни делал, дверь, казалось, отодвигалась от него, удалялась, а не приближалась.

Мартин помотал головой и хлестнул себя по щеке, стараясь убедиться, что не спит. *Это наяву. Всё это происходит наяву.*

А исступлённый стук в дверь продолжался, не прерываясь ни на секунду.

Словно видя себя со стороны́, Мартин поднял руку и протянул её к дверному замку́. Другая рука держала дробовик на уровне груди́, указательный палец лежал на спусковом крючке и уже́ начинал нажимать на него.

Когда он медленно снял металлическую цепóчку, по руке к плечу прокатилась волна колющей боли. Цепóчка неприятно залязгала, раскачиваясь, точно маятник, и дёргаясь при каждом ударе снаружи, сотрясавшем дверь.

Удерживая дыхание так долго, что заболела грудь, Мартин ухватил щеколду и медленно повернул вправо. И пока он ожидал, чтобы замóк щёлкнул, каждый нерв в его теле жужжал, будто провода́ линии высокого напряжения.

Голова у него отчаянно закружилась, и он испугался, что упадёт без сознания, прежде чем успеет открыть дверь и лицом к лицу увидеть тех, кто стои́т на крыльце. *Они же слышали, как он открывал замóк,* подумал Мартин, *так что у них достаточно времени убежать, прежде чем он откроет дверь*.

Когда замóк щёлкнул, Мартин содрогнулся: звук прозвучал резко, как щёлканье бича. Он быстро ухватил дверную ручку, яростно повернул её и попятился, чтобы распахнуть дверь.

Но ручка выскользнула из его пальцев, точно смазанная маслом.

Растерявшись, Мартин замер. Он дышал так тяжело, что в горле глухо гудело. Капли пота щекотали рёбра, скатываясь вниз под рубашку. Стук продолжался, ужé настолько громкий, что его глаза́ подпрыгивали в такт.

Дробовик неожиданно стал очень тяжёлым, и он прислонил его к стене рядом с собой. Потóм вытер ладони о штанины, после чего снова ухватил дверную ручку и снова яростно повернул.

Он услышал, как щёлкнул запорный механизм. И на этот раз, когда он потянул, его пальцы продолжали сжимать ручку, и тем не менее… *дверь не открылась*.

Мартин выругался, но не расслышал своего гóлоса, заглушённого нескончаемым стуком. Он ощущал болезненное подёргивание в ладони, словно от укуса осы, но не обратил внимания и несколько раз повернул ручку, продолжая тянуть её на себя изо всех сил.

Дверь не открылась.

Даже не шелохнулась.

«*Этого не может быть*», — подумал Мартин в уверенности, что стучащий свободной рукой тянет дверь на себя, не давая ей открыться.

Хрипло дыша, Мартин шагнул влево. Низко нагнувшись, он выглянул в боковое окошко. Не считая дальних отблесков пожара на горизонте, ночь была густо-чёрной. Он никого не увидел.

На крыльце никого не было.

Внезапный порыв ве́тра смёл снег с козырька над дверью. Ледяные кристаллики оранжево замерцали, будто алмазная пыль, и исчезли в темноте. На краткий миг Мартину почудилось, что сыплющийся снег сложился в неясную человеческую фигуру. Он откашлялся, готовясь крикнуть, но голос застрял у него в горле.

Стук продолжался и продолжался.

Внезапно Мартин пошатнулся и испустил испуганный крик — но это была всего лишь бездомная кошка, которая прыгнула с крыши мусорного бачка на забор. Однако даже если бы стук оборвался, стучать *так* не могла никакая кошка.

Весь трясясь, он вернулся к двери́. Ещё раз убедившись, что цепо́чка снята и замо́к отперт, он опять обеими руками вцепился в дверную ручку. Мышцы его запястий и предплечий вздулись канатами, вибрирующая дрожь прокатилась от них к рукам и шее.

Мартин быстро завертел ручкой взад-вперёд. У него вырвался жалобный стон. Дверь будто забили гвоздями. Упершись ногой в косяк, он откинулся и потянул ручку на себя изо всех сил, но дверь осталась неподвижной.

«*Кто там?* — хотелось закричать Мартину. — *Зачем вы это делаете?*» Но пересохшее, словно ободранное, горло не издало ни звука.

Биение се́рдца грохотом отдавалось в ушах, а непрерывный стук становился всё громче и громче, громом раскатываясь по тёмному дому в такт его клокочущему пульсу.

Напрягая все мышцы, Мартин отклонился, насколько сумел, пытаясь открыть дверь. Он глотал ртом воздух, который жёг огнём. Наконец,[9] высоким надрывным голосом он выдавил:

— Мама?

Едва *это* слово вырвалось у него, как стук оборвался. Свинцовая тишина смешалась с темнотой и заполнила воздух.

Тишина длилась и длилась.

Пото́м раздался стук во все две́ри, ещё оставшиеся в доме — в стенном шкафу́ прихожей, у лестницы в подвал и в кладовой за кухней.

Мартин закричал. Его захлестнули во́лны паники. Он вскинул руку над головой и с силой ударил по входной двери́.

— Выпустите меня!

Слёзы жгли ему глаза́, а он бил и бил кулаками в дверь. С такой силой, что вскоре они покрылись кровавыми ссадинами.

9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Выпустите… меня! — еле выговорил он сквозь рыдания. — Выпустите… меня!

Он привалился к двери́, прижал лоб к холодному неподдающемуся дереву и продолжал бить по нему обоими кулаками. Тело горело от изнеможения. Из глаз хлынули слёзы.

Теперь в доме слышались только его слабеющие удары в дверь.

И,[10] продолжая стучать, он не услышал собственного вопроса:

— Кто там?

© Рик Хотала

10 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Эрик ван Ластбадер «Вознесение к термагантам»

Позвольте мне представить вам величайшую любовь своей жизни. Мой великий роман с мисс М. тянулся почти пятнадцать лет. Она не была красивой и, видит Бог, часто не была и честной, но она провела меня по очень особым местам — таким, куда бы я ни ногой, если бы не ради неё[11]. Я благословляю её за это, но и проклинаю тоже. Каждый день я нахожу новые способы её проклинать, и всё это время мне так её недостаёт, что живот сводит судорогой, будто там свили гнездо мерзкие мелкие демоны. Может быть, так оно и есть. После того,[12] что случилось па́ру недель назад, это меня не удивит, нет, ничуть не удивит.

Мескаль[13] её зовут, да, сэр, и мутить мне голову — её работа. Каждый вечер она это делает, пока в лёгком поцелуе кончиком языка пробую я её гладкий вкус. Ага, до вас *дошло*. У меня был великий и бурный роман с женщиной по имени *мескаль*, и *очень* долго. И она, надо вам сказать, возлюбленная адски ревнивая. Но всё, хватит. Больше — никогда. И вот почему.

Мы с моей возлюбленной занимались без всякого стыда любовью по всему Манхэттену, но самое моё любимое место для этого называлось «Геликон» — без сомнения, потому, что владелец его Майк был греком. Понимаете, гора Геликон была домом Муз — во всяком случае, так верили древние греки. Сам бар ютился в дыре за квартал от Голландского туннеля на первом этаже чугунного до́ма, который был красив,[14] как смертный грех,[15] ещё семьдесят пять лет назад. Внутри,[16] в длинном узком помещении с медленно вертящимися вентиляторами капало с жестяного потолка, отчеканенного на рубеже столетий. Узор чеканки напоминал мне старые

11 В оригинале явная опечатка «псе». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
13 Mescal, мескаль, мекскаль, peyote, пейот (кактус, растущий на севере Мексики и на юге Техаса), пейотль — пита, лофофора Вильямса (Lophophora williamsii); мексиканская водка из сока питы (алоэ); наркотик-галлюциноген: мескалин, mescaline (получается из мескала, пейота, а именно пейотного бутона, который содержит наркотическое вещество). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
14 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
16 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

мексиканские плитки, которые я видел, когда жил в Оахаке[17]. Где впервые познакомился с мисс М. Давно, даже числá не помню. Да и они таких плиток больше не делают. С тех пор как ремесленники получили работу по изготовлению навороченных кроссовок и нейлоновых тренировочных, а также по сбору персональных цифровых помощников.

Как бы там ни было, а в «Геликоне» была масса достоинств: опилки на полу́, за́пах старого пива и ещё более старой гря́зи, висящей потёками, как честно заработанные медали на суровом воине. Не говоря уже́ о само́й стойке, которая казалась вечной, покрытой шрамами давно забытых драк и свежеразбитых сердец. И самое лучшее — свет был достаточно тусклым, так что, когда смотришь сам на себя в панелях мутных зеркал за полированным чёрным деревом бара, вполне можно себя убедить, что ты кто-то другой — может, тот, кем мечтал когда-то стать.

В тот день, о котором я сейчас думаю, я сидел в кабинке, занимаясь любовью с мисс М., когда зазвонил телефон за стойкой. Майк снял трубку, поговорил и протянул её мне.

— Это вас, — сказал он.

Я поднял свою возлюбленную и перенёс её на табурет к бару. Схватив трубку, я рявкнул:

— Что надо?

— Боже мой, Вилли, сейчас полодиннадцатого[18] утра. И ты уже́ пьёшь?

— А какая зараза этим интересуется? — спросил я и приложился как следует к мескалю.

— Хуже, чем я думал, — сказал осуждающий голос. — Это Герман, твой брат.

— Этим всё и объясняется, — сказал я, обрезав его дальнейшие слова́. — У тебя нет воображения.

— Если бы ты протрезвел, мог бы найти настоящую работу.

— И меня, чёрт побери, зовут не Вилли!

У меня пылали щёки, когда я повесил трубку.

17 В оригинале неправильно транскриптированное «Оаксаке» (также см. 62), хотя наверняка подразумевается Оахаса, Оахака (полное официальное наименование Оахака-де-Хуарес, Oaxaca de Juárez) — город на юге Мексики (South Mexico), административный центр шт. Оахака (Оахаса, 95 363 км^2 или 36 820 кв. миль); пищевая промышленность, кустарные промыслы; университет, краеведческий музей, собор (XVI-XVIII вв.), церковь Ла Соледад (1682-90 гг.), монастырь Санто-Доминго (основан в 1535 г.); обнаружен в 1486 г. посредством ацтеков (Aztecs) и в 1521 г. захвачен Испанией; в 2005 г. 483 000 жителей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 В оригинале «пол-одиннадцатого» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ошиблись номером, — сказал я Майку, подвигая к нему по стойке телефон. Он только криво улыбнулся — знал, *что* произошло. У нас с Майком были свои отношения — такие, которые могут быть только с барменом по-настоящему высокого полёта.

Вернувшись к себе в кабинку, я отодвинул второй пустой стакан и стал дальше попивать мескаль, мрачно вспоминая свой пустой офис и последний подписанный мной контракт. На шесть месяцев, и я ни сло́ва ещё не записа́л в блокнот, не говоря уже́ о компьютере. Лениво вертелась мысль позвонить Рею Майклу, моему бухгалтеру, который следил, чтобы моя жизнь не понеслась прямиком в ад на тачке, пока я плевал на всё и крутил роман с мисс М. Я подумал, не надо ли, чтобы он связался с моей издательницей и сказал, чтобы не брала в голову, и отправил ей обратно аванс, который она мне прислана. Пото́м я припомнил, что уже́ просадил его в той увеселительной поездке по тем старым местам в Мексике, что не дают мне покоя. И всё равно я ещё ни разу не ломал контракт и не собирался начинать сейчас. Но что я собирался написа́ть? Я понятия не имел.

Я поднял глаза́ на резную носовую фигуру корабля, которая свешивалась с потолка заведения Майка. Это была полуженщина-полуптица, и потому я назвал её Мельпоменой — музой трагедии. Говорят, что от плодотворного союза Мельпомены и речного бога Ахелоя родились блистательно печальные и отчаянные сирены, чтобы бесконечно петь мучительный мотив, заманивающий беспечных моряков к гибели на скалистых берегах, где обитают сирены. Где-то в молодости Мельпомена стала моей личной музой, потому что я не мог иначе ввести в рамки картины трагедию, которая постигла мою семью.

Я всё ещё смотрел вверх, когда телефон зазвонил снова. Майк глазами показал, что *это меня.*

— Если это мой чёртов братец, скажи ему, пусть целует мою белую писательскую задницу.

— Это Рей, — ответил Майк, протягивая мне трубку.

Принимая её, я застонал. Мой бухгалтер никогда не звонит мне без веской причины.

— Да! — отозвался я.

— Билл, я только что поговорил с твоим братом. — Голос у Рея был озабоченным. — Он сказал, что *ты в мрачном настроении.*

— Так и сказал? Давай подумаем. Сейчас без двадцати десять утра, понедельник. Я занят третьим стаканом мескаля, и в голове у меня ни одной мысли. Так что мой ответ, пожалуй, *да. Я в мрачном настроении.*

Рей вздохнул:

— Ему надо с тобой поговорить.

— Этот крысиный ублюдок сбежал с моей женой, не говоря уже́ о доходах по пенсионному плану, когда был тем, кого для смеха можно было бы назвать моим бизнес-менеджером. Нечего ему со мной говорить.

— Послушай, — терпеливо сказал Рей. — Ты подал на него в суд и получил свои деньги обратно. Надави ты чуть сильнее, ты мог бы посадить его в тюрьму.

— Если бы ты знал, *как* это меня грызёт!

— Почему же ты этого не сделал?

— Это разбило бы сердце Донателлы, вот почему, — ответил я. — Бог знает почему, а моя бывшая любит этого подонка.

— Сейчас новое тысячелетие, — сказал он. — Что было, то быльём поросло.

— Хрена с два. — Должен признать, что у меня сжались зубы. — Хрена с два *быльём*.

— Ладно, будь по-твоему.

На том конце послышался разговор и шумы возле трубки. Я спросил:

— Ты что, на поле для гольфа?

— На шестой метке, — подтвердил он. — Приезжай как-нибудь со мной и попробуй.

— И разговаривать со всеми дубиноголовыми банкирами, с которыми ты играешь? Нет уж, пусть лучше меня терзает *термагант*.

— Кто?

— *Термагант*. Знаешь, что такое *гарпия*?

— Конечно. Женщина, которая никогда не замолчит.

— Розу каким именем ни назови, — засмеялся я. — Только *эта* воняет до небес.

— Ты Донателлу, что ли, называл *термагантом*?

— Ответ утвердительный, друг мой. — Я посмотрел на деревянную Мельпомену. — А теперь моя личная муза стала термагантом. Смешно, правда?

— Кто это сказал, что мы все получаем то, чего заслуживаем?

— Ты, наверное. Только что.

— Мне кажется, у тебя затык, — сказал Рей.

— Как у забитой кирпичами кишки́.

— У тебя ещё есть время присоединиться ко мне на девятой. Займись каким-нибудь лёгким спортом вместо этой смертельной дряни, к которой ты стремишься. Знаешь, солнышко вышло, птички чирикают.

— Из этих птичек некоторые входят в список угрожаемых видов. Так что смотри, как бы тебе большой клюшкой не угробить одну из таких.

— Я не очень хорошо работаю большой клюшкой, — сказал Рей. — За шестой я пользуюсь третьим номером деревянной.

— Вот тут между нами и разница, Рей. Я пользуюсь большой, чтобы добраться до зелёной за два удара. Рискуй, старина. Не бойся рисковать.

— Не забывай, что я бухгалтер. Слово «*риск*» в мой словарь не входит. — Он что-то сказал кому-то из своих дубоголовых партнёров, и я подумал, не пропустил ли он очередь из-за разговора. Он вообще-то не любил проигрывать в гольф. — Послушай, у твоего брата на этот раз действительно есть кое-что для тебя важное.

— Это так же невозможно физически, как вставить голову себе же в задницу. Хотя,[19] в случае Германа…

— Билл, кончай нести ерунду. *Лили умирает.*

— Уг-гу. — Я глотнул мескаля.

— Слушай, ты не… в смысле, не теряй голову, в общем.

— Ни в коем случае, старина.

— Да, вижу. Ну, что ж, это не должно меня удивить. Ты её не видел — сколько?

— Тридцать лет.

— Она твоя сестра.

— Она была умственно отсталой, — дал я поправку. И заметил, что говорю о ней в прошедшем времени. — Не могла двигаться, чтобы за всё подряд не хвататься, не могла ни сло́ва произнести. Не могла ни одной мысли в голове удержать.

— Суров ты, Билл.

Я почувствовал, что с меня хватит.

— Слушай, Рей, это не ты должен был прожить с ней всё кошмарное детство, не тебе она блевала в лицо, не при тебе она всю ночь вопила, как котёнок с глистами, не у тебя она хотела вырвать волосы с корнем, как только оказывалась близко. Не у тебя бывало по три-четыре драки в неделю из-за жестокости твоих одноклассников. Не ты должен был жить с родителями,

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

настолько перепуганными, дошедшими[20] до такого отчаяния, что стали беспомощны, как дети. Они цеплялись за любую соломинку — шарлатанов, целителей, гадалок. Не тебе пришлось четырнадцать лет подряд смотреть в лицо безумия. Господи, у меня и сейчас мурашки по коже!

Он помолчал.

— Она при смерти, Билл. Герман ясно дал понять, что не имеет никаких определённых пожеланий в смысле организации. Так что бы ты хотел сделать?

— Я бы хотел забыть, что она вообще была на свете, вот что.

Рей снова вздохнул:

— Тогда я её кремирую, когда она умрёт.

— Как твоя левая нога захочет, — ответил я. — Развей этот гадский пепел на четыре ве́тра. — Я выждал и добавил: — И знаешь что, Рей?

— Что, Билл?

— Даже не думай говорить мне, что я там должен быть, когда это произойдёт.

Разговор задал тон. Повесив трубку, я был мрачен и зол. Будь оно иначе, то, что случилось после этого, могло выйти по другому. Но было не иначе, а потому вышло так.

А после случилось, что в бар принесло *Таззмана*. Не то что я тогда знал это имя — я его и в глаза́ раньше не видел.

— Эй вы, беломазые, ручки в гору и делай, как я скажу!

Таззман оказался высоким мертвенно-серым чернокожим с впалой грудью, нечёсаными[21] волосами как у Джими Хендрикса[22] и лицом как у Айка Тернера[23], только он был очень, очень молод. Заученная злобность лица́ явно уходила вглубь не больше, чем на миллиметр, и легла на него скорее в

20 В оригинале несовпадение окончаний «перепуганными, дошедшие». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

21 В оригинале «нечесанными» с двумя «нн». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 Jimi Hendrix, Джими Хендрикс (1942-1970 гг., урождённый Джеймс Маршал Хендрикс, James Marshall Hendrix) — один из наиболее заметных рок-музыкантов, лучший гитарист рок-н-ролла, отличался невероятной экстравагантностью исполнения: мог, например, играть на гитаре зубами или держа её за спиной. Выступал на известных концертах во время «Ле́та любви» (Summer of Love) в Сан-Франциско (San Francisco, 1967 г.), в Мэдисон-скуэр-гардене (Madison Square Garden), на Вудстокском фестивале (Woodstock, 1970 г.), где произвёл фурор виртуозным и авангардистским исполнением гимна США. Его стиль игры на гитаре стал школой для целого поколения гитаристов хард-рока (hard rock). Умер в Лондоне от чрезмерной дозы наркотиков. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

23 Ike Turner, Айк Тёрнер — гитарист «Kings of Rhythm», с 1956 г. в этом ансамбле выступает знаменитая солистка Тина Тёрнер (Tina Turner, урождённая Анна Мэй Баллок, Anna Mae Bullock), которая в 1958 г. вышла за него замуж, но в 1974 г. из-за его жестокого обращения с ней бросила и мужа, и ансамбль. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

силу обстоятельств, чем природных свойств. Мы с Майком решили обратить внимание, поскольку у него в руках был устрашающего вида автоматический пистолет, который смотрел на нас.

Он вошёл в бар, — движения нервные, резкие, — и уставился на нас.

— Ты! — сказал он Майку. — Деньги давай.

— Скажи, детка, тебе раньше приходилось *это* делать? — спросил я, пока Майк искал ответ. — Я в том смысле, что сейчас понедельник, одиннадцать утра. Здесь только мы с Майком. Какие деньги ты думаешь найти в кассе?

По испуганному взгляду, который кинул мне Майк, я понял, что он не любитель приключений. Плохо. Кто-то должен взять контроль над ситуацией, иначе нам обоим будет очень неприятно.

— Умник! — огрызнулся Таззман. — Тащи сюда свою умную белую задницу и заряжай вот этот мешок. Грузи всё из кассы и из карманов тоже.

Я раскрыл бумажник. От вида двух вывалившихся пятёрок мне стало даже стыдно на минутку.

— А, блин! — выразил своё мнение Таззман, подхватывая бумажки с такой опытностью, что я даже не заметил их исчезновения. — Хоть часы у тебя есть?

— Время для меня ничего не значит, — сказал я, показывая пустые запястья. — Кстати,[24] о времени: мне кажется, что ты уже́ кучу времени ничего не ел.

Этот Таззман закусил губу и полыхнул на меня взглядом, оценивая ситуацию. Был он напряжён, как медведь, учуявший человека, и это должно было меня насторожить. Но, как я уже́ сказал, эти телефонные разговоры меня здо́рово вывели из себя и я был готов схлестнуться с первым, кто попадётся на дороге. Глупость, да? У древних греков было для этого более подходящее слово: **хубрис**[25].

— Майк, сделай ему бургер, ладно? — Поскольку Таззман уже́ ничего не понимал, я решил надавить: — Как тебя зовут?

— А?

У него был дурацкий вид. Вряд ли можно поставить это ему в вину. Ограбление пошло́ совсем не так, как он предвидел.

— Есть же у тебя имя? — Я вышел из кабинки. — Меня зовут Билл, а его, как я тебе уже́ сказал, Майк. Как тебя друзья называют?

24 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
25 Hubris, хубрис или hybris, гибрис — спесь; высокомерие, надменность. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Смеяться надо мной решил? Я твою белую задницу оторву, можешь не сомневаться!

— Я не смеюсь.

Он прищурился на меня с подозрением.

— Нет у меня друзей. — Он поджал гу́бы, перевёл глаза́ с меня на Майка и обратно. — *Таззман* меня зовут, за волосы. — Он коснулся воло́с рукой, они не поддались ни на дюйм[26]. — Пацаны говорят, у меня от них вид как у *таззманского* дьявола — что-то вроде. — Так у него выходило слово «*тасманский*». Он ткнул пистолетом в сторону Майка. — Он мне в са́мом деле бургер сделает?

— А как же, — сказал я, давая знак Майку.

Пока Майк разворачивал котлету и плюхал её на сковородку, я шагнул к Таззману. Ноздри его зашевелились, ощутив за́пах жареной говядины, и я сделал ещё один шаг. Это ему не понравилось.

— Эй, ты, мазерфакер[27]! — сказал он, начиная поворачивать свой чёртов пистолет в мою сторону.

— Билл, ради Бога! — завопил Майк.

А я плеснул свою мисс М. в лицо Таззману. Не знаю, известно вам или нет, но когда она попадает в глаза́, то превращается в фурию.

— Мазерфакер[28]! — повторил Таззман с полным отсутствием оригинальности.

Он нажал курок в тот момент, когда я левой рукой подбил ствол пистолета. Грохот, казалось, пробил у меня в голове дырку, просверлив мозг. Я ударил Таззмана каблуком по подъёму, и он завопил,[29] как банши[30]. Но я недооценил этого фитиля, как и вообще неправильно оценил всю ситуацию.

---

26 В метрической системе 1 дюйм — это примерно 2 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
27 Ну да, тупо непереведённое ругательство (также см. 28). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
28 Снова (см. 27) тупо непереведённое ругательство. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
29 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
30 В оригинале великомогучая транскрипция «баньши» с использованием мягкого знака, хотя наверняка подразумевается banshee, banshie (от Bean Si), то есть банши, бин си — шотландская и ирландская мифология (фольклорный персонаж): привидение-плакальщица, опекает какую-либо семью и предвещает душераздирающими воплями (как правило, завывая под окнами до́ма) смерть кого-либо из её членов (иногда вообще обитателю этого до́ма). Изначально в Ирландии банши — это ду́хи умерших, которые оплакивают только членов старинных родов. Когда несколько банши собираются вместе, это предвещает смерть кого-то великого или святого. У банши длинные распущенные волосы и красные от непрестанного плача глаза́. Одета она в серый плащ поверх зелёного платья. На северо-западе Шотландии банши называется бин-ни (Bean-nighe, дух женщины, умершей при родах), или «маленькая прачка у реки́», она стирает окровавленные одежды того, кому вскоре суждено умереть (предвещает насильственную смерть одного из членов клана, саван которого стирает). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он нажал на курок ещё раз. Град пуль прошил смертельную строчку по зеркалам. Майк попытался пригнуться, но попался на дороге, и его вбило в три яруса бутылок за спиной, и кровь с выпивкой смешались в мерзостное месиво.

— А, чёрт! — выдохнул я.

Автоматический пистолет повернулся в мою сторону, и я ударом ноги́ перевернул стол и спрятался за ним, пото́м заорал, когда ускоренные пули разодрали твёрдый дубовый стол,[31] как картон.

Шатаясь спьяну, я бросился в темноту за баром, но Таззман набрал обороты и не отставал. Пистолет перестал плеваться как раз настолько, чтобы он успел вставить новую обойму. *Сколько же их у него?* — подумал я на бегу.

Я пролетел мимо дверей в туалет, зная, что там бежать некуда и спрятаться негде. Пули стучали по старой штукатурке, когда я ударил в заднюю дверь. Не открывается! Я выдернул засов, распахнул дверь под градом щепок и щебня от ударов пуль, просвистевших мимо моей головы́.

И бросился в вонючий переулок, куда Майк выбрасывал мусор и мясо для гамбургеров, когда оно превращалось в лабораторную питательную среду.

И тишина…

Тишина?

Где же этот безбожный грохот автоматического пистолета Таззмана? — спро́сите вы. Но он кончился, потому что я уже́ стоял ни в каком не в вонючем переулке. Оглядываясь вокруг, я увидел… скажем так: если бы рядом со мной стоял крошечный пёсик, я бы наверняка выдавил из себя: «*Тотошка, мы больше не в Канзасе*».

Наконец я повернулся в ту сторону, откуда пришёл, но не увидел ни грязной стены́, ни задней двери́ «Геликона»; только воздух, пространство и свет — яркий, радостный свет. Я стоял в комнате с высоким потолком, глядя в высокое окно у странно знакомой конструкции с закруглённым куполом, в котором что-то было ближневосточное. Вниз от него расходился веером большой город, уходя в сине-золотые сумерки. Но ведь всего секунду назад было утро, а здесь точно не Манхэттен. Обилие труб и крыш мансард немедленно навело на мысль о Европе.

Вокруг меня на выбеленных стенах висели картины. Больши́е холсты импрессионистов, с богатым цветом, живые первобытным движением. Они кружились вокруг меня, как водовороты в потоке.

— Вам они нравятся?

Голос был мелодичен и густ, как девонширские сливки.

31 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я повернулся и увидел женщину с удлинённым лицом, и целеустремлённость в этом лице делала красивыми черты, которые были в лучшем случае правильны. У неё был строгий вид, отдалённо напомнивший мне проклятую училку в адирондакской[32] школе, куда я удрал в четырнадцать лет (даже там было лучше, чем в невыносимом доме) и откуда тоже в свою очередь удрал. Волосы цвéта соли с перцем спадали по бокам прямыми прядями на лёгкие плечи, и в руке у неё был пучок кистей, и я решил, что она художница. Она была одета в оранжевую рубашку и брюки цвéта ржавчины, поверх которых был надет длинный красный передник, жёсткий от засохшей краски. И всё равно была видна вышитая на нём спереди белая пентаграмма. *Любопытная декорация*, можете вы сказать, и будете правы. Но куда более любопытными были её глазá. Клянусь, они были цвéта неполированной бронзы и *без зрачков*.

— Леди, я не знаю, кто вы, но буду вам очень обязан, если вы скажете мне, куда я, к чертям, попал?[33] И ещё — нет ли у вас чего-нибудь выпить, желательно с высоким содержанием алкоголя?[34]

— Я говорила о картинах. Хотя они и не закончены, мне было бы интересно, находите ли вы их *действенными*.

Она говорила с таким нажимом, как говорят только полностью захваченные своей страстью. Слышала ли она вообще, *что* я сказал? Не важно; её страсть заставила меня приглядеться к картинам повнимательнее. Насколько я мог судить, они все были посвящены одной и той же теме: серия пейзажей, связанных общей композицией и стилем, зарисованные в разное время дня и гóда. Я был уверен, что не знаю, на что смотрю, и всё же сама эта уверенность наполнила меня невыразимой грустью, будто меня пронзили в сердце.

— Конечно, конечно. Они очень красивы. — Но я всё ещё был отвлечён и мне отчаянно нужно было глотнуть чего-нибудь покрепче. — Послушайте, мне кажется, вы не поняли. Минуту назад я был в Нью-йоркском баре и удирал от психа с пистолетом, и вдруг оказался здесь. Я ещё раз вас спрашиваю: **где** это?

— Обозрите картины, — выразилась она несколько ходульно, как свойственно европейцам. Её рука поднялась и упала, как морская волна. — Они вам *ответят*.

— Леди, ради всего…

32 В оригинале «адиронакской», хотя почти наверняка указывается на Adirondack, Адирондак или точнее Adirondack Country, Адирондакский край — северо-восточную часть штата Нью-Йорк (New York), где расположены гóры Адирондак (Adirondack Mountains). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

33 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

34 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Прошу вас, — остановила она меня. — Меня зовут *Вав*[35]. А вас — Вильям?

— Вы сказали — «*Вив*» — уменьшительное от Вивиан? — Я не был уверен, что правильно расслышал.

— Нет, **Вав**. — Она произнесла это отчётливо. — Очень старое имя — можно даже сказать, древнее. Слово из иврита, означающее «*гвоздь*». — Она улыбнулась, и лицо её раскрылось, как спелая дыня, проливающая ароматный и восхитительный сок. — Я тот гвоздь, что соединяет балки над головой. Я та, что даёт приют усталым путникам.

Глядя на это лицо, я должен был засмеяться — другого выбора мне не оставалось. Мне подумалось, что она даже приговорённому преступнику даст возможность почувствовать радость в последние минуты жизни.

— Что ж, кажется, я такой и есть, — признал я. И быстро глянул в окно. — Это же не… стойте! Это же не может быть Сакре-Кёр[36]! Чёрт, она[37] же в Париже!

— Нет, это она[38], — сказала она.

— Но этого не может быть! — Я закрыл глаза́, потряс головой и снова открыл. Сакре-Кёр остался на месте. Не растворился в клубе дыма. — Я теряю рассудок.

— Скорее *обретаете*. — Она тихо засмеялась. — Успокойтесь, не надо тревожиться. — Она отвела меня от окна́. — Взгляните ещё раз на картины, хорошо? Я писа́ла их специально для вас.

— То есть вы знали, что я здесь буду?

Почему мне от этого стало так хорошо?

— Это кажется невероятным, не правда ли? — Она стала смеяться, пока я тоже не засмеялся с нею, и мы смеялись над шуткой, исток которой выходил за круг моих познаний. Она взяла меня за руку, будто мы были старыми друзьями. — Но пойдёмте, скажи́те мне, кажется ли вам здесь что-нибудь знакомым?[39]

И она медленно повлекла меня по периметру комнаты с высоким потолком.

Я сосредоточенно сдвинул бро́ви.

— Странно, я именно *это* и подумал, но… — Я встряхнул головой. — Может быть, когда вы их закончите.

---

35 Очевидно, подразумевается vav, вав — шестая буква еврейского алфавита (т. е. ו). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
36 Sacré-Cœur (basilique de Sacré-Cœur) — Сакре-Кёр (базилика). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
37 В оригинале неуместное «он» (см. 36). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
38 В оригинале неуместное «он» (см. 36). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
39 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Очевидно, вам нужно больше времени, — перебила она. Это она делала часто, будто её как-то поджимало время.

— Учитывая все обстоятельства, мне кажется, я предпочёл бы вернуться домой, — сказал я.

— Мне послышалось упоминание о психе с автоматическим пистолетом? — Она стянула с себя передник. — Зачем вам вообще *туда* возвращаться?

Я минуту подумал, вспомнив мёртвого беднягу Майка и Таззмана, Рея, пристающего ко мне насчёт Лили, этого сукина сына,[40] моего братца, не говоря уже́ о писательском затыке, пугающем, как мёртвая зона на вершине Эвереста. Пото́м я подумал о необычной женщине рядом со мной, о Париже в бархатную моросящую ночь и ощутил лёгкость, которой не ощущал уже́ не знаю сколько.

— Честно говоря, не могу придумать причины.

Она сжала мою руку.

— Отлично, тогда вы пойдёте со мной на открытие новой выставки.

Я облизал гу́бы.

— Прежде всего мне нужно выпить.

Она отошла к антикварному буфету, налила что-то в низкий бокал резного хрусталя и принесла мне. Я поднёс бокал к губам. Ноздри затрепетали от запаха мескаля, и я запрокинул голову, осушив бокал одним глотком.

— Это ведь всегда раньше помогало, — сказала она, когда я поставил бокал.

Обычно я бы разозлился до чёртиков от *таких* комментариев, но Вав смогла сказать это *так*, что не слышалось осуждения. Как будто она просто показала мне эту грань моей жизни. А что я об этом думаю — полностью моё дело.

— Это, разумеется, имеет своё место, — ответил я, когда мы переходили в гостиную. Мельком я заметил густо-сливочного цве́та сте́ны, длинную софу стиля Деко, па́ру ламп Арт Нуво, и всё это, казалось, сунули сюда, не думая. Был здесь антикварный восточный ковёр, на котором свернулся чёрный кот с единственным белым пятном на лбу. Он проснулся, когда мы проходили, светящиеся лимонные глаза́ проводили нас с Вав, когда она вывела меня через входную дверь.

Спустившись по хорошо истёртой лестнице, мы оказались в высоком затхлом вестибюле, типичном для жилых домов Парижа. В нём пахло камнем, смягчённым сыростью столетий. Свет зажёгся, когда мы вошли, мигнул и погас при нашем уходе.

40 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вечерний ветер нёс туман, как стадо птиц, и туман трепетал паутиной, пролетая мимо железных уличных фонарей. Мы пошли на восток, в ночь.

— Галерея всего в нескольких кварталах, — сказала Вав.

— Послушайте, я вижу, что я в Париже, но *как*, ради всех чертей, я *здесь* очутился?

Мы подошли к тротуару и перешли довольно крутую улицу.

— Какое объяснение вас устроит? — спросила она. — Научное, метафизическое или паранормальное?

— А какое из них *истинно*?

— О, мне кажется, все они одинаково истинны… или ложны. Всё зависит от вашей точки зрения.

Я досадливо качнул головой.

— Но дело в том, видите ли, у меня **нет** точки зрения. Чтобы она была, мне надо понять, *что* происходит, а я не понимаю.

Она кивнула, обдумывая каждое моё слово.

— Может быть, это только потому, что вы не готовы ещё услышать, *что* я говорю. Точно так же, как не готовы увидеть картины.

Мы повернули налево, пото́м ещё налево, ко входу на станцию метро Анвер в стиле Арт Нуво, и я с интересом поймал себя на том, что мои мысли вернулись назад во времени. С удивительной ясностью я увидел лицо матери. Она была красивой женщиной, сильной во многих отношениях, слабой и пугливой в других. Например, в отношениях с другими людьми она могла быть твёрдой,[41] как скала,[42] и очень напористой. Однажды я был свидетелем, как она сбила на сотню долларов цену на часы «Ролекс», объясняя владельцу магазина, что у неё девять сыновей (а не два, как было на са́мом деле), каждому из которых когда-нибудь понадобится ко дню окончания школы подарок — вроде этих часов, которые она выбрала для меня. Помню, как мне пришлось потупить глаза́, чтобы не захихикать в жадную морду лавочника. На улице же, когда часы застегнулись у меня на руке, мы с матерью стали хохотать, пока не выступили слёзы. Этот смех ещё до сих пор во мне отдаётся, хотя матери давно уже́ нет.

С другой стороны́, мать одолевали страхи и суеверия, особенно когда дело касалось детей. Её отец, которого она обожала, умер, когда ей было всего четырнадцать. Однажды она мне рассказала, что, когда я родился, её пожирали страхи перед всем, что может со мной случиться: болезни, катастрофы, дурная компания — всё это она обсасывала со всех сторон. Она не хотела, чтобы я преждевременно её покинул, как сделал её отец. Он снился ей, снилось, как он вечером дремлет в кресле, в рубашке и халате, в ночных

41 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
42 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

шлёпанцах, и карманные золотые часы лежат у него на ладони, будто чтобы проснуться вовремя для работы. Она тихо пробиралась через гостиную и залезала ему на колени, сворачиваясь, как собака, закрывая глаза́, и тогда он ей снился.

Моя мать не успокоилась, как можно было ожидать, после рождения меня и моего брата Германа. Как она мне пото́м сказала, *потому что она знала свою судьбу: ей суждено было родить Лили*. И Лили подтвердила худшие страхи моей матери, унылый взгляд на мир. Конечно, она обвиняла себя в уродствах Лили. Конечно, у неё был нервный срыв. И конечно, от этого стало только хуже для нас и для неё. С определённой степенью уверенности можно было сказать: *накликала*. Она ужасалась жизни и потому породила жизнь, которая ужаснула её. Удивительно ли, что Лили ужасала и нас? Мы с Германом учились на примере, как все животные.

Я не виню свою мать. Она так же не могла изменить своё поведение, как малиновка не может не летать. Это то, что делают малиновки — летают. И если быть честным до конца, Лили была мерзким ужасом. И тоже ничего не могла поделать. Но правда есть правда, как бы ни была она горька. Просто не было смысла проходить вблизи от неё, тем более пытаться установить контакт. Одно время я пытался её жалеть, но мать я жалеть мог, а вот её — нет. Она присутствовала в мире лишь частично. Тогда я попытался делать вид, что её нет вообще, но это тоже не помогало. Ничего не помогало, когда речь шла о Лили — ни диагнозы, ни лечение, ни рационализация ни в какой форме — *ничего*. Наконец,[43] даже её судороги и слюни в стиле «Экзорциста» стали рутинными, частью обстановки, которую уже́ не замечаешь. Она была печальным фактом жизни, как жалкое папино мягкое кресло, такое вонючее и обветшалое, что мы все его хотели выбросить.

Взрыв звука вырвал меня из старых воспоминаний. Впереди меня больша́я толпа вваливалась в сводчатые железные две́ри. Я был почему-то уверен, что это вход в галерею, где выставка.

И я хотел идти дальше, но вместо этого остановился,[44] как вкопанный. Мой взгляд наткнулся на скорчившуюся фигуру на резном карнизе ближайшего до́ма. Она нависала над тротуаром, тёмная и непонятная, и почему-то от её вида у меня застыла кровь в жилах. Просто *горгулья*, как сообразил я после первого ошеломления, но не похожая ни на одну из тех, что мне случалось видеть. Я прищурился в моросящий мрак. Кажется, эта тварь была получеловеком, полурептилией. Жутковатая округлая голова, слишком широкое лицо. Непомерно огромные глаза́, устрашающих размеров пасть и жуткий змееподобный хобот.

— Что привлекло ваше внимание? — спросила Вав.

— Горгулья наверху.

43 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
44 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А! — Она кивнула. — Вы, может быть, знаете, что первоначально горгульи ставили на дома́, чтобы напомнить человеку о тёмной стороне его природы.

— Ну, знаете ли, эта вот представляет тёмную сторону кого-то, с кем я не хотел бы встречаться. Она просто *отвратительна*.

И всё же я не мог не смотреть на неё. Может быть, потому что у меня личный страх перед рептилиями, возникший, когда мне было семь лет. Я заблудился в прибрежных мексиканских болотах и имел действительно страшную встречу с крокодилом, который намеревался употребить меня на завтрак. Меня озноб пробирал при одном только воспоминании.

— Больша́я толпа, правда? — спросила Вав, даже не повернув головы́.

— И с каждой минутой всё больше, имею удовольствие вам сообщить. — Честно говоря, мне было приятно отвлечься,[45] чем угодно,[46] от нависшего над нами ужаса. — Вы, несомненно, очень популярны.

— Ах, нет, это вы путаете послание с посыльным, — сказала она. — Ко **мне** это не имеет отношения. Они все идут смотреть **картины**.

— Но картины — это и есть вы.

— Когда придём, вы сами увидите.

Она провела меня в сырой переулок вдоль каменного здания. Тут же город исчез в темноте.

— Разве мы идём не в галерею? — спросил я.

— Нам надо спешить, — ответила Вав. — Судя по тому, *что* вы мне сказали, у нас очень мало времени.

— Но я же ничего вам не говорил... — Мой голос пресёкся. Что-то было такое в этом переулке, странно и жутковато *знакомое*, но я стряхнул это ощущение,[47] как бессмыслицу. Кроме того, мысли были слишком заняты обычной паранойей нью-йоркского жителя, опасающегося быть ограбленным в тёмном переулке. Чем дальше мы шли, тем сильнее было у меня неприятное ползучее ощущение вдоль позвоночника. Оно достигло такой силы, что я был в буквальном смысле вынужден оглянуться через плечо. И у меня вырвалось очень мерзкое слово, когда мои худшие страхи оказались явью: за нами тащилась какая-то уродливая фигура.

— В чём дело? — Вав остановилась от моего возгласа, а теперь повернулась.

— Кто-то идёт за нами, — сказал я. — Видите?

45 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
46 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
47 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Боюсь, что я ничего не вижу, — ответила она. — Я думала, вы догадались. Я *слепая*.

— Ох ты, чёрт!

— Ничего. Это часть моего *дара*, — ответила она, неправильно меня поняв.

«*Из огня да в полымя*», — подумал я, хватая её за руку и увлекая за собой по переулку.

— Быстрее, — сказала она. — Торопитесь, Вильям.

Фигура догоняла нас пугающе быстро. И вдруг я узнал, *что* значит, когда кровь холодеет в жилах, потому что я оказался лицом к лицу — если можно это так назвать — с мерзкой горгульей. Настолько *мерзкой*, что едва можно было смотреть. Теперь я понял, *что* в ней привлекло моё внимание: я увидел, как она *шевелится*. Проблема в том, что я тогда не мог в это поверить. Теперь не оставалось выбора. Она была живая и гналась за нами.

— Это горгулья, — сумел я выдавить из себя. — Вав, если ты себе представляешь, *что* вообще происходит, самое время мне сказать. — Тут до меня дошло, что Таззман меня *застрелил*, и это на са́мом деле… *Ад*?[48] — Вав, скажи мне, что я не мёртв.

— Это хуже, чем то, во что мне пришлось поверить, — сказала она скорее себе, чем мне. Какую тайну видели её слепые бронзовые глаза́? — Поверьте мне, Вильям, вы не мертвы.

Не успела Вав это сказать, как горгулья бросилась на нас с такой скоростью, что я только успел уклониться с её пути. Жуткая когтистая рука пронеслась у меня перед глазами и ударила Вав с такой силой, что её вырвало из моих рук и она подпрыгнула,[49] как мяч, ударившись о мостовую. Пото́м, к моему удивлению, горгулья метнулась назад, будто учуяв что-то, что я не видел и не слышал. Я,[50] как дурак,[51] повернулся к ней спиной и нагнулся к Вав.

— Вильям, вы здесь?

— Вы же знаете, что да. — Повсюду была кровь, горячая и густая. — Я вызову «скорую».

— Поздно. Вы должны пойти на выставку, — шепнула она. — Это жизненно важно.

— Вав, ради Бога, скажи́те мне, *почему*?

48 В оригинале переход на новый абзац, т. е. абзац разрывается, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
49 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
50 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
51 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но её[52] уже́ не было, и я чувствовал, что тварь готовится броситься на меня, поэтому я оставил её и побежал. Но было уже́ поздно. Меня зацепила лапа, и я полетел лицом вниз на булыжники. Попытался подняться, но меня, кажется, парализовало. Сил хватило только перевернуться. Горгулья нависла надо мной, страшная морда исказилась призрачной ухмылкой.

Я закрылся рукой, и тут же меня охватил страшный приступ головокружения. Будто сами булыжники мостовой подо мной растаяли, и я полетел в тёмную бесформенную яму. Кажется, я закричал. Пото́м, наверное, я потерял сознание, потому что следующее, что я увидел, когда открыл глаза́, была прохладная лесная поляна. В дубовых ветвях чирикали и пели птицы; контрапунктом отзывалось им ленивое жужжание насекомых. Пахло клевером и острыми ароматами вербейника и мяты. Поглядев в небо, я понял, что сейчас то время дня, когда, сменяя уходящее солнце, кобальт вечернего неба расползается, как непостижимые слова́ по странице.

Заржала лошадь, и я, повернув голову, увидел величественного гнедого охотничьего скакуна, который щипал траву. Он был снаряжён по английской охотничьей традиции.

Тут я услышал дробный стук копыт, оглянулся и увидел вороную лошадь с белой звездой во лбу, а ещё я увидел лицо женщины. Совершенно поразительное, с изумрудными глазами и тёмно-белокурыми волосами, спадавшими на плечи, густыми, как лес. **Лучезарная** — такое слово приходило на ум. Лучезарная, как мало кто бывает или даже может надеяться быть. Она уверенно держалась в седле, одета она была в дорого́й, но практичный охотничий костюм тёмно-синего цве́та, кроме шёлковой юбки — та была молочно-белой.

— Вы не ушиблись? — спросила она с приятным чётким английским акцентом.

— А должен был? — спросил я в ответ. И протёр глаза́, которые, к моему окончательному ужасу, источали слёзы. Я хотел перестать реветь, но не мог. Мне не хватало Вав; я хотел, чтобы она вернулась. До меня дошло, что в её обществе мне впервые за много лет было легко.

— Издали казалось, будто вы сильно упали, но теперь я понимаю, что лесная подстилка из дубовых листьев приняла удар на себя.

Я понятия не имел, о чём она говорит. Но когда я встал, то обнаружил, что отряхиваю листья и мусор с бриджей и высоких чёрных охотничьих сапог. И ни следа́ кро́ви Вав, которая секунду назад залила меня с головы́ до ног. Я снова заплакал, и так обильно, что мне от смущения пришлось от неё отвернуться.

— Кажется, всё в порядке, — ответил я, когда смог взять себя в ру́ки. Пото́м приложил ладонь ко лбу. — Только голова немножко болит.

52 В оригинале явная опечатка «се». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это не должно быть удивительно. — Она протянула мне гравированную серебряную фляжку, висевшую у неё на бедре. — Возьмите. Судя по вашем виду, вам это может быть полезно.

Я открутил крышку и ощутил знакомый за́пах мескаля. Испытал знакомую тягу, но что-то щёлкнуло у меня внутри, и появился мысленный образ *рыбы, всплывающей к крючку с наживкой*. Я ещё минуту помедлил, пото́м отдал флягу ей.

— Как-нибудь в другой раз.

Она кивнула.

— Не вижу причин, почему бы мне не подождать и не проехать остаток пути с вами.

Я огляделся:

— Мы участвуем в каком-то стипльчезе[53]?

— Да, конечно. — Она рассмеялась, и это было как тысяча серебряных колокольчиков. — Мы на охоте, Вильям.

Взяв поводья гнедого, я вставил ногу в левое стремя.

— И мы, наверное… *где* мы?

Я вскочил в седло.

— Лестершир. Восток средней Англии. Чарнвудский лес, если быть точным.

— Сердце охотничьей страны́, — сказал я. — И Коттесмор тоже здесь происходит, если мне память не изменяет.

— Ежегодная больша́я охота на лис. Да, разумеется. Но теперь она уже́ не порождает тяжб. — Глаза́ её заискрились самым зовущим образом. — Теперь поехали! — Она ударила кобылу каблуками по бокам, и та скакнула вперёд. — Я не хотела бы пропустить самое интересное, а вы?

Я послал гнедого за ней, и мы тут же сорвались в галоп. Чтобы передать вам, *как* эта женщина меня захватила, я созна́юсь, что даже тогда, когда я отчаянно пытался вспомнить хоть что-нибудь о том, как ездить верхо́м, я неотрывно изучал её черты. Цветущая сливочного цве́та кожа наводила на мысль, будто она родилась для охоты — или,[54] по крайней мере,[55] для туманного английского сельского пейзажа. В ней ощущался[56] какой-то манящий разум и при этом ореол беззаботности, который притягивал меня непостижимым для меня само́го образом. Если бы в тот самый момент

53 Steeplechase, стипльчез — бег или скачки с преодолением препятствий. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
54 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
55 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
56 В оригинале явная опечатка «ошущался» через «ш». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

кто-нибудь предупредил меня о ней — возьмём крайность: сказал бы мне, что она убийца, — я бы только рассмеялся, дат бы гнедому шпоры и оставил бы этого человека глотать пыль. Я был счастлив её пьянящим обществом. Увидел её только что, а ощущение было, будто я знаю её всю жизнь. Какая-то связь, тесная, как пуповина, объединяла нас. Она была как неожиданный подарок под рождественской ёлкой. **Это на са́мом деле мне?** — хотел я спросить, протирая глаза́ и всё равно не веря.

— Эй, вы знаете моё имя, но я не знаю вашего, — сказал я.

— Конечно, вы меня знаете, Вильям. — Она подняла руку, и я поразился, увидев паутину меж её пальцев. — Я — *Гимел*[57], плетущая реальность, купель идей, исток вдохновения. Я, как мой почти тёзка кэмел-верблюд, наполнена до краёв, я — самодостаточный корабль даже в са́мом враждебном климате.

В этот момент мы выехали на широкий луг, испещрённый одуванчиками и наперстянками. Призраки солидных дубов уходили вперёд по обе сто́роны, и в сгущающемся полумраке я мог разглядеть только широкую тропу. И мы двинулись по ней. Я трезво напомнил себе, что все эти капризы мысли —[58] не более чем остатки старых фантазий, быть может, от десятков тысяч лихорадочных гормональных снов, случившихся во времена моего достаточно трудного созревания. «*Трудного*» — в смысле испорченного, как чёрные заплесневелые остатки, которые, бывает, найдёшь в холодильнике, когда вернёшься после полугодового отсутствия.

— Я так понимаю, что мы только одни на этой охоте на лис, — сказал я, поравнявшись с ней. Мы ехали так близко, что я вдыхал её прекрасный аромат.

— О нет, я бы никогда не стала охотиться на такую красоту, как лиса́. — Когда она встряхнула головой, волосы её колыхнулись самым заманчивым образом. — Мы охотимся на *зверя.*

— Какого зверя?

— Вы отлично знаете, Вильям, не притворяйтесь. — Она метнула на меня пронзающий взгляд, и я увидел кремневую остроту в этих великолепных изумрудах глаз, и сердце у меня перевернулось. *Доктор, кислород! Остановка се́рдца!* — Зверь зверей, — сказала она, не заметив стрелы́, пронзившей моё сердце. — Только один есть зверь столь отвратительный, столь заслуживающий охоты.

— Послушайте, должен признать, я несколько смущён. Понимаете, я только что лежал в парижском переулке, залитый кровью подруги…

57 Очевидно, подразумевается искажённое переводчиком gimel, ги́мель — третья буква еврейского алфавита (т. е. ג). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

58 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Так вы считаете Вав своей *подругой*? Интересно. Вы же знали её очень недолго.

— Я хорошо разбираюсь в людях, — ответил я несколько рассерженно. — Если вы ей не друг, лучше скажи́те это прямо сейчас.

Она рассмеялась:

— Боже мой, как вы быстро встали на её защиту!

Мы ехали рядом, и она перегнулась и поцеловала меня в щёку, и я услышал пение птиц у себя в голове, тех, которые в мультиках летают вокруг головы́ Сильвестра, когда Твити как следует двинет его молотком.

— Мы с Вав были как сёстры. Даже больше, если можете себе представить. Как два ломтя одного пирога́.

— Мне её не хватает.

— Меня это не удивляет, — сказала она. — Вы направлялись на выставку картин. Очень важно, чтобы вы туда попали. — Она кивнула, будто сама себе. — Жизненно важно, можно сказать.

— Вы хотите сказать, что знаете, как мне вернуться в Париж?

— Это не было бы разумно, как вы думаете? Кроме того, в этом нет необходимости. — Она ехала не слишком быстрой рысью, так что я мог держать её темп. Спина прямая, плечи развёрнуты — тот вызывающий вид девчонки-сорванца, против которого я устоять не могу. Я представил себе, как она несётся сквозь лес подобно Диане, мифической охотнице, мышцы натягиваются, когда она накладывает на тетиву стрелу и пускает её в выбранную дичь. — Выставка переехала в За́мок. Мы доберёмся туда быстро, как только сможем. Но сначала мы должны увидеть неизбежное заключение охоты.

— Если оно *неизбежно*, чего же нам о нём волноваться? — спросил я. — Отчего не поехать прямо в За́мок?

Она нахмурилась.

— С тем же успехом можно спросить, почему нельзя сначала выдохнуть, а пото́м вдохнуть. Просто *нельзя*. Законы вселенной, сами понимаете.

— Это *те самые законы*, которые дали мне в мгновение ока перенестись из Нью-Йорка в Париж и из Парижа в Чарнвудский лес? Или те, по которым выставка из Парижа перенеслась сюда?

— Именно так. — Она не отреагировала на мою иронию. Кажется, даже испытала облегчение. — Мне так приятно, что мы с вами оказались на одной странице[59].

59 Очевидно, здесь игра слов (плохо переданная переводчиком), ведь английское page — и страница, и некий этап, период. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я застонал. *На странице — какой неведомой книги?*

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я доставлю вас туда, где вы *должны* быть. Поверьте мне, Вильям.

По спине у меня пробежал холодок, потому что *эти* же слова́ говорила Вав. И тут я принял решение. Пришпорив коня, я перегнулся к ей. Пока что, как я понял, игра по правилам, какими бы странными они ни были, ничего хорошего не приносила. Всё меняется! Я схватил поводья её лошади и свернул с проторенной тропы́.

— Что вы делаете?![60] — воскликнула она.

— К За́мку, где бы он ни был, — ответил я. — Пусть остальные возятся со зверем.

— Кто остальные? — Мы теперь ехали бок о бок. — Вильям, на этой охоте только мы с вами!

— Тем лучше, — сказал я. — Некому будет нас хватиться.

— Вы не понимаете…

Я наклонился к ней так близко, что вдохнул за́пах её воло́с.

— Теперь мы к чему-то подходим.

Она облизала гу́бы. В наступившей ночи́ её глаза́ были как неогранённые[61] изумруды. На миг у меня мелькнула шальная мысль, не слепа ли она, как Вав.

— Мы должны загнать зверя, — сказала она. — Иначе он никогда не пустит нас к За́мку.

— Почему?

— Вильям… — Было теперь что-то такое в её лице, какой-то неуловимый след от раны столь свежей и глубокой, что она ещё кровоточила. — Вав не посчиталась с присутствием зверя на свой страх и риск. Вспомните, *что* с ней случилось. Я не хочу повторить ту же ошибку.

У неё был вид такой ранимый… Я коснулся её шеи.

— Какую ошибку?

Она чуть дрожала.

— Картины и зверь *переплетаются*. Нельзя увидеть одно и не встретить другого. Она думала, что может отвести вас прямо к картинам, что может обойти зверя. Она *ошиблась*.

60 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
61 В оригинале впечатляющее «неограненнные» аж с тремя «ннн». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы все говорите о звере, но *что именно* вы имеете в виду? Насколько я знаю, *таких* зверей нет в Лестершире или, если на то пошло́, во всей Англии. Больши́е хищники здесь истреблены, как почти во всей Европе.

Глаза́ её всмотрелись в мои.

— Вав не объяснила?

— Если бы она это сделала, зачем бы я стал спрашивать вас? — мягко заметил я.

— Это упражнение в бесполезности. Обещаю вам, что вы мне не поверите.

Я поцеловал её в щёку.

— Вы хотите сказать, что даже не дадите мне такого шанса?

Кажется, она призадумалась. Я чувствовал, что она приходит к решению, которого предпочла бы избежать.

— Лучше будем ехать, пока разговариваем.

Я кивнул и отпустил её поводья, не отставая, когда она круто свернула через холодную голубую траву к чернильным теням ле́са.

— Зверь — порождение хаоса, — сказала она наконец. — Он едва ли думает так, как понимаем это слово вы или я, с ним невозможно рассуждать или искать компромисс, но его реакции на раздражители потрясающе быстры. Он — чистое зло.

— Он напал на Вав раньше, чем я успел мигнуть.

— Бедная Вав. У неё не было ни единого шанса, — сказала Гимел со странной интонацией, будто сама себе. Пото́м она встретилась со мной взглядом. — Я уже́ сказала, что не хочу повторять ту же ошибку.

Я хотел спросить, *что* она имеет в виду, но тут в лесу всё сразу переменилось. Не дубы, не прохлада ве́чера, не густой за́пах земли́, не ощущение пребывания в этом месте. Не знаю, *как* это точно сказать, но было так, как будто с той минуты, как я выбежал из задней двери́ «Геликона», я балансировал на натянутом канате. Теперь канат порвался, и я падал. Не в буквальном смысле, поймите меня правильно. Но я, говоря фигурально, выпадал из одной реальности — или скорее моего **восприятия** реальности — в другую. Лопнул пузырь, и я вдруг оказался под шкурой вселенной. Я сидел внутри и смотрел на поверхность — яркую, блестящую, слишком знакомую оболочку — всех обыденных вещей, которые воспринимал как должное. Теперь мне всё казалось *иным*. И вместе с этим чувство, будто рябь узнавания, как **дежа вю** яркого сна, тех незаконченных картин, что висели в ателье Вав. На кратчайший миг я заглянул под обычную импрессионистскую оболочку и увидел то, что они **значат**. «*Они не имеют ко мне отношения*», — сказала Вав о картинах выставки. Я тогда её не понял. Как может выставка

не иметь к ней отношения? Это я думал там, в Париже. Она — художница. И вот сейчас я начал понимать, *что* она хотела сказать. Важны *только* картины. Тот, кто их написáл, — в реальном смысле совершенно *не важен*.

— Постойте! — крикнул я Гимел. — Погодите секунду!

Она развернула кобылу.

— В чём дело?

Я ужé спешился.

— Что-то есть здесь… что-то знакомое.

Она спрыгнула с лошади, и когда лошадь повернулась, я увидел притороченный к седлу старомодный большой лук — не композитный лук из материалов космического вéка, которые возят с собой современные охотники, — а при луке колчан и стрéлы. Она подошла ко мне, заметно хромая, будто одна нога у неё короче другой. Тут я заметил, что левая нога у неё меньше и худее правой, увядшая, как сухой стебель пшеницы.

— Может быть, вы бывали в этой части Чарнвудского лéса.

Я покачал головой.

— Я не бывал за пределами Лондона. Но даже если бы и так, это не то, что я имею в виду. — Я пошёл по крáю полянки. — Это чувство… оно не так *примитивно*. — Она смотрела на меня спокойно, но с некоторой долей любопытства. — Вы не думаете, что возможно знать какое-то место — я хочу сказать, знать его насквозь, — ни разу там не побывав?

— Если оно принадлежит только физическому миру — нет, конечно, нет. — Она перешла поляну, прихрамывая по-своему, и остановилась передо мной. — Но ведь вселенная гораздо больше физического мира?

По тóну её гóлоса я чувствовал, что она спрашивает совсем другое.

Любопытно, как со мной случаются эти моменты перехода. Снова моё сознание обратилось в прошлое. Передо мной возник образ Донателлы, слегка навеселе. Мы познакомились в Мексике, где она проводила отпуск с мужем и сестрой. Пока бессовестный муж обхаживал её сестру, мы с Донателлой сидели на тихих и зелёных скверах Оахака[62] и пили мескаль. Это помогало переносить жарý и толкало нас в припадки необузданной страсти. Теперь, вспоминая эти эротически заряженные моменты у меня или у неё в номере, я впервые понял, что всё это шло *неправильно*. Они были яростными, эти сексуальные свидания, но — и это очень больно признать — *безрадостными* по сути. Больно, потому что стало ясно, как мало на сáмом деле у нас было, до чего мелкими людишками были мы вместе. До меня дошло, что Донателла становилась лучше с Германом — и это тоже было больно. Сказать, что это

62 В оригинале вообще «Оаксакана» (см. 17). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

осознание стукнуло меня,[63] как курьерский поезд,[64] — значит впасть в преуменьшение. До этой минуты я был абсолютно уверен, что мы любили друг друга, даже после того, как она сбежала с Германом. Теперь я понял правду. Наша любовь, как обложка журнала с полуголой моделью, была лишь принятием желаемого за действительное. Печальная правда была в том, что мы с Донателлой соединились не по тем причинам[65] и по тем же причинам поженились. Прошло только двенадцать часов после её развода, и вот — бац! — мы уже́ женаты. Соблазнительное это было, но отравленное начало, когда мы сидели, вытянув но́ги, пьяные от мескаля и друг от друга, тиская влажную плоть под дощатым столом под сонными внимательными взглядами официантов-мексиканцев. До сих пор, когда я слышу задумчивый перебор мексиканской гитары, у меня туманятся глаза́. Но думаю, правда в том, что, когда Донателла ублажала меня, думала она о муже, сестре и о мести.

Нет, мы никогда не любили друг друга. Даже наше пламя было не столько страстью, сколько гневом — гневом на всё вокруг. И этот гнев — демоническая страсть — нас спасал. На время. А пото́м его не стало. Нельзя даже было сказать, что наши отношения закончены, потому что они никогда не начинались. Мне она никогда не переставала нравиться. С Лили она была просто святой, навещая её каждую неделю, на что я совершенно не был способен. Мы с ней чаще всего схлёстывались в диких ссорах именно из-за этого. Она говорила, что это смертный грех — так пренебрегать сестрой, и — кто знает? — может, она была права́. И ещё Донателла, будучи католичкой, отдавалась всем заморочкам и предрассудкам, в обязательном порядке сопутствующим религии. Я часто гадал, *как она сама перед собой оправдала два развода*?[66] Однажды, когда я её спросил, она ответила мне с некоторым любопытным презрением, что *у неё есть дядя, который знако́м с Папой и смог организовать ей отпущение*.

До сих пор не знаю, правда ли это. Как бы там ни было, не думаю, что это важно. Она была наверняка добрее к моей сестре, чем к своей, но кто я такой, чтобы её за это обвинять? Не могу. И не буду. Она уникальная личность, я в конечном счёте рад, что мы встретились, хотя и узнал её слишком хорошо и слишком поздно. Но если дойти до сути — содрать и отбросить всё, что неважно, то она никогда не была моей, и самая глубокая боль порождена осознанием многих лет самообмана.

От огромности этих откровений меня замутило. Будто мир обратился в прах, будто память молниеносной косой прошла по цветущему полю иллюзий. Моих иллюзий. Отныне Донателла, ленивый зелёный мексиканский сквер, неистовые потные соединения, заунывные перезвоны гитары за треснувшим окном отеля — всё закачалось и потеряло суть, как джинн, исчезающий в своей лампе.

63 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
64 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
65 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
66 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я снова стоял в Чарнвудском лесу в эфирной тьме поляны. Со мной рядом стояла Гимел, я слышал её чуть пряный аромат.

— О чём вы думали? — спросила она. — Я *чувствовала* вашу напряжённость.

— Вспоминал свою жизнь, — честно ответил я. — И мне, к сожалению, стало ясно, что она не была такой, как мне казалось.

— Ну и что? — Глаза́ её сияли. — То, что мы познаём сразу, немногого сто́ит, вы не согласны?

— Я не знаю вас. — Я теснее прижал её к себе. — Совсем не знаю.

— А это значит, что мне цены́ нет? — Глаза́ её затанцевали с озорной улыбкой. — Вы это хотели сказать?

Прохладная тишина отодвинула весь остальной мир,[67] как тусклый размытый дагерротип[68]. Смолк ли ветер среди дубовых листьев, прекратили ли птицы вечерние песни, перестали переговариваться морзянкой насекомые? Мне так показалось. В Мексике Донателла как-то сказала мне, что,[69] когда она со мной, всё остальное перестаёт существовать. «*Существование — это кончик языка пламени*, — сказала она тем вычурным языком, которым передавала обычно картины своего воображения. — *Когда я в твоих руках, я в само́м пламени, ты это понимаешь?*»

И с Гимел я был будто в пламени, а всё остальное бытиё втиснулось в исчезающий промежуток между нами. Но внешний мир ворвался,[70] как холодный и зловещий ветер. В тот миг, когда мной овладели воспоминания, я что-то *упустил*, может быть, что-то определяющее.

Меня тут же наполнили дурные предчувствия. Улыбка застыла на лице Гимел. Я увидел, как покрылись гусиной кожей её ру́ки.

— Что случилось? — спросил я.

И тут я тоже *это* услышал. Что-то очень большое пробиралось по лесу. Мы стояли, застыв в неподвижности, стараясь понять, *что* это за звук, и я понял, что он направляется прямо к нам.

— Это *зверь*, — шепнула она. — Он нас *нашёл*.

— Давай-ка лучше по ко́ням, — предложил я.

67 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
68 Daguerreotype, дагерротип, дагеротип — снимок, сделанный способом дагерротипии, т. е. фотографирования на металлической пластинке, покрытой слоем йодистого серебра, применявшийся до 1850-х годов (от фр. daguerréotype, по имени французского изобретателя Louis-Jacques-Mandé Daguerre). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
69 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
70 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты думаешь, это будет разумно? — Она положила руку на уздечку моего коня. — Теперь, когда мы здесь, ты всё ещё веришь, что лучший выбор — бегство?

— А что ещё делать? — спросил я. — Твои стре́лы его остановят?

— Не знаю.

— Неуверенность — не лучший шанс.

— А при чём здесь шансы? — Голос её вдруг наполнился печалью. — Ты думаешь, Вав взвешивала шансы, когда вела тебя тем парижским переулком?

— Я бы так не сказал.

— Тогда ты прав, — сказала она, резко отпустив уздечку. Казалось, она сейчас расплачется. — Лучше попытаемся сбежать, пока не поздно.

Но уже́ было поздно. Я не успел поставить сапог в стремя, как раздвинулся подлесок и чёрная громоздкая тень прыгнула из темноты. Вороная кобыла встала на дыбы, фыркнула, раздувая ноздри, и Гимел наложила стрелу. Оттянув тетиву, она выстрелила. Может, это была иллюзия синих сумерек, но стрела исчезла за миг до того, как пронзила[71] грудь зверя. Тихо вскрикнув, Гимел бросилась наперерез чудовищу.

— Нет! — успел крикнуть я, когда зверь занёс огромную лапу. Неимоверно мощную. Даже издали я услышал хруст шейных позвонков. Страшная сила подбросила Гимел на несколько футов и развернула в воздухе, и я увидел, как уходит свет из её глаз. Она упала на землю, запрокинув голову.

У меня живот свело судорогой, и я рванулся к ней. Но ещё меня неодолимо тянуло разглядеть зверя получше, чем я разглядел горгулью. И всё равно я успел только мельком глянуть. У твари было то же мерзкое лицо, что мелькнуло передо мной в парижском переулке, но на сей раз её тело было определённо более звериным, чем человеческим. Как и в тот раз, она помедлила, но в этот раз мне показалось, что я услышал что-то, какой-то дальний треск винтовочного выстрела. Не теряя времени, я подхватил Гимел и потащил её в чащу дубов. Там я взял её на ру́ки; она была не тяжелее ребёнка. Будто в ней вообще не было субстанции, будто она исчезла, когда зверь сломал ей шею.

И всё равно я не мог её оставить. Она пожертвовала собой, бросилась между мной и зверем. У меня за спиной зверь ломился сквозь чащу, рвался ко мне. Я побежал, спотыкаясь на выступающих корнях, цепляясь за ползучие растения, оступаясь на склизких поганках. Один раз я упал на колени, но Гимел не выпустил. Не мог я даже думать оставить её здесь, чтобы зверь её нашёл и, может быть, сожрал. Это было бы бесчеловечно.

71 В оригинале «пронзить». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я уже́ сказал, что тело её было совсем лёгким, но всё равно среди густого подлеска бежать мешало сильно. И потому зверь быстро меня настигал, и его адское дыхание было как рёв огромной машины, собирающейся меня переехать. Вдруг я выскочил из ле́са и заскользил, чуть не падая, вниз по бе́регу довольно широкого потока. Быстро посмотрел по сторонам. Ничего не оставалось, как только бежать вперёд, в воду. Она была холодна, как лёд,[72] и куда глубже, чем казалось с бе́рега. Я уже́ погрузился по пояс, и это ещё было не самое глубокое место. За моей спиной зверь вырвался из ле́са. По инерции он пролетел до са́мой кромки воды́, встал на дыбы и заревел от ярости. Может быть, он воды́ боится. Я воспрял духом и пошёл вперёд. На середине потока вода была уже́ по грудь. Каким бы ни было лёгким тело Гимел, а держать его на весу требовало усилий.

Я оглянулся через плечо и невольно вскрикнул от ужаса. Зверь *превращался* в гигантскую рептилию. На спине выступила чешуя, между задними ногами вырос толстый хвост со зловещими шипами. Поблёскивая бледным брюхом, рептилия вошла в воду и устремилась ко мне с угрожающей быстротой.

Сразу мне снова стало семь лет, там, в мексиканских болотах. Жаркое солнце жгло шею,[73] как ярмо. Кишели насекомые, пируя на моём голом теле. Меня отделяла от отца стенка переплетённых лианами деревьев. Он задремал, привалившись к здоровенному пню, а я от скуки побрёл прочь. И теперь я не знал, как вернуться обратно в лабиринте изумрудной листвы и илистой воды́ туда, где он наверняка меня ищет. Для довершения несчастья я наткнулся на крокодила, отдыхающего на мелководье. Он был серо-белый и огромный, а доисторическая гребнистая спина, броня и огромные подвижные челюсти делали его похожим на смертельное оружие на четырёх мощных ногах.

Господи, ну и быстро же он двигался! Ящер кинулся на меня, будто его выпустили из ракетомёта. Пасть уже́ была открыта, и видны были двойные ряды бритвенно-острых зубов. Казалось, что зверь мне усмехается. Я завопил, когда споткнулся. Я видел, как он несётся ко мне. И тут прогремел выстрел —[74] крокодил подпрыгнул вверх, упал и забился на земле. Ещё один выстрел —[75] и тяжёлое мускулистое тело заметалось, почти накрыв меня. Когда он плюхнулся в солоноватую воду, это было так близко, что меня облило с головы́ до ног. Последний удар хвоста порезал мне предплечье. Тут меня подхватили отец и Адольфо, наш мексиканский проводник. Адольфо хотел отнести меня к джипу, который нас привёз, но отец покачал головой и дал мне свою толстую твёрдую трость. Я взял её и с размаху опустил на бронированный череп крокодила. И снова, и снова, крякая от усилий и поднимавшейся во мне злости, а Адольфо бормотал как молитву: «Es muy

72 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
73 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
74 В оригинале без запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
75 В оригинале без запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

malo». *Очень плохо*. Я не обращал внимания и всё бил и бил, пока не проломил кость, пока не счёл, что наказал зверя достаточно, так же сильно, как он меня напугал.

В мгновение ока это промелькнуло передо мной,[76] как сон. Ощущение **дежа вю** тут же прошло, потому что я знал: Адольфо здесь нет, никто не убьёт эту тварь, пока она до меня не добралась.

От её движений ко мне по воде дошли во́лны. Что ж, значит, так. Мне судьба здесь погибнуть, эта тварь получила второй шанс сделать со мной в иной реальности то, что могло случиться в мои семь лет. Я ощущал в ночи́ её присутствие. Нет! Я этого не допущу. Сказав быструю молитву, я бросил тело Гимел и обернулся к зверю. Шарнирные челюсти уже́ распахнулись, и я, сжав руку в кулак, сунул согнутую руку вертикально в разинутую пасть. Зубы разорвали кожу, и я вскрикнул, но не уступил. Руку я использовал как палку, потому что в очень ранней молодости где-то прочёл: если сунуть палку в пасть крокодилу, он не сможет её захлопнуть.

Так мы и сцепились: я — окровавленный, тварь — бьющаяся в судорогах, стараясь достать меня мощным хвостом. Ужас боролся с усталостью, заставляя меня держаться, но хвост чудовища подбирался всё ближе и ближе, бешено вспенивая воду. Сила его атаки сталкивала меня в глубь реки́, и я чувствовал, как усиливается течение, бурля вокруг меня, засасывая, как пасть левиафана. И сила его росла, пока вдруг не сбила меня с ног. Меня закрутило с такой силой, что даже рефлексы зверя оказались недостаточно быстрыми, чтобы захватить мою руку. Меня затянуло под воду, подхватило ревущим потоком. Я попытался обрести равновесие, а когда это не вышло, просто старался держать голову над водой. Полыхнула боль, когда я налетел на подводный камень. Меня отбросило и завертело. Вспышка боли ударила в бок. Я потерял понятие, где верх, где низ. И снова на что-то налетел. На этот раз не на камень, это было мягкое и цилиндрическое. *Тело*. Тело Гимел. Я охватил его руками и не выпускал, высовывая голову и хватая желанный воздух, пока меня снова не затягивало вниз. Когда я сделал это второй раз, сила течения стала слабеть, и я смог попытаться выплыть к бе́регу.

Вытащив труп Гимел на илистый берег, я рухнул рядом, скорее мёртвый, чем живой, как мне казалось, потому что ощущал странную с ней связь. Она спасла меня от зверя, как Вав в Париже. Иссохшая левая нога казалась теперь естественной и неотъемлемой частью её существа. Рука её лежала поперёк моей груди́, как спасательный линь, и я закрыл глаза́, гадая, не спасся ли я всё же в конце концов.

Через миг это уже́ было не важно, потому что я потерял сознание.

Очнулся я от дождя, падавшего мне на лицо. Ещё не рассвело. Может быть, я сутки пролежал без сознания — это невозможно было узнать. Где-то гремел гром. Я приподнялся на локте, и вспышка молнии озарила совершенно незнакомый пейзаж. Я лежал в топкой низине у опушки ле́са, реки́, которая

76 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

меня сюда принесла, не было. Очевидно, это уже́ не был Чарнвудский лес. Судя по толстым стволам сосен и американских сахарных клёнов, это даже была не Англия. И Гимел исчезла вместе с потоком. Я перекатился на то место, где она лежала, и поразился охватившему меня чувству потери.

Пото́м я протёр глаза́ тыльной стороной ладони. Рука, которую я вбил в пасть зверя, была как новая. Кро́ви не было. Совсем. Воздух был заметно холоднее, и я задрожал в мокрой одежде. Я понимал, что нужно быстро найти какое-то укрытие, иначе наступит переохлаждение. И подумал, где мой следующий проводник, потому что в двух предыдущих реальностях он был. Не почуяв никого рядом, я встал и, выбрав случайное направление, пошёл туда. Я решил, что система нарушена, потому что два моих предыдущих проводника погибли.

Поскольку мой отец занимался ремонтом мебели и работой по меди, я родился и вырос в Хэдли,[77] в штате Массачусетс, где он пользовался прекрасной репутацией. Здешняя местность, идентичная густо поросшим холмам моего детства, немедленно напомнила мне тот единственный раз, когда я согласился отправиться на семейный пикник с Лили. Леса́ эти были мне знакомы, в момент пикника мне было двенадцать, и я уже́ часто ходил на охоту с отцом. Он любил охоту, как большинство мужчин его во́зраста любят гольф. Он не любил насилия — по крайней мере,[78] в семье. Но однажды я видел, как он измолотил в кашу громилу вдвое больше себя, который подрезал нас в плотном потоке машин. Я стоял возле нашей машины, открыв рот, а он избил этого великана до бесчувствия. Может быть, в нём была агрессивность, которая и заставляла его охотиться. С другой стороны́, охота требует хитрости, лукавства и очень большого терпения, на что человека агрессивного надолго не хватит.

И всё же он не очень ладил с Лили, и, хотя и он, и мать это решительно отрицали, насколько я могу судить, его уход не имел другой причины. Не могу говорить за своего брата, но мне трудно было примириться с его уходом. Конечно, я обвинял Лили — не мог же я обвинять его или мать? Лили была очень удобной целью — как череп того крокодила, что я проломил, когда Адольфо застрелил его. Он уже́ не мог мне ничего сделать, но до того успел вызвать бешеную ненависть.

Наверное, Лили тоже.

Как бы там ни было, а в первые месяцы после ухода отца мать отчаянно старалась удержать вместе то, что осталось от семьи́. Я думаю, таким образом она пыталась уверить нас, что мир не рассы́пался . Через много лет до меня дошло, что она и себя в этом старалась убедить. И где-то к концу она организовала этот пикник. Поскольку я был старшим, мне выпала обязанность складывать и раскладывать коляску Лили, а также возить её, пока она вопила, лаяла, выла и вообще доставала меня, как могла.

77 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
78 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Был прекрасный весенний день в конце мая. Деловито чирикали птицы, гудели насекомые. Почему-то в воздухе было полно́ бабочек, будто они вылупились из золотых куколок все одновременно. Можете себе представить, *как* они были красивы, но что-то в них — быть может, неровный зигзагообразный полёт — Лили, казалось, напугал. Она подскочила в коляске, вопя и хватая воздух скрюченными пальцами. Когда я сдуру подошёл и попытался её успокоить, она вцепилась в меня ногтями так, что пошла кровь.

Вот тогда я её и ударил. Это была всего лишь пощёчина открытой ладонью, и она напугала меня так же, как её. Глаза́ её закатились под лоб, лицо налилось кровью, но долгие минуты она молчала. Пото́м разразилась слезами. Она рыдала и стонала, покачиваясь и трясясь, как в лихорадке.

Мама подбежала и как следует двинула мне в ухо прежде, чем отшвырнуть в сторону. Она присела возле Лили и начала долгий невыносимый ритуал её успокаивания. Пока она нежно поглаживала ей ру́ки и что-то приговаривала, пока Лили рыдала и дёргала её за волосы, противный Герман смотрел на меня с полным презрением взрослого. Он не пытался помочь Лили — я не верю, что она его любила, и он это знал. Зато он мог смотреть на меня сверху вниз. Мог сказать, что **он** никогда не поднял руки́ на сестру.

— Как ты мог,[79] Билли?![80] — упрекнула меня мама спустя некоторое время.

— Мам, ты посмотри, **что** она мне сделала! Она же меня до крови́ расцарапала!

— Она не владеет собой. И никогда бы намеренно тебя не поранила. Ты знаешь, *как* Лили тебя любит.

— Ничего я такого не знаю, мам! — горячо возразил я. — А если честно, то и ты тоже. Ты можешь сказать, что гриб тебя любит? Нет, потому что гриб не умеет думать.

И тут она сделала такое, чего не делала ни до, ни после. Она схватила меня за грудки и затрясла, как тряпичную куклу.

— Ты заговорил как твой отец, парень, и я этого терпеть не собираюсь! Ты меня понял? — Она просто взбесилась. — Это твоя сестра! И это —[81] человек, такой же,[82] как ты или Герман.

— Таких, как Герман, вообще не бывает.

— Я говорю серьёзно, Билли! Что нужно, чтобы ты понял?

Она вдруг выпустила меня, и весь огонь из неё выдохся.

79 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
80 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
81 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
82 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

У неё был вид побеждённого — не мной, жизнью. Линзы, сквозь которые виделся ей мир, были так искажены её прошлым, что она не могла не поставить нам те же жёсткие пределы, что ставила самóй себе. Она повернулась к Лили, но я успел заметить горький скорбный вид, который заволок её лицо,[83] как саван.

Воспоминание об этом ярком и кровавом дне померкло, когда я добрался до сосновой опушки. Я оказался на краю́ утоптанной грунтовой доро́ги. На са́мом деле просто просёлка. Я посмотрел в обе сто́роны, ничего особенного не увидел и пошёл налево. Когда приходится выбирать, я всегда выбираю поворот налево. Поднялся ветер, и вместе с ним начался дождь. Без защиты ле́са я задрожал от хо́лода. Прибавив скорость, я через двадцать минут увидел дом, отделённый от меня тёмным вспаханным полем. И побежал через открытое место, мокрая одежда от резкого ве́тра прилипала к коже. Я миновал старый заржавевший трактор довольно жалкого вида, будто его тут бросили и забыли.

Дом был старым, викторианского стиля, с резными украшениями, широким крытым крыльцом и комнатами с башенками, похожими на остроконечную шляпу колдуна. Вообще вид у него был *мрачный*. То, что он был выкрашен в серое, как военный корабль, уменьшению мрачности не способствовало, но я вообще не очень люблю викторианский стиль — на мой вкус, слишком вычурно.

Как бы там ни было, я поднялся по широким дощатым ступеням на крыльцо, спасаясь от дождя. Перед тем, как позвонить в звонок, отряхнулся, как собака. Звонок прозвенел где-то в глубине до́ма, задребезжал своеобразно, так что у меня зубы отозвались резонансом. Когда на второй звонок тоже никто не отозвался, я попробовал дверь. Она была не заперта.

Войдя внутрь, я оказался в суровом вестибюле овальной формы. Главной его достопримечательностью была винтовая лестница, гордо поднимавшаяся на второй этаж. Справа была гостиная, слева — кабинет.

— Эй! — позвал я. — Есть кто до́ма?

Ответа не было. Не считая серьёзного тиканья дедовских часов, покрытых чёрным лаком и с резным белым фаянсовым овалом, закреплённым над циферблатом. Если бы это был человек, я бы сказал, что он болен.

Кабинет был освещён горящими дровами из камина, так перегруженного углями, как будто он горел уже́ сотни лет. Как вы можете сами сообразить, треск и и́скры ароматных поленьев манили, как и сам жар камина. Я устроился возле решётки и расслабился в приятном тепле. Через секунду я ощутил, как начала сохнуть моя одежда. Пока она сохла, я оглядел кабинет. Он был обшит полосатыми дубовыми панелями. Вокруг комнаты шли перила, багеты и карнизы вышли из моды давным-давно. Круглый обуссонский ковёр покрывал пол, и люстра позолоченной бронзы свисала с потолка как паук, ждущий пробуждения.

83 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда я достаточно согрелся и одежда перестала прилипать, я прошёл по комнатам первого этажа и не нашёл ни одной живой души́. Странно — дом казался очень обжитым. Например, в кухне на столе я нашёл тарелку с оранжевым чеддером и солёными бисквитами, а на массивной газовой плите — почерневший чайник, потому что его кто-то оставил на огне и вода выкипела. Я выключил горелку и чуть не обжёг ладонь, переставляя чайник на холодную конфорку.

Я выругался и тут же услышал чей-то крик. Схватив здоровенный кухонный нож, я бросился в вестибюль, и тут крик повторился ещё раз, оборвавшись пугающим жидким бульканьем. Это был женский голос и он шёл со второго этажа. Я взлетел через три ступеньки.

— Эй! — крикнул я наверху. — Что с вами?

В ответ послышался только тихий плач.

Побежав по идущему налево коридору, я распахивал ногой две́ри в каждую комнату. В них была только тьма и особый за́пах запустения. Пото́м я увидел, что из-под двери́ в конце коридора пробивается свет. Подбежав к двери́, я распахнул её без колебаний.

И оказался в просторной спальне, возможно, хозяйской. Половину комнаты занимала просторная кровать с балдахином, а в другой половине стояли на страже неудобного вида диван и кресла́ в барочном стиле Людовика Четырнадцатого. Между ними, свернувшись на левом боку́, лежала женщина. Я снова услышал всхлипывания и побежал к ней, склонившись рядом. Она открыла глаза́, увидела нож и отпрянула.

Я тут же его бросил.

— Не бойтесь, — сказал я ей,[84] как мог,[85] мягче. — Я не причиню вам вреда. — И положил руку на её плечо. — Напротив.

Мне была видна только правая половина её лица́. Длинные чёрные волосы струились вокруг неё, как течения в очень глубоком озере. Она была одета в розовую чесучовую блузку и тёмно-зелёные брюки из того же материала. Но́ги её были босы, и на внутренней стороне одной стопы́ я увидел татуировку — полумесяц и круг.

— Что с вами? — снова спросил я.

— Принесите свечу, — сказала она. Когда я послушался и зажёг свечу, она посмотрела на меня ещё раз.[86] — Вильям, это вы!

— Я вас знаю?

84 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
85 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
86 В оригинале переход на новый абзац, т. е. абзац разрывается, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Меня зовут *Далет*[87], — сказала она. — Я — дверь, я — влажный лист, который защищает и кормит.

— Что здесь произошло?

Она повернулась ко мне лицом. Я отпрянул и непроизвольно вскрикнул. Вся левая сторона её лица́ превратилась в красную кашу, обожжённая пламенем.

— Боже мой! — прошептал я. — Вас надо немедленно в больницу!

— Вы нашли дорогу сюда, Вильям, — сказала она, когда я помог ей встать. — Я хотела вас встретить, провести сюда, но…

Она привалилась ко мне, и голова её упала мне на грудь, не оставив кровавого сле́да.

Я помог ей добраться до дивана и устроил её там. Она тяжело дышала — такое же трудное дыхание, как тиканье часов внизу.

— Он пришёл, — сказала она. — Зверь уже́ здесь, как видите. Он нарушил правила, а это значит, что раньше это сделали вы.

Я тут же вспомнил, как намеренно свернул в сторону на охоте в Чарнвудском лесу, вопреки предупреждению Гимел.

— Кажется, да, — сказал я. — Но я понятия не имел о последствиях.

— Это не так, — сказала она. — Но вышло, как вышло, верно?

— Что вы хотите сказать?

— Любая жизнь имеет последствия, Вильям. Любая жизнь имеет ценность.

— Но не эта тварь. Она уже́ убила двоих, и посмотри́те, *что* она с вами сделала!

Она поглядела на меня угольно-чёрными глазами.

— Этот зверь — он ещё здесь. Ждёт, чтобы выйти на свет.

Я подобрал кухонный нож и сжал рукоятку.

— На этот раз я готов.

— И что вы сделаете? — спросила она. — Пробьёте ему череп, как тому крокодилу?

Я вздрогнул:

— Откуда вы знаете?

87 Очевидно, подразумевается dalet, да́лет — четвёртая буква еврейского алфавита (т. е. ד). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Откуда я знаю ваше имя?

Я встал, дрожа.

— Кто вы такая? Кто вы все такие?

— Я вам сказала. Меня зовут Далет.

— Вы *термаганты*! — крикнул я. — Вы посланы меня *терзать*!

Она приподнялась.

— А вы не заслужили терзаний? — Я был слишком ошеломлён, чтобы ответить. Может быть, она и не ждала ответа, потому что тут же сказала: — Если нет, зачем вы сами себя терзаете?

— Что… что вы имеете в виду? — спросил я хрипло.

— Вы прекрасно знаете, *что* я имею в виду. Вильям, сидеть в баре день за днём, прятаться от мира, терять ду́шу, падающую в бездонную яму внутри вас — это не пытка?

— Слушайте! — крикнул я, испуганный уже́ по-настоящему. Я никому, ни Донателле, ни Майку-бармену, ни бухгалтеру Рею не говорил о *бездонной яме*. **Никому**. — Какого чёрта всё это значит?

Вот тут она наклонила голову, и чёрный глаз её широко раскрылся.

— Вы его слышите, Вильям? Зверь снова в пути. Он выходит из те́ни.

— К… матери зверя!

— Да, — кивнула она, — конечно, **к… матери**. — Она снова наклонила голову набок. — С другой стороны́, вы не можете делать вид, что его нет. И убегать вы тоже больше не можете. Это ваш *последний* шанс. Здесь ваш *последний* оплот.

Теперь я тоже его слышал, и почему-то этот звук потряс меня новыми во́лнами ужаса.

— Скажи́те мне то, что не сказали другие. Скажи́те, *как его убить*?

Она посмотрела на меня с чем-то вроде изумления.

— Его *нельзя* убить. Я думала, что хоть это вы знаете.

— Будьте вы прокляты! Будьте вы все вечно прокляты!

— Для этого слишком поздно.

Я повернулся и выбежал из комнаты. Нож я держал перед собой, но меня *так* прошиб пот, что рукоять стала скользить в ладони.

— Боже, — простонал я, — что со мной будет? Некому меня защитить, некому спасти. Вав погибла, Гимел тоже, а от этой, от Далет, никакого толку. Она ужé показала, что ей перед зверем не устоять. Значит, оставался я и только я.

«*Убегать вы больше не можете*», — сказала она. Ну и ну её к чёрту. Я бросился вниз по лестнице и рванул к входной двери́. Она не открылась, несмотря на все мои рывки и толчки. Я побежал в гостиную, отдёрнул тяжёлую штору и попытался открыть окно. Не поддавалось. Я выглянул в бурную ночь, и мне даже там показалось лучше, чем здесь. В припадке ярости я запустил в окно стулом. И открыл в изумлении рот, когда он отскочил от стекла. Я заколотил по стеклу кулаками — без толку. Далет была права́ — я не мог убежать.

«*Это ваш последний шанс*», — сказала она. То есть я ужé профукал два шанса в Париже и в Лестершире? Шансы — на что?

— Эй! — завопил я никому и всем. *Как вообще играть в игру, где не знаешь ни правил, ни цели?* — Чёрт побери, это нечестно!

— Конечно, нечестно, — согласилась Далет, входя в комнату. Казалось, она восстановила приличную порцию своих сил. — А что честно?

— Но вы же знаете, *что* всё это значит! — крикнул я.

— Я знаю **всё**.

— Так Го́спода Бога ради, почему вы мне не говорите?

Она подошла ко мне, и я отвернулся, чтобы не видеть ужасно изуродованную половину лица́.

— Вы не смо́трите на меня, Вильям? — сказала она тихо. — Разве я не красива?

Она действительно *была* красива — по крайней мере,[88] в основном. Но то, *что* сделал с ней зверь, изменило её навеки.

— Не заставляйте меня отвечать.

— Но это важный вопрос. Жизненно важный, можно сказать. — *Почему это каждый термагант повторяет то, что говорил другой? И как это вообще возможно?* Она поворачивалась, чтобы показать мне левую сторону лица́, и я поворачивался вместе с ней. — Вы не считаете, что он заслуживает ответа?

— Молю вас, перестаньте!

— Вы *должны* ответить, Вильям. В сердце своём вы знаете, что *должны*.

Она была права́.

88 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы *были* красивой, *раньше*, — выпалил я. — Но больше *нет*.

Она кружила вокруг меня, как гиена, учуявшая падаль.

— Теперь я вам не интересна.

— Я этого не говорил.

Она долавливала меня, как термагант, знающий, что работа его почти ужé сделана.

— Теперь вы не станете меня защищать.

— Не надо говорить от моего имени! — завопил я.

Она широко развела рýки.

— Время выходить на решительную битву, Вильям.

— Как мне драться, если я даже не знаю, *за что* дерусь?

— О нет, *знаете*. — Она наклонилась ко мне и прошептала: — За дýшу, Вильям. За свою дýшу.

— Значит, я был прав. Я — мёртв!

— Нет. Смерть легка. **Это** — нет. — Теперь она была справа от меня, и я даже не старался отвернуться. Я видел обе её стóроны — красивую и страшно изуродованную. И что-то стало складываться у меня в голове. Что-то страшно и глубоко знакомое. — Ты *знаешь* этого зверя, Вильям. Ты его очень, *очень* хорошо знаешь. И я ужé сказала: *здесь твой последний рубеж*.

— Но ты сказала, что *его нельзя победить*!

— Нет. — Она посмотрела на меня пронизывающим взором. — Я сказала, что *его нельзя убить*.

— Постой, *что* ты говоришь? — И тут что-то знакомое — эмоции или, может, определённая динамика — включило воспоминание, которое я давно подавил. Я обманулся: много лет назад я **сказал** одному человеку о бездонной яме внутри меня, потому что тогда во мне клубилась подростковая взрывная гормональная ярость[89] и держать это в себе было невыносимо.[90] — Ты… они… — И тут я *понял*, понял всё. Она увидела это по моему лицу и улыбнулась. Красивой улыбкой, великолепной улыбкой, улыбкой на векá. — Ты, и Вав, и Гимел — это всё одно, да?

Она кивнула:

— Просто разные ипостаси.

Я только стоял, таращась, не в силах двинуться.

89 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
90 В оригинале переход на новый абзац, т. е. абзац разрывается, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Тогда пойдём, — шепнула она. — Время изгонять зверя.

— Я не хочу расставаться с тобой, — сказал я.

— Если *действительно* не хочешь, — ответила она, — то и не расстанешься.

— Но я должен знать… ты тоже этого хочешь?

— Это то, чего я хотела всегда. — Она снова улыбнулась той же блаженной улыбкой. — Но ведь ты это уже́ знал, правда?

— Да. — Я едва мог говорить, так у меня перехватило горло. — Кажется, я всегда это знал. — Я протянул руку. — Пойдём. Я буду тебя защищать[91] и никогда тебя не оставлю. Больше никогда.

Она поглядела на меня печально, но взяла мою руку, и я крепко её стиснул. Мы вместе вышли в гостиную. В кабинете я щёлкнул выключателем, но люстра не зажглась.

— Некоторые недостатки этого до́ма, — сказала она. — Электричество здесь ненадёжно.

Я нашёл подходящий кусок жерди в куче рядом с камином, обернул его конец газетами и сунул в камин. Когда он разгорелся, мы поднялись наверх. Я держал факел впереди, освещая дорогу.

Мы прошли по коридору. Я снова открывал две́ри во все тёмные комнаты. На этот раз факел освещал темноту, и, кажется, я не был удивлён, увидев на стенах картины Вав. В конце концов я добрался до выставки живописи. И в удивлении переходил из комнаты в комнату.

Каждая картина была ясна, как лёд, и они пронзали мне сердце с мучительной остротой.

— Это сцены моего детства, — сказал я, рассматривая картины. — Вот леса́, где мы с папой охотились, вот поле, где мы с Германом играли в салки и догонялки; вот доро́га, ведущая к нашему дому, а здесь… — Я повернулся к моей спутнице: — *Здесь я тебя ударил.* — Я дотронулся до её щеки ладонью. — Лили, ты сможешь простить меня когда-нибудь?

— Я здесь, — ответила моя сестра. — Я привела сюда тебя силой своего разума. Понимаешь, другой силы у меня нет. Вся энергия, которая могла бы пойти на разговор и ходьбу, на теннис и секс и… и на всё, что остальные воспринимают как должное, вся она ушла в разум. Больше ей некуда было деться.

— Но почему ты так долго ждала?

— Эта реальность, которую я построила сама, требует колоссального количества энергии — а привести сюда тебя потребовало сверхчеловеческого взрыва. Я знала, что могу сделать это только один раз, и очень ненадолго. И

91 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

потому я ждала почти до конца. — Она улыбнулась и коснулась моей щеки. — Мама была права́, ты это знаешь. Она видела суть. Я любила тебя больше всех других.

— Но я был так с тобой жесток!

Она показала на дальний конец последней комнаты выставки.

— Regarde ca,[92] — сказала она тёплым голосом Вав.

Я отошёл от неё в тот конец комнаты. Там был кирпичный камин, почерневший от сажи, а над ним — резная дубовая каминная доска. На ней стояла старая потрёпанная чёрно-белая фотография, выцинявшая от времени. Я вгляделся. Это был я в детстве. Наверное, солнце светило мне в глаза́, потому что я щурился. На моём лице было выражение, которое я хорошо знал и которому не придавал значения. Вначале я подумал, что именно на это просит меня посмотреть Лили, но пото́м услышал какое-то движение. Посмотрел вниз, но ничего не увидел. Выставив факел дальше перед собой, я увидел тёмную фигуру, прижавшуюся к почерневшему кирпичу камина. «*Господи Боже*, — подумал я, — *это же зверь!*» Инстинктивно я выставил нож, но зверь больше не казался мне угрозой. Лицо, когда он его поднял, уже́ не было таким мерзким. На са́мом деле оно казалось знакомым, как тот переулок в Париже, по которому вела меня Вав, как поляна в Чарнвудском лесу, где я остановился с Гимел. Я оглянулся на старую фотографию меня самого́, пото́м снова посмотрел на зверя. Во мне больше не было ни страха, ни отвращения. Я протянул руку, и тьма от него взбежала по моей руке, суть его превратилась в чернила, и они впитались мне в кожу. И в тот же момент он исчез с лёгким хлопком. Поражённый, я повернулся к Лили.

— Этот зверь — это был я? — спросил я, хотя ответ её мне был на са́мом деле не нужен. — По крайней мере,[93] он — моя часть.

— Та часть, против которой ты должен был восстать, — ответила она. — Я тебе говорила, что его нельзя убить — если не убить себя. Но ты нашёл способ его победить. — Она подошла ко мне. — *Понимание и прощение*, Билли. — Она положила руку мне на предплечье. — Если ты можешь смотреть на меня, если ты можешь теперь меня любить, то ты наверняка сможешь *простить себя*.

— Но ты вызывала во мне ужас.

Она прижала мне руку к губам, и я почувствовал, что дрожу.

— И всё равно ты кормил меня, когда должен был, ты держал меня и укачивал, даже когда я облёвывала тебя с головы́ до ног. Герман ко мне близко не подходил. Он брезговал мной, как и папа.

— Но в тот день — я же тебя ударил!

— Да, и я любила тебя за это ещё больше.

92 Посмотри на это (фр.).
93 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как? Я не понял…

— Всё просто, Билли. Я тебя расцарапала до крови́.

— Но ты же не могла ничего сделать. Ты же психанула…

Жаркая волна стыда не дала мне закончить.

— Ничего, Билли. — Она погладила меня по руке. — Понимаешь, ты реагировал так, будто я *нормальная*. Ты бы точно так же сделал со всяким, кто на тебя напал. Даже мама, как она меня ни любила, не могла бы *так* сделать, потому что она меня очень *жалела*. Ты меня никогда не жалел, и потому поступил так от души́. Я так тебе за это благодарна, Билли, что даже передать не могу.

— Ох, Лили… — Горькие слёзы раскаяния и отвращения к самому́ себе покатились по моим щекам. — Я даже не подозревал, *что* под этой оболочкой кроется. Что ты… — Я обвёл руками картины.

— Нет, ты *знал*, Билли. — Она подвела меня к картине с изображением лесной поляны, залитой солнечным светом и чем-то неуловимым, что, как только что созданная ею реальность, было чем-то гораздо бо́льшим. — Тот день, когда я пустила тебе кровь и ты ударил меня в ответ, был нашим общением, нашим *объединением*. До того я плавала в приступах отчаяния и суицидальных мыслях. Ты подтвердил моё право на существование, подтвердил, что я — человек. — Она улыбнулась. — Вав, Гимел, Далет — они кусочки моей личности, и все они любят тебя безоглядно.

Я преодолел стыд.

— Боже мой, я даже не представлял себе…

— А как бы ты мог? — ласково спросила она. Казалось, она теперь держала меня, как раньше держал её я. — Всё хорошо, Билли. Потому что я могла заглянуть в ду́шу **тебе**. Я знала, **что** там.

— Но я тебя никогда не навещал!

— И всё равно мы не теряли связи, правда? Потому что Донателла мне всё о тебе рассказывала.

— Она говорила с тобой *обо мне*?

— Она только о тебе и говорила, Билли. И она так хорошо это делала, что ты будто был со мной в одной комнате. — Тёмные её глаза́ всмотрелись в мои. — Она приходила всё время, даже после развода.

— Я не знал.

— Она и сейчас *здесь*.

Я огляделся:

— В этом доме?

Голос её гас, как пламя свечи́.

— Нет, *у моей кровати*. Время наступает, Билли. *Я умираю*.

— Нет! — притянул я её к себе, крепко обняв. — Я этого не допущу! Я не утрачу тебя, только найдя.

Лили покачала головой:

— У каждого из нас своё время, Билли. Моё пришло и ушло.

— Тогда мы останемся здесь, в фантастическом мире, который ты создала. Я буду тебя защищать. Никто и ничто не причинит тебе вреда.

— Ох, Билли!

Она качала головой, когда я выводил её в коридор. Но я отпрянул, только заглянув за перила. *Там ничего не было*. Весь первый этаж скрылся в странном жемчужно-сером тумане.

— Какого чёрта…

— Этот мир уходит, Билли. Я слабею. Я уже́ не могу его удержать.

— Тогда *научи меня*, как построить его снова! Я силён. Я сделаю всё, что потребуется. — Туман уже́ клубился вверх по лестнице, и всё, чего он касался, сливалось с ним. Он дошёл до второго этажа, и всё правое крыло исчезло. Я схватил Лили за руку, и мы побежали по тому, что ещё осталось от коридора. — Быстрее! Скажи мне, как это восстановить!

— Это не поможет, Билли. *Смерть не обманешь*.

— Но я не хочу, чтобы ты умерла!

За нами серый туман одну за другой поглощал дивные картины детства.

— А я не хочу покидать тебя, — сказала Лили, когда мы дошли до главной спальни. — Но я *должна*.

— Не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать! — молил я её.

Теперь она ввела меня в комнату.

— Закрой дверь и запри, — сказала она. Сделав это, я заметил, что она сильно побледнела. Она упала мне на ру́ки, и я отнёс её под огромный балдахин. Когда я бережно положил её на кровать, она подняла глаза́ и сказала: — Всю жизнь я хотела когда-нибудь поспать на *такой* кровати. — Она поглядела на балдахин; я видел, как её глаза́ художницы отмечают все оттенки его цве́та, формы, текстуры. — Он как небо, правда? — прошептала она.

— Да, — ответил я. — Именно такой он. Как небо. — У неё на лбу и на верхней губе выступила испарина. — Лили…

Она повернула глаза́ ко мне.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Я знаю, Билли. Знаю.

Я уронил голову ей на живот, и мы долго обнимали друг друга. Потóм она очень слáбо позвала меня по имени. Дрожь прошла по моему телу.

— Не надо хотеть от Донателлы, чтобы она тебя любила больше, чем любит, — шепнула Лили. — Не жалей о том, что у вас с ней было.

— Но это всё кончено.

— Да. — Она вздохнула. — Кончено. Но ты *смотри вперёд*.

— Я не знаю, что ждёт впереди.

— Да, — шепнула она исчезающим голосом. — Но ведь в этом-то и смысл?

И тут я заплакал, о ней и о себе — но ещё и о *нас*, потому что то, что было у нас краткий миг, исчезло. И меня не было при ней в момент её конца. Как я завидовал Донателле! Как я заново оценил её за дружбу и преданность Лили!

Открыв глазá, я увидел, что стою в переулке за «Геликоном». В руке у меня был цветок лотоса чистейшей белизны. Касаясь тонких лепестков, я знал, что это Лили оставила мне доказательством, что наше время с ней не было галлюцинацией, вызванной временным помешательством или мескалём.

Вдруг я вспомнил о Майке. Дёрнув дверь, я влетел в бар, готовый звонить *911*.

— Ну, друг, — заметил Майк со своего обычного мéста за стойкой, — ты отливал, как пьяный слон!

Ошеломлённый, я только мигнул.

— Чего?

Где разбитые бутылки и зеркало, где ды́ры от пуль и кровь? Кровь Майка?

— Слушай, **чёрт** побери! Ты… ничего с тобой не случилось?

— Если не считать свалившейся гóры счетов для оплаты, ничего, — ответил Майк. — А что могло?

— Но ты же *погиб*, вот что! — Я дико осмотрелся. — Где тот псих с пистолетом?

— Единственный псих, которого я сегодня видел, это ты. Кроме тебя, сегодня утром тут вообще никого не было. — Майк поглядел на меня с каменной мордой. — Слушай, ты ведь уже́ два мескаля принял. Может, сделаешь перерыв и поешь? Я тебе яичницу сделаю.

Я заглянул в свою излюбленную кабинку, высматривая оставленные мной пустые бокалы, но не увидел на столе *ничего*, кроме кругов от стаканов, следов былых разгулов.

— Но я же выпил *три*!

— Да? — Майк почерневшей лопаткой выложил на сковородку жир. Разбил туда же па́ру яиц, и они зашипели. — Тогда, сын мой, ты начал ещё до́ма, потому что *здесь* ты выпил только *два*.

— Погоди минутку. — Я всё вертел в руках цветок лотоса, думая о Лили и той силе, которой смог достичь её разум. — Который час?

Майк всё с тем же озадаченным лицом посмотрел на часы на стене.

— Десять двадцать восемь.

— Утро понедельника, так?

Бедный Майк посмотрел на меня так, будто не знал, то ли следить за яичницей, то ли звать ребят из дурдома.

— Да, а что?

— Не знаю, — сказал я ему. Но я, наверное, *знал*. Звонок от Германа был в десять тридцать. Кажется, я оказался *перед* тем моментом, когда это всё началось. *Было ли это последнее необычное действие, выполненное Лили силой её разума, чтобы дать нам шанс оказаться вместе ещё раз до её смерти?* — Но у меня есть такое забавное чувство, что сейчас зазвонит телефон.

— Ага! — огрызнулся он. — А меня зовут Рудольф В. Джулиани[94].

Телефон зазвонил, и Майк подпрыгнул.

— Ну и ну! — произнёс он, пялясь на меня.

— Наверное, мне сто́ит снять трубку. — Я взял трубку и услышал голос Германа. Ага, именно так Лили и сделала. Я подмигнул Майку. — Это меня.

© Эрик ван Ластбадер

94 Мэр Нью-Йорка.

Эдвард Ли
«Реанимация»

Оно за ним гналось, и было оно **большое**. Но *что* это было? Он ощущал, как настигает его огромность, преследует по неосвещённым лабиринтам, за углы задушенной плоти, по переулкам кро́ви и сукровицы…

Матерь Божия пресвятая!

Когда Паон проснулся окончательно, казалось, у него стёрли разум. Его крушила тупая боль и скованность… Или это паралич? В голове неясные образы, голоса́, мазки света и цве́та. Фрэнсис Паон по кличке *Фрэнки* вздрогнул от ужаса перед неведомым, что гналось за ним по канавам и бороздам его собственного подсознания.

Да, он уже́ проснулся, но погоня вела к…

Налетающим силуэтам. Встряске. Кро́ви, брызнувшей на грязно-белые сте́ны.

И будто медленно наводился на резкость кадр, Паон наконец понял, *что* за ним гналось. Не киллеры. Не копы или федералы из бюро.

Гналось за ним — *воспоминание*.

Но **о чём?**

Мысли понеслись галопом.

Где я? Какого чёрта со мной стряслось?

Последний вопрос,[95] по крайней мере,[96] прояснялся. Что-то ведь стряслось. Что-то *катастрофическое*.

Комната расплывалась. Паон прищурился, скрипя зубами: без очков он не видел дальше трёх футов[97].

Но разглядел достаточно, чтобы понять.

Кожаные ремни с мягкой обивкой опоясывали его грудь, бёдра и лодыжки, фиксируя на кровати, которая казалась твёрже кафеля. Не пошевелиться. Справа стояли несколько металлических шестов, а на них —

95 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
96 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
97 В метрической системе 3 фута — это около 1 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

размытые пузыри. Длинная полоска спускается оттуда… к руке. Он догадался — капельницы. Полоска кончается внутри правого локтя. А вокруг запахи, которые ни с чем не спутать: антисептика, мази, изопропиловый спирт.

В больницу меня занесло, к хренам собачьим.

Кто-то, значит, его зацепил. Но… он просто не мог вспомнить. Воспоминания плясали фрагментами, преследуя его дух немилосердно. Стрельба. Кровь. Вспышки.

А близорукость оказывала ещё меньше милосердия. Возле кровати он видел только расплывчатый белый периметр, те́ни и лишённый объёма фон. Слышалось какое-то жужжание, вроде как далёкий кондиционер, и медленные, раздражающие попискивания: монитор капельницы. А наверху что-то раскачивалось. Подвесной цветок в горшке? Нет, больше похоже на складные рычаги, как бывает во врачебных кабинетах, вроде рентгеновской пушки. И расплывчатый ряд силуэтов вдоль стен — только ящики это могут быть, ящики с лекарствами.

Значит, я в са́мом деле в больнице. В реанимации. Ничего другого не придумаешь. И его хорошо пришпилили. Не только лодыжки, но и колени, и плечи. Правая рука привязана к выносной стойке под капельницу, и в локтевом сгибе белой лентой закреплена игла.

Паон глянул на своё левое плечо, на руку… Только рука[98] — без кисти́. А когда он поднял правую ногу…

Обрубок на несколько дюймов ниже колена.

Кошмар, захотелось ему подумать. Но преследующие воспоминания слишком реальны для сна, и боль тоже. **Сильная** боль. Больно дышать, глотать, даже моргать. И ки́шки сочились болью, как тёплой кислотой.

Кто-то меня щедро уделал. Тюремная больница, сомневаться не приходится. И наверняка за дверью стои́т легавый. Да, теперь он знал, *где* он, но страшно было другое — он не знал, *что* его сюда привело.

Воспоминания рвались с цепи́, гнались, бросались…

Тяжёлый топот. Крики.[99] Гремящий искажённый голос… как мегафон.

Господи Иисусе!

Снова попытался вспомнить — и снова не смог. Воспоминания теперь **подкрадывались**: пистолетные выстрелы, длинные автоматные очереди, ощущение куска собственного те́ла, подпрыгивающего в ладони…

— Эй! — крикнул он. — Помогите кто-нибудь![100]

98 В оригинале «Именно рука», т. е. пример некачественного перевода. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
99 В оригинале без точка. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
100 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Слева отозвался щелчок,[101] открылась и закрылась дверь. Тихие шаги — и выступила яркая размытая фигура.

— Как давно вы в сознании? — спросил бесцветный женский голос.

— Пару минут, — ответил Паон. В горле пульсировала боль. — Можете[102] подойти ближе? Я вас еле вижу.[103]

Фигура повиновалась, черты её стали резче. Совсем не легавый — это сестра. Высокая, черноволосая, с голубыми глазами и резкими выразительными чертами лица́. Белая одежда сияет ярким светом. На игривых гладких ногах переливается белый нейлон.

— Не знаете, где мои очки? — спросил Паон — Я чертовски плохо без них вижу.

— Ваши очки остались на месте преступления, — ответила она без интонаций.

На месте преступления, мелькнула неуклюжая мысль.

— Мы пошлём за ними кого-нибудь, — добавила она. — Это будет не очень долго. — Безразличные глаза́ оценивали его. Она наклонилась, определяя его состояние. — Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно. Ки́шки болят, как сволочи, а рука… — Паон скосил глаза́ и приподнял забинтованный обрубок. — А, блин!

Даже спрашивать не хотелось.[104] Сестра отвернулась к монитору капельницы, а Паон продолжал борьбу с грузом навалившихся воспоминаний. Где-то в глубине сознания завертелись новые картины. Осколки дерева и потолочной плитки дождём на плечи. Бешеная какофония, которую создаёт только пулемётная стрельба. Разлетевшаяся брызгами голова.

Сестра с непроницаемым лицом повернулась к нему снова.

— *Что* вы помните, мистер Паон?

— Я…

И больше он ничего не сказал. Только поднял глаза́. Паон никогда не носил на работе никаких настоящих документов, а ездил только на угнанных или с поддельными номерами. У него из горла вырвался вопрос:

— Откуда вы знаете моё имя?

101 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
102 В оригинале недостаточное «Может». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
103 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
104 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мы *всё* о вас знаем, — ответила она, разворачивая лист бумаги. —[105] Полиция нам показала этот телетайп из Вашингтона. Фрэнсис К. Паон по кличке «Фрэнки». Семь псевдонимов. Тридцать семь лет, холост, официальное место жительства неизвестно. В 1985 году́ вы были осуждены за бегство из штата с целью уклониться от обвинения, перевозку между штатами порнографических материалов с участием несовершеннолетних и многочисленные нарушения Раздела 18 Кодекса Соединённых Штатов. Два го́да назад вы были выпущены из федерального пенитенциария Олдертон после отбытия шестидесяти двух месяцев одновременного отбывания одиннадцати и пятилетнего срока тюремного заключения. Известны ваши связи с преступной семьёй Винчетти. Вы специалист по детской порнографии, мистер Паон.

Господи, сгорел на фиг! Кто-то меня подставил.

Сейчас это уже́ не трудно было заключить. Он лежит в реанимации, привязанный к кровати, продырявленный, как мишень в тире, без руки́, без ноги́, а эта флегматичная сука зачитывает ему его собственный послужной список из факса ФБР. Уж точно его взяли не при попытке подломить мелочную лавочку.

— Вы сами не знаете, *что* несёте, — сказал он.

Её глаза́ полыхнули на него огнём, а лицо было будто вырезано из камня.

Ага. Спорить могу, что у неё есть пара ребятишек, которые сачкуют школу и посасывают травку. Спорить могу, что у неё сломалась машина и как раз кончилась страховка, а муженёк каждый вечер опаздывает к ужину, потому что слишком занят на работе, отбарабанивая секретаршу и слизывая колу у неё с сисек, и тут выясняется, будто это я виноват, что мир — говённая дыра, полная извращенцев и педофилов. Это моя вина́, что столько народу отдают свои праведные денежки за картинки с детками, так, лапонька? Давай, гвозди меня. А что? Да, а наркотики? А спад экономики, Ближний Восток и озоновая дыра? Это ж тоже я виноват, нет?

Когда она снова заговорила, в её голосе будто перекатывался гравий.

— Что вы помните?

Этот вопрос и ему не давал покоя. Перед близорукими глазами по комнате проносились обрывки воспоминаний — впивающиеся в тело пули, скрежет мегафона, вылетающие в облаке дыма стреляные гильзы — и эти обрывки гнались за ним и дальше, крались беспощадно, как дикая кошка крадётся за оленёнком, а Паон всё бежал и бежал, отчаянно желая знать и всё равно не смея оглянуться…

— Да ни хрена, — ответил он наконец. — Ничего не могу вспомнить,[106] какие-то кусочки.

105 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
106 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сестра, казалось, обращается больше к себе, чем к нему.

— Преходящий эффект глобальной амнезии, ретроградной и, как правило, не связанной с афазией. Вызывается острым травматическим шоком. Не волнуйтесь, это симптом кратковременный и бывает у всех. — Огромные голубые глаза́ снова впились в него бурами. — Так, я думаю, что могу освежить вашу память. Несколько часов назад вы убили двух полицейских штата и федерального агента.

У Паона отвалилась челюсть.

Погоня сразу закончилась, дикая кошка памяти вцепилась в свою добычу —[107] разум. Он вспомнил всё, кусочки легли на место, как булыжники под катком.

Оригиналы. Родз. Ролики. И вся эта кровь.

✷ ✷ ✷

Новый день — новый десяток килодолларов, подумал Паон, подымаясь на третий этаж в квартиру Родза. На нём были шерстяные перчатки — не такой же он кретин, чтобы оставлять отпечатки пальцев где-нибудь поблизости от логова Родза. Он постучал в дверь шесть раз, насвистывая «Люби меня нежно» Кинга.

— Кто там? — раздался грубый голос.

— Санта-Клаус! — ответил Паон. — Ты бы каминную трубу, что ли, завёл.

Родз впустил его внутрь и быстро запер за ним дверь.

— Хвоста не привёл?

— Нет, только полный автобус агентов минюста и телеоператор с репортёром из «60 минут».

Родз окрысился.

Ну и хрен с тобой, если ты шуток не понимаешь, подумал Паон. Родза он недолюбливал — мразь из Ньюарка, псих ненормальный. С виду Натан Родз смахивал на исхудавшего Крошку Тима после неудачной подтяжки лица́: длинные кудрявые чёрные волосы на голове пухленького медицинского кадавра, глубокие носогубные складки на щеках. Работу Родза на профессиональном жаргоне называли «*съёмщик*» — так сказать, *субподрядчик*. Он похищал детей или получал их от работающих

107 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

самостоятельно агентов и сам снимал ленты. «*Круг*» — так называло министерство юстиции этот бизнес: подпольную порнографию. В этой промышленности вертелись полтора миллиарда долларов в год, и тут не снимали фигню, которую можно взять напрокат в «Метро видео». Паон возил всё подпольное видео: ролики с изнасилованием, гомики, кадры с животными, испражнения, мокруха[108] и (самое главное) «*до*» и «*пред-подростки*». Он забирал оригиналы у таких, как Родз, и перевозил их в «тиражные» лаборатории Винчетти. Сеть Винчетти контролировала почти всю подпольную порнуху Востока; Паон был посредником, членом Семьи́. Всё это работало через почтовые ящики и тайные пункты распространения. Винчетти платил за двадцатиминутный оригинал два куска, если разрешение было хорошее; с каждого оригинала делались сотни копий и продавались клиентам — любителям извращений. «*Дубари*» — парни, которые делали фактическую работу собственными штырями — нанимались со стороны́, и таким образом никто не мог бы выйти на самого́ Винчетти. Паону самому́ приходилось малость хлебнуть дерьма — в его работу входила проверка каждого оригинала на качество: обдолбанные мотоциклетные девицы отсасывают у жеребцов и кобелей, психи испражняются друг на друга и часто пожирают извержения своих кишок. Дубари обрабатывают беременных девчонок, умственно отсталых, инвалидок, уродок. И *мокруха*. Паона это забавляло: несмотря на всю нелепость, находились люди, которые **платили**, чтобы *это* посмотреть. Они **заводятся** от этого. *Что за блядский мир,* думал он не раз, *но стоп: Спрос и Предложение — разве это не есть Американский Образ Жизни? Не будет снабжать клиентов Винчетти — будет кто-то другой, пока существуют деньги…*

Я просто беру свою долю, твёрдо решал Паон. Самые больши́е заказы были всегда на ДП. Согласно федеральной статистике, каждый год пропадали и больше не появлялись 10 000 детей, и большинство из них затягивал в себя Круг. Чем моложе дети, тем дороже ленты. Когда дети вырастали (до четырнадцати-пятнадцати лет), их продавали за границу или выпускали на улицу работать в сети́ проституции Винчетти. Одно кормит другое. Да, это блядский мир, верно, но это не проблема Паона.

Конкуренция была хилая. Только ещё одна Семья на Востоке работала в подпольном порно. Семья Бонте, и у них была вражда с Винчетти, имеющая давние корни. Обе Семьи́ воевали за каждый кусок трудного рынка, но Семья Бонте работала лишь в узких рамках, и над причиной этого Паон просто смеялся. Дарио Бонте, дон, считал, что делать детей жертвами неэтично. Ну разве это не смешно? Этот сукин сын растягивает баб и ставит их в фильмы с дерьмом, пока они с голоду не сдохнут, но не может трогать деточек. **Что за мудак!** Всё равно все главные деньги идут из ДП. Неудивительно, что Бонте теряет последние штаны. И время от времени какие-то иностранные банды пытаются потеснить Винчетти с помощью ДП из Европы.

Но эти банды долго не живут.

108 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Так или этак, а работа у Паона простая: покупать оригиналы, возить их в лабораторию и держать съёмщиков в руках — вот таких безмозглых и безглазых, как Родз.

— У меня для тебя пять штук, — сказал Родз. — Обычных. — Голос у него был насморочный и скрипучий:[109] гвоздь по шиферу —[110] и то музыка по сравнению. —[111] Но я тут, знаешь, подумал.

— О, ты ещё и думаешь? — спросил Паон. Никогда он не видел такой помойной квартиры. Тесная гостиная уставлена мебелью типа «сложи сам», грязные сте́ны, вытертые ковровые плитки на полу́, омерзительная кухня. **Не Букингемский ни фига дворец.**

— Насчёт того, что два килодоллара за ролик —[112] сильно тощая сумма по нашим дням, — гнул своё Родз. — Слушай, два жалких куска за оригинал, который ребята Винчетти отдублируют сотнями? Ему от этого хорошая зелень капает. А мне? Я же каждый раз, когда делаю для него мастер-ленту, подставляю шею на це́лую милю.

— Это потому, что тебя родили с шеей длиной в милю, Икабод[113].

— Я думаю, что два с полтиной хотя бы — это справедливо. Потому что слышал, что семья Бонте платит три.

— Бонте не делают детского порно, дубина, — проинформировал Паон. — И это знают все, кто в нашем бизнесе.

— Ага, но они же делают мокруху и прочую крутизну. А это я задницей рискую, когда делаю оригиналы. Так что мне надо бы и прибавить.

Паон уставился на него тяжёлым взглядом сверху вниз.

— Так вот что, Родз. Без балды. Ты делаешь ленты для Винчетти и *только* для Винчетти. Точка. Хочешь совет? Даже не думай насчёт продать своё барахло другой семье. Последний, кто проделал такой фокус — знаешь, что с ним было? Джерсийские копы нашли его в прачечной жилого до́ма — он там висел вниз головой. Сожжённый. И ещё ему отрезали хрен и отправили по почте его бабушке в Сан-Бернардино.

У Родза дёрнулось лицо.

— Да нет, я же говорил, два куска за ленту — это звучит нормально.

А то, подумал Паон.

— Так где же зелень?

Паон направился в спальню, где Родз делал свою работу.

109 В оригинале тире вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
110 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
111 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
112 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
113 Ichabod, Ихавод, Икабод — сын священника Финееса (Phineas), внук первосвященника Илии (Elijah, Элайджа, Илайджа). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты хвоста собачьего не получишь, пока я не увижу плоды твоего труда.

Он сел на кушетку, которая — можно не сомневаться — служила реквизитом в десятках роликов Родза. На треножниках стояли профессиональные камеры и юпитера — уж никак не то дерьмо, что продаётся на радиобарахолках. Оригиналы надо снимать на высокоскоростных лентах большого формата шириной дюйм с четвертью[114], чтобы на копиях сохранялась хорошая контрастность. Пять коро́бок с лентами лежали перед «Сони тринитрон» с диагональю тридцать пять дюймов[115] и студийным плеером «Томпсон электроникс».

— Классные ребятки на этот раз, — похвалил сам себя Родз. — На уровне.

Иногда детёныши балдели от камеры или просто выпадали; многие страдали от внутриутробного кокаина, алкоголизма или внутриутробных повреждений. Бывало, что Паона действительно печалило положение дел в этом мире.

Теперь наступила самая неприятная часть работы. Паон должен был сидеть и осматривать каждый оригинал: освещение, разрешение и чёткость. Он вставил первую кассету…

Ну и ну! — подумал он. На экране задвигались бледные фигуры. В общем, они были всегда одинаковы. Что Паона больше всего доставало — это их ли́ца, жалкие ли́ца детишек, их **выражения**, когда дубари Родза пускали в дело свои штыри. **О чём они думают? Что творится у них в голове?** То и дело ребёнок заглядывал в камеру с выражением, не поддававшимся описанию…

— Дай мне хотя бы просветить бабки ультрафиолетом, пока ты смотришь, —[116] сказал Родз.

— А, да. На.

Паон кинул ему набитый пакет, а сам продолжал смотреть, и ему казалось, будто его лицо вылеплено из глины. Родз всегда придумывал к своим роликам забавные заглавия, вроде «Вазелиновый переулок», «Юные и безволосые», «Перфораторная». Пока что Родз натянул нейлоновые перчатки и вытащил из пакета пачку сотенных. Десять кусков сотнями — это не очень впечатляющее зрелище. Каждую бумажку он просвечивал с обеих сторон ультрафиолетовой кварцевой лампой. Техники казначейства всё время работали в контакте с минюстом и Бюро. Любимый их трюк — это метить деньги невидимыми красками уранил-фосфата. Неубиенная улика для суда.

— Достаточно для тебя *чисто*? — спросил Паон. — Для такого *чистоплюя*, как ты?

114 В метрической системе 1 ¼ дюйма — это около 32 мм. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
115 В метрической системе 35 дюймов — это около 89 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
116 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну, выглядят нормально. — Лицо Родза отсвечивало ультрафиолетом, пока он занимался инспекцией. — И номера́ не подряд. Нормально.

Паон снова повернулся к экрану и вздрогнул. На последней ленте был сам Родз с зачёсанными назад волосами и фальшивой бородой. Он тоже пускал в ход свой штырь. Паон скривился.

— Здо́рово, да? — Родз усмехнулся своему изображению на экране. —[117] Всегда хотел сниматься в кино.

— «Оскара» тебе надо дать. За лучшее извращение.

— Кто бы говорил про извращения! Я только фильмы снимаю. Это ваши люди их продают.

Родз был по-своему прав. **Все мы в одной игре.** Когда платят хорошие деньги, делаешь, что приходится делать.

— Всё, я пошёл, — сказал Паон, когда последний оригинал щёлкнул и отключился. Он собрал ленты и вышел в гостиную вслед за Родзом. — Не могу сказать, что приятно было зайти.

— Ты бы со мной повежливей, — хихикнул Родз. — Как-нибудь я мог бы и тебя пустить в фильм. Ты после этого уже́ не будешь прежним.

— А ты не будешь прежним, если я оторву тебе голову и засуну тебе же в задницу.

Возле двери́ лицо Родза снова растянулось в морщинистой улыбке.

— До следующего раза… Предложил бы я тебе пожать руку, но у меня тут всё так измазано…

— Спасибо за заботу.

Паон протёр очки платком, потянулся к двери́…

Ба-БАХ!

— Твою мать! — выдохнул Родз

… дверь вылетела из рамы. Не распахнулась, а **рухнула вниз**, и это перестало быть удивительным, когда Паон в мгновенном оцепенении увидел, *какого размера* коп стои́т за ней со стальным тараном в руке. И коп *ещё здоровее* двумя руками наводил в комнату взведённый револьвер.

— Ни с ме́ста! Полиция!

Паон быстрее, чем когда-либо в жизни, обхватил рукой Родза и дёрнул на себя. Родз ахнул, обмочив штаны, когда Паон выставил его живым щитом. Грохнули два выстрела, обе пули чавкнули, войдя в грудь Родза.

— Сдавайся, Паон! — посоветовал коп. — Выхода нет!

117 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Врёшь, сука! — подумал Паон.

Родз передёрнулся, с хрипом заливая грудь кровью, и вдруг обвис мёртвой тяжестью. Но это движение дало Паону время нырнуть под кухонный стол и вытащить свой «SIG-220» с полной обоймой разрывных пуль. **Быстрее!** — приказал он себе, высунулся, послав две пули, и снова нырнул вниз. Обе пули вошли копу в горло, и Паон услышал влажный шлёп.

В двери́ застыли те́ни, и грохнул мегафон:

— Фрэнсис Паон по кличке Фрэнки, вы окружены агентами министерства юстиции и полиции штата. Бросайте оружие и сдавайтесь. Бросайте оружие и сдавайтесь, бросайте оружие и сдавайтесь…

И снова, и снова и снова.

Паон вытащил запаску — тупоносый «кольт» — и бросил его на кухонный стол. Тут же вломились ещё один полицейский и с ним хмырь в штатском. **Ну и мудаки**, успел подумать Паон, снова высовываясь и давая две короткие очереди по две пули. Коп завертелся на месте, получив обе пули в подбородок. Штатский из минюста получил свою па́ру между глаз. Паон успел заметить краем гла́за, как разлетелась его голова и мозговая каша плеснула на сте́ны.

Хрен вы меня возьмёте! Паон ощутил вдруг неожиданное спокойствие. **Задняя комната. Окно. Прыжок в кусты с третьего этажа.**

Это был единственный шанс…

… Которого не было.

Он не успел двинуться, как комната… *задрожала*. Трое из SWAT[118] штата в кевларовых бронежилетах влетели внутрь почти балетным движением, и мир рухнул в хаос. Пули летели мимо Паона волна́ми. Автоматы М-16[119] плевались горячей латунью и стрекотали, как газонокосилки, выбивая ды́ры в стенах, раздирая в клочья кухню.

— Сдаюсь! — крикнул Паон, но автоматный огонь только усилился. Паон свернулся в клубок, и всё вокруг стало распадаться на части. Пули летели обойма за обоймой, разбивая ящики, перемалывая кухонный стол и пол, и от Паона тоже мало что осталось. Левая кисть повисла на одном сухожилии, правую ногу будто отгрызло. В живот впилась горячая серебристая сталь.

И тишина.

В животе горело, как напалм проглотил. Сознание уносилось на волна́х запаха сгоревшего кордита. Паон чуть отполз; очки были заляпаны кровью. Санитары унесли мёртвых полицейских, люди в синем вошли в кухню,

118 Спецотдел полиции «Специальное оружие и техника».
119 В оригинале «М-16» кириллицей, хотя несомненно подразумевается американская штурмовая винтовка. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

выставив впереди дымящиеся стволы автоматов. Как туман, висели в горячем воздухе квакающие разговоры по радио, потóм Паона протащили по озеру крóви.

В глазах замигало белое и красное, двéри машины «скорой помощи» с лязгом захлопнулись.

✷ ✷ ✷

— Господи ты Боже! — шепнул он.

— Я же вам говорила, что вы *вспомните*, — сказала сестра.

— Серьёзно я ранен?

— Не смертельно. Антибиотики внутривенно остановили перитонит, а санитары вам наложили жгуты на руку и на ногу, и вы не успели потерять слишком много крóви. — Она прищурилась. — Вам повезло, что в этом штате нет смертной казни.

Это да, медленно подумал Паон. А федеральные законы разрешают высшую меру лишь в случае убийства агента при контрабанде и торговле наркотиками. Его засадят пожизненно без прáва помилования, это можно не сомневаться, но всё лучше, чем удобрять кладбище. Федеральные тюрьмы куда лучше кутузок штата, к тому же Паон — убийца копа, а таковые в камере сразу получают иной статус. Никто его не попытается опустить.

Могло быть хуже. Это он теперь понимал.

Паон вспомнил, как объяснял Родзу насчёт его уверенности, что ничего с ним не случится. Паон же надеялся на своё оружие. Его подставили, окружили, продырявили, как швейцарский сыр, и он руку и ногу оставил в кухне у Родза, зато он жив.

Ага. Надежда умирает последней.

— Чему вы улыбаетесь? — спросила сестра.

— Не знаю. Наверное, просто рад, что живу… Да, в этом всё дело.

И это была правда. Несмотря на довольно очевидные обстоятельства, Паон был *счастлив*.

— Рады, что живёте? — В голосе сестры слышалось холодное отвращение. —[120] И вам наплевать на убитых вами людей? У них были жёны, сéмьи. Дети. Эти дети теперь осиротели. И люди погибли по вашей вине.

120 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Паон пожал плечами, насколько это ему удалось.

— Жизнь — игра. Они проиграли, а я выиграл. Это они хотели играть жёстко, а не я. Не трогали бы они меня, у деток остались бы папочки. Я не собираюсь угрызаться, что завалил несколько ребят, которые хотели завалить меня.

Да, забавно. Боль в животе становилась всё острее, но Паон всё равно не мог сдержать самодовольства. Хорошо бы сейчас вернуть себе очки, чтобы лучше разглядеть эту сестру. Чёрт, да и холодного пива сейчас хорошо бы, и затяжку. И ещё снять бы эти больничные ремни. Отпраздновать возвращение жизни, и в порядке празднования засадить бы этой заносчивой суке-сестре. Ага, завалить её на койку и задать работу её охолодавшей[121] дырке. Уж тогда бы с неё крахмал пообсыпался.

И Паон начал по-настоящему смеяться. Ну и карты выпадают в этом мире! Да, пути Господни неисповедимы.

Зато у Него хотя бы есть чувство юмора. Да, забавно до чёртиков. **Три копа откинули копыта, а я тут лежу в кайфе и уюте и лапаю глазами эту сучку.**

Тихий и отрывистый смех Паона не смолкал.

Сестра включила радио, чтобы заглушить неуместное веселье пациента. Она стала проверять пульс Паона и маркировать капельницы, а по радио доносились вечерние новости. Ведущий бубнил главные события дня. Жертвой необычайной жары в Техасе стали ужé сто человек. На следующей неделе обезжиренное масло выйдет на рынок. Главный хирург США обращается к производителям с просьбой приостановить выпуск силиконовых имплантантов[122] для яичек, а где-то в Африке взорвали американское посольство. И это было ещё смешнее: весь мир с его дуростью перестал для Паона что-нибудь значить. Он на всю жизнь загремит за решётку. Так какое ему дело до всех мировых событий, плохих или хороших?

Он прищурился, пытаясь рассмотреть, кто это ещё к нему вошёл. Из размытых контуров комнаты выступило лицо: мужик лет шестидесяти, белоснежные волосы и серые пушистые усы.

— Добрый вечер, мистер Паон. Я доктор Уиллет. Решил зайти и посмотреть, как вы тут. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Раз вы спрашиваете, док, я бы не возражал, чтобы мне вернули очки. И если правду вам сказать, не возражал бы против замены сестры. У этой дружелюбие,[123] как у бешеной собаки.

Уиллет в ответ только улыбнулся.

---

121 Надуманное слово. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
122 Искажённая форма написания (неправильное, но встречается) «имплантат». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
123 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы были тяжело ранены, но зато можно не волноваться насчёт инфекции или потери кро́ви. При множественных огнестрельных ранениях с этим всегда проблемы. Рад вам сообщить, что — учитывая всё происшедшее — вы[124] на удивление в хорошем виде.

Ну и отлично, подумал Паон.

— И должен вам сказать, — продолжал Уиллет, — я хотел с вами познакомиться. Вы — первый детский порнограф, с которым мне представилась возможность поговорить. В некотором экзотическом смысле вы знамениты. Стоя́щий вне закона ренегат.

— Да, я бы вам дал автограф, — пошутил Паон, — да вот проблема: я левша.

— Отлично, вот что значит не падать духом. Нужно иметь характер, чтобы сохранить юмор после того, через что вам…

— Т-с-с! — зашипела сестра. Её размытый контур дрожал и нервничал. —[125] Это *оно*… кажется, оно.

Паон состроил гримасу. Из радио всё так же бубнил диктор:

— … в результате длившейся год тайной операции федеральных сил. Один из подозреваемых, Натан Родз, был убит на месте в яростной перестрелке с полицией. Погибли также двое сотрудников полиции штата и специальный агент министерства юстиции. Согласно заявлению властей, они были убиты вторым подозреваемым, предполагаемым агентом мафии по имени Фрэнсис Паон по кличке Фрэнки. Сам Паон находился в разработке по тем же обвинениям; считается, что он тесно связан с преступным синдикатом Винчетти, который, по оценкам экспертов, контролирует более пятидесяти процентов рынка детской порнографии в США. Представитель полиции далее заявил, что во время перестрелки Паону удалось скрыться с ме́ста преступления и в настоящий момент он объявлен в розыск штата.

Мысли Паона медленно оседали на дно.

— То есть как это… *скрыться*?

Сестра *улыбалась*. Она открыла дужки очков в тёмной оправе и надела их на Паона…

Наконец-то размытая комната навелась на резкость.

Что за так твою мать?

Его окружали шторы, как и полагалось бы в реанимационном отделении, но сейчас он заметил и кое-что другое. Сверху — это был не рентгеновский аппарат, а складная стойка с микрофоном. И на одном из штативов была вовсе не капельница, а направленная галогеновая лампа.

124 В оригинале без «вы», из-за чего теряется связность и удобочитаемость. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

125 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что это за больница такая? — резко спросил Паон.

— А, это не больница, — объяснил Уиллет. — Это явочная квартира.

— Одна из явочных квартир дона Дарио Бонте, — любезно добавила сестра. И снова Уиллет:

— А мы — его личный медицинский персонал. Вообще говоря, наши обязанности совсем не связаны с его работой. Когда подстрелят кого-нибудь из людей дона — им занимаемся мы, поскольку местная больница в определённом смысле менее надёжна.

Бонте, подумал Паон в медленном ужасе. **Дарио Бонте, единственный соперник Винчетти.**

— А полиция была только рада передать вас нашему достойному работодателю, — говорил Уиллет. — Половина всей полиции у него на жалованье… и таким образом несчастных налогоплательщиков избавят от расходов на судебный процесс.

Паону казалось, что сейчас он выблюет своё сердце.

Сестра хихикала так, что гру́ди тряслись.

— Но мы не собираемся просто так вас убивать…

— Да, у нас до этого запланированы некоторые интересные и́гры , —[126] пояснил Уиллет. — Понимаете ли, наше дело — проследить, чтобы вы дожили до момента, когда сюда приедет *Малыш*…

Щёлкнула дверь, и сестра отодвинула шторы, открывая типичный подвальный интерьер. Но Паон увидел не только это. В дверях перед ступеньками стоял пугающе мускулистый молодой парень с короткой стрижкой и каменными чертами лица́ и…

Господи Иисусе мать твою пресвятую…

Штаны у него так вздувались спереди, будто там пара картофелин.

— Угадай с трёх раз, за что его прозвали *Малышом*! — залилась хохотом сестра.

— И ещё с трёх раз угадайте, *что* будет дальше, — предложил Уиллет. У него на плече оказалась профессиональная «Сони-бетакам». — Видите ли, мистер Паон, пусть **ваш** босс захватил долю рынка, относящуюся к детской порнографии, но у **нашего** босса есть доля во всём остальном. Понимаете, я имею в виду продукцию для **настоящих** психов. Вы же, как безрукий и безногий — да ещё и с огнестрельной раной в животе, — для нас **совершенно особая** возможность… — вы улавливаете мою мысль?

126 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда Малыш стал спускать штаны, Паон блеванул себе на грудь. Сестра всадила ему в руку иглу — амитал натрия, не столько, чтобы он отрубился, но чтобы не слишком отбивался. Потóм сестра сняла с него ремни и перевернула.

Швы на животе Паона стали лопаться; шаги Малыша всё ближе…

— Ну, как говорится, — с энтузиазмом произнёс Уиллет, — *камера, мотор*!

© Эдвард Ли

Эд Горман «Энджи»

— Прошлой ночью он нас слышал, — пробурчал Рой.

— Слышал *что*?

— Слышал наш разговор о Джине.

— Не может быть. Он же спал.

— Я тоже так думал. Но пошёл в сортир, увидел, что дверь его комнаты приоткрыта, и заглянул к нему. Он сидел на кровати и *слушал*.

— Наверное, он только что проснулся.

— Он слышал наш разговор.

— Откуда ты знаешь?

— Я его *спросил*.

— Да? И что он тебе ответил?

— Что *ничего не слышал*.

— Видишь, я же тебе говорила.

— Он *соврал*.

— С чего ты так решил?

— Он ведь мой сын, так? Так что я знаю. Прочитал всё на его лице.

— Пусть он и слышал, что с того?

Рой в изумлении уставился на неё.

— *Что с того*? Он же пойдёт к копам.

— *К копам*? Рой, ты рехнулся. Ему девять лет, и он твой сын.

— Этому маленькому мерзавцу на меня насрать, Энджи. Он всегда был маменькиным сынком. И теперь, когда он знает…

Он мог и не продолжать. Энджи работала официанткой в закусочной для дальнобойщиков, когда встретилась с Роем. Тот жил в трейлере с сыном, Джейсоном, и женой, Джиной. Энджи ему сразу приглянулась. Когда у неё

выдавался выходной, он возил её в Сидар Рапидс[127], они ходили в танцевальные клубы. И всегда отлично веселились, во всяком случае, до того момента, как Рой напивался и начинал задирать чёрных, которые танцевали с белыми девушками. Некоторые из друзей Роя только и говорили о том, что *надо взрывать увеселительные заведения, куда пускают чёрных, евреев и геев*. Рой регулярно отдавал им часть награбленных денег. Так Рой зарабатывал на жизнь. Грабил банки, обычно в маленьких городах, расположенные подальше от центра. Рой был профессионалом. Заранее тщательно всё просчитывал. Готовил маршруты отхода, выяснял, где установлены видеокамеры, какой из кассиров быстрее отдаст деньги. В девятнадцать его взяли за вооружённое нападение на автозаправку. Он[128] отсидел шесть лет в Форд-Мэдисон и дал себе слово никогда больше не попадаться. Ему ужé исполнилось тридцать шесть, и после освобождения из тюрьмы с полицией он больше не имел никаких дел. Энджи нравилось, что у него была цель в жизни. Рой хотел ограбить один банк в Де-Мойне. Он говорил, что по пятницам, когда туда привозили жалованье, там можно взять полмиллиона долларов. На такие деньги они могли поехать в Вегас, а потóм в один из городков Юты, где жили только белые. Вот эта черта Роя Энджи не нравилась. Она не понимала политики, и рассуждения Роя и его дружков о засилье евреев, гомиков и цветных вызывали у неё зевоту. Но она умела спать с открытыми глазами. Что она и делала, когда Рой и его дружки заводили разговор о существовании некоей милиции, в которую неплохо бы вступить и поставить на место всю эту сволочь.

Жена в конце концов прознала об Энджи и закатила Рою скандал. Разводиться она не желала и пригрозила, что расскажет копам об ограблениях банков на Среднем Западе. Поэтому одной дождливой ночью Рой её и убил. Пырнул ножом под правую грудь, а потóм перерезал горло. Сунул тело в большой пластиковый[129] мешок, добавил сто фунтов[130] камней, и безлунной ночью подъехал на своём «форде» к реке и бросил мешок в воду у дамбы. А

127 В оригинале всюду по тексту (см. 135, 138, 142, 143, 164) варварская транскрипция «Седар Рэпидс», хотя несомненно подразумевается Cedar Rapids, т. е. Сидар-Рапидс — город на востоке штата Айова (Iowa), на р. Сидар (Cedar River). В 2000 г. 120,7 тыс. жителей (около четверти населения — потомки иммигрантов из Чехии). Основан в 1838 г. выходцами из Богемии, назван так из-за порогов на р. Сидар; статус гóрода с 1856 г.. Административный центр (county seat) óкруга Линн (Linn County). Крупный промышленный и торговый центр восточной Айовы, в центре «Кукурузного пóяса» (Corn Belt). Производство электрооборудования, строительной техники, металлообработка, пищевая промышленность — известен крупными предприятиями по производству готового завтрака (breakfast cereal), из-за чего его иногда называют «Городом готовых завтраков» (Cereal City). Первый ядерный реактор в штате находится в местном центре энергетических исследований (Duane Arnold Energy Center). Колледж Коу (Coe College, 1851 г.), колледж Маунт-Мерси (Mount Mercy College, 1928 г.), местный колледж Кирквуд (Kirkwood Community College, 1966 г.). Среди достопримечательностей: т. н. Масонская библиотека (Masonic Library, 1884 г.), художественный музей, где представлены работы художника-реалиста и видного представителя художественного регионализма Гранта Вуда (Grant Wood), Муниципальный остров (Municipal Island) на реке. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

128 В оригинале неуместное «От». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

129 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

130 В метрической системе 100 фунтов — это более 45 ⅓ кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пото́м Рою не давал покоя его сын. Он плакал и всё время спрашивал, где его мама. Рой с са́мого начала не хотел ребёнка, узнав, что станет отцом, не раз дубасил Джину, но та не пожелала сделать аборт. Даже тогда он мечтал о том банке в Де-Мойне. А когда у тебя столько денег, на кой чёрт нужен ребёнок? Но Джина добилась своего, и у Роя появилась новая обуза. А вот теперь Джейсон подслушал их разговор и узнал, *кто* убил его мать. Рой не сомневался, что этот маленький говнюк рано или поздно сдаст его копам.

— … Не волнуйся, я всё улажу, — добавил Рой. Энджи не отрывала от него глаз.

— Иногда ты меня пугаешь,[131] Рой. Честное слово. *Он же твоя плоть и кровь.*

— Я его *не хотел*. Это всё Джина.

— И ты *убил* Джину.

— Ради тебя, — напомнил он. — Я убил её *ради тебя*. Чёрт, опять мы взялись за старое. Спорим, я этого не хочу, да и ты тоже. Иди-ка сюда. Этот парень просто связывает нас по рукам и ногам.

Ему нравилось, когда она садилась к нему на колени. У него сразу всё вставало, а уж если она начинала чуть ёрзать, член разве что не рвал брюки. А пото́м, как и сейчас, они укладывались на большу́ю тёплую кровать.

— Мне пора в город, — сказал он, когда они насытились друг дру́гом. —[132] Хочу посмотреть, что к чему.

Речь, конечно же, шла о банке. Рой собирался ограбить его послезавтра. Деньги подходили к концу. Менеджер трейлерной стоянки уже́ не один раз напоминал Рою, что пора платить за аренду.

— Когда он вернётся из школы, ничего ему не говори, — предупредил Рой.

— Хорошо.

— Я сам всё улажу.

— Хорошо.

— Так будет лучше для нас всех. — Рой попытался подбодрить её. —[133] Мы же повсюду таскаем с собой *этого* ребёнка. Такая жизнь не для нас. Нам нужна свобода, крошка. Такие уж мы люди. Не можем без свободы.

Рой и раньше убивал людей, но её это нисколько не волновало. Но она знала, что *детей он не убивал*. А тут речь шла о *собственном* ребёнке.

В последний раз он поцеловал её гру́ди и вылез из кровати.

131 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
132 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
133 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я разберусь с Джейсоном, а потóм мы пойдём на танцы. Хорошо?

— Хорошо, Рой.

Она знала, что Рой от своего не отступится.

✷ ✷ ✷

Однажды, когда Энджи было тринадцать, её бабушка сказала: «*Такое тело когда-нибудь доведёт её до беды́*». Ирония состояла в том, что и у бабушки в своё время, в молодости, было точно такое же тело, гру́ди и бёдра, которые сводили мужчин с ума. Как и у матери Энджи, с которой в тот момент говорила бабушка.

Для бабушки беда обернулась тем, что её накачал солдат, приехавший в отпуск со Второй мировой войны́, в результате чего на свет появилась Сюзи, мать Энджи. Та же беда не обошла и Сюзи: её накачал солдат, приехавший в отпуск с вьетнамской войны́, в результате чего на свет появилась Энджи.

А вот само́й Энджи раздвинутые ножки принесли гораздо больше неприятностей. Как-то раз она увидела по ти-ви какой-то фильм про красивую женщину, которую всё время называли *содержанкой*. Женщина целыми днями слонялась по роскошной квартире. Прекрасно выглядела, аренду платил какой-то старичок, заваливал её подарками и чуть не умирал от горя, если содержанка хоть в чём-то выражала неудовольствие.

А ведь она была простой девушкой из Айовы, с таким же великолепным телом, как у Энджи. Стоило ли удивляться, что Энджи тоже захотелось стать содержанкой?

В пятнадцать лет она убежала из до́ма с тридцатидвухлетней женщиной из Омахи, которая поселила её в отеле в Де-Мойне. За три го́да Энджи переспала с десятью мужчинами и скопила около тысячи долларов. Один из них был чёрным, что и заставило Энджи призадуматься. Ей не составило труда представить себе, *что* скажет отец, узнав, что она: а) спит с мужчинами за деньги; б) спит с *чёрными* мужчинами за деньги.

Поэтому она вернулась домой. Её отец, который работал в мастерской по ремонту бытовой техники, не мог оплатить услуги частного психоаналитика, поэтому Энджи направили в Департамент социальной защиты о́круга, где она могла получить бесплатную психиатрическую помощь. Она потратила два часа́, отвечая на вопросы миннесотского многофакторного личностного теста, который не вызвал у неё ничего, кроме скуки. Её врач то и дело заглядывал в комнату и спрашивал, как у неё идут дела́. То есть прикидывался, что его интересовало, как она справляется с тестом. На са́мом

же деле он не мог оторвать глаз от её груди́. Влюбился в неё, как только Энджи вошла в его кабинет. Кончилось тем, что она начала с ним спать. У него была жена, которая работала в универмаге «Уол-Март»[134] в Сидар Рапидс[135], и две дочери, одна из которых чем-то серьёзно болела. Тридцативосьмилетний лысый психиатр мучился от острого чувства вины, поскольку трахал пациентку и обманывал жену, но говорил, что ничего не может с собой поделать, потому что *её грудь сводила его с ума, просто сводила с ума*. Он всё время приносил ей компакт-диски с рэпом. Она любила рэп. Рэп всегда звучал в гангстерских фильмах. Ей нравилось, *как* гангстеры заботились о своих женщинах. *Этого* она хотела больше всего. Встретить мужчину, который устроит ей лёгкую жизнь. Возьмёт на содержание. Не надо работать. Не надо торговать своим телом на улице. Никаких хлопот. Сидишь себе в уютной квартирке, листаешь комиксы, смотришь MTB и порнофильмы. Энджи любила порнофильмы. А вот секс не жаловала, за исключением мастурбации. Но если секс — та цена, которую предстояло заплатить за безбедную жизнь, она не возражала.[136] Она бросила психиатра, как только окончила среднюю школу. Её взяли продавцом в универмаг «Таргет»[137] в Сидар Рапидс[138]. За прилавком она простояла три недели. Получила жалованье, купила сексапильное платье и начала посещать бары в центре го́рода, которым отдавали предпочтение адвокаты. В первые два ме́сяца дела́ у неё шли очень неплохо. Она не нашла парня, который взял бы её в содержанки, зато у неё появились несколько постоянных клиентов, которые снабжали её деньгами. Их вполне хватило, чтобы снять маленькую квартирку и купить шестилетний «олдсмобиль»[139].

Но всё хорошее когда-то да заканчивается. Она подхватила триппер и заразила па́ру мужчин, которые подкидывали ей деньжат. А пото́м подряд нарвалась на двух мужчин, которые много болтали, но мало платили, продавца автомобилей, который возил её на «кадиллаке», и владельца ночного клуба с рубиновым перстнем на мизинце. Обещали они золотые го́ры, но денег-то у

134 Wal-Mart, «Уол-март» — сеть однотипных универсальных магазинов (department store), где продаются товары по ценам ниже средних (крупнейшая сеть розничной торговли в стране); непременная часть пейзажа американских пригородов (suburb); принадлежит корпорации «Wal-Mart Stores, Inc.». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

135 В оригинале снова (см. 127) варварская транскрипция «Седар Рэпидс». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

136 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

137 Target, «Таргет» — сеть крупных однотипных универсальных магазинов (department store), продающих товары по относительно невысоким ценам, принадлежит корпорации «Target Corporation». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

138 В оригинале снова (см. 127) варварская транскрипция «Седар Рэпидс». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

139 В оригинале некий «олдсмобил» (без мягкого знака), хотя несомненно подразумевается Oldsmobile, т. е. «Олдсмобиль» — модель легкового автомобиля отделения корпорации General Motors Corp. (в 2001 г. принято решение о закрытии подразделения к концу 2004 г.). В 1897-2004 гг. выпущено более 35 млн. автомобилей, в том числе модели выше среднего класса Oldsmobile Custom Cruiser, Oldsmobile Cutlass, Oldsmobile Cutlass Calais, Oldsmobile Cutlass Cruiser, Oldsmobile Cutlass Supreme, Oldsmobile Delta 88, Oldsmobile Eighty-Eight, Oldsmobile F 85, Oldsmobile Toronado, etc. Популярная некогда песенка «In My Merry Oldsmobile» была написана в честь 44-дневного автопробега 1904 г. на «Олдсмобиле» из Детройта в Портленд, шт. Орегон. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

них не было. Продавец выплачивал алименты двум жёнам, владелец ночного клуба так много задолжал Департаменту налогов и сборов, что мог купить только жевательную резинку. Несколько лет тому назад ему принадлежал модный клуб в Рок-Айленде, но его обвинили в[140] укрывательстве доходов. Потóм, однако, всё свелось к неуплате налогов, но штраф наложили большой.

И наконец разразилась катастрофа. В тот день, когда Энджи исполнилось двадцать шесть лет, её арестовали за проституцию. Она сидела в баре со знакомыми шлюхами и отмечала день рождения, когда кто-то из адвокатов предложил поехать на его яхту. Они поехали, но к ним на хвост сели копы. Энджи настаивала, что за свои услуги она брала только *подарки*, а деньги —[141] никогда, но жандармы прикинулись, что не видят разницы. Они люто ненавидели хозяина яхты и одного из его приятелей, тоже адвоката, поэтому с радостью воспользовались возможностью посадить их в кутузку. На Энджи произвело впечатление новое здание, которое занимал полицейский участок Сидар Рапидс[142]. Заметила ома и парочку симпатичных молодых копов, с которыми не отказалась бы переспать. Почему нет, даже интересно. У Энджи взяли отпечатки пальцев, предъявили ей обвинение. Ей казалось, что всё это происходит во сне. Или в кинофильме, который она смотрит по телевизору. И лишь на следующий день, когда её фамилия появилась в газете, она поняла, *что* произошло. В её родном городе все читали сидар-рапидсскую[143] газету. Энджи позвонила домой, попыталась всё объяснить. Мать расплакалась, отец пришёл в ярость. Ей строго-настрого запретили приезжать на ежегодную встречу всех родственников, которая намечалась двумя неделями позже.

С тех пор прошло два гóда, и теперь Энджи жила с Роем, который грабил банки и убивал людей, если возникала такая необходимость. Теперь она понимала, что у него никогда не будет больши́х денег и на содержание он её не возьмёт. Чёрт, да он ужé несколько раз намекал, что ей бы неплохо вновь податься в официантки, чтобы помочь оплачивать аренду площадки для трейлера и продукты. Что же касается людей, которых убил Рой, то о троих она знала точно. Но тревожило, даже пугало её лишь одно убийство — Джины. Всё-таки жена — вторая половина. А намерение Роя убить сына ещё больше напугало Энджи.

140 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
141 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
142 В оригинале снова (см. 127) варварская транскрипция «Седар-Рэпидс», причём на этот раз через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
143 В оригинале варварская транскрипция «седар-рэпидскую» (см. 127), причём ещё и с одним «с». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Во второй половине дня она просто впала в депрессию из-за своих бикини. Через неделю заканчивались занятия в школах. Открывались бассейны. То есть она могла во всей красе продемонстрировать своё тело. Да только на этот раз те́ла было слишком много. Она прибавила двадцать фунтов[144]. Складки жира висели на бёдрах. Да ещё Рой уговорил её вытатуировать на обеих грудях его имя.

Джейсон вернулся домой в половине четвёртого. Худенький[145] светловолосый мальчишка, в веснушках и очках, с такими толстыми стёклами, что Энджи стало его жаль. Таких, как Джейсон, другие дети всегда выбирают мишенью для своих жестоких шуток.

Энджи сразу заметила: что-то не так. Обычно Джейсон прямиком шёл к холодильнику, наливал себе молока, брал кусок пирога́. И он, и Энджи любили сладкое —[146] в отличие от Роя, который отдавал предпочтение ви́ски . А пото́м Джейсон перебирался в гостиную и смотрел «Бэтмена». Но сегодня он глухо поздоровался и сразу прошёл в свою маленькую комнатку, закрыв за собой дверь. Энджи, конечно же, догадалась, *в чём* причина. Она накинула поверх бикини халат, *нельзя же смущать ребёнка чуть ли не голой грудью*, Рой не раз говорил ей об этом, подошла к двери́. Постучала. Она как-то не задумывалась, *как* Джейсон воспринимает её. С ней он всегда держался вежливо, но не более того.

— Я сплю, — донеслось из-за двери́.[147]

Энджи хихикнула.

— Если бы ты спал, то не смог бы ответить: «*Я сплю*».

— Мне просто не хочется разговаривать, Энджи.

Она решила рискнуть.

— Ты слышал наш ночной разговор, Джейсон, не так ли? — спросила она.

Долгая пауза.

— Он её убил. Я слышал, как он это сказал.

144 В метрической системе 20 фунтов — это более 9 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
145 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
146 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
147 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Значит, Рой не ошибся. Парень всё слышал. Энджи открыла дверь и вошла. Он лежал на кровати. Даже не снял кроссовки. С книжкой комиксов на груди́. Солнечный свет, падающий сквозь пыльное окно на западной стене, золотил его светлые волосы.

Энджи шагнула к кровати, присела рядом с Джейсоном. Заскрипели пружины. Она старалась не думать об избыточном весе, о том, *как* выглядит она в бикини. Всё равно придётся садиться на диету. Она же хочет быть содержанкой, а содержанки должны прежде всего следить за своей фигурой. И, разумеется, лицом.

— Я только хочу, чтобы ты знал, что я не имела к этому ни малейшего отношения.

— Да, я знаю.

— Я также хочу, чтобы ты знал, что твой папа не такой уж плохой человек.

— Это точно.

— Иногда на него *находит*. Но вообще он очень даже ничего.

— Он сломал тебе ребро, так ведь?

— Просто не рассчитал силу удара. Слишком много выпил. Трезвым он никогда не бьёт меня так сильно.

— В школе нам говорят, что *мужчина вообще не должен бить женщину*.

Энджи вздохнула.

— Ты же знаешь, *что* думает о школах твой папа. Он говорит, что там заправляют евреи, гомики и цветные.

Джейсон посмотрел на неё.

— Я собираюсь его *сдать*.[148]

Она испугалась.

— Милый, только не говори *этого* отцу. — Она-то знала, что Рою нужен только повод, любой повод, чтобы убить Джейсона. — Обещай, что не скажешь. Он может разозлиться и…

Энджи не договорила, но почувствовала, что мальчишка понял её без слов.

— Хороший комикс? — Она указала на книжку.

— Хуже «Бэтмена».

— А чего ты не взял «Бэтмена»?

148 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Уже́ начитался.

— Понятно.

Она наклонилась, поцеловала Джейсона в лоб. Чего никогда не делала раньше. Мальчишка-то хороший.

— Запомни мои слова́. *Никогда не говори отцу, что хочешь его сдать*. Ты меня понял?

— Да. Понял.

— А теперь поспи.

Энджи встала. Ей вспомнились слова́ матери: «*Если гладить мужчину по шёрстке и каждый день давать ему добрый кусок мяса, он будет доволен и тобой, и твоей готовкой*». Энджи как-то процитировала её слова́ Рою. Тот ухмыльнулся, полопал её грудь и ответил: «*Всё зависит от того, о каком мясе идёт речь*». Тогда Энджи нашла его ответ очень даже забавным.

✷ ✷ ✷

А вот сегодня, когда она тёрла сыр для спагетти, а на сковородке шкворчали свиные отбивные, ей было не до смеха. Он намеревался убить собственного сына. Она не могла с этим смириться. Собственного сына!

Ещё через со́рок пять минут все трое сидели за столом. Как всегда, перед едой Джейсон прочитал молитву, которой научила его мать. Рой, тоже обычное дело, скорчил гримасу и закатил глаза́. Как-то раз, крепко выпив, из-за этой молитвы,[149] он назвал Джейсона *сосунком*.

— Знаешь, *что* я сегодня нашёл? — нарушил молчание Рой.

— Что? — переспросила Энджи.

— Я разговариваю *с парнем*.

— Извини, — раздражённо бросила Энджи, задетая его тоном. — Не поняла…

Встала из-за стола и с грязными тарелками направилась к раковине.

— Знаешь, что я сегодня нашёл? — повторил Рой.

— Что? — Джейсон посмотрел на отца.

— Отличное место для рыбалки.

149 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Правда?

— Для нас обоих. Я всегда хотел научить тебя ловить рыбу.

— Я думал, ты **ненавидишь** рыбалку, — ответил Джейсон.

— Теперь уже́ нет. Жить не могу без рыбалки, не так ли, крошка?

— Да, — ответила Энджи, стоя к ним спиной. — Ему нравится ловить рыбу.

Энджи сразу раскусила замысел Роя. Рыбалку он терпеть не мог.[150] И от сына обычно старался держаться подальше.

После ужина Джейсон ушёл в свою комнату. Большинство детей в такой тёплый весенний вечер играли на улице. Но не Джейсон. От предпочитал смотреть телевизор или читать.

Пока она мыла посуду,[151] Рой пил из бутылки пиво и смотрел на голых деви́ц по плейбоевому[152] каналу.

— Ты всё-таки хочешь это сделать. — Энджи на мгновение обернулась.[153]

—[154] Да, хочу.

— Он же твоя плоть и кровь.

Он подошёл, прижался к её заду. Член стоял колом. Как обычно. По этой части жаловаться ей не приходилось. Сжал руками гру́ди, поцеловал в шею, прошептал: «*Мы любим свободу, Энджи. Очень любим. А этот малец связывает нас по рукам и ногам. Особенно теперь, когда он всё знает. Один телефонной звонок —*[155] *и мы за решёткой*».

— Но он — твой сын.

Дверь в комнату Джейсона открылась. Мальчик прошёл в туалет.

— Вот и позволь мне с ним разобраться.

150 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
151 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
152 В оригинале чрезмерное «плейбоевскому». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
153 В оригинале без точки в конце предложения, к тому же абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
154 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
155 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Двадцать минут спустя Рой и Джейсон ушли. Она не могла придумать иного способа остановить Роя, кроме как пойти за ними и предупредить Джейсона о замыслах отца.

Энджи кружила по трейлеру. Кружила и пила ви́ски. Она так разволновалась, что сердце буквально выпрыгивало из груди́, а правая рука непроизвольно дёргалась.

А пото́м она вспомнила про *револьвер*. Она даже не знала, *что* это за револьвер.[156] Его ей дал один из друзей-адвокатов, когда она пожаловалась, что ей досаждает давний ухажёр. Несколько раз она из него стреляла. Так что знала, *как* им пользоваться. Револьвер она хранила в комоде под трусиками без промежности, которые купил ей Рой. Он любил пошутить, что *съел промежность*.

Энджи достала револьвер и пошла за ними к реке. В полумиле[157] от стоянки для трейлеров начинался лес. Берег там был обрывистый, течение быстрое. Как-то раз они там гуляли, и Рой сказал, что *лучшего ме́ста, где можно избавиться от те́ла, не найти*. Его сосед по камере, которого Рой очень уважал, говорил, что *обычно утопленники всё равно всплывают, но замести следы гораздо проще, если тело пробудет под водой пять или шесть дней*.

Небо темнело, сгущались сумерки, с северо-востока доносились раскаты грома, усиливающийся ветер пах дождём. Гро́зы всегда пугали Энджи. Маленькой девочкой она пряталась от них в чулане. Обе старшие сестры дразнили её трусишкой. Но она всё равно пряталась.

Она их нашла. Отец и сын сидели за столиком для пикника неподалёку от обрыва и разговаривали. Темнота медленно окутывала их. Ещё немного, и они растворились бы в ночи́.

— Какого чёрта тебя сюда принесло? — спросил Рой.

— Она может прийти, если ей этого хочется, — вступился за Энджи Джейсон.

156 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
157 В метрической системе ½ мили — это почти 805 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она улыбнулась. Приятно, знаете ли, осознавать, что мальчишка тебя любит.

— Мне надо по-маленькому. — Джейсон поднялся и ушёл за кусты.

— Я боялась, что ты с ним ужé покончил, — прошептала Энджи.

Он посмотрел на неё. Пожал плечами.

— Оказалось, что это не так просто.

— Он же твоя плоть и кровь.

— Да, да, наверное, причина в этом. Я уж пáру раз принимался, но давал задний ход. Это тебе не пристрелить незнакомца.

— Давай вернёмся домой.[158]

Он покачал головой.

— Нет. Возвращайся одна.

— Если ты не можешь этого сделать, чего здесь торчать?

— Я не говорил, что не могу. Просто думал, что всё будет проще. Времени уйдёт больше, но я справлюсь. А теперь отрывай свой аппетитный зад от скамьи и жди меня дóма. Сегодня мы уезжаем.

— *Уезжаем*?

— Да. — Они увидели возвращающегося Джейсона, и Рой перешёл на шёпот. — В школе будут задавать вопросы. Лучше уехать сразу.

Джейсон подошёл к столу.

— Папа говорил тебе, что в этой реке можно поймать двадцатифутовую[159] рыбину?

— Да, — кивнула Энджи, — говорил.

— Энджи должна вернуться домой. Она готовит нам сюрприз.

— *Сюрприз*? — оживился Джейсон. — Какой сюрприз?

— Если она тебе скажет, какой же это будет сюрприз, а?

Джейсон радостно улыбнулся.

— Никакой.

— Иди домой, крошка. — Рой шевельнул бровями. — Мы скоро подойдём.

158 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

159 В метрической системе 20 футов — это более 6 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она бы, может, и заспорила, но хорошо знала, что спорить с Роем бесполезно. Во всяком случае, взять верх точно не удастся. Синяков же, а то и переломов может прибавиться.

— Ну, я пошла. — Она поднялась.

— Так хочется увидеть твой сюрприз, — воскликнул Джейсон.

Но домой Энджи идти не собиралась. Спряталась в ночной тьме у кра́я ле́са, наблюдая за ними.[160] Она надеялась, что Рой не сможет этого сделать. Просто не сможет, и всё. Даже прочитала па́ру молитв.

Но он *смог*. Вытащил пистолет, схватил Джейсона за плечо и поволок по траве к обрыву.

Дальнейшее словно произошло помимо её воли: она побежала, закричала. Рой жутко разозлился, увидев её. Она отвлекла его от ребёнка, а ребёнок старался вырваться, размахивал руками, пинался, кусался.

Рой и подумать не мог, что у неё есть револьвер. Она подбежала вплотную, выхватила револьвер из заднего кармана джинсов и убила его. Тремя выстрелами в голову.

Его повело вбок, и он обделался до того, как повалился на землю. Завоняло ужасно. А реакция Джейсона и вовсе поразила Энджи. Она-то рассчитывала на благодарность. А он опустился на колени рядом с Роем и *завыл*. Пото́м схватил безжизненную руку в свои и завыл ещё сильнее. *Может*, подумала Энджи, *причина в том, что его мать тоже мертва. Может, потерять обоих родителей — это уже́ перебор, даже если твой папаша пытался тебя убить?*

Она подтащила Роя к обрыву, сбросила в ре́ку. В воде отражались звёзды, у бе́рега плескались во́лны.

Пото́м оттащила мальчишку от обрыва. Поначалу он упирался, кусался, пинался. Но она влепила ему затрещину, которая тут же его успокоила. Он продолжал плакать, но хоть стал слушаться.[161]

✷ ✷ ✷

— Как ты?

— Нормально.

— Есть хочешь?

160 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
161 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Скорее да, чем нет.

— В Колорадо тебе понравится. Подожди, пока покажутся го́ры.

— Напрасно ты убила его.

— Он собирался убить тебя.

Пото́м он долго молчал. Они приближались к границе Небраски. Исчезли последние холмы. На пастбищах мычали коровы, на деревьях пели ночные птицы. Ехали они, опустив стёкла, вдыхая ароматный ночной воздух Среднего Запада.

В шестидесяти трёх милях[162] от границы, около десяти ве́чера, они поравнялись с мотелем «Империя», построенным в пятидесятых годах. С административной частью по центру и отходящими от неё двумя крыльями, по восемь номеров в каждом.

Энджи сняла номер, бросила в автомат несколько монет, получив взамен пакетики сладостей и картофельных чипсов. Для Джейсона арендовала фантастический канал кабельного ти-ви.

Вымыла его под душем, уложила в постель, включила телевизор.[163] Долго он не протянул. Заснул едва ли не на десятой минуте фильма. Энджи выключила свет, разделась, легла. Она очень устала. Во всяком случае, думала, что устала. Но сон не шёл. Она лежала, думала о Рое, о своём детстве, о том, что ей хотелось стать содержанкой. Когда-нибудь она ею станет. Другого не дано. Пото́м она вспомнила, *как* выглядела в бикини. *Господи, надо садиться на диету.*

Лежала она с час. Пото́м услышала, как открылись дверцы автомобиля, раздался мужской смех. Решила выглянуть в окно. Двое симпатичных, хорошо одетых мужчин заносили чемоданы в номер, расположенный в её крыле. Приехали они на огромном новеньком «линкольне». Энджи встрепенулась. Ей захотелось выпить, послушать музыку. Может, даже потанцевать. И посмеяться. Чего ей сейчас не хватало, так это смеха.

Пятнадцать минут спустя она уже́ причесалась, накрасилась, надушилась, надела белый топик и красные шорты с подрезанными штанинами, оголяющими ягодицы.

Она знала, что мальчишка прекрасно без неё обойдётся. Он спит, дверь закрыта, с ним ничего не случится.

162 В метрической системе 63 мили — это почти 101 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
163 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Их звали Джим Дарбин и Майк Брейди. Жили они в Сидар Рапидс[164], где им принадлежало два больши́х компьютерных магазина.[165] Ещё один они собирались открыть в Денвере. Обычно Джим предпочитал автомобилю самолёт, но вот Майк боялся летать. Обычно они останавливались в более пристойном мотеле, но на этом шоссе другого просто не было. Энджи постучалась в их дверь под тем предлогом, что в административном корпусе не нашлось автомата по продаже сигарет, в окне у них горел свет, вот она и решила спросить, не смогут ли они одолжить ей несколько сигарет. Джим ответил, что не курит, а вот у Майка сигареты нашлись. Джим добавил, что уже́ много лет уговаривает Майка бросить курить, но без всякого результата. «*Как вам это нравится?* — задал Майк риторический вопрос. — *Этот парень каждый день рискует заболеть раком лёгких, но боится войти в самолёт*».

Они достали бутылку хорошего ви́ски , конечно же, предложили ей составить им компанию. Майку она приглянулась с первого взгляда. Как скоро выяснилось, Джим не мог пожаловаться на отсутствие семейного счастья, зато Майк, наоборот, разводился. Его жена ушла к доктору, с которым познакомилась в каком-то благотворительном комитете. Джим сказал, что Майку просто необходима хорошая женщина, которая должна помочь ему вернуть веру в себя. Эти слова́ Энджи слышала не раз. Ей нравились дневные ток-шоу, а в них страсть как любили говорить о возвращении веры в себя. Аккурат на прошлой неделе ведущий беседовал с проституткой-трансвеститом, которая/который мечтала/мечтал вернуть веру в себя.

Энджи немного захмелела и увлеклась разговором с Майком, тогда как Джим пошёл принять душ перед сном. Энджи заметила, что выходить из ванны он не торопится, чтобы дать ей и Майку возможность побыть наедине. Вскоре их гу́бы слились в поцелуе, его ру́ки тискали ей грудь и ягодицы, а пото́м она уже́ стояла на коленях у кровати и делала ему минет. А он ахал, стонал, выгибал спину и просто сходил с ума от наслаждения. И ей это доставляло удовольствие. Приятно, знаете ли, осчастливить мужчину, тем более если у него разбито сердце.

Когда Джим вернулся, в красном махровом халате, вытирая волосы белым полотенцем, Энджи и Майк сидели в креслах с полными стаканами.

— Как идут дела́? — полюбопытствовал Джим.

164 В оригинале снова (см. 127) варварская транскрипция «Седар Рэпидс». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

165 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну, — Майк напоминал подростка, нервного и возбуждённого, — я как раз собирался спросить у Энджи, не сможет ли она поехать со мной в Денвер. Провести там па́ру недель, пока мы будем готовиться к открытию магазина.

Джим всё вытирал голову полотенцем.

— Этот человек во всём стремится к совершенству, Энджи. Тебе надо побывать в его квартире в кондоминиуме. Потрясающий вид на город.

— Тебе нравятся реактивные лыжи? — спросил Майк.

— Конечно, — ответила Энджи, не очень-то понимая, о чём речь.

— Слушай, у меня они есть. Поверь мне, получишь удовольствие. Ты можешь остановиться в моей квартире и весь день делать всё, что тебе захочется[166]. Смотреть телевизор, ходить по магазинам. А вечер мы проведём вместе.

— Слушай, Энджи, ты просто волшебница, — подал голос Джим. — Я вновь слышу голос моего са́мого близкого друга Майка Брейди. За последние три или четыре го́да я никогда не видел его *таким* счастливым.

Майк сиял,[167] как медный таз.

— Может, я влюбился.

Он наклонился к Энджи, обнял её и сочно чмокнул в гу́бы. Энджи не верила своему счастью. Неужели она встретила человека, который возьмёт её на содержание? Да ещё и неженатого. Ведь он мог и жениться на ней.

— Я только скажу Джейсону, — вырвалось у неё.[168]

В лице Майка что-то изменилось.

— *Джейсону*? А кто такой Джейсон?

— Можно сказать, приёмный сын.

— Так ты путешествуешь с ребёнком?

— Да.

Майку не пришлось ничего говорить. Всё пропечаталось на его лице. Он-то мечтал об оргиях, а она всё испортила, вернув его с небес на землю. *Ребёнок! Гребаный ребёнок!*

— Понятно, — вырвалось у Майка.

— Он очень хороший мальчик. — Энджи попыталась всё уладить. — Тихий, спокойный.

166 В оригинале «за хочется» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
167 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
168 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я уверен, Энджи, что он очень хороший, — покивал Джим. — Но я не думаю, что Майк хочет видеть его в своей квартире. Ты пойми, мы ничего не имеем против детей. У меня их двое, у Майка — трое.

— Я люблю детей, — добавил Майк, хотя никто не обвинял его в обратном.

— Он никому не помешает, — пробормотала Энджи. — Никому.

Майк и Джим переглянулись, вновь посмотрели на Энджи. Общее мнение выразил Джим.

— Знаешь, что мы сделаем? Ты едешь в Омаху, так? Оставь нам свой телефонный номер, и Майк позвонит тебе, как только обустроится в своей квартире. Идёт?

Майк потерял дар речи, даже не смог попрощаться. За него это сделал Джим.

Этот малец связывает пас по рукам и ногам, вспомнились ей слова́ Роя. В Омахе придётся опять идти в официантки. Пото́м наступит осень, и придётся устраивать его в школу. А тем временем кто-то будет жить с Майком в денверской квартире и пользоваться его кредитной карточкой, покупая еду и одежду.

— Вы не знаете, есть ли поблизости река? — спросила она.

— *Река*? — переспросил Джим.

— Да, — кивнула Энджи. — Река.

Наутро, в семь часов, она постучалась в дверь их но́мера. Открыл ей заспанный Джим.

— Ты чего? — В голосе слышалось удивление. Он полагал, что вечером они распрощались навсегда.

— Угадай, что случилось?

— Что?

— Вчера я сказала, что Джейсон мне приёмный сын, так? На са́мом деле я его тётя. Моя сестра живёт в десяти милях[169] отсюда. Она страдает глубокой депрессией. Вот она и попросила меня взять его на несколько дней. Но рано утром заехала и забрала ребёнка, потому что ей полегчало.

За плечом Джима вырос Майк.

— Значит, ты уже́ без ребёнка?

— Конечно. И свободна,[170] как ветер.

169 В метрической системе 10 миль — это более 16 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
170 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Так едем в Денвер.

Джим отошёл в сторону, приглашая Энджи войти.

— Пойду-ка я завтракать. Вернусь через час.

Он быстренько оделся и отбыл.

Они же улеглись в кровать Майка. Раз или два Энджи вспомнила о Джейсоне. О том, как оглушила его в номере. Реку она нашла без труда. Действительно, ей следовало оставить эту грязную работу Рою. Малец и впрямь связывал по рукам и ногам. Она его любила, но он сковывал её почище кандалов.

Через несколько часов они ужé ехали в Денвер. Вечером поужинали в ресторане, выпили много винá, Майк слизывал соус с её пальчиков. Она боялась засыпáть. Думала, что её будут мучить кошмары. Но пригрелась рядом с Майком, они ублажили друг друга, выкурили одну сигарету на двоих, поговорили о Денвере, так что Энджи и не заметила, как заснула. Спала крепко, безо всяких кошмаров.

© Эд Горман

Эл Саррантонио «Бечёвка-бесовка»

В субботу утром, пока Сюзи и Джерри, как обычно, смотрели по телевизору мультики, бечёвка-бесовка слопала почти весь их район. В конце концов экран погас, и папа Джерри включил радио, но оно тоже не работало. Тогда Сюзи и Джерри стали смотреть на бечёвку-бесовку из большого окна́ в гостиной Джерри. Бечёвка-бесовка была очень проворная, и дети успевали заметить лишь её кончик, задранный[171] кверху, прямой-прямой, или другой кончик, свёрнутый петлёй или ползущий, извиваясь, по стене какого-нибудь до́ма, между деревьями, по автомобилям. Немного помедлив, бечёвка-бесовка юркнула в мебельный фургон, который стоял на той стороне улицы — перед домом Сюзи, вытащила из него толстого грузчика в форменном комбинезоне, обвила его тело с ног до голово́й, как мумию, и утащила под землю. Маму Сюзи она тоже уволокла под землю. Вообще-то мама Сюзи стояла на тротуаре и командовала грузчиками, но, завидев бечёвку-бесовку, побежала к дому. Однако бечёвка её опередила.

— Уезжаем! — крикнул папа Джерри, странно покосившись на сына, и бечёвка-бесовка сцапала его во дворе, между гаражом и машиной.[172] Мама Джерри с кучей подушек в руках бежала за папой. Она тоже попалась бечёвке-бесовке. То же самое случилось и с Джейн, сестрой Джерри. Джейн хотела незаметно смыться к своему жениху Брэду, который жил в том же квартале. На глазах Сюзи и Джерри бечёвка-бесовка — вылитая чёрная пружина — выпрыгнула из кустов перед домом Брэда и схватила Джейн, когда та уже́ протягивала Брэду руку. Брэд попытался было сбежать, но и его бечёвка не упустила. Тонкие, проворные ростки вырвались из газона и бетонной дорожки. Обкрутив Брэда, они разорвали его на две половинки — верхнюю и нижнюю — и обе утащили под землю.

Сюзи с Джерри убежали по лестнице на чердак, а бечёвка-бесовка обвилась, как удав, вокруг до́ма, но до чердака не долезла, а пото́м вообще уползла. Из крохотного восьмиугольного чердачного окна́ дети увидели, как бечёвка-бесовка оплела дом Майерсов и выдернула через окно второго этажа их маленького ребёнка. Пото́м обвила в три кру́га фундамент майерсового[173] до́ма и, немножко подрыгавшись, блаженно затихла, как уснувшая кошка.

— Она совсем как... — произнёс Джерри, обернувшись к Сюзи. Голос у него дрожал от страха.

171 В оригинале «Задранный» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
172 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
173 В оригинале чрезмерное «майерсовского». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Знаю, — оборвала его Сюзи, приложив палец к губам. Когда они опять обернулись на дом Майерсов, все о́кна в нём были уже́ разбиты, столбики террасы выдернуты из земли́, а бечёвки-бесовки и след простыл. Они обнаружили её немного подальше, по правую руку от участка Майерсов: бечёвка лениво покачалась в воздухе, а пото́м хлестнула землю, как кнут; немного погодя они увидели её в соседнем слева квартале: проскочив между домов, бечёвка вынеслась на улицу и там перехватила на бегу какого-то мальчика — кажется,[174] Билли Карсона.

Солнце поднималось всё выше. Стояло самое обычное летнее утро: зной, зной и ничего, кроме зноя.

Днём стало ещё жарче, и чердак превратился в печку. Бечёвка-бесовка занималась своим делом. Посмотрев в бинокль, принадлежавший отцу Джерри, они обнаружили, что бечёвка-бесовка обвилась, точно змея́, вокруг шпиля методистской церкви далеко-далеко в са́мом центре го́рода. Так выяснилось, что бечёвка может залезать на какую угодно высоту. На их глазах она вытащила с колокольни какое-то маленькое и беспомощно сучащее ногами существо (наверное, оно ещё и кричало, но в такой дали ничего не было слышно) и, соскользнув со шпиля, исчезла из виду.

— Я тебе говорю, это же... — снова начал Джерри. Сюзи, пристально глядя в бинокль, вновь приложила палец к губам, но Джерри всё-таки договорил фразу до конца:[175] — ... страшно похоже на папкин *розыгрыш*.

✷ ✷ ✷

Ночь они провели на чердаке, чуточку приоткрыв окно, чтобы не задохнуться. Снаружи, освещённая луной, была бечёвка-бесовка. Дважды она подбиралась к ним близко-близко. Во второй раз она вообще разбила огромное окно гостиной на первом этаже, пото́м вытянулась высоко-высоко перед самым чердачным окошком, ощупала кончиком щель между рамами — Джерри, стоявший у окна́, так и остолбенел, — но тут же упорхнула.

Они нашли пачку крекеров и съели их. Бечёвка-бесовка, беспрестанно перемещаясь туда-сюда, то и дело загораживала луну, поэтому на потолке и стенах чердака плясали размытые тёмно-серые те́ни.

— Как ты думаешь, везде так? — спросил Джерри.

174 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
175 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А сам-то ты как думаешь? — ответила Сюзи вопросом на вопрос, и тут Джерри вспомнил про папкин коротковолновый приёмник на батарейках. Он принимал станции со всего мира. Приёмник хранился в углу чердака, в коро́бке с фонариками.

Джерри достал приёмник и включил, но, сколько он ни крутил ручку, из динамика слышалось одно только шипение.

— Везде… — прошептал Джерри.

— Похоже на то, — отозвалась Сюзи.

— Не может быть… — проговорил Джерри.

Сюзи съела ещё один крекер.

Вдруг Джерри уронил приёмник и заплакал.

— Но это ведь папа меня просто *разыграл*! Это не взаправду!

— Но ведь сначала-то казалось, что взаправду? — спросила Сюзи.

— Он всегда-всегда меня разыгрывал, — продолжал Джерри, не переставая всхлипывать. — Когда я съел вишню вместе с косточкой, он спрятал в кулаке несколько листочков, а пото́м сделал вид, будто вытащил их у меня из уха — сказал, что косточка проросла, и теперь внутри меня ничего нет — одно вишнёвое дерево! А в другой раз он поклялся, что у нас во дворе сейчас приземлится звездолёт, приказал дежурить у окна́ в гостиной, а сам тихонько обошёл дом и кинул с крыши игрушечную ракету: она прямо передо мной упала! — Джерри озадаченно, серьёзно хмурил лоб. — Он вечно такие фокусы проделывал!

— И ты верил, когда он тебя разыгрывал? — спросила Сюзи.

— Да! Но разве…

— Может быть, *если очень-очень верить, желание сбывается взаправду*!

Джерри окончательно вышел из себя.

— Но это был розыгрыш! Ты там была, ты тоже видела, *что* он сделал! Он закопал во дворе верёвку, пото́м позвал нас и выдернул кусок верёвки из земли́, и сказал, что это отросток гигантского чудовища, бечёвки-бесовки, и что оно разрослось под землёй, пока не заполнило изнутри всю планету, и что теперь оно подобралось совсем близко к поверхности. И как только ему захочется, оно высунет наружу свои верёвочные щупальца и всех переловит, и затащит под землю, и всосёт их своим телом, а тело у него мягкое и колышется, как у слизняка…

Джерри с умоляющим видом посмотрел на Сюзи.

— Бечёвка-бесовка была не ВЗАПРАВДАШНЯЯ!

— Но ты *поверил*.

— ОН МЕНЯ ПРОСТО РАЗЫГРАЛ!

— Но ты поверил, что всё это взаправду, — тихо произнесла Сюзи, глядя себе под но́ги. — Может, дело в том, что моя мама решила переехать и нас разлучить. Вот ты и поверил в бечёвку так сильно, что она появилась на са́мом деле. — Сюзи подняла глаза́. — Может, *потому она нас и не сцапала — из-за тебя.*

Сюзи подошла к Джерри и обняла его, стала гладить его по голове своими длинными тонкими пальцами.

— Может быть, ты это сделал, потому что меня любишь, — сказала она.

Джерри поднял свои заплаканные глаза́.

— Я тебя вправду люблю, — сказал он.

За неделю они съели всю еду, какая была в доме, и потому перебрались к Майерсам и съели всю их еду, а затем к Дженценам[176] — соседям Майерсов. И так они всё переселялись и переселялись, незваными гостями объедая квартал за кварталом. Из до́ма в дом они перебегали после заката или на рассвете. Бечёвка-бесовка к ним и близко не подходила — теперь она решила переловить всех окрестных собак и кошек.

И даже когда они замечали бечёвку-бесовку, она обычно находилась далеко. К примеру, заглядывала в какой-нибудь дом в соседнем квартале, а пото́м поднималась к небесам, чуть ли не касаясь облаков: прямая, чёрная, маслянисто-блестящая от солнца — совсем как антенна. Часто она пропадала на несколько дней кряду, а однажды в телескоп, который нашёлся в очередном жилище (расположенном так далеко от родного квартала, что имён хозяев они больше не знали), Джерри и Сюзи обнаружили вторую бечёвку-бесовку. Дом этот стоял на са́мой окраине го́рода, а вторая бечёвка-бесовка находилась в соседнем городе. Днём она сворачивалась кольцами, но порой тут и там выпускала торчащие кверху побеги. И вот несколько из этих побегов на миг замерли, а пото́м загнулись на конце, указывая на бечёвку-бесовку в их городе. Та тоже загнулась, указывая в сторону соседки.

Сюзи покосилась на хлюпающего носом Джерри.

— Повсюду, — сказала она.

176 В оригинале так и было (оставляю это «Дженценам», ибо однозначно расшифровать — ввиду отсутствия англоязычного оригинала — не удалось). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Лето близилось к концу. Бе́лки исчезли, а вслед за бе́лками исчезли птицы, цикады, мошки и комары. Джерри и Сюзи переселялись из до́ма в дом, из го́рода в город и частенько видели, как бечёвка-бесовка затаскивает под землю стрекоз, а иногда прихлопывает мух и тоже забирает. Везде происходило одно и то же: каждый город, каждый дом, каждый уголок земли́ бечёвка-бесовка очистила от людей, зверей и насекомых. В конце лета исчезли и пчёлы. Казалось, бечёвка-бесовка приберегла их на сладкое, а пото́м всё-таки всосала в своё вязкое слизистое тело вместе со всеми другими живыми существами. В одном городе Джерри и Сюзи попался маленький зоопарк, и они долго с изумлением разглядывали пустые клетки, дочиста вылизанный обезьянник и пруд, где больше не плескались тюлени.

Еды было полно́, да и с водой проблем не было, и с газировкой в банках — тоже. Когда Сюзи и Джерри обошли все города́ в окрестностях, они поехали на поезде: залезли в кабину локомотива, запустили дизельный двигатель, научились им управлять и отправились в путь. Двигатель взревел, как гром в клетке. Тут даже Джерри рассмеялся и, высунув голову из окна́, почувствовал, как ветер, точно живое существо, ласкает его щёки. Сюзи нажала на кнопку гудка, и раздалось истошное кваканье. Они проехали один большой город, пото́м другой, а когда топливо кончилось, сошли в городке, очень похожем на их родной.

Пото́м они перебрались в другой город, а оттуда — в третий, и всюду их сопровождала бечёвка-бесовка: ползла за ними далёким стражником, торчала выше самых высоких зданий, нервно дёргая кончиком.

Лето перешло в осень. Теперь Джерри никогда не улыбался — даже когда глядел на Сюзи. Глаза́ у него стали какие-то пустые, ру́ки дрожали. Он почти ничего не ел.

✷ ✷ ✷

Настала осень, но их странствия не прекращались. В одном из безымянных городов в пустом подвале пустынного до́ма Джерри подошёл неверной походкой к верстаку и снял с крючка висевшие там клещи. Вручив их Сюзи, он сказал:[177]

— Сделай так, чтобы я больше не верил.

— Ты о чём?

— Убери бечёвку-бесовку из моей головы́.[178]

177 В оригинале восклицательный знак вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

178 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сюзи засмеялась, тоже подошла к верстаку, взяла фонарик и посветила им Джерри в уши.

— У тебя там ничегошеньки нет — одни козюли.

— Не хочу больше верить, — проговорил Джерри монотонным голосом призрака.

— Поздно, — отозвалась Сюзи.

Джерри лёг на пол, подтянул колени к подбородку.

— Раз так, я хочу умереть, — прошептал он.

✷ ✷ ✷

Зима наступала осени на пятки. Воздух был холодный, как яблоки — вот только яблок на свете больше не существовало. Всю осень бечёвка-бесовка прилежно затаскивала под землю деревья, кусты, траву и последние, ещё не отцветшие розы.

Она очищала планету от всего: от сорняков и рыб, амёб и микробов.

Джерри перестал есть и теперь мог ходить, лишь опираясь на Сюзи.

Он лениво размышлял, чем займётся бечёвка-бесовка после того, как убьёт Землю.

✷ ✷ ✷

Сюзи и Джерри стояли на поле между двух городов и разглядывали грязь. Вдали, свистя в воздухе, трудилась бечёвка-бесовка: кукурузные стебли аккуратными рядами, точно сами собой, проваливались под землю. Позади Джерри и Сюзи, зарывшись носом в пыльный кювет, стояла машина, на которой они ехали, пока бензин не кончился. Вела её Сюзи. Чтобы видеть что-то помимо руля, ей пришлось подложить на сиденье целый штабель телефонных книг. Небо было тускло-серое с голубоватым отливом, какое-то запачканное. В небе неподвижно, точно нарисованные, висели чахлые облака́. Птиц не было.

Несколько блеклых снежинок слетело на поле.

— Пусть всё это кончится, — хрипло прошептал Джерри. Уже́ несколько дней он даже не пил воды́. Его одежда превратилась в лохмотья, глаза́ стали омутами горя. Смотреть на небо ему было больно, хотя освещение никак нельзя было назвать ослепительным.[179] — Пусть… кончится, я так хочу… — проскрипел он. И нарочно уселся прямо в грязь. Со стороны́ он казался стариком, случайно попавшим в тело ребёнка. Устало моргнув, он поглядел на Сюзи снизу вверх.

И вновь заговорил, чтобы спокойно спросить:

— Это ведь не я сделал, а ты.[180]

Сюзи молчала. Затем всё же сказала:

— Я верила. Я верила, потому что иначе было нельзя. Меня никто никогда не любил — только ты. А они хотели увезти меня от тебя.

Вновь воцарилось молчание. Бечёвка-бесовка, покончив с кукурузным полем, застыла по стойке «смирно», чего-то ожидая. У её основания на землю осело неплотное облако пы́ли.

Очень тихо Джерри произнёс:

— Я тебя больше не люблю.

На секунду в глазах Сюзи мелькнула печаль — но тут же превратилась во что-то гораздо более твёрдое, чем сталь.

— Значит, вообще ничего не осталось, — сказала она.[181]

Джерри вздохнул, уставившись на небо сощуренными больными глазами.

Бечёвка-бесовка обняла его почти нежно. И пока она тащила его под землю, внутрь своего трепещущего вязкого те́ла, он увидел миллион бечёвок-бесовок: тонкие и чёрные, они тянулись злыми пальцами к Солнцу и другим звёздам.

© Эл Саррантонио

179 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

180 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

181 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Томас Майкл Диш
«Филин и Киска»

И когда Кристофер Робин приходит в Зоопарк, он идёт туда, где живут Полярные Медведи, и шепчет что-то третьему смотрителю слева, и две́ри отпираются, и он идёт по тёмным коридорам и крутым лестницам, пока не приходит к особой клетке, и клетка эта открыта, и оттуда выбегает трусцой что-то бурое и мохнатое, и со счастливым воплем «Мишка!» Кристофер Робин бросается к нему в объятия.

Они больше всего любили утро, когда мистер и миссис Фэрфилд ещё спят наверху, а в доме тихо, и можно забиться вдвоём на тесную кушетку и ждать, пока прогрохочет поезд на той стороне реки́. Бывают и другие поезда́ в другое время дня, но тогда уже́ поднимается такая суматоха, что можно не заметить по́езда, пока стёкла в окнах не задребезжат.

Давно уже́ пора было бы починить эти о́кна, особенно те, что по обе сто́роны телевизора. Мокрик тревожился при каждом штормовом предупреждении, уверенный, что рано или поздно порыв ве́тра вырвет эти старые стёкла из алюминиевых рам. О́кна наверху были покрепче, поскольку сделаны были на старый манер и, наверное, им предстояло пережить крышу. Хотя это не означало долголетия — крыша тоже была в плачевном виде. Как-то, когда у мистера Фэрфилда были деньги, он собирался починить крышу, но получилось не так сразу, потому что поиск постоянной работы заставлял его подолгу не бывать до́ма.

Когда пройдёт поезд, начнёт становиться светлее, заверещит будильник наверху и зашумит вода в ванной, а пото́м из кухни запахнет завтраком. Завтрак они любят больше всего, потому что он всегда одинаковый. Стакан яблочного сока и либо воздушный рис, либо кукурузные хлопья с молоком, а пото́м хрустящий тост с маслом и джемом. Все опустят го́ловы вместе с миссис Фэрфилд, и мистер Фэрфилд тоже, если рано встанет, и возблагодарят Го́спода за дары его.

А по воскресеньям иногда бывали даже блинчики. Мокрик жил в детском саду Большой Развилки, пока не переехал к Фэрфилдам (ещё при **первой** миссис Фэрфилд), и раз в месяц в столовой детского сада бывал особый завтрак с блинчиками. Первая миссис Фэрфилд помогала печь их на газовой плите аж по двадцать штук сразу. Чудесные блинчики, иногда с черникой, иногда с кокосовой крошкой, и давали их съесть сколько хочешь

всего за два доллара, если тебе ещё шести не было. Потóм на такие праздники приходило народу поменьше, и только дети, будто это был обычный будний день, только с блинчиками, и тогда с Мокриком и произошёл тот случай, который дал ему имя *Мокрик*. Дети стали кидаться едой, швыряли блюдца,[182] как летающие тарелки, хотя на блюдцах был сироп, а мисс Вашингтон велела этого не делать. Никто не обратил внимания — на мисс Вашингтон никто никогда не обращал внимания — и одна тарелка попала в Мокрика и облила его сиропом, и миссис Фэрфилд потащила его в умывальник и стала оттирать губкой, а когда так весь сироп снять не удалось, устроила ему настоящий душ. И он никогда ужé до конца не высох.

Он не возражал, чтобы его называли Мокриком. Мелочи жизни, как говорится. Но потóм был Ужасный Случай (который даже и не был случаем), но чего об этом говорить. Не стóит вскрывать тёмные стóроны, и вообще это пример того добра, без которого не бывает худа, потому что если бы не Ужасный Случай, вряд ли Фэрфилды взяли бы к себе Мокрика навсегда. А уж спора нет, что дом Фэрфилдов — место получше, чем детский сад Большой Развилки. Одиноко там, конечно, было, пока Ухарь не поселился с ними, но Мокрик всегда старался быть сам по себе. И новая миссис Фэрфилд была такая же. Она больше любила одиночество у телевизора, чем много друзей.

Но особые друзья — это другое дело, конечно, и с сáмого начала Ухарь должен был стать **особым** дрýгом Мокрика. Он перебрался жить к Мокрику и Фэрфилдам, когда мистер Фэрфилд забрал его из родного дóма в реформатской церкви Большой Развилки. Вот там он сидел в ящике и слушал оратора на собрании Анонимных Алкоголиков во вторник вечером, но не так чтобы очень внимательно, и там-то мистер Фэрфилд его и заполучил. Он сам тоже там был, потому что его арестовали за Вождение в Состоянии Интоксикации, и судья его приговорил два раза в неделю посещать собрания АА. Вот он и сидел в голландской реформатской церкви на раскладном стуле рядом с ящиком Ухаря.

У мистера Фэрфилда были нервные рýки. Если он не вертел в них сигару, то чистил ногти складным ножиком или рвал листок бумажки на мельчайшие клочки. В тот вечер, превратив в конфетти двухстраничное расписание местных собраний АА, он начал играть с Ухарём — нельзя сказать, чтобы грубо, но явно не учитывая собственные чувства Ухаря. Когда участники собрания поделились друг с дрýгом опытом, силой и надеждой (все, кроме таких, как мистер Фэрфилд, которому особо делиться было нечем), все взялись за рýки и провозгласили «Отче Наш».

Вот тогда-то мистер Фэрфилд поднял молодого филина и шепнул ему в фетровое ухо: «*Ухарь, я беру тебя к себе*», но Ухарь, покинувший церковный подвал под полой пиджака мистера Фэрфилда, и с таким чувством, будто Высшая Сила его предала, понял это слово как «*краду*». Он столько ужé прожил в подвале церкви и считал, что это его законное место, и никто его

182 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

отсюда не заберёт, хотя каждое воскресенье он проводил в коро́бке, на которой было написано «*БЕСПЛАТНО*». Сначала это было ужасное переживание, но собрания АА были утешением в одиночестве и изоляции. Но Ухарь возложил упования на Высшую Силу и сокрушил волю свою, и приучился принимать свою жизнь церковного филина. А теперь вот его *похищают*.

Мистер Фэрфилд открыл дверцу своего пикапа, и Ухарь удивился, увидев, что кто-то в этом неимоверно холодном пикапе ждал в течение всего собрания. В темноте, завернувшись в одеяло и очень раздражённый, что пришлось всё это время ждать на холоде.

— Ухарь, познакомься с Мокриком, — сказал мистер Фэрфилд. — Мокрик, это Ухарь. Он будет твоим новым дру́гом, так что поздоровайся.

Мокрик ответил не сразу, но наконец испустил долгий и горестный вздох.

— Привет! — сказал он и подвинулся, освобождая Ухарю место под одеялом. Когда они уместились, он шепнул Ухарю на ухо:[183] — Ничего не говори в *его* присутствии.

При этом он бросил многозначительный взгляд на мистера Фэрфилда, который вынул из бардачка коричневый бумажный пакет.

Первый пшик открываемой бутылки сказал Ухарю, что мистер Фэрфилд тоже тайный пьяница, вроде преподобного Друри, пастора голландской реформатской церкви. Ухарь часто был свидетелем тайных возлияний преподобного в церковном подвале, и когда Друри не приканчивал свои полпинты шнапса за один раз, то оставлял их на попечение Ухаря, в коро́бке «*БЕСПЛАТНО*» — вместо сломанных игрушек и заляпанной одежды для малышей. Теперь Ухарь оказался в той же ситуации.

— За вас двоих! — сказал мистер Фэрфилд, заводя мотор и поднимая бутылку в сторону Мокрика и Ухаря. Они переглянулись с пристыженным видом соучастников, и машина выехала на дорогу 97.

— Я тебя видел, ты это знаешь, — сказал мистер Фэрфилд. — На воскресной гаражной распродаже. Ты сидел на столе для бесплатных пожертвований. Неделями. Никому эта мерзость, значит, не нужна. Так что когда я тебя увидел сегодня, *так* подумал — *вот тут* для него самое место. В дружки пригодится. Так, Мокрик?

Мокрик помалкивал. Это жестокая подначка — *так* говорить про беднягу филина, который уж точно был несчастным созданием, можно не сомневаться. Мокрик привык к тому, что его чувства никто не щадит. Давно притерпелся. Но бедняга Ухарь наверняка был близок к тому, чтобы расплакаться.

183 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А мистер Фэрфилд, казалось, за эту мысль зацепился.

— Да я, знаешь, и сам не картинка. У тебя вон клюв, у меня пузо, а Мокрик — вообще инвалид. У него проблем побольше, чем у старого Эбби. Только он о них ни с кем не говорит. В своей семье — никогда. Может, тебе расскажет. Как думаешь, друг?

Ни Мокрик, ни Ухарь ни сло́ва не сказали.

Мистер Фэрфилд приложился к бутылке ещё раз, и путь продолжался в молчании.

Когда они приехали, новой миссис Фэрфилд представил Ухаря сам мистер Фэрфилд.

— Лапонька, у нас новый член семьи́.[184]

И он плюхнул Ухаря на колени миссис Фэрфилд с громким, но не очень совиным «*Ух! Ух!*»

— Какой милочка! — сказала миссис Фэрфилд не очень убеждённо. — Какая прелестная лапочка! — Она сделала затяжку и спросила:[185] — Только кто же это такой?

— Какая птица кричит «*Ух! Ух!*»? Это филин. Ты посмотри на него. У него клюв совиный и глаза́ больши́е. Не иначе как филин. Так что будем звать его *Ухарь*.

— Но у него ушки, как у плюшевого мишки! — возразила миссис Фэрфилд.

— Ну так что? Никто не совершенен. Так что это филин, и хрен с ним. Поцелуй его. Ну!

Миссис Фэрфилд положила сигарету в пепельницу, вздохнула, улыбнулась и осторожно поцеловала Ухаря в клюв. Ухарь понял, что этот поцелуй *настоящий*, совершенно искренний, и знал, что с этого момента он — член семьи́ Фэрфилдов. И это он, который думал, что никакой семьи́ у него никогда не будет, и вся жизнь пройдёт в ящике в подвале голландской реформатской церкви.

— Годится? — спросила миссис Фэрфилд, поворачиваясь к мужу.

— Теперь скажи, что ты его любишь.

— Я тебя люблю, — сказала миссис Фэрфилд, всё ещё глядя на мистера Фэрфилда с некоторым беспокойством.

184 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

185 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Теперь годится, — сказал мистер Фэрфилд, обтирая ру́ки о шерсть у себя. На голове — того же цве́та, что у Ухаря, только намного длиннее. — Это дело утрясли. Ты теперь иди заваливайся спать, а мне ещё надо кой-куда съездить.

У миссис Фэрфилд вид был слегка разочарованный, но она не спросила ни куда он, ни можно ли ей с ним.

Вообще она была домоседкой, и в этом и Мокрик, и Ухарь брали с неё пример. Они могли часами сидеть в тесном кресле и смотреть телевизор вместе с миссис Фэрфилд или играть вдвоём под больши́м обеденным столом с горами сложенной одежды, ожидающей глажки. Очень редко выходили они из дому, потому что знали: есть серьёзные причины этого не делать. Сразу за домом был лес, а мистер Фэрфилд про этот лес рассказывал страшные сказки. У животных — очень многих — нет человеческих семей, в которых можно жить, и до́ма нет, а только леса́, а там опасно бывает даже для сов. Со́вы сами хищники, и охотятся на мышей и на птиц поменьше, но и на них тоже охотятся волки, медведи и зме́и. *А для молодых котиков*, говорил мистер Фэрфилд, *лес —*[186] *это верная смерть*. И Мокрик никогда, никогда не должен ходить в лес один, и даже с Ухарём не должен, а то их там хищники съедят живьём.

Мокрик, слушая эти рассказы, дрожал от ужаса. А вот Ухарь иногда думал, не преувеличивает ли малость мистер Фэрфилд насчёт ле́са. Что верно, то верно — лес был. Он был виден в о́кна, и лесных созданий тоже иногда удавалось увидеть — оленей, и двух симпатичных сурков, и разных птиц, некоторых миссис Фэрфилд знала — во́роны, малиновки и синицы, но для прочих у неё не было имён. А на закате летом бывали даже летучие мыши со своими пискливыми неприятными песнями. Но в са́мом ли деле эти лесные создания так враждебны и опасны, как в рассказах мистера Фэрфилда? Ухарь в этом не был убеждён.

И совершенно другой вопрос: а Мокрик в са́мом деле был кошкой? Миссис Фэрфилд однажды сказала, что он, как ей кажется, гораздо больше похож на медведя коала. И даже указала, что у него уши точно как у того коалы из рекламы авиалиний «Кантас». Кантас — австралийская компания, а там эти медведи и живут. Ухарь думал, что в этом что-то есть. Даже без носа Мокрик был больше похож на коалу, чем на кота.

Но мистер Фэрфилд был неколебим. Мокрик — кот. И в доказательство он спел песню. Вот такую:

Филин и Кошка отправились вдаль

На лодке в утренний час.

И взяли в дорогу денег немного

186 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И хлеба кусок про запас.

Филин на звёзды тогда посмотрел

И тихо запел под гармошку:

О Кошка моя! — так Филин пропел, —[187]

О что за красавица Кошка!

О что,

О что,

О что за красавица Кошка!

— Мокрик *не девочка*, — возразил Ухарь. Впервые он позволил себе противоречить мистеру Фэрфилду, и мистер Фэрфилд наградил его мрачной гримасой, а пото́м тумаком, от которого Ухарь перелетел через полкомнаты.

— Если я говорю, что он девочка, так он, твою мать, девочка и есть. А если я говорю, что он Киска, значит, он Киска. Дошло?

— Гарри, прошу тебя, — сказала миссис Фэрфилд.

— *Гарри, прошу тебя*! — повторил мистер Фэрфилд плаксивым тоном, желая, очевидно, передразнить жену, хотя вышло совсем не похоже.

— Я думаю, все кошки — девочки, — сказала миссис Фэрфилд Ухарю. — Псы — мальчики, а кошки — девочки.

Никто не подошёл помочь Ухарю, пока мистер Фэрфилд не вышел из комнаты, но Мокрик обменялся с ним сочувственным взглядом, хотя и очень печальным.

Пото́м, когда они могли говорить, не опасаясь быть подслушанными, Ухарь возразил (шёпотом и под простынёй):

— Так мы ничего не можем сделать? Так нам и придётся тут сидеть и терпеть все издевательства?

— Он бывает очень злой, — согласился Мокрик.

— И с миссис Фэрфилд такой же злой, как с нами.

— Даже *злее*. В прошлом году́, примерно за неделю до Нового го́да, первую миссис Фэрфилд отвезли в приёмный покой больницы, и ей там семь швов наложили на голову. Ей пришлось носить бандану[188], а когда она её снимала, швы были видны.

187 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

188 В оригинале «банданну» с двумя «нн» — хотя в английском языке и встречается вариант написания «bandanna», тем не менее, оригинальное слово всё же пишется с одним «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А *зачем* он это сделал? — спросил Ухарь, поражённый ужасом. — И *что* это он сделал?

— Ну, они пели тогда песню, его любимую. Снова и снова. И наконец она сказала, что устала и больше не может петь, и он сидел как раз там, где ты сейчас сидишь, и смотрел на неё, а потóм встал и дал ей гитарой по голове. Знаешь, *что* я думаю?

— Что?

— На сáмом деле он разозлился на гитару. Потому что никогда не умел хорошо играть. Хотя никто особо не жаловался, особенно при нём. Только для него было большое облегчение, что никто больше не будет слышать, как *паршиво* он играет на гитаре. Он так и не завёл другую взамен разбитой.

— Не очень он приятная личность, — угрюмо буркнул Ухарь.

— Не очень, — согласился Мокрик. — А нам надо постараться немножко поспать. Завтра снова день.

Он обхватил Ухаря руками, и они заснули.

* * *

В таком маленьком доме, в пустынной части страны́, в отсутствие ближних соседей было неизбежно, что Мокрик и Ухарь будут проводить вместе много времени и очень подружатся. Мокрик узнал от Ухаря про голландскую реформатскую церковь, и про преподобного Друри[189], и про Двенадцать Шагов Анонимных Алкоголиков. О жизни Ухаря до того, как он стал церковным филином, мало что было рассказывать. Он был призом в игре по бросанию колец на уличной ярмарке Большой Развилки по случаю двухсотлетней годовщины Дня Независимости[190], но девочка, которая получила Ухаря от победителя, почти сразу пожертвовала его на еженедельной гаражной распродаже реформатской церкви. Ухарь признался Мокрику, что часто чувствовал себя как румынские дети из той передачи, которую каждый день слушал преподобный Друри. Они прожили всё детство в приюте и потóм трудно сближались с приёмными родителями.

189 В оригинале «Дрюри» вдруг через «ю», в отличие от остального текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

190 Independence Day, День независимости — основной государственный праздник США, отмечаемый 4 июля в честь принятия Декларации независимости (Declaration of Independence) в этот день в 1776 годý. Один из самых популярных и любимых в стране праздников; в этот день устраиваются фейерверки (fireworks on the Fourth of July), пикники (barbecue), проводятся концерты под открытым небом, на домах вывешивают государственный флаг США (Stars and Stripes). Впервые отмечался в Филадельфии ужé в 1777 г., в Бостоне — в 1783 г. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А Мокрик на это ответил:

— А ты знаешь, я не уверен, что это так уж плохо. *Есть родители, с которыми лучше не сближаться больше, чем это абсолютно необходимо*.

— Ты хочешь сказать… мистер Фэрфилд?

— И *не только он*, — кивнул Мокрик. — *Она* была ничуть не лучше, *первая* миссис Фэрфилд. Сейчас наша жизнь на са́мом деле лучше, чем была *тогда*, при ней.

— Ты никогда ещё *о ней* не говорил. Это *она* тебя… — Ухарь коснулся конца клюва культёй крыла́, имея в виду ту же область лица́ Мокрика.

— Нос оторвала? Нет, это было ещё в детском саду. Там был мальчик, Рей Мак-Нолти, который вечно тянул меня за нос, и тянул, и тянул, и тянул. Мисс Вашингтон ему говорила перестать, но он не слушал. И однажды, когда всем полагалось спать, он его просто *оторвал*. Так этому Рею Мак-Нолти этого было мало! Он ещё взял ножницы и *вспорол мне шов на шее*.

— И никто никогда не пытался его зашить?

Мокрик подошёл к креслу рядом с входной дверью и мрачно на себя посмотрел. Шея у него была вспорота спереди и до са́мого левого уха, отчего у него голова грустно наклонилась в сторону, и был такой вид, что когда он говорит, ты должен внимательно слушать.

— Однажды. Однажды миссис Фэрфилд пыталась зашить мне шею — *новая* миссис Фэрфилд. Она хотела как лучше, только за иголку и нитку ей бы лучше не браться. Но я уже́ привык. Теперь мне всё равно, *как* это выглядит.

Ухарь подошёл к нему и попытался запихнуть набивку в рану на шее.

— Это просто *позор*! Чуть-чуть поработать иголкой — и ты будешь такой красивый!

Мокрик отвернулся от зе́ркала.

— Спасибо на добром слове. Да, так я тебе рассказывал про *первую* миссис Фэрфилд.

— Она была *вроде него*? — спросил Ухарь. — В смысле, *тоже пила*?

— Да, а когда напьётся, начинала *буянить*. Они всегда ссорились, и она любила что-нибудь ломать. Выбросила электрическую сковородку прямо в окно кухни. Она вылила на него це́лую бутыль красного сладкого, когда он валялся пьяный на половике, а пото́м на него наползли муравьи — ух, что было! А пото́м, если он давал сдачи, она вызывала полицию. Два раза сажала его за решётку.

— Так чем всё кончилось? Они *развелись*?[191]

191 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ответ Мокрика был почти неслышным. Ухарю пришлось переспросить.

— Она *умерла,* — ответил Мокрик хриплым шёпотом. — И это тоже вышло *не случайно*.

Рассказывать подробности ему не хотелось, и Ухарь знал, что не надо докучать ему вопросами. Всё равно надо было решить куда более серьёзный вопрос: Мокрик предложил Ухарю *пожениться*!

Ухарь было возразил, что они одного пола, но Мокрик напомнил ему об однополых браках, которые всё время обсуждаются по новостям, и хотя их не разрешают ни у южных баптистов, ни у католиков, ни у ортодоксальных евреев, они двое всё же принадлежат к голландской реформатской церкви, если вообще к какой-то принадлежат. А кроме того, мистер Фэрфилд говорит, что Мокрик не мальчик, а девочка, так что это не будет однополый брак. Важно то, что они любят друг друга и будут любить друг друга до конца времён или пока смерть не разлучит их. И в конце концов Ухарь ответил словами песни: «*Поженимся скорее, не в силах я больше ждать, но только сперва расскажи мне, откуда кольцо нам взять?*»

В стихотворении филин и кошка приплывают на лесной остров и покупают у свиньи за шиллинг кольцо из носа, но в реальной жизни найти кольцо было куда проще, потому что у миссис Фэрфилд была шкатулка с украшениями, и там много всяких колец, которые бывают в ювелирных магазинах. Ко́льца с рубинами, и ко́льца с изумрудами, и два кольца́ с аметистами (новая миссис Фэрфилд была Водолеем, а аметист — это камень рождённых в феврале), но окончательный выбор пал на кольцо с четырёхкаратным цирконом бриллиантовой оправки в четырнадцатикаратной золотой оправе из «Магазина на диване».

Они поженились в лесу за домом в пасмурный июньский день, когда мистер и миссис Фэрфилд поехали в Большу́ю Развилку поговорить с адвокатом. Мокрик был одет в кухонное полотенце в красно-белую клетку, и Ухарь сказал, что он похож на арабского террориста. Сам Ухарь был в чёрном. Это впервые они были вместе в лесу так далеко, что даже крыши до́ма не было видно. По **их** понятиям, это ничего иного не могло значить, как то, что они *заблудились*!

Мокрик взялся лапой за обрывок крыла́ Ухаря и произнёс:

— Венчаюсь с тобою!

И ответил филин:

— В го́ре и в счастии.

— В болезни и в здравии.

Больше они ничего не могли вспомнить из церемонии, только поцелуй. И ещё была проблема, *что* делать с кольцом, когда оно стало *их* кольцом. Мокрик хотел вернуть его в шкатулку миссис Фэрфилд, но у Ухаря сразу сделался такой несчастный вид, что Мокрик предложил другой план. И они зарыли кольцо под камнем в лесу, отметив место, где была их свадьба.

Когда они вернулись домой, там вместе с мистером и миссис Фэрфилд был их адвокат, мистер Хабиб, и ещё два полисмена и одна дама, миссис Ярдли, с волосами жёлтыми, как у кинозвезды. Та, которая хотела с ними говорить. Мистер Хабиб сначала сказал, что *это смешно — мальчик аутичен и дезориентирован. Из разговора с ним ничего не выяснишь, и вообще это дело безнадёжное. Этого мальчика не заставить отвечать на вопросы. Мистер Хабиб уже́ пытался, и полиция тоже.*

— Но я поняла из замечаний, которые сделал в своих показаниях мистер Фэрфилд, что он **говорит** со своими плюшевыми медведями или за них. И я вижу, что они у него с собой. И я хочу поговорить с этими медведями. Наедине.

— Хотите говорить с парой засранных[192] медведей? — заржал мистер Фэрфилд. — Может, устроите им допрос третьей степени?

— Прошу отметить в протоколе, — сказала миссис Ярдли, — что у нас есть причина подозревать неблагополучное состояние ребёнка и угрожающую ему опасность. Существует целое дело об издевательствах.

— Все эти обвинения связаны только с покойной, — указал мистер Хабиб. — А этот мальчик явно не подходит для официального допроса.

Миссис Ярдли мило улыбнулась ему и присела возле Ухаря.

— Но я же не собираюсь говорить с мальчиком. Я вот с этим маленьким дру́гом хочу познакомиться. И с его приятелем. — Она ласково погладила Ухаря по клюву и потрепала Мокрика по голове. — Если **кто-нибудь** меня представит.

Мокрик отвернулся, но Ухарь был не так застенчив.

— Меня зовут Ухарь, — поведал он шёпотом. — А это — Мокрик.

Мистер Хабиб энергично запротестовал, утверждая, что *миссис Ярдли поступает против правил*, но она просто не обратила на него внимания и стала говорить с Мокриком и Ухарём, рассказывая им про других плюшевых медведей, которых она знала и уважала, про Эванджелину, которая жила в Твин-Форкс и была всегда одета как топ-модель, Дрейфуса, который носил галстук-бабочку и знал разные вещи про Инвестиционные Фонды Открытого Типа, и про Жан-Поль-Люка, который говорил только по-французски, и миссис Ярдли поэтому не очень хорошо его понимала, пока не прошла в школе годовой курс французского, а было это очень давно.

192 В оригинале «засраных» с одним «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она оказалась действительно приятной дамой, но чем она была приятнее, тем грубее становился мистер Фэрфилд, и в конце концов ей пришлось попросить двух полисменов проводить мистера Фэрфилда к полицейской машине. Мистер Хабиб вышел с мистером Фэрфилдом, а миссис Фэрфилд поднялась наверх.

Когда они остались с миссис Ярдли наедине, она сменила тему и перестала вспоминать знакомых плюшевых медведей, а захотела *узнать всё-всё-всё про Фэрфилдов*. Ухарь хотел ей помочь, но он мало что мог ей рассказать про первую миссис Фэрфилд. Мокрик поначалу не так уж ей доверял, и про многое говорил, что *не помнит, особенно про ту ночь, когда умерла первая миссис Фэрфилд*.

Ухарь постепенно понял, что миссис Ярдли думает, будто мистер Фэрфилд убил свою первую жену и сейчас ищет способ, как это доказать. Когда она перестала задавать вопросы Мокрику, она стала спрашивать то же самое у Ухаря, хотя он и объяснил ей сразу, что жил ещё в голландской реформатской церкви, когда убили миссис Фэрфилд.

— А! — сказала миссис Ярдли. — А почему ты говоришь «*убили*»? Ты не веришь, что это был несчастный случай?

— Не **знаю** я! — отбивался Ухарь, готовый заплакать.

— А я думаю, она сама на себя ру́ки наложила, — сказал вдруг Мокрик, хотя его и не спрашивали. — Так говорит мистер Фэрфилд.

— В са́мом деле? А *кому* он это говорил? Тебе?

— Нет, мне он всегда говорит, что это был несчастный случай и чтобы я про это не думал. Но я слышал, как он говорил это **новой** миссис Фэрфилд…

— Это Памеле Харпер? Той даме, что поднялась только что наверх?

— М-гм. Он ей сказал, что *никто столько снотворных таблеток случайно не принимает*. Он ей говорил, что думает, что она, наверное, подмешала их себе в мороженое, «Роки роуд». Она могла съесть це́лую пинту «Роки роуда». Особенно если они перед тем подрались. Он извинился и принёс домой мороженое. И никому больше ни кусочка не дал.

И чем больше Мокрик объяснял миссис Ярдли про мороженое, и про выпивку, и про споры, которые тут бывали, тем яснее становилось Ухарю, что мистер Фэрфилд, наверное, убил свою первую жену, подмешав снотворные таблетки в мороженое. А пото́м поставил бутылку ви́ски туда, где она её должна была найти, когда он оставит её одну. Ясно, что миссис Ярдли подозревала то же самое.

И тут с диким шумом новая миссис Фэрфилд скатилась с лестницы, как буря, и вылетела из дому, чтобы бросить своему мужу обвинение в краже четырёхкаратного бриллиантового кольца́ из её шкатулки.

Ухарь с тревогой посмотрел на Мокрика, а Мокрик откинул голову назад и стал смотреть на причудливый узор водяных потёков на потолке. Миссис Ярдли больше ничего не смогла у них вытащить, и потому оставила их в покое и отошла к входной двери́, где мистер и миссис Фэрфилд орали друг на друга, пока мистер Фэрфилд не перешёл от словесных оскорблений к действиям и не дал миссис Фэрфилд пощёчину — а миссис Ярдли ничего больше и нужно не было. Эту ночь Мокрик и Ухарь провели в семейном приюте в сорока́ милях[193] от до́ма Фэрфилдов, и там они и жили, пока продолжался суд над мистером Фэрфилдом за убийство первой жены. Они по закону не имели пра́ва быть свидетелями на суде, и Ухарь лично был рад, что избавлен от такого неприятного долга. Что он мог бы такого сказать, что помогло бы мистеру Фэрфилду? При всех своих недостатках этот человек был ему вроде отца, и Ухарю не хотелось бы присутствовать, когда присяжные вынесут вердикт «*Виновен в убийстве первой степени*».

В семейном приюте Мокрику и Ухарю не особенно позволяли друг с дру́гом видеться. Встречались они только в прачечной, когда там никто не стирал одежду, или на чердаке, куда им ходить не полагалось. И даже когда им удавалось улучить несколько минут наедине, без других обитателей приюта, они не находили слов. Мокрик потихоньку опять сползал в депрессию и уныние, которые не давали ему ни с кем разговаривать, пока он не встретил Ухаря. А Ухарь большой кусок своей жизни провёл в подвале голландской реформатской церкви, долбя таблицы умножения.

Никто из них не захотел говорить с мистером Фэрфилдом, когда он звонил по телефону, а миссис Фэрфилд ни разу не позвонила. Может быть, на са́мом деле она и не была женой мистера Фэрфилда, а только *подружкой*. И вообще она куда-то уехала, где а́дреса не было.

— Ты по ней скучаешь? — спросил как-то Ухарь у Мокрика в холодный ноябрьский день, сидя рядом с сушилкой в прачечной.

— Да нет, пожалуй. Скучно было смотреть все эти программы по каналу домашних покупок. Я и первую-то миссис Фэрфилд не очень любил, но с ней было *забавнее*.

Ухарь меланхолично рассматривал большой узел с бельём на полу́.

— А знаешь что? Я по **нему** скучаю.

— Слушай, нам *так* гораздо лучше, — заверил его Мокрик.

— Надеюсь. А он **долго** будет сидеть в тюрьме?

— В газете было сказано: *минимум двадцать один год*.

— Подумать только! Ему будет, сейчас посчитаю… — Ухарь произвёл мысленный расчёт, — … почти пятьдесят пять, когда он выйдет. Ну, я думаю, *он это заслужил. Если ты кого-то убил, за это надо расплачиваться.*

193 В метрической системе 40 миль — это более 64 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мокрик странно улыбнулся Ухарю. Местная дама зашила ему рану на шее, и теперь его голова склонялась чуть в другую сторону, и это *нервировало*.

— Верно, — согласился он. — Но ты же знаешь, что **он** миссис Фэрфилд не убивал.

— Да-да, так и мистер Хабиб говорил — ничего, кроме косвенных улик.

— Нет, я *не о том*.

— А о чём? Что она действительно покончила с собой?

— Нет, это *я её убил*.

Ухарь был ошеломлён.

— Но этого не может быть! Ты же просто…

— Игрушечный медведь? — спросил Мокрик с улыбкой. — Так ты думаешь, что игрушечные медведи — просто глупые пушистые бессловесные звери?

Ухарь покачал головой.

— Может, мы не живём в лесу, но *мы — медведи*.

— Я — *филин*! — возразил Ухарь.

— А я — *котик*. Но оба *мы — медведи*. Не спорь — просто посмотри на свои уши. Мистер Фэрфилд как раз там, где ему следует быть, а что до нас, я думаю, нас усыновят хорошие люди. Миссис Ярдли говорит, что на нас уже́ много заявлений.

Так это и вышло. Их усыновили Кертис и Меви Беннеты, и они переехали в дом на побережье Джерси и там, как в том стихотворении:

В руке рука, на краю́ песка,

Танцевали они при луне,

Вот так,

Вот так

Танцевали они при луне

Но венчальное кольцо их осталось там, где они положили его, под камнем в лесу, на месте их свадьбы.

© Томас Майкл Диш

Стивен Спрюлл «Гемофаг»

Две́ри лифта раскрылись, первая струйка запаха кро́ви была как стебель розы, вознёсшийся в вазе, пото́м заиграли хищные обертона… У Меррика запершило в горле. Кабина дёрнулась, но он держался крепко. Перед глазами тёмно-коричневый ковёр, серые обои с серебристым узором. В полосе света из лифта кружились пылинки. Там где-то люди — спешат мимо. Но это — *там*, отсюда никого не видно.[194] Можно нажать кнопку лифта, сказать полицейскому в вестибюле, что оставил что-то в машине, и вернуться к Кэти — ведь *там* его место. Но труп уже́ проник в него, атомы мёртвой всасывались в его кровь — с каждым вздохом.

Меррик выпустил лифт и шагнул в холл, ладони покалывало там, где он прижимал их к поручню. За спиной сузился и погас свет со стуком закрывшихся дверей, оставив бледные вспышки двадцатипятиваттных канделябров, слишком далеко расположенных друг от друга.

Они любят, когда темно. Здесь можно проскользнуть,[195] не боясь, что заметят, если вдруг даже выйдет кто из жильцов…

Меррик стиснул зубы. Чёрт побери этого лейтенанта — «*нет*» для него не ответ, пожалуйста, только взглянете. Он знать не мог, *о чём* он просит.

У открытой две́ри в конце коридора — ещё один полицейский. Когда он поднял руку с фонарём, лицо его осветилось отражённым от стен светом.

— Здесь место преступления. Если вы обойдёте вокруг…

— Я Меррик Чепмен.

Коп подтянулся и покраснел.

— Да, сэр, простите! Я думал, вы *старше*.

И не ошибся, сынок.

Тесный вестибюль переходил в узкий коридор — слева и небольшую гостиную — прямо, где паркет был укрыт персидскими коврами. Удобное кресло в углу сразу же привлекло внимание — Меррик понял, что *это* и было *любимое место*. Растения в горшках переплетались над ним кружевом, а

194 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
195 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

стоя́щий позади торшер давал достаточно света для чтения. На полу́ лежал открытый любовный роман яркой обложкой вверх. Два эксперта в перчатках возились около кре́сла.

— Лейтенант!

— Дес, сзади.

Меррик обернулся. Его удивило, что Дес столь изрядно прибавил в весе. И сколько белых нитей в чёрных волосах. Всё ещё пижонски одевается, но уже́ без своих излюбленных масайских мотивов в подтяжках и галстуках. Просто чёрный шёлковый блейзер, белая рубашка и угольного цве́та брюки — форма *ответственного* сотрудника.

— Сам ты *лейтенант*.

— Отлично выглядишь, Меррик. Чёрт, ты будто какой-то греческий эликсир нашёл, будто вчера только ушёл со службы. А вот я… — Он бросил укоризненный взгляд на собственное брюхо. — Спасибо, что приехал. Я у тебя в долгу. Чёрт, я и *раньше* у тебя в долгу был.

— Ничего ты мне не должен, Дес.

— Ага. Это какой-то *другой* Меррик выкручивал всем ру́ки, чтобы меня назначили на его бывшую должность.

— Ты всё ещё считаешь *это* услугой?

— Наверняка лучше, чем просиживать задницу в наблюдении и кемарить в дежурке. А свой милый офис я всегда могу послать подальше, если пожелаю. —[196] Он оглянулся через плечо в коридор, и ничего близкого к такому пожеланию в этом лице не было. — Степански тебя остановил при входе?

— Который у двери́? А что ты ему вообще сказал?

— Только твою фамилию. Хороший мальчик, рвётся в детективы, сшивается возле наших ребят и впитывает их боевые рассказы, как губка. У тебя всё ещё рекорд по раскрытым убийствам.

Меррик ощутил неловкое удивление. *Люди в департаменте ещё о нём говорят?* А что это меняет? Ему сейчас уже́ мало есть, что скрывать.

Дес протянул па́ру латексных перчаток. Пока Меррик их натягивал, в мозгу промелькнули виде́ния отмеченной синевой мраморной кожи, неподвижных глаз, кро́ви, тёмной и ароматной, всегда пахнущей по-разному. На секунду снова вернулась мысль о бегстве — сейчас уж совсем не ко времени!

— Она в ванной, — сказал Дес.

196 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Меррик прошёл по узкому коридору мимо крохотной спальни — кровать аккуратно накрыта цветастым покрывалом. Ванная была больша́я, с розовыми и зелёными плитками под стиль пятидесятых. Женщина лежала в ванне, глаза́ закрыты, гу́бы раскрыты, будто задремала. Простоватое лицо при жизни было красивее. Кровь в воде наполовину скрывала тело. Меррик глянул — вот он, около ванны, возле её плеча — поварской нож с длинным остро отточенным лезвием, блестящим от кро́ви. Дес вынул из воды́ алебастровую руку. Порез был глубокий, вдоль запястья, а не поперёк. Наклонившись ближе, Меррик осмотрел рану, голова чуть закружилась от отравленного запаха. Горло перехватило, но пото́м он смог проглотить слюну. Он опустил руку в воду — холодна, как камень.

Позвоночник свело напряжением, но он спросил:

— Почему ты заподозрил убийство?

— Ты не считаешь, что вода должна была бы быть *темнее*? Я видал четыре или пять самоубийств в ванне, и обычно те́ла не разглядеть, если порезанная рука не снаружи и кровь не стекла на пол. А на запястье нет старых следов. Откуда она знала, *как* сделать разрез? Она не врач. Продавала туры в агентстве.

— Записка?

Дес покачал головой.

Меррик посмотрел на него:

— Ты меня экзаменуешь, Дес?

Лейтенант ухмыльнулся, и на секунду годы умчались прочь.

— Я уверен, ты заметил, — сказал Меррик, — что кровь на ноже ещё не засохла, а это значит, что прошло не больше ча́са. Так почему же вода такая *холодная*?

— Вот *именно*. Никто не залезет в холодную ванну резать себе вены. Тот, кто это сделал, никак не рассчитывал, что хозяйка войдёт, чтобы отдать щипцы для завивки.

Меррик закрыл глаза́, и ему представилась высокая фигура — фигура человека, крадущегося по сумрачному коридору к этой квартире. Или, быть может, лезущая по наружной стене к скошенному окну. Он увидел женщину, сидящую в кресле за чтением, может быть, она подняла голову, ощутив изменение в воздухе. Но убийцы она не видела, потому что он ментально коснулся капилляров её сетчатки и пережал их, создав слепое пятно, которое мозг жертвы заполнил знакомыми предметами обстановки. Пото́м он расширил ей яремные вены, откачивая из мозга кровь, и подхватил, когда она упала. Он едва ощущал её вес, относя в ванную на руках, которые способны поднять грузовик, с кистями, которые могут пробить стену. У неё не было никаких шансов, совсем-совсем ни одного шанса не было, потому что *вампиров не существует*. На са́мом деле эта женщина, быть может, видела

своего убийцу, но только в са́мой глубине мозга, где нет ожидаемых образов, способных заполнить слепое пятно. Романисты создали образы кровососов, искажённые их горячечным воображением, а Голливуд бросил эти искажения на экран, и это, по иронии судьбы́, показанное в ложном свете, только лучше скрыло тайну веков. Да, мы знаем о вампирах, и главное, что мы знаем о них, — это то, что они *выдуманы*.

Ладно, крест или осиновый кол эту женщину не спасли бы, но сигнал тревоги, подключённый к видеокамере, мог бы. Сколько уже́ гемофаг, побывавший сегодня здесь, бродит среди людей и берёт то, что ему нужно двести лет? Тысячу? Бродил ли он в глухую полночь по истоптанным полям Гастингса или Ватерлоо, выпивая кровь умирающих? Сколько тел оставил он в лесах, где зубы других зверей стирали следы его собственных? Сейчас можно выследить убийцу по одному волосу или следу его кро́ви — если он человек. Но если кто-то гибнет в автомобильной аварии, при пожаре, просто исчезает, кончает самоубийством — *убийцу даже не ищут*.

— Что мне теперь хотелось бы знать, — сказал Дес, — это где *остальная* кровь? На полу́ её точно нет. И в ней тоже нет, потому что она бела, как хлеб причастия. Ты думаешь, *он* мог вернуться — наш *убийца-вампир*?

Наш убийца-вампир.

— Я думал, он мёртв, — протянул Дес. — На са́мом деле я верил в ту теорию, что это ты его убил.[197]

Меррик пристально на него глянул. Дес развёл руками:

— Слушай, я же тебя не обвиняю. Но ты дни и но́чи охотился за этим злобным гадом, а пото́м перестал — и он тоже.

Меррик увидел подземелье в лесах Вирджинии, ряды лежанок в общих залах для тех, кто слишком ослабел и не может больше двигаться. Он увидел Абези-Тибода, Балберита, Процела, лежащих в индиговом полусвете, разметав по подушке волосы. Ли́ца мёртвых фараонов, пока не заметишь мерцающих ненавистью глаз. Вокруг за железными решётками вопили и бесновались другие — туда он помещал свежепойманных, и туда он наконец поместил Зана.

К горлу подкатила тошнота. *Не надо было сюда приходить. Кошмар кончился и не должен начинаться заново.*

— Да, ты много ещё мотался несколько месяцев после последнего убийства, — сказал Дес. — Но ты никогда бы не ушёл в отставку, если бы знал, что он ещё здесь. По крайней мере,[198] так мне хотелось думать.

— Ты думаешь, я поймал бы его и не арестовал, а просто убил?

— Твой секрет я бы не разболтал.

197 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

198 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Меррик ощутил тяжесть в груди́. **Обвинитель, судья, палач**[199]**.**

У Деса был смущённый вид.

— Слушай, ты меня извини, не надо было мне *это* говорить. Я не знаю человека более цельного, чем ты. Я знал, что всё это, наверное, принятие желаемого за действительное. Я смотрел все сводки ещё несколько лет, когда убийства прекратились — посмотреть, не начнутся ли они в друго́м месте. Не начались. А это явно *другой* почерк. Тот убийца, тринадцать лет назад, выставлялся *напоказ*. Этот… — Дес поглядел на труп в ванне и проглотил слюну. — Этот *хитёр*, Меррик. Кто бы он ни был, он не рассчитывал, что всплывёт убийство — нам просто *повезло*. Но недостающая кровь заставляет вспомнить того типа тринадцать лет назад. Сколько ещё сукиных сынов настолько спятили, что вообразили себя вампирами? — Дес покачал головой. —[200] Где её кровь? И не говори мне, что он её *выпил*.

Меррик положил Десу руку на рукав:

— Не фиксируйся на этом. Это может ничего не значить. Может, у неё была по-настоящему медленная свёртываемость, и потому нож ещё мокрый. Тогда это могло случиться три часа́ назад — достаточно, чтобы вода остыла.

— Ты думаешь, *такое* может быть? — На лице Деса отразилась борьба надежды и сомнения. — Чёрт, может быть. — Он шумно выдохнул. — Посмотрим, что скажет лаборатория. Я тебе сообщу.

— Не надо.

— Ладно. Я думаю, тебе хватило психов на всю оставшуюся жизнь.

Меррик не ответил.

— Извини, что на тебя это навалил.

— Не бери в голову.

— Привет от меня Кэти, — сказал Дес.

— Обязательно.

У Меррика посветлело на душе́. Кэти, его теперешняя жизнь. В этот час им полагалось пить кофе в кабинете, обсуждая её день в больнице. Пото́м они поднимались наверх…

Но он ещё не может ехать домой. Пока не будет уверен.

199 В оригинале сомнительное «плач». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
200 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Меррик остановил машину, выключил фары и подождал, пока уляжется пыль. Перегнувшись к пассажирскому сиденью, он осмотрел ферму Зана. Калитка, прикрученная ржавой проволокой к столбу, — как на скотном дворе. Ни машины, ни огней в доме, но это ничего не значит.

У Меррика от напряжения свело желудок. Съехав на наклонную обочину, он заглушил мотор и вышел. В ночном воздухе, холодном и тихом, слышимость идеальная. Отключившись от тихого тиканья остывающего двигателя, Меррик засёк шуршание в поле возле до́ма и направился туда, пристально изучая траву в красноватом подобии дневного света. Енот в траве встал на задние лапы, почувствовал его взгляд и быстро удрал.

Он повернул к дому. Когда темнота вокруг расступилась, ветхость здания стала огорчительно очевидной. Со столбов веранды облупилась краска, — днём она была бы бледно-жёлтой. Маскировочная лента вилась по стеклу двери́, закрывая трещину в стекле. Ещё месяц-полтора, и клёны по обе стороны́ веранды[201] скроют кое-какие недостатки свежей листвой, но сейчас всё это выглядело скорее как развалины.

— Подойди.

Приглушённый голос Зана. Тут Меррик увидел его — высокий серый силуэт, плавающий в прямоугольнике треснувшего окна́. Миновав калитку, он поднялся к веранде по травянистому склону, и грудь его сжималась от ужаса. Заскрипели под ногами до́ски — последняя система предупреждения, которую никому не отключить. Звонкая наружная дверь, ручка, холодная, неподатливая. Меррик отступил на несколько шагов. Зан глядел на него без всякого выражения на смуглом гладком лице. Соболиные волосы он подстриг коротко, как шерсть пантеры.

— Сегодня у меня был вызов. Молодая женщина умерла в ванне. Вены вскрыты, исчезло много кро́ви. *Ты?*

— Я этого больше не делаю. Беру немного, когда они спят. Хочу их убивать, но не убиваю. Мы — львы, они — зебры, но наутро они все просыпаются. Потому что *теперь я такой, как ты. Ты это сделал.*

Меррик тогда взялся за плеть не дрогнув, шрамы оставила его собственная рука. Как может правильный поступок ощущаться таким не правильным? Он позволил логике загнать себя в капкан: только он может остановить Зана, следовательно, если он этого не сделает, кровь на его руках.

201 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И потому я похоронил своего сына тринадцать лет назад, чтобы спасти легион чужих людей. Потому что *они похожи на нас*. Они вспыхивают и гаснут в мгновение ока, но у них наши ли́ца. А у нас — их. Неужели Зан забыл свою мать, которая была из людей?

У Меррика сжалось сердце. Пятьсот лет, и ко́сти её стали прахом, но он её не забудет. Она в Зане, её смуглая красота в его лице бедуинского шейха, молодом навеки.

— Ты получил то, за чем, пришёл, — сказал Зан.

В мозгу Меррика слышался тот же голос, и он молил: «*Не оставляй меня, прошу тебя…*»

Но я его оставил.

Меррик увидел мысленным взором келью, как заставлял себя видеть каждый день: Зан, скорчившийся на лежанке, придавленный бесконечной однообразной тьмой, лишённый будущего, и оставлены ему лишь все воспоминания, вся охота, льющаяся кровь. Видел ли он их во тьме — призраков с разорванным горлом и багряной грудью, произносящих бледными губами безмолвные укоры?

Молился ли он?

Выпусти меня, и я не буду больше убивать.

И тут неуловимая дрожь касается его подошв. Прижимая ладони к двери́, он задерживает дыхание, ожидая другой, страшной иллюзии. Земля дрожит, её глухой рокот поглощается оглушительным треском, бетон разрывается от пола до потолка, осыпая его крошкой. Сердце прыгает у горла[202], он бросается к стене и прижимается глазом к пролому, смаргивая стру́и пы́ли, вопя от облегчения, найдя изломанную линию дневного света, всего два дюйма[203], всё, что ему нужно.

Меррик ощутил, как свет избавления заливает его собственные глаза́. Чудо. Ты это был, Бог? Или дьявол? Кто бы ни устроил *то* землетрясение, я благодарю тебя. Ещё один шанс, для нас обоих.

Зазубренные колёса жажды зашевелились в горле. Он представил себе Зана, пьющего из пакетов для переливания кро́ви, берущего только чуть, оставляющего им их жизнь — или смерть?

Женщина в ванне сегодня — сделала сама свой выбор?

Быть может.

Самоубийство. Медленная свёртываемость, вот и всё.

Да.

202 В оригинале опечатка «горда». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
203 В метрической системе 2 дюйма — это почти 5 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он приложил руку к стеклу.

За ним погас зелёный взгляд.

Ещё миг Меррик видел своего сына, потóм Зан исчез в красных тенях пустой комнаты.

© Стивен Спрюлл

Майкл Маршалл Смит «Книга иррациональных чисел»

Симпатичная пустая страница. Страница номер три. $3\times3=9^{204}$, следовательно, 0. Начало. Начиная новый блокнот, я никогда не пишу на первом листке бумаги, потому что, знаете ли, он всегда изгваздается. Я оставляю обе сто́роны пустыми, а писа́ть начинаю со второго листа, который будет прикрыт от гря́зи. Вообще блокноты я использую для хобби. Сейчас мне хочется написа́ть много разных вещей. Только не знаю, как это сделать по-настоящему. Тра-та-та, слова́, слова́, слова́. Буквы должны во что-то складываться, только я не знаю, во что. Когда что-то запишешь, это сразу уже́ вчерашние новости. А на са́мом деле почти ничего не бывает вчерашней новостью. Почти всё оно до сих пор продолжается. Сегодня такой же рациональный день, как почти все прочие. Мне надо было красить дом на том краю́ го́рода, и я уже́ почти всё приготовил с утра, но дождь пошёл, так что я так всё и оставил.

142 = 196. 8,562 = 73,2736.

В Роаноке жить забавно. Не то чтобы посередине какого-то «нигде», а близ гор Голубая Гряда. Это в Вирджинии.

Никогда не видел тут одинокой сосны́, потому что их тут миллиарды. Но мне это нравится. Работы полно́. Людям всегда надо, чтобы с их домами что-то делали. Больше делать почти нечего, и много труда надо положить, чтобы найти вечером где поесть или выпить, по воскресеньям особенно. Единственное такое место — «Макадос», бургерхаус в центре го́рода. Полно́ старшеклассников, но это ничего. Они не настолько богаты, чтобы быть гадостными. Вообще почти все — нормальная детвора. А город — это пара кварталов магазинов плюс аэропортик. Зимой можно ездить на машине по горным дорогам, открывать неизвестные места́. Однажды я проехал от Ричмонда вдоль Гряды мимо всех этих усадеб. Так люди мне смотрели вслед, будто никогда автомобиля не видели. Земля, которую забыло время.

204 В оригинале «3Ч3=9». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Самая, быть может, важная вещь, которую я в своей жизни открыл, — это идея *цифровых корней*. Когда ищешь цифровой корень числá, цель в том, чтобы свести его к одной цифре. Для этого складываешь все его цифры: например, 943 521 даёт 9+4+3+5+2+1=24. Тут, конечно, всё ещё две цифры, так что складываешь их вместе: 2+4=6. Значит, цифровым корнем для числá 943 521 будет 6. Что интересно: для ускорения процесса можно выкинуть все цифры 9. Если в числе есть девятки, или любые цифры, которые в сумме дают девять, их можно не учитывать. Значит, в числе 943 521 можно отбросить 9, а ещё отбросить 4 и 5, которые в сумме дают 9. Остается: 3+2+1, что даёт 6. Тот же ответ.

✷ ✷ ✷

Я пришёл к этому случайно. Не знаю, не могу вспомнить, какие шаги[205] направили меня в *эту* сторону. Не знаю. Не помню ничего конкретного, но это могла быть такая мелочь, что я её не счёл достаточно важной. Помню какие-то книги, какие-то разговоры, какие-то сны. Что-то, что видел? Но ничего особого. Такого, чтобы по голове шарахнуло.

Ищешь то, что имеет смысл.

Новенькая эта из книжной лавки, Сьюзен — красива. У неё улыбка классная, и она всегда так рада, будто знает, что рано или поздно что-нибудь приятное случится. Она — прайм[206]. Подрабатывает, думаю, на каникулах. И сразу заметила мой *акцент*. Я думаю, она думает, что он *крутой*. Надеюсь.

✷ ✷ ✷

Джерри снова висит на телефоне, надоедая всем рассказами, как он готовится к Миллениуму. Макс тоже перегревается и беспокоится. А какая разница? Все думают, что год 2000 — невесть какое событие. А вот и нет. Мы ужé проехали. Ужé началось. Отбросьте все девятки — и увидите, почему так.

205 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
206 Игра слов Prime — одновременно и «простое число», и «цветущий возраст»

Прошлый год был 1998. 1+9+9+8=27, а 2+7 (а то отбросьте обе девятки и просто сложите 1 и 8)=9. Девятку отбрасываем. То есть *ноль*. Год 1998 — это *момент ноль*, конец всего, год ничто по модулю 9. А вот 1999 имеет цифровой корень 1. 1999 — это и есть год 1, 2000 даёт корень 2. И год 2000 — ничего не начало, он уже́ после, когда *всё уже́ началось*. Миллениумы для реальных людей ничего не значат. Их жизни вращаются по куда меньшим кругам. Доходить надо до корня. Если уже́ число не можешь свести к меньшему, оно что-то значит. А иначе это просто сложение.

✷ ✷ ✷

Сегодня красил дом Макиллсонов. И внутри тоже кое-чего им подремонтировал. Думаю, соседу ихнему тоже надо кое-чего сделать. Так оно, к счастью, и идёт.

✷ ✷ ✷

Очень похоже, как когда что-то ломается. Когда *так* выходит, проходишь через этот ад. Вот как го́ре. Сначала идут минуты, пото́м часы. Недели, месяцы. Циклы вины, горя, иногда и радости. А когда однажды это пройдёшь, уже́ по-другому. Первый раз ты виноватый, и деваться некуда. Пото́м — другое дело. Все структуры, когда-то твёрдые, навек разжижаются, вроде как мешок толчёного стекла в патоке. Сунешь туда руку — а оно и острое, и сладкое.

✷ ✷ ✷

Люди ко мне хорошо относятся, но я от этого бываю грустный и виноватый, потому что я знаю, что *я не такой хороший*. И это больно. У меня есть друзья, и всегда я шучу и смеюсь с ребятами в лавке, где покупаю материалы. А Сьюзен из книжной лавки мне теперь машет рукой, когда видит, как я прохожу мимо. Не заслуживаю я этого. Я *хочу* быть хорошим! Мне это важно. Когда-то я *был* хорошим, так мне кажется, и немножко ещё

осталось. Я, бывало, милю за милей мог проехать, только чтобы с кем-то повидаться — и так каждые выходные. Было во мне *это* — возможность *быть* хорошим. Но ведь не было помощи, и только гадать приходится, откуда они приходят — энергия, желание, радость. Не из меня ли, из того, что мне в себе нравится? Да, это подходит: если нет, почему оно так бессильно? Наверное, оно очень слабо́, что ничего сделать не может, а тогда выходит, что не так уж оно безупречно, это «*во мне*». Очень похоже получается, что сидит этот дрожащий человечек в высокой башне за́мка за запертой дверью и ничего не хочет. Слабый, боязливый, рациональный в сердце иррационального. Рациональность —[207] слабость, у неё нет момента, она ни в какие интересные суммы не входит. Она только *лебезит*.

✷ ✷ ✷

Сегодня опять похолодало. На са́мом деле не то, чтобы на меня охотятся. Это будто кто-то тянется ко мне из темноты, будто непрозрачный бурый туман начинает вздуваться, когда кто-то его толкает снаружи. Думаю, холодная будет зима.

✷ ✷ ✷

Семнадцать — последний год, когда молод. Я помню, когда был пацаном около четырнадцати, кажется, думал я, как это странно будет стать старше. Я ещё как-то мог понять возраст шестнадцать или семнадцать. Восемнадцать это был возраст вроде как двадцать один, который даже и не возраст вовсе, а законный барьер. Граница. Ты же не думаешь: «*О, быть восемнадцатилетним —[208] это будет так-то и так-то*», ты просто думаешь о том, что уже́ не будет запрещённым. А зато вот девятнадцать. Это кажется по-настоящему старостью. Это уж — вырасти больши́м и перейти стену. Конечно, теперь это так не кажется. Теперь я понимаю, что 19 — это 1 и 9, а 1+9 = 10, а 1+0 = 1. Первый год старости. 1+8 — это 9. Год нуля.

207 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
208 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Надо очень внимательно за всем следить.

Всё думаю о людях, которые ждут открыток на день рождения, на Рождество. Телефонного звонка ждут, которого не будет. В основном — матери. Хотелось бы мне сказать, что тут есть больша́я разница — так ведь её нет.

Возвести число в квадрат — проще простого. Берёшь число и умножаешь его на себя. Каждый может. Доро́га, по которой просто ехать — как всё время в привычном направлении.

Доро́ги. Помню, ещё в Англии, ездил я в Кембридж из Лондона по дороге M11[209]. Если вообще где-то в мире будет плохая погода, так она будет на M11. Это я вам говорю. Как если бы доро́га была построена специально, чтобы погода могла свирепствовать. Есть там высокие участки, где ветер хватает машину и кидает её на другие по́лосы, средние участки, где дождь лупит по ветровому стеклу почти параллельно земле, а ещё есть ямы. Особенно возле Кембриджа длинные низкие провалы, где собирается туман и лежит, как каша в миске. У меня тогда была девушка, которая там жила. И год, а на са́мом деле даже больше го́да, я каждые выходные ездил по M11[210]. Я её видел

209 В оригинале «M11» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
210 См. 209. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

весной, летом, осенью и зимой — и без разницы: погода была хуже, чем где бы то ни было. Однажды октябрьской ночью я съехал на эту дорогу с боковой — и плюхнулся в сплошной туман. На десять миль[211] видимость такая, что еле разглядишь конец капота. Ни черта я не видел. Я своих-то фар разглядеть не мог, что там говорить о чужих. И ехал всё медленнее и медленнее. Я помнил, что после следующей развилки шоссе начинает подниматься вверх, вытаскивая само себя в объезд всего го́рода. И ждал этой развилки. Мимо меня никто не проехал, и я вообще других машин не видел — ни фар на встречной полосе, ни собственных хвостовых огней. Очень долго ехал, пока миновал первую развилку. Обычно здесь туман уже́ поднимался. А в эту ночь лежал, как и всюду. Такой же густой, такой же мертвящий, и точно так же надо было ехать, как через огромный сугроб, доходящий до неба. И ни звука, только гул мотора. Радио я выключил, чтобы не отвлекало. А за окнами ничего не видно, только туман клубится. Так ехал я примерно минут тридцать пять — со́рок, стал беспокоиться, а ещё через десять минут занервничал всерьёз. Дорогу М11[212] я знал, как свои пять пальцев, и одна мысль стала настойчиво стучать мне в голову, туда, где сидит автопилот и за всем присматривает. *Не пора ли, не пора ли уже́ проехать следующий выезд?* В нормальных условиях я проехал бы первый выезд на десятой минуте пути, а второй — на получасовой отметке. Эта ночь какой-какой — а нормальной не была, и я ехал куда медленнее обычного. Но уже́ прошло пятьдесят минут, как я миновал первый выезд. Проехать второй, не заметив, я не мог: больши́е указатели выездов на этой дороге были единственным, что я мог разглядеть в начале пути. Так где же второй? Ещё десять минут. Всё так же ни одной машины на моей стороне доро́ги и ни одной па́ры фар на другой. Ещё пять минут, чуть прибавив скорость. Я просто был слегка… озабочен. Ещё через десять минут силуэт появился из тумана, и я вздохнул с облечением. Путь уже́ наполовину пройден, и вот он — второй выезд. Закуривая сигарету, имея наконец возможность чуть отвлечься от доро́ги, я на миг задумался. *Сколько ещё времени нужно было бы, чтобы я запаниковал? Сколько времени нужно было бы мне ждать, чтобы «несколько долговато» стало «определённо слишком долго», и в са́мой глубине се́рдца я бы решил, что где-то ошибся, что выезд исчез, что я ползу по бесконечной, туманной дороге в никуда, оставив за спиной реальный мир?*

Кто-то меня преследует. Определённо. Я это знаю. Странное положение. Все остальные болеют за охотника. А я не он. Некоторые в моём положении так себя называют, но это чистое тщеславие. Я решил, что он —

211 См. 169. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
212 См. 209. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

коп. Он ещё не знает, *кто* я, но он здесь. Понятия не имею, *откуда* я это знаю. Может, я замечал всякие мелочи, не определяя сознательно, *что* они значат. И я не знаю, *что* с ним делать. Я не хочу ни бросить, ни выдавать себя, если это в моих силах, но — может быть, он даже мой друг. Он должен что-то в этом понимать, и это может помочь. Я не понимаю. Частично дело в этом. Я не понимаю, почему я просто не могу быть хорошим. Вы читали книги о людях, которые — 1. 2. 3… «*и это причины того, что*». Простое сложение. А у меня не так, насколько я помню. У меня нечем оправдаться. У меня приличное количество друзей, и они приходят ко мне или я к ним, и мы вместе тусуемся, но всё это получается как в двух измерениях. Как витражное оконное стекло,[213] один камень —[214] и всё разлетается. Я просто не хороший, и это меня печалит, потому что люди со мной обращаются хорошо и я хочу быть хорошим, только не могу. Больше не могу. Однажды — это достаточно. Это слишком много. Это пятнает на всю жизнь.

✷ ✷ ✷

Сегодня я опять был в книжной лавке, купил кое-какие книги и выпил чашку кофе. И со Сьюзен снова поболтал. Народу там было немного, и я показал ей па́ру фокусов с цифровым корнем. Например? Ну, возьмите любое число (скажем, 4201), сложите его цифры (4+2+0+1=7), отнимите сумму от исходного числа́ (4201—7 = 4194) — и результат всегда будет иметь цифровой корень 9. Или ещё: возьмите любое число (скажем, 94 213), перепутайте его цифры в любом порядке (например, 32 941) и вычтите меньшее число из большего (94 213—32 941 = 61 272). Угадали — цифровой корень снова 9. Эти *девятки*, они всюду попадаются.

Она решила, что фокусы — *прикольные*. Мы ещё поговорили о симметричных числах, и как они не слишком часто попадаются в годах. 1991, 2002, 2112, 2222. Приехав домой, я кое-что заметил. Если посмотреть на цифровые корни, получается последовательность: 1+(9+9)+1 = 2; точно так же 2002 = 4; 2112 = 6, 2222 = 8. Чётные чи́сла. А теперь: 2332 даёт 1, 2442 даёт 3, 2552 даёт 5, а 2772 даёт 7. Нечётные чи́сла. А это уже́ интересно. Быть может.

213 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
214 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Джерри сто баксов в месяц просаживает на порнуху. Есть там одно местечко в Гринсборо. Пару месяцев назад мы как следует надрались,[215] и он мне об этом рассказал. Ничего такого особого, просто люди занимаются сексом. Его это тревожит, но он не может перестать.[216] Он пытается, покупает, заглаживает вину. Забавно, к чему приходят бухгалтеры.

✷ ✷ ✷

Попасть в Роанок — это езда по туманным дорогам.

✷ ✷ ✷

От двадцати годов и после тридцати мой возраст не имел смысла. Когда-то[217] я умел понимать возраст. Пока тебе не стукнуло двадцать, возраст имеет смысл. Каждый год после тринадцати — это больша́я ступень, пока не будет двадцать, а тогда они опять всё меньше и меньше. После тринадцати и до двадцати. Столько становится возможным. А пото́м — ты только становишься старше и меньше.[218] У тебя бывают дни рождения, иногда люди их помнят, а иногда и нет. Когда тебе шестнадцать, а у твоего друга день рождения и ему становится семнадцать, ты уж точно об этом знаешь. Это значит, твой друг уходит на другую планету. Они там стоя́т выше тебя. Они старше. А между двадцать шесть и двадцать семь разницы нет. Или между со́рок три и со́рок четыре. Ты слишком много раз обошёл кольцо. Со́рок четыре — это «*кому какое дело*», по какому модулю ни считай.

215 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
216 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
217 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
218 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Это как влюбиться.

Греки много чего знали о математике, но они не знали *нуля*. Нет, в са́мом деле. У них не было 0, а это значит, они не понимали, как чи́сла связаны с людьми и что они делают. Разница между 0 и 1 — это самая больша́я в мире разница, она куда больше, чем между 2 и 3, это просто следующие ступени счёта, а 0 — он вообще к счёту отношения не имеет. Греки мало что знали об иррациональностях[219], и ничего — о покое, который лежит даже вне этого. Любили они *совершенство*, эти греки. Совершенные чи́сла, например те, что являются суммой чисел, на которые их можно поделить: 6=1+2+3; 28=1+2+4+7+14. Они же, как оказывается, являются суммой последовательных целых чисел: 6 = 1+2+3; 28 =1+2+3+4+5+6+7. Чётко, правда? Но совершенные чи́сла — они очень, очень редкие; иррациональности встречаются куда как чаще. Говорят, Пифагор просто притворялся, что иррациональных чисел не существует. Саму идею не мог ухватить. Вот и видно, что *можно быть талантливым и всё равно ни хрена не знать*.

Это лежит под полом в кухне. А кухня даже не очень больша́я. Но *это там лежит*, примерно на глубине фута[220], лицом кверху. Оно покрыто бетоном, а поверх — отличная плитка. Но иногда, когда я вижу, как кто-нибудь из моих друзей *там* стои́т, я думаю: господи, так это же очень плохо. Последний раз это было, когда зашли Макс и Джули, и Макс нам смешивал коктейли на кухне. Как будто пол стал прозрачен, и я увидел, как *она там лежит у людей под ногами*. Не в буквальном, конечно, смысле. Виде́ний у меня не бывает. Уж если я какой и есть, так слишком рациональный. В другие времена, и долгие, я просто забываю, и тогда вспомнить — очень плохо становится. Ну вроде: о Господи, что я натворил? И

219 В оригинале «иррационалытостях». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
220 В метрической системе 1 фут — это почти 30 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

что мне теперь делать? А ответ такой же, как всегда: *ничего*. Поздно теперь возвращаться назад. И всегда было поздно. С одной стороны́ — это мерзко, жалко и тошнотворно. Но в будничной жизни мне на ум вскакивают живые картины, воспоминания о том, *что* я сделал. Я их отпихиваю, но картинки и воспоминания такие тёплые, утешительные и веселящие, как мантия короля в изгнании. Пото́м они начинают приходить чаще, и чувство радости крепнет, и тут-то я понимаю, что *это скоро случится снова*. Начинается танец, и я танцую сам с собой, но не могу понять, кто ведёт в этом танце. Чудесный танец — пока он длится.

✷ ✷ ✷

Хрупкая, изящная, маленькая. Эти маленькие — как цифровой корень грудей. Не надо носить два здоровенных куска мяса, чтобы доказать, что ты женщина. Это в лице, в твоей природе. Обнажение до сути.

✷ ✷ ✷

Воображение — это хорошо.

✷ ✷ ✷

Мне придётся быть очень осторожным. Из-за этого человека. Интересно, на что он похож?[221] Интересно, что случится?[222] То ли он исполнен праведного гнева, то ли просто делает свою работу. И ещё я думаю, с чего я так уверен, что он здесь, и есть ли на са́мом деле какая-то структура, которую я чувствую, но не вижу?[223] Наверное, нужны новые суммы.

221 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
222 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
223 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Настолько запертые во мне, что даже когда напьёшься, не подберёшься к ним близко.

✷ ✷ ✷

17 — число простое. *Прайм*. Если подумать, то семнадцать лет — это ещё не взрослый, но уже́ и не ребёнок. Не в последнюю очередь из-за того, что у него нет делителей. 16 — две восьмёрки или четыре четвёрки, если на то пошло́. Не хочу углубляться во множители детей. Простые чи́сла от 10 до 20 это 13, 17 и 19. 19 — слишком старый. 13 — ребёнок. 17 не делится ни на что, кроме 1 и 17, и это правильно, потому что здесь только одна семнадцатилетняя. Одна *реальная личность*. Это *отвратно*. Я знаю. Но это единственная вещь, имеющая реальность. Или смысл. Если бы мне только избавиться от вины и остаться той же личностью, я был бы счастлив. Но не могу, потому что хочу быть хорошим.

✷ ✷ ✷

Однажды мне приснилось, что у меня есть число, и я возвёл его в квадрат, а результатом оказалось 2. Когда я проснулся, я хотел это число записа́ть, но забыл, какое оно.

✷ ✷ ✷

Вечно разрываться между тягой к тому, чего хочешь, и необходимостью быть хорошим. Столько людей живут *такой* жизнью. В реальной жизни я не знаю совершенных чисел. Макс женат, но хочет спать с другими женщинами. Не потому, что он не любит Джули. Любит. Только

посмотреть на них — и сразу ясно, что они друг на друга не надышатся. Но он просто хочет спать с другими женщинами. Он мне это однажды сказал, когда сильно нагрузился, но я и так знал. Достаточно понаблюдать за его глазами. Голод — и вина́. Его аргументы — что *моногамия искусственна*. Он говорит, *в животном царстве очень мало видов образуют союзы на всю жизнь, для самца имеет биологический и эволюционный смысл распространять свои гены как можно шире: увеличивается шанс на оплодотворение, и в генофонд вносится как можно больше изменений*. Что вполне может быть правдой. Но я подозреваю, что он просто хочет покусать новые сиськи для разнообразия. При этом он, как я тоже подозреваю, понятия не имеет, что Джули сблёвывает примерно одну еду из трёх. Думаю, он не слишком наблюдателен.

✷ ✷ ✷

Сегодня я снова говорил со Сьюзен, показал ей ещё несколько фокусов с числами. Ей нравится, *как* они прыгают. Она живёт вместе с двумя девушками, но её подруги уехали на каникулы домой. Забавно, *как* это она говорит со мной. Осторожно, вежливо — потому что я старше. Но и дружелюбно тоже. Она просто ищет свой путь.

✷ ✷ ✷

Я хочу быть целым, но целым можно стать только, если расскажешь, а рассказать я не могу. Так, и кто та личность, которую знают люди, а если они тебя любят, и что это значит? Почти во всём ты можешь покаяться. Ты можешь отпустить себе грех, просто сказав о нём, хоть мельком: «*О Боже, ты даже представить себе не можешь, что я натворил, дурак я этакий*». Но *не это*. *Этот* грех не отпустишь. У меня есть близкие друзья — но *не настолько* близкие. Никакие друзья *так* близки не бывают. Моя тайна держит меня в стороне от всех. Если ты алкоголик, ты можешь попытаться признать это перед собой, Богом и ещё кем-нибудь. Каждый скажет: «*Да, это плохая штука*», но при этом захочет тебе помочь. Я могу признаться только перед двумя первыми — и можете мне поверить, это третий определяет разницу. Не может быть иначе, потому что тогда у меня нет выхода, только смерть. Вот почему некоторые хотят, чтобы их *поймали*: не чтоб их остановили, не для известности — просто *выплеснуть*. Признаться перед Богом — ничего не даёт. Насколько я могу судить, *ему всё равно*.

Сегодня было воскресенье, и шёл снег. Я просидел весь день до́ма, возился с барахлом. Какой-то мужик возился с изгородью напротив. Вроде бы незнакомый. Паранойя — вещь опасная, потому как может заставить тебя вести себя необычно. А надо вести себя как надо. *Надо быть рациональным в сердце иррациональности.*

Это не то, что важно для половины этих идиоток. Год они просты[224]. Пото́м машины заталкивают в них машины машиненками. Уже́ не простые, даже не совершенные. Просто надутые пузыри.

Иррациональные чи́сла — это те, которые не могут быть точно выражены дробью, у которых десятичные знаки громоздятся беспорядочно до бесконечности. Как корень квадратный из двух, который начинается с 1,41 421 356 237[225]… и тянется дальше, дальше и дальше. Пи — тоже иррациональное число: охренительно иррациональное, на са́мом деле пи — это число, которое заторчало до потери лица́. Люди жизнь тратили на вычисление миллионов и миллионов его десятичных знаков, и всё равно не было ни системы, ни точного значения. Пи — это отношение длины́ окружности к радиусу[226]. Длина окружности находится по формуле[227] C = pr[228], где r —

224 См. предыдущее примечание — В оригинальном примечании была запятая вместо точки после «См» (т. е. «См,»), а реально см. 206. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

225 В оригинале в записи этого числа́ после запятой был пробел. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

226 На са́мом деле к диаметру, но то ли автор, то ли герои не очень сильны в школьной геометрии

227 C=2pr. См. предыдущее примечание. — В оригинальном примечании кириллические «C» и «p» в формуле, лишний пробел после знака равенства (т. е. «C= 2pr») и нет точки после «См», а реально см. 226. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

228 В оригинале «C = pr» снова с использованием кириллицы (см. 227). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

радиус, то есть расстояние от точного центра кру́га до его границы. Конечно, если вы знаете длину окружности, то найдёте и радиус, обратив процесс и поделив на пи. Но хоть туда, хоть обратно, а пи будет участвовать. А оно иррационально. Длина радиуса может быть измерена вами как угодно точно — 5,00 см, 12 дюймов[229], 100 метров ровно — но длина окружности будет всё равно бесконечной последовательностью цифр справа от запятой, а всё из-за пи. Можете взять приближение 3,14 или 3,141 592 653 589 793, но точного значения не получите никак, потому что его нет. *Неопределённость и темнота в само́м сердце такой простой вещи, как круг.*

✷ ✷ ✷

Я — радиус. Я рационален, когда круг мира — не рационален. Конечно, в другую сторону тоже верно: когда длина окружности рациональна, радиус нет. Может быть, я именно *тот* радиус.

✷ ✷ ✷

Я неделю не ходил в книжную лавку.

✷ ✷ ✷

Можно бы сделать всё проще. Можно бы переехать в Неваду или ещё куда. Семьдесят городов на площади с какую-нибудь европейскую страну. Но я так не сделаю. Это бы значило *сдаться*. Я не хочу жить в этой Неваде, мать её раком! Этого уже́ хватит, но *там* ничего другого не случается. И *туда* поехать — значит обречь свою жизнь на то же. *Там* нечего делать, кроме как ездить в Лас-Вегас, а *там* чи́сла никогда не бывают на твоей стороне. Случайная трансгрессия, которую я могу уговорить себя обойти. Но живи я в Неваде, я бы каждое утро просыпался, зная, что у меня только одна причина

229 В метрической системе 12 дюймов (ровно 1 фут, см. 220) — это почти 30 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

здесь быть. Это стало бы всей моей жизнью вместо того, чтобы быть её частью. А зачем ещё жить в Неваде? К тому же догадываюсь, что *там* люди сами себе отлично ремонтируют дома́.

✷ ✷ ✷

Может быть, я смогу тянуть и дальше.

✷ ✷ ✷

Он и я, а посередине бедная детка пи — ждём, пока кто-то из нас не станет иррациональным. Может, они перестали смотреть, а может, вообще никогда не смотрели. Иногда мне бывает трудно сказать, какие страхи рациональны, а какие — нет. Это обрыв, с которого надо шагнуть, — «*Я сделал — что?*» Как сердце в лифте, когда кто-нибудь перережет держащий его трос. И тогда ты выглядываешь и стабилизируешь себя и тянешь себя обратно. Уходишь от шахты лифта. Но ты знаешь, что *он там*. Ходящий в полночь холодный страх. Ничего не происходит. И ты наконец засыпаешь снова.

✷ ✷ ✷

Боже Христе, — случаи, когда этого не надо! Чудесно. Я тогда такой сильный. Когда я могу вспомнить, *что* случилось, *что* было сделано — и мне это *ничего*. Когда безынтересно и странно, и я могу про себя подумать: «*никогда больше такого не сделаю*». Не такое чувство, как сразу *после*, когда только тошнит от всего этого, и яйца побаливают, и меня захлёстывает, и я сижу в отскоблённой дочиста гостиной — нет, когда *спокойно* и *бесстрастно*. И я думаю: *нет*, думаю я, *этого больше я делать не буду*. Я знаю, что это сделал, но это же было *тогда*. А теперь — это теперь, и больше мне это не нужно. Это *было* плохо, но это *в прошлом*. Я это сделал, но больше не буду. Всё. Кончено. Или… оказывается, нет? *Это никогда ещё не было кончено*.

✷ ✷ ✷

Сегодня у Макса и Джули вид счастливый.

✷ ✷ ✷

У меня больше половины мыслей всегда где-то блуждает. Даже друзья кажутся кем-то другим, потому что только часть меня с ними. А остальная часть идёт по следу, сама по себе (или по мне? Это же я). Я помню, как ехал по М11[230] летним днём, и вдруг до меня дошло, что у всех встречных машин включены фары и работают дворники. И подумал, *как это странно*, пока не заметил, что *на той стороне доро́ги идёт дождь*. Действительно, дождь шёл на полосе, ведущей на север, а та, что на юг вела, — была сухая.

✷ ✷ ✷

Я не хотел заходить, но выпил кофе в магазине напротив и увидел в окно… *как она обслуживает покупателя*! И я допил кофе и вошёл в книжную лавку.

✷ ✷ ✷

17 — простой и совершенный возраст. 1 плюс 7 — это 8, а потому цифровой корень совершенного во́зраста — это 8.

Мне теперь тридцать пять, в 1999 году́, в году́ цифры 1, в году́ начала. А цифровой корень 35 тоже 8 — и у меня возникло то чувство, что *кто-то приближается*. Вряд ли это совпадение. Наверное, я всегда буду в опасности, когда мой возраст будет совпадать с возрастом девушек, когда у них будет один и тот же цифровой корень. Здесь есть смысл — и это нас очень тесно

230 См. 209. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

связывает. Когда мне было двадцать шесть, я этого не делал — и был в безопасности. Со́рок четыре будет опасно. Пятьдесят три. Шестьдесят два. Но *я не верю, что всё ещё буду это делать*. Я бегаю по утрам, но не могу себе представить[231], что буду в шестьдесят два в нужной форме. *Эти* вещи — тебе не прогулка в парке. А будет ли иметь смысл *это* делать, когда у меня волосы поседеют и всё моё тело сморщится, кроме бледного брюшка? Наверняка к тому времени что-нибудь перегорит. Интересно, если вспомнить тест Уилсона для простых чисел, который говорит, что (с — 1)! конгруэнтно — 1 mod с[232], оказывается, что простота числа́ 17 даёт нам 16 (при основании 10) как значение — 1 по модулю 17. Половина от 16 — это 8. Опять-таки довольно удобно.[233] А все восьмёрки — это, конечно, 23. Я всё ещё не могу понять, значит ли это, что *я должен делать восемь в год*. Это кажется *очень много*. Мне хватило бы простых чисел поменьше, вроде 3, 5 или 7. Даже 7 кажется слабым и жадным. 5 лучше. Пока что мне *этого* хватало. 2 как простое мне не нравится, хотя оно и проходит тест Уилсона. Оно не ощущается как то, что нужно. Сердце двойки иррационально. Сердце семнадцатилетних — имеет смысл. Для них. И для меня.

✷ ✷ ✷

Первого раза я не помню. Вообще-то считается, это запоминаешь. Я помню только отрывки, искорки тьмы, но всё в целом на са́мом деле не помню. Помню, *где* она похоронена. Это я *слишком хорошо* помню. Иногда, когда я лежу в постели и чувствую себя хорошо, медленно начинаю ощущать, как из меня выступает. Я понимаю, это часть моего мозга, которая всегда стои́т в рощице возле Эппинга[234], смотрит на могилу, стои́т в почётном карауле над женщиной, по которой, быть может, никто другой особо тосковать не станет. У неё не было семьи́. Ей, конечно, было не семнадцать, было двадцать девять. Всё равно простое число, но более *высокое*. А вот *как* это было — не помню, на са́мом деле. Более поздних помню. Вы ведь тоже, правда? Потому что это было *недавно*. Но даже и они — только небольшие картинки, словно бы я был по-настоящему пьян. Не был, но вроде этого. Это не так, как делаешь что-то *обыкновенное*. Даже, наверно, смешно это по-своему.[235] Это не то, как делаешь что-то *нормальное*.

231 В оригинале «Представить» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
232 В оригинале «(с — 1)!» и в «1 mod с» кириллическая «с». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
233 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
234 Epping, Эппинг — город Восточной Англии, в графстве Эссекс (Essex), на границе одноимённого ле́са, к северо-востоку от Лондона (London); в 2001 г. 9889 жителей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
235 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сьюзен сегодня мрачная. У неё вышел спор с хозяином, с человеком, который владеет тем домом, что они снимают, или кто он там есть. Крыша течёт, и ничего тут смешного нет, потому что мокро и холодно и всё мокрее и холоднее. Я ей сказал, что *в таких вещах немного разбираюсь*. Видели бы вы, *как она заулыбалась*!

Я пытался однажды понять, из самых начал, *как* извлекается корень квадратный из числá. *Без калькулятора*. Включил голову. Из школы я отдалённо помнил, что надо выбрать число поближе к корню, такое, квадрат которого ты знаешь, и подогнать его методом проб и ошибок, пока не подберёшься достаточно близко. Но это не точно. И не больно красиво. Возвести что-нибудь в квадрат — это не штука. Очень уж простой шаг. Берёшь число и умножаешь его на себя. Такое каждый может. Но найти квадратный корень, обратить процесс? Я решил, что должен быть обратный путь. Если уж ты прошёл по дороге, то обратный путь найдёшь. И я его нашёл в конце концов. Используешь формулу Ньютона-Рафсона[236] для последовательных приближений:

$$x_{i+1}=(x_i+t/x_i)/2$$[237]

Эта штука сама себя кусает за хвост. Суёшь в формулу число, потóм суёшь туда же, что получилось — и ещё раз, и ещё. Пока не остановишься. Только с многими числами, даже такими обыкновенными, как 2, этого никогда не будет. *Никогда не остановишься*. Результат иррационален, и потому *процесс идёт вечно*. Я сколько угодно простых чисел могу пропустить через этот цикл, и десятичные знаки не кончатся никогда. Никогда мне не найти числá, которое, возведи я его в квадрат, даст мне 2. Его больше нет. Нет дорóги обратно. Сгнила.

236 В оригинале дивное «Ньюто-на-Рафсона», хотя несомненно подразумевается Newton-Raphson method — итерационный метод Ньютона-Рафсона. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

237 В оригинале «Xi+1=(xi+t/xi)/2», т. е. формула начинается с заглавного «X» и отсутствует удобочитаемость. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Мой возраст всегда сводится к восьми, если корень го́да — 1. Корень 17 — это 8. 8 плюс 1 будет 9, а девятка вычёркивается. Сумма для меня всегда с той стороны́ барьера, вычёркивается. И с этим ничего не сделать. Вечно ехать сквозь дождь, и вечно не видеть поворота.

✷ ✷ ✷

Завтра в восемь ве́чера я поеду по одному адресу — сразу за городом. Починить крышу. В порядке любезности? …

✷ ✷ ✷

Это всё…

© Майкл Маршалл Смит

Питер Шнайдер «Des saucisses, sans doute[238]»

Я взмахнул оттяпанной левой сиськой цыпочки-блондиночки. Края́ были неровными — когда я был ребёнком, мамочка не удосужилась поставить мне на зубы пластинку.

Цыпочка всхлипывала, съёжившись в углу комнаты, её сказочное тело было спереди всё в крови́ и требухе.

— А теперь, детка, — прокукарекал я, подцепляя её бюстгальтер за глубокую чашечку, — поиграем в Давида и Голиафа.

Я засунул сырой комок грудной железы́ в левую чашечку и начал крутить дамской принадлежностью над головой, пока она не извергла свой жуткий снаряд. Он пролетел через всю комнату, подобно ядру, для того лишь, чтобы шмякнуться о дальнюю стену с омерзительным «блям!» и сползти по штукатурке на пол, будто слизень, оставляя за собой влажный след, но только кровавый. От него отделился бледно-коричневый сосо́к и упал на паркет с лёгким «тюк!».

Она рыдала всё сильнее и прятала лицо в ладонях.

Мои мысли перенеслись на несколько часов назад в бар, где я познакомился с Доннали. Красавицей классического типа назвать её было нельзя. Её страховидная заячья губа, её косящий под прямым углом глаз, её изглоданный третичным сифилисом нос… взятые отдельно, их с полным правом можно было бы счесть изъянами, но в гармоничной совокупности они придавали ей грациозное благородство шотландской кобылицы, которая скачет по холмам над Лох-Ломондом[239], а ветер закручивает её гриву в водопад непокорных кудрей.

238 О сосисках, без сомнения

239 Loch Lomond, Лох-Ломонд — самое большое в Шотландии пресноводное озеро (площадь 71 км2, глубина до 190 м); расположено северо-западнее Глазго (Glasgow), на юго-западе Грампианских гор (Grampian Mountains), в тектонической долине, переуглублённой древним ледником; в южной части много островов; сток по реке Ливен (Liven River) поступает в низовья реки́ Клайд (Clyde River); рыболовство, судоходство. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Душевный разговор — и мы отправились на поиски тепла… и обещанного коньяка… в мою недорогую квартирку над лавкой экзотических сувениров. И вот теперь я находился в ситуации, далеко превосходившей самые смелые мечты са́мого отпетого маньяка. Началось поцелуем… а кончилось кухонным ножом.

Внезапно мой язык вырвался изо рта, стремительно удлиняясь и раздваиваясь в вилку из закалённой стали. Я решительным шагом приблизился к Доннали. Мой торчащий наружу язык был теперь длиной в шесть футов[240] и твёрдым, как гранит.

— Полюбуйся! — прошепелявил я, а мой сверхнормально гибкий язык вонзился ей в ногу. Опять и опять опускался раздвоенный язык, пока наконец её но́ги не отвалились в коленных суставах. Я ликующе взвыл и ухватил отделившиеся конечности. Потянувшись, я сорвал со стены́ два удлинителя и лихорадочно примотал эти конечности к моим собственным так, чтобы их ступни оказались на шесть дюймов[241] ниже моих. Я встал на свои новые «но́ги» и заковылял по комнате, надрываясь от хохота.

— Погляди-ка, Доннали! Мне больше не нужны ботинки с наращенными каблуками, у меня наращены ступни. (Мой рост — всего пять футов три дюйма[242], когда я перестал расти — всегда давил на мою психику).

Впрочем,[243] судьба сжалилась над Доннали — она уже́ лишилась сознания.

* * *

Заверещал будильник, вонзая острые осколки звуков в мой потревоженный сон. Я крепче прижал подушку к голове, пытаясь утихомирить пронзительный звон в моём вопящем мозгу. Наконец я сдался и спустил но́ги на пол, прижимая ладони к моей многострадальной голове. И тут в неё ворвался слепящий фейерверк воспоминаний о вчерашнем вечере.

«*Бог мой!* — подумал я. — *Неужели это правда было?!*» Мой кот, Мистер Меник, спрыгнул на пол, и я понял, что выразил свою мысль вслух, а не просто её подумал. Спрыгнув на пол, я помчался на кухню, где вроде бы разыгрались события прошлого ве́чера, и,[244] с облегчением вздыхая,

240 В метрической системе 6 футов — это почти 183 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
241 В метрической системе 6 дюймов — это более 15 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
242 В метрической системе 5 футов и 3 дюйма — это чуть более 160 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
243 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
244 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

привалился к холодильнику. Ни кровавые пя́тна , ни гру́ди не марали чудную белизну моей модерновой préparatoire de manger[245]. Всё было в идеальном порядке.

Я отошёл к плите и налил в больша́ю кру́жку кофейную гущу[246], оставшуюся со вчерашнего утра. Я глядел в окно на красногрудую малиновку, прыг-прыг-прыгавшую в кормушке, а сам извлёк из коро́бки пышную оладью. Пото́м пронзил оладью моим раздвоенным языком из нержавейки и полюбовался колышущимся в кру́жке кофе, на поверхности которого кокетливо покачивался коричневый сосо́к.

© Питер Шнайдер

245 Буквально: едоприготовильня. Французский неологизм а́втора … — В оригинале французское слово написано с ошибкой «preparatoire». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

246 В оригинале «Гущу» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Эдвард Брайант «Стикс и ко́сти»

Ему снилось, что он *проснулся мёртвым*.

Мёртвым. Раздавленным. Каждый нерв вырвали из мышц, каждую кость расплющили. *Проснувшийся* и *мёртвый*.

Одно не вязалось с другим. Но мысль об этом пришла к нему в голову *позже*. *Гораздо* позже. Потому что поначалу всё застилала *боль*.

Господи, подумал он. *Что это со мной*?![247] Всё тело разламывалось от боли, в ухе словно жужжала оса. Он попытался поднять руку, чтобы вытащить осу, но боль просто размазала его по кровати. Руку, естественно, поднять не удалось.

Это не оса. Нет… звенел телефон, стоявший на столике у кровати. Механически он потянулся к нему, чтобы снять трубку… *попытался* потянуться, не смог. *Что с моими руками?* Он всё старался сдвинуться с ме́ста, электроодеяло сползло с нижней половины те́ла, но́ги соскользнули с матраса, пятки ударились о глянцевые журналы, разбросанные по ковру.

В нос ударил тяжёлый, неприятный за́пах.

Простыня прилипла к телу, цеплялась за прикроватный столик. Левая рука мотнулась в сторону, ладонь ударила о телефонный аппарат, боль пронзила плечо, словно в него вонзили раскалённый прут. Он закричал.

Телефон свалился на пол, провод зацепился за закреплённую на столике лампу, и теперь трубка болталась на нём, словно маятник.

Если б он мог набрать в лёгкие воздух, то кричал бы и кричал. Из трубки доносилось сердитое осиное жужжание. Он знал, *кто* это «жужжит». Значения это не имело.

Ему требовалась помощь. Он упал на колени, чтобы приблизить лицо к трубке.

— Какого хрена ты молчишь? — негодовал пронзительный голос. — Слишком рано звоню? Так я же сказала вчера вечером, что утром приеду за вещами.

Из его горла вырвалось рыдание.

247 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Помоги мне, — выдохнул он. — **Пожалуйста.**[248]

Пауза. Пото́м тон разом изменился. Ярость уступила место любопытству и тревоге.

— Дэнни? Что случилось?

— Не знаю. Я не могу шевельнуться.

— Тебя *парализовало*?

— Нет, нет. Мои ру́ки. Они мне не подчиняются. И всё болит. Чертовски болит.

— Это какая-то шутка? Или ты говоришь правду?

— Да. — Из груди́ вновь вырвалось рыдание. — Луиза, клянусь Богом, со мной что-то случилось. Что-то *ужасное*.

— Я еду, — последовал ответ.

— У тебя есть ключ? Я не смогу открыть дверь.

— Ключ у меня есть. Я собиралась заточить его, как бритву, и отрезать тебе я́йца . — Голос ровный, сдержанный. — Выезжаю, малыш. Держись.

Дэнни услышал щелчок, механический голос (что бы телефонная компания делала без компьютеров) предупредил, что трубка не положена, пото́м послышался резкий сигнал, наконец в трубке воцарилась тишина. Но Дэнни даже зубами не смог бы поднять трубку и положить её на рычаг.

Он попытался усесться на краешке кровати. Как же ему хотелось оказаться в друго́м месте, в друго́м теле…

Что же со мной произошло, думал он. Он скулил? Разумеется, скулил. При *такой* боли мужество — непозволительная роскошь.

✷ ✷ ✷

За те двадцать минут, которые потребовались Луизе, чтобы доехать до его до́ма, он сумел спуститься на кухню. Это январское утро выдалось на удивление холодным, да и система отопления, похоже, забарахлила или вышла из строя. Обогреватель гнал едва тёплый воздух. Но Дэнни всё равно встал рядом, впитывая в себя крохи тепла.

Услышал, как повернулся ключ в замке́, открылась дверь.

248 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Дэнни? — позвала Луиза.

— Я на кухне.

Он вслушивался в приближающиеся шаги. Ему хотелось закрыть глаза́. Луиза всунулась в дверь, оглядела его с головы́ до ног, глаза́ её широко раскрылись.

— Дэнни, сладенький, да ты весь в дерьме.[249]

Голос искренний, изумлённый. Она сморщила носик. Он знал, *как* выглядит: голый, если не считать грязных трусов, стоя́щий спиной к обогревателю, безжизненно повисшие ру́ки, жидкие экскременты, стекающие по ногам на пол. Луиза покачала головой. Шагнула к нему. Едва её пальчики коснулись его предплечья, он вскрикнул. Она отдёрнула руку.

— *Так* больно? — Он кивнул, сжав челюсти. — Ты позвонил доктору? — Он покачал головой. — Не позвонил, — кивнула она. — Потому что *не мог*. — Луиза вскинула голову, росточка-то в ней было всего пять футов и пять дюймов[250], всмотрелась в его лицо очень серьёзными тёмно-карими глазами. — Сначала помоемся, так?

Он кивнул.

— Хуже не будет. Пото́м позвоним доктору Кинг.

— Доктору Кинг позвоним *сейчас*, — решила Луиза. — Ванна подождёт.

— Телефон наверху, — ответил он. — Я не смог положить трубку.

— Я обо всём позабочусь, — заверила его Луиза. — Не волнуйся.

Она последовала за ним по ступенькам. Коты куда-то попрятались. Он их не винил.

В спальне Луиза поставила телефонный аппарат на столик, распутала шнур, положила трубку на рычаг, пото́м оглядела кровать.

— Тут надо прибраться. Доктор подождёт. Никто не сможет жить в *такой* вони.

— Трусы́ и про́стыни надо засунуть в пластиковый мешок для му́сора и выкинуть, — предложил он. — Электроодеяло — штука дорогая. Может, расстелить его во дворе на столике для пикника и дать высохнуть? А пото́м положим его в другой мешок и отдадим в химчистку.

Она кивнула, скатала электроодеяло в рулон.

— Мешки на кухне?

---

249 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

250 В метрической системе 5 футов и 5 дюймов — это чуть более 165 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— В чулане для щёток.

Через несколько минут Луиза вернулась с чёрными пластиковыми мешками.[251] В один засунула загаженные про́стыни.

— Теперь *это*. — Она указала на трусы́.

— Тут, между прочим, *холодно*, — запротестовал он.

— Они *грязные*, — напомнила она. — А помывшись, ты сможешь надеть тёплый халат.

Он постарался засунуть больши́е пальцы под резинку. Не получилось.

— Как насчёт до́ктора Кинг?

Она ухватилась за резинку и стянула трусы́ на лодыжки.

— Я передумала. Доктор подождёт. Сначала займёмся тобой.

В доме было две ванные. Обе на втором этаже. Но только одна с ванной и душем. Дэнни встал под душ. Внутренне сжался, когда Луиза повернула вентиль. Ничего не произошло.

— Нет напора, — прокомментировала Луиза. — Нет воды́.

— Наверное, замёрзли тру́бы, — предположил Дэнни.

— Внизу тоже?

Он уж хотел пожать плечами. Но вовремя остановился.

— Может, внизу всё нормально.

— Я проверю. Ты подожди здесь. — Через минуту снизу послышался её голос:[252] — Вода течёт. Сейчас вернусь.[253]

И начала таскать кастрюли, полные горячей воды́. Он вскрикнул, когда первые полгаллона, как ему показалось, *кипятка* вылились ему на спину.

— Ничего страшного, — одёрнула она его. — Ты просто замёрз. Температуру воды́ я проверила. Нормальная.

Луиза вылила на него ещё кастрюлю, пото́м взялась за губку. Тут уже́ и Дэнни признал, что вода хорошая. Ру́ки по-прежнему висели, он смотрел на коричневую жижу, убегающую в сливное отверстие. Вновь на него лилась вода, вновь его тёрли. Наконец,[254] убегающая вода стала прозрачной.

---

251 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
252 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
253 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
254 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Готово, выходи из ванны. — Она накинула на него мягкое полотенце, очень осторожно, чтобы не сделать больно. А когда полотенце впитало влагу, заменила его синим махровым халатом. Набросила на плечи, завязала на талии поясом. — Теперь полежи. А я позвоню доктору.

Грязных простыней давно не было, но на матрасе остались мокрые пя́тна . Похоже, Луиза долго оттирала его. Она постелила на кровать полотенце, сверху — дешёвый плед.

— Ложись. — До по́яса накрыла Дэнни старым шерстяным одеялом. — Удобно?

— Пожалуй, — ответил он. — Насколько возможно.[255]

Он понимал, что об удобстве мечтать не приходится. Но кто знал, когда он пойдёт на поправку? *Так что*, подумал он, *лежи. Пока лежится.* И лёг, привалившись спиной к груде подушек, сложенной Луизой.

Но не успев привалиться, застонал.

— В чём дело? — спросила Луиза.

— Хочу пи-пи.

— Я помогу тебе встать.

— Не уверен, что у меня получится. Спина и плечи так болят, что я боюсь развалиться при малейшем движении.

— Гм-м-м. Горшка или утки у тебя, конечно же, нет?

— Нет.

— Терпи. — И она выскочила из спальни.

— А ты куда?

— На кухню, — донеслось с лестницы.

Дэнни сосредоточился на том, чтобы до предела зажать выход из мочевого пузыря. Но желание облегчиться усиливалось с каждой секундой.

Луиза вернулась с двухлитровой пластиковой бутылкой из-под «диет-колы» и больши́ми ножницами.

У Дэнни округлились глаза́.

— А ножницы зачем?

Она угрожающе клацнула лезвиями.

— На случай, что придётся тебя обстричь, чтобы твой крантик залез в горлышко.

255 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ха-ха. А может, отрезать горлышко?

— Думаешь, оно слишком узкое?

— Даже в моём нынешнем состоянии, — ответил он. Одним ударом она пробила дыру у основания горлышка, пото́м аккуратно вырезала его.

— Этого хватит?

— Если только я не чихну. Края́-то острые.

Он расставил но́ги пошире, и Луиза примостила бутылку между его бёдер и ловко вставила его поникший пенис в дырку. Ему подумалось, что *она не была такой бесстрастной, когда в последний раз касалась его игрунчика.* Но сегодня и он не чувствовал никакого возбуждения.

Только облегчение.

Когда вытекло всё,[256] что могло, Луиза унесла бутылку в ванную, принесла назад пустую и вымытую.

— Пока всё идёт нормально.

— Ты позвонишь доктору Кинг?

Номер он знал на память. Трубку она приложила к его уху, после па́ры звонков в ней раздался голос регистратора. Она начала было говорить, что доктор занята, но Дэнни быстро сломил её сопротивление. Не прошло и минуты, как он уже́ говорил с доктором Кинг.

Объяснил, *что* произошло после того, как он проснулся этим утром. Доктор Кинг полюбопытствовала, есть ли кто рядом.

— Моя подруга Луиза. — Он посмотрел на неё. — Думаю, она меня отвезёт. — Энергичный кивок. — Хорошо. Ровно в час.

Луиза положила трубку на рычаг.

— Есть хочешь? — спросила Луиза.[257]

Он покачал головой.

— Кофе бы выпил, Уиззи[258]. — Зазвонил телефон. — Сваришь?

Она взяла трубку.

256 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

257 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

258 Whizzy (жаргон, происходит от wizard в значении «специалист своего де́ла») — технологически (обычно в электронике) передовой или продвинутый. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Резиденция Дэнни Ройала. — Тут же лицо её потемнело. — Не думаю, что сейчас тебе нужно с ним говорить. — *Кто это*, одними губами спросил Дэнни. Она покачала головой. — Сейчас он очень плохо себя чувствует. — Пауза. —[259] Нет, позвони в другой раз. А лучше совсем не звони. — И трубка вернулась на рычаг.

— Кто звонил? — ужé вслух спросил Дэнни.

— Твоя добрая подружка Иффи. — Ледяной тон. — *Ей приснилось, что с тобой приключилась беда.*[260]

Дэнни встретился с ней взглядом.

— Слушай, Ифетао действительно моя подруга. Ты это знаешь. И она йоруба, её родственники живут в Порт-о-Пренсе. *Если ей что-то снится, это неспроста.*

— Давай с этим окончательно разберёмся, — злобно выплюнула Луиза. — Не далее как в пятницу я пришла и обнаружила твою **подругу** в этой са́мой постели. С тобой, говнюк.

— Тебе следовало позвонить.

— Вот уж дудки. Я думаю, ты чередовал нас Бог знает сколько времени.

— Ифетао тоже не пришла в восторг от этой встречи. Думаю, даже разозлилась.

— Совсем как я? — фыркнула Луиза. — Я не шутила, когда сказала, что приехала за своими вещами. Хотела забрать всё, что имело ко мне хоть малейшее отношение.

Его голос оставался спокойным.

— Так чего не забрала?

— Не идиотничай. Когда я позвонила тебе, когда вошла в дом и увидела тебя… Видел бы ты себя, Дэнни. У тебя *беда*. Я думаю, ты *серьёзно* болен. Я хочу *заботиться* о тебе. — Она положила холодную ладошку ему на лоб. — Я тебя люблю. Одному Богу известно, почему, но *люблю*. — Голос у неё дрогнул.

— Она сказала что-нибудь ещё? — спросил он. — Ифетао?

— Ну ты и гад. — Он почувствовал, как напряглись её пальцы, ногти едва не впились в кожу. Она глубоко вдохнула. — Она сказала, что *ты пожалеешь о том, что произошло*.

— С *угрозой*?

Луиза пожала плечами.

259 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
260 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Откуда мне знать?[261] Я *с такими* не общаюсь.

Они смотрели друг на друга, пока Дэнни не отвёл глаза́.

— Я не знаю, сколько мне ещё повторять, Уиззи. Мне *жаль*, что так вышло. *Очень* жаль.

— А ты повторяй, повторяй, — ответила она. — Может, в конце концов я тебе и поверю. — А после паузы добавила:[262] — Дэнни, вообще-то ты мерзавец.

Он попытался разрядить обстановку.

— Палки и камни смогут переломать мне ко́сти. Слова́ не причинят вреда.

— Ты когда-нибудь слышал о *той* реке? — спросила она. — Думаю, что слышал.

На его лице отразилось недоумение.

— *Какой* реке?

— Реке Стикс[263], дурашка. И группа такая есть. Ты же знаешь, это *река ненависти. Жгучей ненависти.* Она девять раз обтекает ад. В ней *очень много* ненависти, Дэнни.

Он покачал головой.

— Где это ты всё вычитала?

— Я читаю гораздо больше, чем ты можешь предположить, милый. Я не просто глупая костюмерша. — Вновь в голосе послышались злые нотки. Она наклонилась и легонько поцеловала его в гу́бы. — А теперь я сварю кофе. — У двери́ Луиза обернулась. — Я о тебе позабочусь. Ты это знаешь, не так ли?

Дожидаться ответа она не стала.

Оставшись один, он лежал на кровати, пытаясь разобраться, что же с ним произошло. *Нет,* думал он, *Луиза, конечно же, не глупая костюмерша.* Да, её интеллектуальные способности не производили на него особого впечатления, но он давно уже́ понял, что *с головой у неё всё в порядке.* Они познакомились на съёмках клипа «Папы Легбы». Он сам написа́л сценарий, сам и ставил клип этой отвратительной металлической группы. Их менеджер заплатил Луизе какие-то гроши за то, чтобы она привела костюмы в божеский вид. Она также отвечала за причёски и грим квинтета.

261 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
262 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
263 Стикс (Στυξ, древнегреческая мифология) — река, через которую, по представлениям древних греков, ду́ши умерших переправлялись в страну мёртвых. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дэнни решил, что она мила. Луиза ответила взаимностью. В тот момент он не счёл необходимым рассказать ей о романе с Ифетао. Они то сходились, то расходились. Съёмки пришлись аккурат на тот период, когда они в очередной раз разошлись, но он знал, что вскорости всё переменится. И не ошибся.

Следующие два ме́сяца ему удавалось, пусть и с всё бо́льшим трудом, лавировать между двумя женщинами, пока в прошлую пятницу не случилось ужасное: Луиза, неожиданно заявившись к нему домой, застала его в постели с Ифетао. Нефть словно смешалась с бензином, а присутствие спички —[264] Дэнни инициировало взрыв.

Дом огласили крики, плач, угрозы, сменившиеся ещё более зловещим молчанием. Обе женщины покинули дом в разное время, каждая пошла своим путём, и он предположил, что больше не увидит ни одну.

И не увидел до воскресного утра. Когда Луиза прибежала по его первому зову.

Она вошла в спальню с подносом. *Улыбаясь.*

— Сливки и сахар, сладенький, как ты любишь.[265]

Неужели она это знала, подумал он. *Выходит, что да.*

— Спасибо, — поблагодарил он её. Она протянула ему чашку с раскалённым кофе. Он уже́ затаил дыхание, но она не пролила ни капли.

✷ ✷ ✷

Доктор Кинг, энергичная блондинка лет пятидесяти с небольшим, коротко поздоровалась с Луизой и принялась ощупывать тело Дэнни, который морщился от прикосновения её пальцев.

— Мы сделаем анализ кро́ви, но я подозреваю, что у тебя *миозит.*

— А что это такое? — спросил Дэнни.

— Острое воспаление мышечной ткани. Иногда имеет вирусное происхождение. Штука болезненная. Но со временем ты поправишься.

— *Со временем*? — Он понял, что возвысил голос. — У меня только *неделя.*

Доктор в удивлении воззрилась на него.

264 В оригинале точка вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
265 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— От этого не умирают, Дэнни.

— Я не об этом. Моя страховка истекает через неделю.

— Ты можешь её возобновить?

— Без контракта — нет. Я рассчитывал получить заказ, но как можно работать с *такими* руками?

Луиза откашлялась. Дэнни и доктор Кинг повернулись к ней.

— Я могу печатать с го́лоса. Чем-нибудь да помогу.

— Со своей стороны́, я могу тебя госпитализировать. — Доктор Кинг скорчила гримаску. — На неделю. Но не думаю, что за это время можно вылечить миозит.

— Я смогу позаботиться о тебе до́ма, — предложила Луиза. — Утром ты увидел, на что я способна. Кормёжку и чистоту гарантирую, и даже лечение, если потребуется.

В кабинете повисла тишина. Пото́м доктор Кинг пожала плечами:

— Домашний режим не противопоказан.[266]

Дэнни уже́ открыл рот, чтобы ответить.

— Отлично! — Тон Луизы не допускал возражений. — Значит, всё решено.

Вторую половину дня Дэнни и Луиза осваивались в новой ситуации. Луиза почистила ему зубы, с предельной осторожностью, чтобы не повредить дёсны. Пото́м по-новому положила подушки и теперь, когда ему требовалось сесть прямо или встать, могла помогать ему, подталкивая в поясницу. По предложению Дэнни она принесла из кабинета радиотелефон. Клейкой лентой примотала его к деревянной рейке длиной в восемнадцать дюймов[267]. Он научился набирать номер негнущейся рукой, а пото́м держать трубку у уха, ухватившись за противоположный конец рейки. А вот найти замену двухлитровой бутылке без горлышка не удалось.

Когда Дэнни притомился, Луиза оставила его и пошла в магазин за продуктами. Он заснул. И увидел *сон.*

266 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

267 В метрической системе 18 дюймов (1 ½ фута) — это более 45 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ифетао, освещённая луной, заглядывающей в восточное окно, стояла у изножия его кровати. Его глаза́ открылись, он с восхищением оглядел её тело. В своё время он сравнивал Ифетао с большой дикой кошкой, бродящей по джунглям. Случилось[268] это уже́ после того, как нанял её на работу. Согласно контракту, она подбирала для него информацию в Интернете. Она ещё рассмеялась и спросила, не думает ли он, что это сравнение указывает на его расистские взгляды. Полной уверенности в этом у него не было, но образ этот так и остался при нём.

— Привет, великолепная. — Во рту у него пересохло. — Я бы встал…

— … но не можешь, — закончила она фразу. — Я это знаю. — Она отбросила длинные чёрные волосы, упавшие на один глаз. — Я хотела увидеться с тобой, прежде чем… — Она замялась.

— *Прежде чем*? — Не понравилась Дэнни эта пауза.

— Прежде чем могло случиться то, что *случилось*.

— Слушай, хватит философствовать. Лучше скажи, *что* случилось со мной?

Её полные гу́бы изогнулись в улыбке.

— Я от тебя не в восторге, красавчик.[269]

Дэнни вдруг почувствовал, что гу́бы не хотят его слушаться.

— То есть ты меня *ненавидишь*?

Она словно пропустила вопрос мимо ушей.

— Ты получишь *подарок*. — Ифетао вздохнула, во вздохе слышалась скорее грусть, чем злоба. — Ты *заслуживаешь* всего того, что имеешь.

— Иффи… — Он вдруг запаниковал.

Истолковать её взгляд ему не удалось.

— Если ты ложишься в постель с сучками… — начала она. И исчезла. Вместе с лунным светом. Спальню зализали лучи заходящего солнца. Дэнни мигнул, глубоко вдохнул. На пороге стояла Луиза.

— Соскучился? — спросила она.

268 В оригинале неуместное «Отучилось». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
269 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Дэнни так и не вспомнил, *что* он ел на ужин в тот вечер. Но точно помнил, что Луиза кормила его, как ребёнка, то с ложки, то с вилки. А пото́м он то ли заснул, то ли отключился.

Утром раздался звонок. Трубку взяла Луиза. Звонила доктор Кинг. Луиза поднесла прикреплённую к рейке трубку к уху Дэнни.

— Я получила результаты анализов. Как я и предполагала, креатинфосфокиназы больше нормы, что подтверждает диагноз миозита. Но я вот думаю, а не *вторично* ли воспаление мышц?

— Это как?

— Утром я переговорила с моим любимым остеологом. Он напомнил мне, что вторичный миозит может быть естественной реакцией иммунной системы на наличие костных фрагментов, попавших в ткани в результате переломов или трещин.

— Что-то я вас не понял.

— Могла бы твоя подруга… э… Луиза? …[270] привезти тебя во второй половине дня?[271] Я назначила тебя на томографию.

— А *что* вы ищете? — спросил Дэнни.

— Переломы, — коротко ответила доктор Кинг.

— Он будет у вас, — ответила Луиза по другой трубке.

✷ ✷ ✷

Костевед, он же остеолог, засомневался, а нужно ли проводить Дэнни томографическое сканирование?[272] Он спросил, уверен ли Дэнни, что проснулся от боли?[273] Не было ли травмы?

— Я не падал с кровати, — ответил Дэнни.

270 В оригинале «?.,», т. е. подряд вопросительный знак, точка и запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
271 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
272 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
273 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Может, с улыбкой предположил остеолог, одна из прежних пассий Дэнни ночью проникла в спальню с молотком и несколько раз стукнула его, прежде чем ретироваться?[274]

Дэнни не нашёл в его словах ничего смешного.

Посмотрел на Луизу, которая беззвучно, губами, произнесла одно слово.

Ифетао?

Дэнни покачал головой. Иффи, конечно, разозлилась на него, решила, что он её предал. Но она же не злопамятная. А может, есть у неё такая черта? Он так не думал. Хотя…

Сканирование, совершенно безболезненное, тем не менее,[275] вымотало его донельзя. Санитары уложили его на наклонный стол, который уполз в цилиндр, вызвавший у Дэнни приступ клаустрофобии. Ему дали наушники и предложили на выбор несколько аудиоканалов. Он остановился на поп-музыке восьмидесятых.

Музыка зазвучала, как только он оказался в цилиндре. Так что сканировали его под Джимми Роджерса и Эрнста Табба.

И лишь через час, когда Дэнни уже́ совсем извёлся, санитары выкатили стол из цилиндра.

— Как только результаты будут готовы, мы вам позвоним, — заверил Дэнни остеолог.

Вернувшись домой, они нашли на крыльце маленькую посылку, завёрнутую в коричневую обёрточную бумагу и перевязанную красной ниткой. Без наклейки с адресом.

Уже́ в доме Луиза разрезала нитку и развернула бумагу. Вдвоём они уставились на миниатюрную статуэтку из чёрного камня. Статуэтка блестела, намазанная каким-то маслом. От резкого запаха у Дэнни сразу прочистился нос.

— Чёрт, — пробормотал он. — Вуду[276]?

— Ифетао, — безошибочно определила отправителя Луиза. — Хочешь, чтобы я её выбросила?

Он покачал головой.

— Не уверен, что это правильный выход. Пока положи её в безопасное место.

274 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
275 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
276 В оригинале забавно-неуместное «Буду». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я не позволю ей причинить тебе вреда, — твёрдо заявила Луиза. — Я тебя люблю. — Она поцеловала его, провела пальцами по щеке, коснулась губ. — Ты устал. Тебе пора лечь.

— Я готов, — ответил Дэнни.

✷ ✷ ✷

Ифетао вновь явилась ему во сне, правда, на этот раз он видел её нечётко, словно сигнал, пробивающийся на экран телевизора сквозь вспышки молний и статические помехи. У изножия кровати она стояла в[277] многоцветном длинном платье, какие носили в её родном Порт-о-Пренсе. Только тут Дэнни подумал, что раньше она предпочитала принятый на Западе деловой костюм.

— … моё имя… — донеслось до него, — … значение… — На её лице отразилось раздражение. — … Йоруба. «*Любовь приносит счастье*». — Некое космическое вмешательство отсекло звук. Ифетао становилась всё печальнее, есть и много других значений… — Её рука поднялась, зависла между ними. Дэнни разглядел между пальцев какой-то кокон, поблёскивающий на свету.

А пото́м Иффи исчезла, будто другая рука отключила «телевизор».

Других снов в ту ночь Дэнни не увидел. Во всяком случае, не запомнил ни одного.

✷ ✷ ✷

Наутро позвонил томографист. Сообщил, что у Дэнни нелады с костями. В его правом плече у са́мого сустава обнаружены две длинные трещины; в левом,[278] по меньшей мере,[279] одна. Трубку взял остеолог. В голосе слышалось удивление.

— Возможно… — Он запнулся. — Вы уверены, что травмы не было?[280]

277 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
278 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
279 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
280 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не было.[281]

— Возможная причина — судороги во сне. С мышцами такое бывает, знаете ли. Редкий, конечно, случай, но они могут привести к трещинам.

Дэнни задумался, а *с чего бы его телу подкладывать ему такую свинью*?[282]

— Но почему? — спросил он.

— Пока трудно дать однозначный ответ. Может, резко упало содержание сахара в крови́. Может, это реакция на внезапный приступ удушья. Или дала сбой нервная система. — Он помолчал. — Я поговорю с доктором Кинг. Мы можем провести обследование.

Теперь уже́ Дэнни ответил после паузы.

— Только быстрее. Проведите обследование как можно быстрее. — На объяснения сил у него не осталось. Костевед согласился и положил трубку. Луиза заметила его грусть и присела рядом.

— Не волнуйся, сладенький. О докторах не думай, я всё равно буду заботиться о тебе. И всё у тебя будет хорошо.

— Застрелишь Ифетао, если выяснится, что она напустила на меня порчу?

— Да, — со всей серьёзностью ответила Луиза. — Она не сможет обидеть тебя.

— Расслабься. — В голосе Дэнни прибавилось бодрости. — Я не нанимал тебя в телохранители.

— Но я тебя люблю. *Очень* люблю. — Луиза замялась. — Разве ты меня не любишь?

Дэнни чуть помедлил с ответом.

— Ты мне очень *нравишься*. И я благодарен тебе за то, *что* ты для меня делаешь.

— Но ты меня *не любишь*?

В голосе послышались резкие нотки.

— Может, и полюблю. Дай мне время.[283]

Его ответ Луизу не устроил.

---

281 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

282 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

283 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не тяни слишком долго, Дэнни. — Она встала и прошла в маленькую ванную. Закрыла за собой дверь. Дэнни показалось, что оттуда донеслись всхлипывания. Но вернулась она с сухими глазами, улыбаясь.[284] — Есть будем в ресторане. Надо отпраздновать.

— Отпраздновать *что*? Я, знаешь ли, не в форме.

— Отпраздновать нашу любовь. Ни о чём не беспокойся, я всё сделаю сама. — Она надела на него чистые носки и кроссовки. К ним добавились боксёрские трусы́ и длинное пальто.[285] С немалым трудом ей удалось всунуть его ру́ки в рукава.

— Если кто-нибудь заглянет под пальто, то решит, что я — извращенец, направляющийся на школьный двор.

— Положись на меня. — Луиза усадила его в машину и привезла в полутёмный ресторан, где они выбрали столик в дальнем углу. С её помощью он заказал суп, пудинг и кофе. Блюда выстроились перед ним, словно солдаты, каждое с толстой соломинкой.

Он не ожидал, что эта вылазка в город ему понравится. Однако настроение его значительно улучшилось.

Правда, по возвращении домой вновь навалилась тоска. На определителе высветился телефон Ифетао.

— Не отзванивай ей, — сказала Луиза.

— Это *мой* дом, — ответил Дэнни. И едва не добавил, что *живут здесь по его правилам*. Когда же он набрал её номер, механический голос ответил, что «*этот номер временно не работает*». — Надо бы к ней съездить. — Дэнни повернулся к Луизе. — Возможно, она звонила по делу.

— Нет, — покачала головой Луиза. — Не надо тебе к ней ехать.[286]

— Ты меня отвезёшь?

— Нет.

В голосе слышалась злость, и он дал задний ход.

— Может, завтра?[287]

— Нет. *Никогда*.

Они ещё немного поговорили, а пото́м он решил, что пора спать.

На этот раз Ифетао к нему не пришла.

284 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
285 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
286 В оригинале без точки в конце предложения, а к тому же абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
287 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Дэнни проснулся, слыша, чувствуя, как ломаются пальцы на ногах. Сначала мизинцы изогнулись, дёрнулись и переломились, как сухие ветки под тяжёлым сапогом. Пото́м вторые пальцы, третьи, боль всё нарастала, очередь дошла и до больши́х.

Хрясть!

Он закричал во сне.

Только это был *не сон*.

Начали вибрировать ко́сти стопы́ правой ноги́, затем согнулись, словно на них что-то давило. Боль всё усиливалась. И в животе у него что-то начало рваться. Он попытался дотянуться до ног, помассировать их. Ничего не вышло: ру́ки по-прежнему его не слушались.

Он всё кричал, а под его крики ломались и ломались тоненькие косточки стоп.

Появилась Луиза с тёплыми полотенцами, вытерла его потное лицо, завязала сто́пы, чтобы смягчить боль.

— Ничего, ничего, — шептала она. — Всё будет хорошо. Мы справимся и с этим.

— За что? — стонал он. — За что, за что, за что... — Он замолчал: перехватило дыхание.

— Больше она тебя не тронет.

В конце концов до него дошёл смысл её слов.

— Ифетао?

— Конечно. — Луиза вновь вытерла с его лба пот. — Отдыхай. Старайся ровнее дышать. Какое-то время ты не сможешь ходить. Но не волнуйся. Я обо всём позабочусь. Я тебя люблю.

Его словно пронзило молнией.

— Уиззи, та штуковина, которую Иффи оставила на крыльце. Которую ты положила в укромное место. Я думаю, её лучше уничтожить.

— Я это уже́ сделала, любимый.

— Хорошо. — Он покачал головой. Мысли путались, он никак не мог найти нужных слов. — Я никогда не верил в чёрную магию.

— И не надо в неё верить. Но иногда она срабатывает.[288]

Он начал проваливаться в темноту, надеясь там обрести спасение от боли. Луиза что-то сказала.

— Что? — переспросил он.

— Река Стикс широка и глубока, — повторила она. — В ней очень много ненависти. — И тут же словно переключила телевизионные каналы. — Коты вылезли. Я их покормила. Кажется, я им понравилась.

— Что ты имела в… — Он не договорил. Его окутала благословенная темнота.

✷ ✷ ✷

Проснувшись вновь, Дэнни не смог шевельнуться. Луиза сидела рядом с чашкой кофе наготове. Помогла выпить её маленькими глоточками.

— Боюсь, но́ги у тебя не очень.

— Они болят, как и плечи, — прошептал он.

— Какое-то время тебе придётся побыть до́ма. — В голосе слышалось сочувствие. — Но я уверена, что всё образуется.

— Зато нам не придётся ехать к Ифетао. — Дэнни попытался улыбнуться.

— Это точно. Да и смысла в этом нет.

— Ты о чём?

— Эта женщина ненавидела тебя. Помнишь фигурку, которую я уничтожила? Ту, которую она оставила на крыльце?[289] Её назначение — превратить тебя в *импотента*. Наверное, она решила, что ты этого *заслуживал*. — Луиза вздохнула. — Но не имела пра́ва *так* поступать.

Дэнни попытался поднять голову, чтобы посмотреть на Луизу. Его пальцы поползли по одеялу, как пауки-калеки.

Её взгляд упал на его ру́ки.

288 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

289 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Осторожнее. Как бы то же самое не произошло и с пальцами рук. Всеми десятью, включая больши́е. — Но тут же она ослепительно улыбнулась. — Но я говорила тебе, что могу печатать с го́лоса. Всё у тебя будет в порядке.

— Что ты такое говоришь? — пробормотал он.

Внезапно взгляд его упал на комод за её спиной. Там стояла его фотография в металлической рамке. Но теперь к рамке привалилась какая-то фигурка, напоминающая куклу Кена, с перевязанным телом, руками, ногами. Повязки эти неестественно выгибали конечности. Особенно сильно они перетягивали плечи, сто́пы, ки́сти .

И вот тут, несмотря на боль, он таки начал осознавать, *что* с ним происходит. *Уиззи любила его.*

Она заговорила, словно прочитав его мысли.

— Дэнни, я буду любить тебя всегда. Я не позволю ей причинить тебе вред. Ничего у неё не выйдет. Я позабочусь о тебе. Можешь на это рассчитывать.

Подступало забытьё, и он понимал, что *обратного пути уже́ не будет.*

Сознание уходило, и Дэнни не знал, как удержать его. Но успел понять, о чём говорит её холодная улыбка.

Любовь всегда побеждает ненависть.

Всегда.

© Эдвард Брайант

Джин Родман Вулф
«Моя шляпа — дерево»

30.01. Утром видел на пляже непонятного неизвестного. Я купался в бухточке между домом и деревней. Перекупался, что ли? Впрочем, по-моему, я не очень-то и устал. Как только нырнул, мне почудилось, будто из-за огромного ветвистого коралла выплыла акула. Поспешил на берег. Всё купание не продлилось и десяти минут. Выбежав из воды́, перешёл на шаг.

Свершилось. Я наконец-то начал вести дневник (уж думал, никогда не раскачаюсь). Так что давайте вернёмся ко всем тем событиям, которые я должен был описа́ть в нём, но так и не описа́л. Я купил его на следующий день после возвращения из Африки.

Нет, неверно — в день, когда меня выписали. Теперь я вспомнил точно. Я шлялся по городу, с минуты на минуту ожидая следующего приступа, пока не забрёл в одну лавчонку на Со́рок второй улице. За прилавком стояла симпатичная женщина, бывают такие по-настоящему красивые негритянки, и мне подумалось: хорошо было бы с ней поговорить, а значит, придётся для проформы купить что-нибудь. Я сказал:

— Я только что из Африки.

Она:

— Серьёзно? Ну и как там?

Я:

— Жарко.

Короче, я вышел на улицу с ежедневником в руках, уговаривая себя, что деньги потрачены не зря: я буду вести дневник, описывать на бумаге мои приступы, что я ел и делал — так мне предписали врачи; но у меня из головы́ не выходила *она*. Как она отошла в глубь лавки, чтобы достать ежедневник. Её но́ги. Как она держала голову. Её бёдра.

После этого я собирался записа́ть всё,[290] что помню,[291] об Африке и наши разговоры, в том случае,[292] если Мэри мне перезвонит. А затем рассказать о моём новом задании.

290 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
291 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
292 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

31.01. Устанавливаю свой новый «Мак». Кто бы мог подумать, что в *таком* месте есть телефоны? Но с Кололаи нас связывают провода́, а ещё есть тарелка. Я могу трепаться с людьми со всего мира — причём за счёт Конторы. (Вот это, я понимаю, гуманизм!) В Африке было не так. Одна рация — да и та держалась на честном слове.

Меня бросило в жар от энтузиазма. «*Отдалённый архипелаг в Тихом океане*». Нет, всё по порядку…

Пэ-Дэ:

— Баден, мы отправляем вас на Такангу.

Не сомневаюсь, я изобразил из себя барана перед новыми воротами.

— Это отдалённый архипелаг в Тихом океане. — Она откашлялась и состроила такую гримасу, точно проглотила кость. — Там будет не так, как в Африке, Баден. Вы будете сам себе хозяин.

Я:

— Я думал, вы меня выгоните.

Пэ-Дэ:

— Нет, что вы! Как можно!

— Неограниченный отпуск по болезни.

— Нет, нет, нет! Но, Бад. — Она перегнулась через стол, и на минуту я испугался, будто она сейчас добросердечно потреплет меня по руке. — Там будет *нелегко*. Я не хотела бы зря вас обнадёживать.

Ха!

Ближе к телу. Я — в дыре. Я — в бунгало с полом, прогнившим ещё в те времена, когда территория принадлежала англичанам. До деревни — миля[293]. До пляжа — и полмили[294] не будет, так что все комнаты пропахли Тихим океаном. Местные жирны и счастливы; по моим расчётам, меньше половины из них идиоты (по сравнению с Чикаго — огромное достижение). Раз или два в год кто-нибудь подхватывает что-нибудь типа триппера и получает от преп. Роббинса дозу мышьяка. И ИЗЛЕЧИВАЕТСЯ! Во дают!

В океане есть рыба — до фигища рыбы. В джунглях — дикорастущие фрукты. Местные знают, какие из них можно есть. Здесь сажают яме и хлебные деревья, а если кому-то нужны деньги или просто хочется что-нибудь

293 В метрической системе 1 миля — это более 1,6 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
294 См. 157. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

купить, они ныряют на дно за жемчугом и меняют его на что надо, когда приходит шхуна Джека. Или устраивают себе праздник — плывут на пирóгах в Кололаи.

Совсем забыл — кокосы тут тоже есть. Местные умеют их вскрывать. А может, у меня просто сил пока маловато. (Гляжу в зеркало — б-р-р!) Раньше я весил двести фунтов[295].

— Твоя *тощий*, — говорит король. — Ха-ха-ха![296]

Хороший, в сущности, мужик. Чувство юмора у него дикарское, но бывают недостатки и похуже. Он берёт нож (мы их называли «*упанга*», но они говорят «*хелетей*») и вскрывает кокосы, как пачки с жвачкой. У меня есть и хелетей, и кокосы, но с тем же успехом я мог бы пытаться вскрывать их ложкой.

✷ ✷ ✷

1.02. Писáть не о чем — вот разве что пáру раз замечательно искупался. Первые две недели я вообще не заходил в воду. Из-за *акул*. Я знаю, что они здесь есть — сам видел двух. Если верить тому, *что* мне говорили, здесь есть и морские крокодилы, некоторые — длиной в четырнадцать футов[297]. Их я пока не лицезрел, поэтому настроен скептически, хоть и знаю, что в Квинсленде они водятся. Время от времени разносится весть, что кого-то съела акула, но местным плевать — они практически не вылезают из воды́. Не вижу причин не следовать их примеру. Пока везёт.

✷ ✷ ✷

2.02. Суббота. Вообще-то я давно собирался описáть карлика, которого в тот раз видел на пляже, но никак не могу собраться с духом. В больнице мне иногда *чудились* всякие разности, и, боюсь, *оно* опять начинается. Я решил прогуляться по пляжу. И что, мне, значит, солнцем голову напекло?

Фигли.

295 В метрической системе 200 фунтов — это более 90 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
296 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
297 В метрической системе 14 футов — это чуть более 4,2 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Это был самый обыкновенный человек небольшого роста, даже ниже, чем отец Мэри. Это не мог быть никто из взрослых жителей деревни — комплекция не соответствует. Но и на ребёнка он никак не тянул и вообще для островитянина был слишком бледен.

Очевидно, прожил здесь совсем недолго — он ещё белее меня.

Преп. Роббинс должен знать — завтра его спрошу.

✷ ✷ ✷

3.02. Жарко. Жара́ нарастает. По словам Роба Роббинса, самый жаркий месяц здесь — январь. Ну-ну: именно в начале января я сюда приехал, но с наступлением февраля вообще пошёл ад.

Встал рано, пока ещё было прохладно. Прошёлся по пляжу до деревни. (Остановился посмотреть на ска́лы, где исчез карлик.) Подождал начала службы, но с Робом поговорить не смог — спевка (он разучивал с хором гимн «*Ближе к Тебе, Господи*»).

Пришло полдеревни. Служба тянулась почти два часа́. Когда она закончилась, мне удалось отвести Роба в сторону. Я сказал, что, если он отвезёт меня в Кололаи, я угощу его воскресным обедом (у него есть джип). Он был любезен, но отказал — слишком далеко и доро́ги плохие. Я сказал, что у меня личные проблемы, насчёт которых я хотел бы с ним посоветоваться, а он: «*Может, Баден, мы пойдём к вам домой и поговорим там? Я пригласил бы вас к себе на лимонад, но люди ко мне,*[298] *как мухи,*[299] *липнут*».

И мы отправились пешком ко мне. Пекло, как в преисподней. На этот раз я старался глядеть только себе под но́ги. Я достал из своего ржавого маленького холодильника ледяную кока-колу, и, обмахивая себя веерами, мы устроились на крыльце (Роб называет его «*верандой*»). Он понимает, что меня очень тяготит невозможность как-то помочь этим людям, и призывает меня к терпению. Мой шанс придёт.

Я сказал:

— Я в этом разуверился, святой отец.

(Тогда-то он и предложил мне называть его «*Роб*». Это от фамилии, а зовут его Мервин.)

— Никогда не надо разуверяться, Бад. *Никогда.*

У него был такой серьёзный вид, что я едва сдержала смех.

298 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
299 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну хорошо, я буду глядеть в оба, и может быть, в один прекрасный день Управление пошлёт меня туда, где я нужен.

— Опять в Уганду?

Я пояснил, что АУПЗ практически никогда никого не направляет в один и тот же регион по второму разу.

— Собственно, я с вами не об этом хотел поговорить. Речь идёт о моей личной жизни. Точнее,[300] у меня к вам два вопроса, и это — один из них. Мне бы хотелось воссоединиться со своей бывшей женой. Вы посоветуете мне расстаться с этой мыслью: ведь я здесь, а она — в Чикаго; но я могу посылать ей мейлы через Сеть, и мне хотелось бы уладить отношения.

— А дети у вас есть? Простите, Баден, я не знал, что это больная тема.

Я пояснил, что Мэри их хотела, а я — нет, и он дал мне несколько советов. Я ещё не послал ей мейл, но пошлю, как только допишу вот это.

— Вы боитесь, что у вас были галлюцинации. Вас тогда не лихорадило? —[301] Он достал термометр и измерил мне температуру. Оказалась почти нормальная. — Давайте, Баден, рассмотрим всё это с точки зрения логики. Протяжённость нашего о́строва — сто миль[302]. Расстояние от побережья до побережья в са́мом широком месте — около тридцати[303]. Мне известны восемь деревень. В одном только Кололаи — тысяча двести с гаком жителей.

Я сказал, что вполне сознаю всё это.

— Дважды в неделю самолёт привозит из Кернса всё новых и новых туристов.

— Которые безвылазно сидят в Кололаи, никогда не удаляясь от го́рода дальше пяти миль[304].

— Не «*никогда*», Баден, а «*почти никогда*». Вы говорите, что он был не из деревни. Хорошо, допустим, что так. Это был я?

— Нет, конечно.

— Значит, он живёт не в этой деревне, а в другой или в само́м Кололаи. Либо он вообще турист. Почему вы качаете головой?

Я объяснил.

— По-моему, ближайший лепрозорий — на Маршалловых островах. По крайней мере,[305] других я в ближайших окрестностях не знаю. Я не могу с уверенностью назвать прокажённым коротышку, которого вы видели, — если

300 В оригинале перед запятой ещё и точка. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
301 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
302 В метрической системе 100 миль — это более 160 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
303 В метрической системе 30 миль — это более 48 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
304 В метрической системе 5 миль — это более 8 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
305 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

только вы не заметили у него каких-то иных симптомов болезни. Гораздо вероятнее, что это был турист с нездорово-бледной кожей, намазанной кремом от загара. Что же касается его исчезновения, то ответ напрашивается сам собой. Он просто прыгнул со скалы́ в бухту.

— Там никого не было. Я проверил.

— Вы хотите сказать, что *никого не заметили*. По-видимому, из воды́ торчала только его голова, а солнце в тот день рассыпа́ло блики по воде, верно?

— Должно быть.

— Наверняка. Погода стояла ясная. — Допив кока-колу, Роб переставил бутылку подальше. — А тот факт, что он не оставил следов… Хватит играть в Шерлока Холмса. Я понимаю, что выразился жёстко, но я вам добра желаю. Отпечатки ног на мягком песке — это в лучшем случае аморфные впадины.

— Свои я нашёл.

— Вы знали, где смотреть. А вернуться по собственным следам пытались? Так я и думал. Вы разрешите задать вам несколько вопросов? Когда вы его увидели, он показался вам реальным человеком?

— Да, совершенно реальным. Хотите ещё? Или что-нибудь поесть?

— Нет, спасибо. Когда у вас был последний приступ?

— Сильный? Недель шесть назад.

— А несильный?

— Вчера вечером, но ничего особенного не стряслось. Два часа́ знобило, пото́м прошло.

— Должно быть, вас это успокоило. Нет, вижу, что нет. Баден, когда у вас опять будет приступ, не важно, серьёзный или нет, придите ко мне. Поняли?

Я пообещал.

✷ ✷ ✷

«*Это Бад. Я тебя по-прежнему люблю. Вот всё, что я хочу сказать, но я хочу это сказать. Я был не прав, и я это знаю. Надеюсь, ты меня простила*». И подпись.

✷ ✷ ✷

4.02. Вчера вечером опять его видел — у него заострённые зубы. Я лежал под москитной сеткой — меня трясло, а он заглянул в окно и улыбнулся. Рассказал Робу. Добавил, что, как я где-то читал, каннибалы имели обыкновение затачивать свои зубы. Я знаю, что три-четыре поколения назад местные были каннибалами, и спросил, делали ли они такое с зубами. Он думает, что не делали, но обещал уточнить у короля.

✷ ✷ ✷

«*Я был очень болен, Мэри, но теперь мне лучше. Здесь вечер, и я ложусь спать. Я тебя люблю. Доброй но́чи. Я тебя люблю*». Подпись.

✷ ✷ ✷

5.02. Пришли двое мужчин с копьями, чтобы отвести меня к королю. Я спросил, не арестован ли я, а они захохотали. Зато Его Величество на сей раз обошлось без «ха-ха-ха!». Он был в большом доме, но вышел наружу, и мы куда-то пошли мимо деревьев размером с офисные здания, задыхающихся под грузом цветущих лиан. Шли долго-долго. Наконец вошли в круг камней и остановились. Не считая меня, четверо: король, мужчины с копьями и старик с барабаном. Копьеносцы развели костёр, и барабан тихонько рокотал, как прибой, пока король произносил речь или декламировал стихотворение, причём его всё время передразнивали невидимые птицы со странными голосами.

Договорив, король повесил мне на шею этакую хреновину из резной кости́. Когда мы пошли назад в деревню, он положил мне на плечо руку, чему я немало удивился. Он здоровяк почище любого регбиста-нападающего и весит никак не меньше четырёхсот фунтов[306]. Мне казалось, будто я волоку на себе телёнка.

306 В метрической системе 400 фунтов — это более 181 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Ужасные, УЖАСНЫЕ сны! Купание в кипящей крови́. Теперь глаз не могу сомкнуть — страшно! Залез в Сеть, попробовал найти что-нибудь про сны и их толкования. Набрёл на ведьму из Лос-Анджелеса — сперва на её домашнюю страничку, пото́м на неё самое. (И тебя, и Тотошку твоего — всех погублю!!!) Но, кажется, неплохая тётка.

Достал штуковину из резной кости́, которую мне подарил король. Старинная вещь, наверное, ей в музее место, но, думаю, пока я здесь, придётся её таскать на шее — по крайней мере,[307] когда выхожу на улицу. А то вдруг он обидится? Возьмёт да и сядет на меня! Кажется, это рыба с нацарапанными на обоих боках картинками. Другие рыбы, человек в шляпе и т. п. Через глаз протянута верёвка. Жаль, нет лупы.

✷ ✷ ✷

6.02. Ещё не ложился, но часы показывают, что среда. Написа́л длинный мейл — настучал за один заход, не думая. Сообщаю ей, где я и что я, заклинаю ответить. Пото́м вышел из до́ма и искупался нагишом в море под лунным светом. Завтра хочу поискать место, где король повесил мне на шею рыбу-талисман. Пора ложиться.

✷ ✷ ✷

Утро. И прекрасное, доложу вам. Почему я так долго не замечал, какая здесь красота? (Может, моё сердце застряло в Африке и нагнало меня только сегодня?) Пальмы беспрерывно качаются на ветру́, а люди — точно ожившие бронзовые статуи героев. Какими мелкими, чахлыми и бледными должны казаться им мы!

307 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Искупался по-настоящему, чтобы отмыть уши от собственных воплей. Когда пройдёт год, будет ли мне смешно читать на этих страницах, что полночный заплыв помог мне лучше понять местных? Может, и будет. Но я вправду это ощутил. Ведь они уже́ сотни лет плещутся в море в обществе луны́.

✷ ✷ ✷

Почта! Благослови, Боже, электронную почту и изобретателя её! Только что обнаружил в своём ящике мейл. Попробовал угадать, от кого. Надеялся, что от Мэри, но был вполне уверен, что его прислала Эннис, которая ведьма. Читаю имя: «*Джулиус Р. Кристмас*». Папаша! Отец Мэри! Вскочил и стал скакать по комнате — такой восторг, что буквы прямо расплывались перед глазами. Сейчас я уже́ вывел мейл на печать. Переписываю сюда.

✷ ✷ ✷

«*Бад, она улетела в Уганду искать тебя. Вернётся завтра. Кеннеди, АА 47 из Хитроу. Я ей скажу, где ты. Смотри там поосторожнее с этими папуасками*».

✷ ✷ ✷

ОНА УЛЕТЕЛА В УГАНДУ ИСКАТЬ МЕНЯ.

7.02. Опять сны — маленький человечек с острыми зубами улыбается, заглядывая в окно. Сомневаюсь, что сто́ит всё это записывать, но я знал (во сне), что он причиняет людям зло, а он твердил, что мне зла не причинит. Возможно, и в первый раз я видел его не наяву, а во сне. Опять вопли.

Ну ладно. Вчера днём ещё раз поговорил с Робом, хотя заранее этого не планировал. Вернувшись домой, почувствовал себя так скверно, что свалился на постель и ничего не мог делать. По-моему, *так* худо мне не было со времён больницы.

Ходил искать место, куда меня водил король. Неохота было идти от деревни — ещё дети увяжутся, — решил сделать круг и выйти на то место с другой стороны́. Обнаружил две старые постройки — маленькие, без крыш, — и кость, похожую на человеческую. Детали запишу попозже. Следов зубов я на ней не увидел — впрочем, и не высматривал их специально. Правда, с одного конца она почернела, точно от огня.

Шатался часа́ три, весь вымотался. Запнулся ногой о булыжник, остановился утереть пот, и — бэмс! — оказалось, что я там,[308] где надо! Обнаружил пепел и где стояли мы с королём. Огляделся по сторонам, жалея, что не взял фотоаппарат, — и увидел Роба. Он сидел на четырёх камнях, поставленных друг на друга, — остатках стены́ — и глядел на меня сверху вниз. Я сказал:

— Эй, что же вы молчали?[309]

А он:

— Хотел посмотреть, что будете делать вы.

Значит, он за мной *шпионил*; вслух я этого не сказал, но иначе его действия назвать нельзя.

Я рассказал, как был здесь с королём и как получил от него талисман. Добавил, что, к сожалению, не надел его, но в любое время, когда Роб захочет кока-колы, я ему его покажу.

— Это всё не столь важно. Он знает, что вы больны, и, полагаю, он дал вам вещь, которая должна вас исцелить. Возможно, она даже поможет — *Бог слышит все молитвы*. Это не то, чему учат в семинарии. Это отрицает даже

308 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
309 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Библия. Но я немало попутешествовал как миссионер и могу вас уверить: *когда человек обращается к своему создателю по по́воду хорошего де́ла — его слышат.* И очень часто отвечают: «*Да*». Почему вы сюда вернулись?

— Просто хотел вновь взглянуть на это место. Вначале мне показалось, будто это просто круг из камней. Теперь я начал подозревать, будто это было что-то более грандиозное.

Роб молчал; я пояснил, что вспомнил о Стоунхендже[310]. Стоунхендж[311] — всего лишь больши́е камни, поставленные по кругу. Однако они предназначены для того, чтобы узнавать положение некоторых звёзд и где встаёт солнце. Но тут идея явно была другая, ведь вокруг деревья. Стоунхендж[312] стои́т на открытом месте, на Солсберийской равнине. Я спросил, не храм ли это.

— Когда-то, Баден, это был дворец. — Роб откашлялся. — Если я расскажу вам о нём нечто конфиденциальное, можно надеяться, что вы не будете этого разглашать?

Я пообещал.

— Теперь это весьма добродушное племя. Прежде всего я должен подчеркнуть, что нам с вами они кажутся несколько инфантильными, как и все дикари. Но будь мы сами дикарями — а мы ими были, Бад, и не столь давно, мы бы воспринимали их совсем иначе. Вы можете себе вообразить, какими бы они нам казались, если бы не казались инфантильными?

Я сказал:

— Я думал об этом сегодня утром, перед тем как выйти из до́ма.

Роб кивнул.

— Теперь я понимаю, *что* заставило вас вернуться сюда. Поселения полинезийцев разбросаны по всему южному региону Тихого океана. Вы это знали? Первым, кто более или менее тщательно исследовал Тихий океан, был капитан Кук, офицер британского флота. Его страшно изумляло, что его переводчик мог объясняться с жителями островов, отделённых друг от друга многими неделями плавания. Нам известно, например, что полинезийцы прибыли с Гавайев, и было их так много, что они завоевали Новую Зеландию.

310 В оригинале всюду (см. 311 и 312) подобная позорно-варварская транскрипция (здесь было «Стоунхедже»), хотя несомненно речь про одно из чудес света — Стоунхендж (иногда ещё Стонхендж, но никак не некий «Стоунхедж»), т. е. Stonehenge (название происходит от староанглийских слов stān “камень” и hengan “нависать”) — один из самых больши́х и известных в мире кромлехов (cromlech, доисторическое мегалитическое сооружение, которое состоит из огромных отдельно стоя́щих каменных глыб в виде круглых или квадратных оград и служит для ритуальных церемоний и погребений), чётко сориентирован по сторонам света; в отдельных структурных частях сооружён где-то в середине 2950 годов до РХ; расположен близ плато Солсбери (Salisbury Plain), графство Уилтшир (Wiltshire), Англия (England). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

311 В оригинале снова «Стоунхедж» (см. 310). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

312 В оригинале снова «Стоунхедж» (см. 310). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Правда, историки, насколько мне известно, всё ещё не признали это фактом, но зато сами маори зафиксировали данное событие в своих собственных анналах. Они проплыли около четырёх тысяч миль[313].

— Впечатляет.

— Но вам неясно, куда я клоню. Понимаю-понимаю: история достаточно запутанная. Считается, будто их изначальной родиной была Малайзия. Я не буду перечислять все аргументы, убеждающие меня в неверности этой гипотезы, скажу лишь, что в таком случае они бы поселились на Новой Гвинее и в Австралии, а этого не произошло.

Я спросил, откуда же тогда пришли полинезийцы. Минуты две Роб сидел, почесывая подбородок; затем сказал:

— Этого я вам не стану говорить. Вы мне всё равно не поверите, так зачем же время зря терять? Вообразите себе далёкую страну, горную местность со зданиями и памятниками, ни в чём не уступающими древнеегипетским, и такими ужасными богами, каких не мог бы выдумать весь Голливуд вместе взятый. Время? … — Он пожал плечами. — После Моисея, но прежде Христа.

— Вавилон?

Он помотал головой.

— У них появился правящий класс, и со временем эти правители — их жрецы и воины — стали как бы другой расой, крепче и выше ростом, чем крестьяне, к которым они относились как к рабам. Алтари своих богов они орошали кровью — кровью врагов, когда удавалось взять достаточное количество пленников. На худой конец, годилась и кровь крестьян. И вот крестьяне восстали и выперли их с гор на берег мо́ря, а затем загнали в море.

Думаю, он ждал от меня каких-то комментариев, но я молчал, обдумывая услышанное и гадая, может ли всё это быть правдой.

— Они уплыли прочь, ужасаясь тому, *что* разбудили в сердцах народа —[314] народа, к которому в былые времена принадлежали сами. Полагаю, их было две-три тысячи — никак не больше. Скорее всего счёт шёл даже не на тысячи, а на сотни. Они обучились мореплаванию и преуспели в нём — а иначе бы просто погибли. В эпоху античности они были единственным народом, который мог соперничать с финикийцами — и даже превзойти их.

Я спросил, верит ли он во всё это. Он ответил:

— Не важно, верю я или нет, — всё равно это правда.[315]

Он указал на один из камней.

313 В метрической системе 4000 миль — это более 6437 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
314 В оригинале без тире, из-за чего возникает тавтология. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
315 В оригинале без точки в конце предложения и к тому же абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я назвал их *дикарями*. Это констатация факта. Но они не всегда были такими отсталыми, как сейчас. Здесь стоял дворец. Подобные руины разбросаны по всей Полинезии — огромные, постепенно рассыпающиеся в прах здания из кораллового известняка. Дворец и одновременно культовое сооружение, поскольку король считался святым, представителем богов. Вот почему он привёл вас сюда.

Робу пора было уходить, но я рассказал ему о постройках, которые обнаружил раньше, и он выразил желание их увидеть.

— Знаете, Баден, здесь и храм есть, но мне так и не удалось его разыскать. Видимо, его построили в те времена, когда могущество тёмных сил было просто невообразимо… — Тут он ухмыльнулся, немало меня озадачив. —[316] Наверно, Баден, вас много дразнят из-за вашего имени.

— С первого класса. Меня это не задевает.

На са́мом деле иногда задевает.

Подробности позже.

✷ ✷ ✷

Итак, я познакомился с человечком, которого видел на пляже, и, честно говоря (что толку употреблять это выражение, если ты не желаешь говорить честно?), он мне понравился. Через минутку я всё это опишу.

Мы с Робом стали искать постройки, на которые я набрёл в поисках дворца, но так и не смогли их обнаружить По моему описанию Роб предположил, что храмом, который он ищет с са́мого своего приезда на остров, эти постройки быть не могут.

— Они *знают, где он*. Старики *точно* знают. Иногда я слышу эвфемистические упоминания о нём. Просто *упоминания* — не шутки. По по́воду ме́ста, которое вы нашли, они острят. О храме — ни в коей мере.

Я спросил, что же за место я нашёл.

— Японский военный лагерь. Во время Второй мировой здесь базировались японцы.

— Впервые слышу.

316 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Боёв тут не было. Они построили здания, которые вы нашли, — если это[317] те самые, — и выкопали в горах пещеры-дзоты. Я сам обнаружил несколько.[318] Но американцы и австралийцы просто проскочили мимо о́строва, как и мимо многих других. Японцы здесь так и застряли.[319] По-видимому, это была всего одна рота.

— И что с ними сталось?

— Одни сдались в плен. Другие вышли из джунглей, чтобы сдаться, но были убиты. Горстка японцев — человек двадцать, двадцать пять, если верить рассказам — держалась до последнего. Они ушли из пещер и вернулись в лагерь, который был построен в надежде на то, что Япония победит и будет контролировать весь Тихий океан. Полагаю, именно этот лагерь вы и нашли, так что мне хотелось бы его посмотреть.

Я сказал, что не понимаю, как он мог от нас ускользнуть, а Роб заметил:

— Гляньте на эти джунгли, Баден. В десяти футах[320] от нас может прятаться любое здание.

Затем, пройдя пешком милю[321] или две[322], мы вышли к морю. Я не знал, где мы оказались, но Роб знал.

— Здесь мы расходимся. Деревня вон там, а ваше бунгало — в противоположной стороне, за бухтой.

У меня из голово́ю не выходили японцы, и я спросил, все ли они уже́ умерли, а он сказал, что да.

— Год от году́ они старели, и их ряды редели, и пришли времена, когда винтовки и пулемёты, с помощью которых они терроризировали деревни, пришли в негодность. Местные не сразу это поняли, но когда до них дошло, они напали на японский лагерь ночью, вооружённые дубинками и копьями.[323] Они убили и съели всех японцев — иногда они в шутку сравнивают меня с ними, когда пытаются выцыганить у меня мою козу.

Меня трясло, и я понимал: скоро мне совсем поплохеет, так что вернулся сюда. До са́мого утра провалялся совсем больной по полной программе: озноб, лихорадка, мигрень.

Помню, как прямо у меня на глазах вазочка на бюро встала, прошла на тот конец и снова уселась, а в комнату плавно влетел американец в бейсболке. Он стащил бейсболку с головы́, причесался перед зеркалом и вновь улетел. Судя по бейсболке, фанат «Кардиналов».

А теперь о Хэнге, коротышке, с которым я вижусь на пляже.

317 В оригинале неуместное «что». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
318 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
319 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
320 В метрической системе 10 футов — это чуть более 3 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
321 См. 293. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
322 В метрической системе 2 мили — это более 3,2 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
323 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Записав всё насчёт дворца, я решил задать Робу пáру вопросов и сказать ему, что Мэри прилетает. Да-да-да, никто мне прямо не сказал, что она прилетит, и даже она сама со мной пока не связалась — я получил лишь письмо от Папаши. Но ведь в Африку она отправилась — так что ей мешает прилететь сюда? Я поблагодарил Папашу и ещё раз сообщил ему мой адрес. Он знает, как сильно мне хочется с ней увидеться. Если она прилетит, я попрошу Роба обвенчать нас по второму разу, если она согласится.

Итак, пойдя по бéрегу, я увидел его, но спустя полминуты он словно бы растворился в дымке. Я сказал себе, что у меня всё ещё глюки — ведь я болен; и напомнил себе, что обещал зайти к Робу в миссию, когда в следующий раз почувствую себя плохо. Но когда я обошёл бухту, он оказался прямо передо мной, вполне материальный. Он сидел в тени́ под молодой пальмой. Мне захотелось с ним поговорить, и я сказал:

— Ничего, если я здесь тоже присяду? От жары мозги плавятся.

Он улыбнулся (у него и вправду заострённые зубы) и сказал:

— Моя шляпа — дерево.

Я думал, что он имеет в виду просто тень, но после того как я уселся, он мне кое-что показал: откусил пальмовый лист и отодрал от него полоску, потóм продемонстрировал, как расщеплять полоски ещё и ещё, чтобы плести неуклюжие шляпы типа соломенных с высокой тульей и широкими полями.

Мы немного поговорили, хотя он владеет английским намного хуже, чем некоторые местные. Он живёт не в деревне, а деревенские его не любят, хотя он их любит. Говорит, они его боятся и из страха дают ему всякие вещи. Они предпочитают, чтобы он держался подальше. «*Нет деревня, нет пирóга*».

Я сказал, что ему, наверное, *одиноко*, но он просто уставился на море. Должно быть, он просто не знает этого слóва.

Он заинтересовался талисманом, который мне подарил король. Я описáл его и спросил, приносит ли он удачу. Он покачал головой: «*Не есть малхой*». Взмахнул пальмовым волоконцем. «*Это есть малхой*». Не зная, что значат «*малхой*», я решил с ним не спорить.

Вот, в принципе, и всё. Ещё я сказал ему, чтобы он заходил в гости, когда захочет пообщаться с людьми; а он посоветовал мне есть рыбу, чтобы поправить здоровье (понятия не имею, кто ему сказал, что иногда я болею, но я ведь никогда не держал своё состояние в секрете). И ещё он сказал, что когда он со мной, приступы мне не угрожают (по крайней мере,[324] так я расшифровал его слова́).

Кожа у него загрубелая, гораздо светлее, чем моё предплечье, но я не могу сказать, патология это или просто что-то врождённое. Когда я встал, чтобы уйти, он тоже поднялся. Оказалось, его макушка мне едва-едва по грудь. Вот бедняга.

324 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

И вот ещё что. Я не собирался это записывать, но после слов Роба передумал. Немного отойдя, я обернулся, чтобы помахать Хэнге — но его уже́ не было. Я вернулся, думая, будто у меня обман зрения из-за те́ни пальмы; но он и вправду *исчез*. Я спустился к бухте, предполагая, что он в воде, как думал Роб. Место очень красивое, но Хэнги и там не обнаружилось. Начинаю сочувствовать морякам старых времён — насчёт островов, которые исчезали, когда те подплывали поближе.

Ну да ладно. Роб говорит, что «*малхой*» значит «*крепкий*». Поскольку пальмовое волокно уступает в крепости простой хлопчатобумажной нитке, тут какая-то неувязка. (Или, что ещё вероятнее, я просто что-то не так понял.) Наверно, это слово многозначно.

«*Хэнга*» означает «*акула*», по словам Роба, но он ведь не знако́м с моим дру́гом Хэнгой. Почти все мужчины носят имена рыб.

✷ ✷ ✷

Ещё мейл, на сей раз от ведьмы. «*Над вами нависла опасность. Я это чувствую и знаю, что высшая сила привела вас ко мне. Будьте осторожны. Избегайте культовых сооружений, карты таро предвещают, что вам небезопасно там бывать. Опишите мне фетиш, о котором упоминали*».

✷ ✷ ✷

Вряд ли я исполню её просьбу. И вообще больше не буду ей писа́ть.

* * *

9.02. Похоже, в четверг я устал от писанины — вижу, что вчера так ничего и не записа́л. Сказать по чести, описывать было нечего — разве что моё купание в бухте Хэнги. А это я описа́ть не могу — всё какая-то бессмыслица выходит. *Красота выше слов.* Вот и всё, что могу сказать. Сказать по чести, *боюсь* туда возвращаться. Боюсь *разочароваться.* Ни одно место на земле и даже под водой не может быть так прекрасно, как то, что запечатлелось в моей памяти. Пёстрые кораллы, крохотные морские животные, похожие на цветы, стайки голубых, красных и оранжевых рыбок — этаких живых самоцветов.

Сегодня, когда я пошёл к Робу (да-да, Эннис меня предупреждала, но, по-моему, она — просто сивая кобыла), я сказал, что он наверняка придерживается мысли, будто Бог создал этот прекрасный мир нам на любование; но, по-моему, тогда Он должен был снабдить нас жабрами.

— Баден, по-вашему, я должен считать, что Он и звёзды специально для нас создал? Все эти пылающие солнца, отделённые от нас сотнями и тысячами световых лет? Неужели Бог создал целые галактики только для того, чтобы мы их замечали па́ру раз за всю жизнь, случайно задрав голову?

Услышав эти слова́, я невольно задумался *о людях вроде меня, тех, кто работает на федеральное правительство. Может, нас тоже когда-нибудь выгонят, как тех правителей, о которых говорил Роб? Очень многие из нас перестали беспокоиться о простом народе. Пэ-Дэ, например, на народ плевать — я точно знаю.*

Тут пришла женщина, поранившая руку. Обрабатывая рану, Роб беседовал с ней на её родном языке, а она многословно отвечала ему — просто-таки трещала,[325] как сорóка. После её ухода я спросил, все ли её фразы он понимал.

— И да, и нет, — ответил он. — Если вам так уж интересно — я знаю все слова́, которые она произносила. Сколько вы здесь уже́ прожили, Баден?

Я ему сказал.

— Около пяти недель? — переспросил он. — Идеальный срок. Я живу здесь уже́ шестой год, но владею языком ещё не как родным. Иногда я запинаюсь, подбирая слово. Бывает, что нужное так и не приходит мне в голову. Но на слух я их речь *понимаю.* Не самый замысловатый язык. Вас беспокоят *призраки*?

Полагаю, у меня отвисла челюсть.

325 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это мне она сказала, помимо всего прочего. Король послал в другую деревню за женщиной, которая должна вас от них избавить. Этакая специалистка по белой магии, полагаю. Её зовут Лангитокоуа.

Я сказал, что меня беспокоит только один призрак — призрак моего неудачного брака, но я, впрочем, надеюсь поправить дело с помощью Роба.

Он попытался заглянуть мне в ду́шу — кажется, успешно. Такие уж у него глаза́.

— Вы ещё не выяснили, когда прилетит Мэри?

Я покачал головой.

— После поездки в Африку она захочет несколько дней передохну́ть. Надеюсь, вы это учитываете.

— И ей придётся лететь из Чикаго в Лос-Анджелес, из Лос-Анджелеса — в Мельбурн, оттуда — в Керне, а там дожидаться рейса на Кололаи. Поверьте, Роб, я всё учёл.

— Хорошо. А вам не приходило в голову, что ваш друг, этот коротышка Хэнга, может оказаться призраком? Я хочу сказать, вам это не приходило в голову после того, как вы с ним поговорили?

И тут меня обуяло то самое чувство — «*что, дескать, я здесь делаю*», которое донимало меня в буше. Я сидел в солнечной, пропахшей лекарствами комнатке с картонными стенами, у моего локтя стояла банка с ватными тампонами, через окно доносился шум прибоя, и тысячи миль отделяли меня от мест, где кипит жизнь; и хоть убей, я не мог вспомнить, какие решения и удачные или неудачные планы привели меня сюда.

— Позвольте, Баден, рассказать вам одну историю. Хотите верьте, хотите — нет. Это было в первый год моего пребывания здесь. Я поехал в город насчёт покупки кое-каких стройматериалов. Так получилось, что в городе у меня выдался день полного безделья, и я решил прокатиться на мыс Северный. Мне говорили, что это самая живописная часть о́строва, и я убедил себя, что должен её посмотреть. Вы там были?

Я даже не слышал о таком мысе.

— Шоссе доходит до ближайшей к мысу деревни и там кончается. Оттуда ещё часа́ два пешего хода по тропке. Там и впрямь красиво: ска́лы нависают над волна́ми, величественные утёсы поднимаются прямо из океана. Я пробыл там не очень долго. Просто проникся атмосферой этого ме́ста — ощутил сладостное такое одиночество — и сделал несколько зарисовок. Пото́м пешком вернулся в деревню, где оставил свой джип, и поехал назад в Кололаи. Уже́ почти стемнело.

Отъехав совсем недалеко, я увидел, что по дороге идёт один мужчина из нашей деревни. Тогда я знал ещё не всех, но с ним был знако́м. Я затормозил, и мы с минутку поболтали. Он сказал, что идёт повидаться с родителями, и я

предположил, что они живут в деревне, из которой я только что выехал. Я пригласил его сесть в джип и, развернувшись, отвёз его туда. Он долго меня благодарил, а когда я вылез из машины проверить покрышку, которая меня смущала, обнял меня и поцеловал в глаза́. Никогда этого не забуду.

Я ляпнул какую-то глупость насчёт того, что люди здесь очень сердечные.

— Да, конечно, вы правы. Но знаете что, Баден, — вернувшись, я узнал, что *мыс Северный — заклятое место*. Туда отправляются ду́ши умерших, чтобы попрощаться со страной живых. Человека, которого я подвёз, *сожрала акула* в день моего отъезда из деревни, *за четыре дня до* нашей встречи на дороге.

Я не знал, что сказать. Наконец я выпалил:

— Они вам наврали. Наврали, другого объяснения нет.

— Несомненно — или я вам сейчас наврал. В любом случае,[326] я бы очень хотел, чтобы вы привели ко мне своего друга Хэнгу, если вам это удастся.

Я пообещал сводить Роба к Хэнге, поскольку Хэнга отказывается ходить в деревню.

✷ ✷ ✷

Опять купался в бухточке. Я никогда не считал себя хорошим пловцом, да у меня никогда и не было возможности им стать, но теперь плаваю, как дельфин, ныряю и плаваю с открытыми глазами, остаюсь под водой минуты по две — две с половиной, если не дольше. Невероятно! О Боже, жду не дождусь, когда смогу похвастаться перед Мэри!

В Кололаи продаются акваланги и прочее снаряжение. Надо будет занять у Роба джип или нанять кого-нибудь из мужчин, чтобы меня отвезли в пиро́ге.

326 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

11.02. Опять запустил дневник — надо навёрстывать. Вчера день прошёл *очень странно*. И суббота тоже.

Не успел я лечь на кровать (в голове у меня крутилась Робова история о призраке и картинки нового подводного мира) — и БУХ! Вскочил в чертовской панике. Оказалось, бюро опрокинулось. Очевидно, ножки подгнили. Несколько ящиков вдребезги, вещи разлетелись по всей комнате.

Прислонил бюро к стене, начал наводить порядок — и нашёл книгу, которой раньше не видел. «*Лучезарный сад короля ангелов*» о путешествиях по Афганистану. На первой странице — чьё-то имя, дата и штамп «*Американское управление помощи зарубежным странам*». Тупо поглядел на это дело, ничего не понял.

Но теперь мне всё кристально ясно. Считайте, это послание для меня открытым текстом. Итак, он был здесь. Он — Ларри Скриббл. Сотрудник Конторы. Купил книгу три го́да назад (вероятно, когда его направили в Афганистан), затем был послан сюда и книгу привёз с собой. Я пользуюсь лишь тремя верхними ящиками, а она лежала в каком-нибудь дру́гом и осталась незамеченной, когда кто-то (но кто?) собирал его вещи.

Почему, приехав, я не застал Скриббла здесь? Ему следовало остаться ещё этак на неделю, чтобы ввести меня в курс де́ла. Никто мне о нём ничего не сказал — даже имя не упоминалось. Всё это неспроста.

Хотел сходить в миссию на службу и взять с собой книгу, но опять захворал. Со́рок два и восемь. Принял таблетку, лёг — от слабости пальцем пошевелить не мог — и увидел Престранный сон. По каким-то признакам я знал, что в доме кто-то есть (по логике вещей, слышал шаги, но не помню). Привстал — у кровати, улыбаясь, стоял Хэнга. «*Моя стукал. Твоя не выходил*».

Я сказал:

— Извини. Я болел.

Чувствовал я себя чудесно. Встал и спросил, не хочет ли он кока-колы или поесть что-нибудь, но он пожелал увидеть талисман.

— Без проблем, — сказал я и достал его с бюро. Хэнга осмотрел его, хмыкая и водя указательным пальцем по рисункам на боках.

— Твоя не развязывай? Так носит? — указал он на шнурок.[327]

327 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответное действие другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я пояснил, что это не требуется — я могу надеть талисман на шею, не распуская узла.

— Хочешь друг? — Он ткнул себе в грудь. Вид у него был очень жалостный. — Хэнга друг? Бад друг?

— Да, — согласился я. — Очень хочу.

— Развязывай.

Я сказал, что перережу шнурок, если ему так хочется.

— Развязывай, пожалуйста. Друг по кро́ви (и взял меня за руку, повторяя: «*Друг по кро́ви!*»).

— Ладно, — сказал я и начал ковырять узел, который оказался довольно сложным; и в этот миг, клянусь, я услышал, что в бунгало ещё кто-то есть, кто-то третий — он колотил по стенам. Думаю, я пошёл бы посмотреть, кто там, но Хэнга всё ещё стискивал мою руку. Ручонки у него коротенькие, но ки́сти здоровенные и очень сильные.

Минуты через две я развязал шнурок и спросил, нужен ли он ему, а он с жаром ответил, что да. Я отдал ему шнурок, и тут произошла метаморфоза, какие часто случаются в снах. Распрямившись, он оказался,[328] как минимум,[329] одного роста со мной. Удерживая мою руку, он быстро и аккуратно куснул её зубами и слизнул кровь, после чего, казалось, подрос ещё немного. Его точно расколдовали. Лицо у него стало умное и почти красивое.

Затем он укусил себе руку точно так же, как и мою. Протянул руку мне, и я слизнул его кровь так, как он лизал мою. Я почему-то ожидал, что на вкус она будет ужасна, но нет: всё равно, что хлебнуть морской воды́, когда купаешься.

— Теперь моя и твоя друзья по кро́ви, Бад, — сказал Хэнга. — Моя твоя не обижай, и твоя моя не должен обижай.

На этом сон кончился. Следующее, что я помню, — как, лёжа в кровати, ощутил какой-то сладкий за́пах. Что-то щекотало мне ухо. Я подумал, что москитная сетка оборвалась, и поднял голову поглядеть — оказалось, рядом со мной лежит женщина с цветком в волосах. Я обернулся к ней; она, видя, что я проснулся, обняла и поцеловала меня.

Это Лангитокоуа, женщина, за которой, по словам Роба, посылал король, но я зову её Ланги. Говорит, будто не знает, сколько ей лет. Врёт. Я уверен, что из-за своего сложения (шесть футов[330] роста, а весит никак не меньше двухсот пятидесяти фунтов[331]) она выглядит старше своих лет. Ей где-то двадцать пять. Или семнадцать. Спросил её о призраках — она спокойно сказала, что один в доме есть, но не опасный.

328 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
329 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
330 См. 240. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
331 В метрической системе 250 фунтов — это более 113 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Во делá.

Затем, что вполне естественно, я её спросил, почему король попросил её пожить у меня; а она пресерьёзно объяснила, что мужчине нехорошо жить одному, что мужчине нужен кто-то, кто бы готовил, подметал и заботился о нём, когда он болеет. То был мой шанс, и я воспользовался им. Я растолковал ей, что вскоре жду из Америки женщину, что американские женщины ревнивы и что мне придётся сказать американской женщине, что Ланги — моя сиделка. Ланги ничуть не упиралась.

✷ ✷ ✷

Что ещё?

Приход Хэнги мне лишь приснился — я это знаю; но похоже, что я ходил во сне. (Может быть, в бреду вскочил и стал бродить по бунгало?) Талисман лежит там, где я его оставил — на бюро; но *шнурок исчез*. Я нашёл его под кроватью и попытался опять продеть в рыбий глаз, но ничего не вышло.

✷ ✷ ✷

Мейл от Эннис:

«*Адские псы сорвались с цепи́. Ради всего святого, будьте осторожны. Благие влияния интенсифицируются, так что не теряйте надежды*». По мне, полная шиза.

✷ ✷ ✷

Мейл от Папаши:

«*Как ты там? Что-то от тебя ничего не слышно. Ты нашёл жильё для Мэри и детей? Они выехали*».

✷ ✷ ✷

Какие *дети*? На что намекает этот старый пуританин? Послал Папаше длинный мейл, сообщив, что сильно болел, но теперь поправляюсь, и что Мэри может выбрать себе жильё из нескольких вариантов, включая это бунгало, пусть решает сама, я ни на чём настаивать не буду. На Папашу я не обижаюсь — он понятия не имеет, где и как я живу. Возможно, он вообразил, будто я снимаю комнату с узкой девичьей кроватью в Кололаи. Надо послать ещё одно письмо — спросить, когда она вылетает из Кернса; вряд ли он знает, но попытка не пытка.

✷ ✷ ✷

Скоро полночь, Ланги спит. Мы сидели на пляже, любуясь закатом, пили ром с кока-колой, а когда кола кончилась — ром с кокосовым молоком, смотрели на звёзды, разговаривали и занимались любовью. Потóм ещё немного поговорили, ещё немного выпили и опять позанимались любовью.

Ага. *Это* я записáл. Теперь надо придумать, где бы это дело *спрятать*, чтобы Мэри не попалось на глазá. Уничтожать дневник я не буду и врать тоже. (Врать самомý себе — последнее дело. Уж я-то знаю.) Ещё кое-что из категории «*Ах, неужели то был только сон?*» — по-моему, не сон. Я лежал на песке, глядя в звёздное небо. Ланги посапывала рядом. Я увидел НЛО. Он прошёл между мной и звёздами — обтекаемый, тёмный, в форме торпеды, но с огромным плавником сзади, точно ракета из старого комикса. Сделал над нами два-три крýга и исчез. По спине пробежали мурашки.

Это навело меня на кое-какие мысли. Звёзды — всё равно что эти островá, только в миллион миллиардов раз крупнее. Никто на свете точно не[332] знает, сколько здесь островов, и даже в наши дни найдётся несколько, куда никогда не ступала нога человека. По ночам островá смотрят на звёзды, а звёзды — на них, и звёзды с островами говорят друг другу:

«*Они приближаются!*»

Имя Ланги значит «*небесная сестра*», значит, не мне одному такие идеи приходили в голову.

332 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Нашёл храм! До сих пор самому́ не верится. Роб разыскивал его пять лет, а мне хватило шести недель. Господи, как мне хочется поделиться с ним новостью!

Но этого я сделать не могу. Я дал Ланги слово, так что вопрос исчерпан.

Мы пошли купаться в бухточку. Я нырнул, стал показывать ей кораллы и прочие штуки, которые она наверняка видела с того во́зраста, как научилась ходить, а она показала мне храм. Крыша обвалилась — если вообще была, сте́ны обросли кораллами и морскими животными, похожими на цветы; если знающий человек не ткнёт пальцем, сам ни за что не догадаешься, что перед тобой здание. Но сто́ит приглядеться — и вот оно: длинные отвесные сте́ны, главный вход, какие-то каморки с боков — всё как надо. Словно руины собора, украшенные цветочными гирляндами и праздничными флажками (я знаю, что сравнение неточно, но другой, более близкой ассоциации не сумел придумать). Храм выстроили на суше, затем вода поднялась; но он уцелел. Он выглядит не заброшенным — а *скрытым*. Слишком древний он и слишком большой, чтобы попадаться на глаза́ кому попало.

✷ ✷ ✷

Никогда этого не забуду. Обычные камни и кораллы буквально у меня на глазах сложились в сте́ны и алтарь, из которого, точно огромное дерево, растёт коралловый куст пятидесятифутовой[333] вышины. Затем из те́ни кораллового дерева выплыла гигантская беловато-серая акула с человеческими глазами. Она хотела посмотреть на нас. Это пострашнее всех львов и леопардов. Господи, как же я сдрейфил!

Когда мы вынырнули и вылезли на ска́лы, Ланги пояснила, что акула не хотела нам зла — иначе мы оба были бы уже́ мертвы (железный аргумент). Мы стали собирать цветы, затем она сплела несколько венков, покидала их в воду и спела какую-то песню. Она сказала: «*Твоя может знать об этом, ведь мы есть мы; но никогда не говори другим „мули“.*»[334] Я вполне искренне поклялся хранить тайну.

333 В метрической системе 50 футов — это чуть более 15,2 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
334 В оригинале после точки без закрывающей пары кавычек («ёлочкой»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Она ушла в деревню за продуктами. Я спросил у неё, кому они поклонялись в подводном храме — богу Роба (специально подбирал выражение, которое было бы ей понятно)? Она со смехом ответила: „*Нет, мы поклонялись богу-акуле, чтобы акулы нас не ели*“. Теперь сижу и размышляю над её словами.

Полагаю, с гор, где они жили две тысячи лет назад, они должны были привезти других богов. Обосновавшись здесь, они построили этот храм — в честь своих старых богов. Позднее, спустя несколько сотен лет или типа того, уровень воды́ в море поднялся, и храм затопило. Старые боги ушли, но прежде приставили к своему дому стражей — акул. Когда-нибудь море снова отхлынет. Антарктика снова покроется толстым и прочным ледяным покровом, Тихий океан обмелеет, и старые кровожадные боги гор вернутся. Вот так мне кажется, и если я прав, то мне радостно, что всё это случится уже́ не при мне.

В Робова бога я не верю, следовательно, логика требует, чтобы я не верил и в этих богов. Но я *в них верю*. Наступила новая эра, вот только мы всё ещё играем по старым правилам. Они придут и научат нас новым — чего я, собственно, и боюсь.

✷ ✷ ✷

Валентинов день. Мэри ушла в мир иной. Так выразила бы эту мысль моя мама. Так должен выразиться и я. Эти слова́ я и пишу печатными буквами. Не могу заставить свои пальцы написа́ть что-то ещё. Пока не в силах.

Сможет ли хоть кто-нибудь разобрать мой почерк? Ланги и я преподнесли ей венок из орхидей. И тогда венок был на ней. Как быстро это случилось. Какое безумие. Столько кро́ви. Мэри и дети истошно кричали. Так[335] надо либо начать с са́мого начала, либо вообще бросить это дело.

Была устроена охота на кабанов. Я не пошёл, помня, как худо мне было после шатаний по джунглям с Робом, но после охоты мы с Ланги посетили пир и угостились жареным мясом. Охота на кабанов — любимое времяпровождение мужчин; Ланги говорит, что больше охоты они любят лишь танцы. Собак они не держат, луками и стрелами тоже не пользуются. Охота

335 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

состоит в том, чтобы выследить зверя. Обнаружив кабана, они убивают его копьями — опасное, должно быть, дело. Я разговорился с королём об охоте, и он объяснил, что они загоняют нужного им кабана в место, откуда он не может убежать. Тогда зверь разворачивается, бросает им вызов и может даже атаковать их; но если он не атакует, четверо или пятеро мужчин одновременно кидают в него копья. Король заявил, что именно его копьё пронзило сердце этого кабана.

В общем, пир был роскошный.[336] Ананасы, местное самопальное пиво, мой ром и целые го́ры свинины. Уже́ почти рассветало, когда мы вернулись сюда,[337] оказалось, что Мэри с Марком и Адамом уже́ спят.

И слава Богу, поскольку это дало нам шанс искупаться и вообще привести себя в порядок. К их пробуждению Ланги приготовила поднос с фруктами для завтрака и сплела венки из орхидей, которые нарвал я. Также я сварил кофе. По моему опыту, утром маленькие мальчики жутко ноют (может быть, из-за того, что мы не разрешаем им пить кофе?), но Адам и Марк были страшно поражены присутствием смуглой великанши и живого скелета, поэтому разговор получился. Они двойняшки и, кажется, вправду мои дети; по крайней мере,[338] оба — вылитый я в их возрасте. Ветер начал крепчать, но мы не обратили на это внимания.

— Ты очень удивился, когда меня увидел? —[339] Мэри выглядела несколько старше, чем женщина, чей образ запечатлелся в моей памяти. У неё начал оформляться двойной подбородок.

— Я ужасно рад. Но Папаша меня уже́ предупредил, что ты ездила в Уганду, а пото́м отправилась сюда.

— На край света. — Тут она улыбнулась, и у меня сердце так и запрыгало в груди́. — Никогда не думала, что на краю́ света так красиво.

Я заметил, что когда наши дети вырастут, всё побережье застроят многоэтажными домами.

— Тогда давай порадуемся, что нам выпало жить именно сейчас. — Мэри обернулась к мальчикам. — Пока мы здесь, давайте постараемся всё увидеть и всё перепробовать. Другого такого шанса у вас не будет.

Я произнёс:

— Надеюсь, вы проживёте здесь очень долго.

— Ты хочешь сказать, что ты и? …

— Лангитокоуа. — Я помотал головой (вот он, решающий момент, а всё моё отрепетированное враньё как корова языком слизала). — Мэри, был ли я хоть раз с тобой честен?

336 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
337 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
338 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
339 В оригинале после вопросительного знака без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Безусловно. Частенько.

— Я не был честен, и ты это знаешь. И я знаю. Я не имею пра́ва надеяться, что ты мне поверишь. Но я скажу тебе и себе правду, как на духу́. Сейчас у меня ремиссия. Мы с Ланги вчера смогли сходить на праздник, поесть, пообщаться с людьми, развлечься. Но когда мне худо, это кошмар. Я ничего не могу — только дрожу, вою и потею, — а ещё я вижу то, чего нет. Я…

Мэри прервала меня, пытаясь утешить.

— Ты не так уж плохо выглядишь. Я ожидала худшего.

— Я знаю, *как* я выгляжу. Каждое утро вижу в зеркале, когда бреюсь. Вылитая смерть, которую разогрели в микроволновке, — и это не красивое сравнение, а почти что научная истина. В этом году́ болезнь должна меня доконать. Если я и выживу, приступы всё равно будут донимать меня до конца жизни — которая вряд ли продлится долго.

Воцарилась тишина. Чтобы нарушить молчание, Ланги поспешила спросить, не хотят ли мальчики кокосового молока. Они сказали, что хотят, и, достав мой хелетей, она показала им, как вскрывать зелёные орехи одним ударом. Мы с Мэри тоже решили посмотреть и отвлеклись от нашего разговора — тут-то я и услышал *прибой*. Шум разбивающихся о берег волн ещё ни разу не достигал моего бунгало — всё-таки до мо́ря далековато.

— Я взяла напрокат „рейнджровер“. В аэропорту́, — сказала Мэри тоном, который в её случае обычно означал *„я вынуждена говорить о том, о чём предпочла бы умолчать“*.

— Знаю. Видел.

— Пятьдесят долларов в день, Бад, плюс пробег. Я не смогу долго за него платить.

— Понимаю, — сказал я.

— Мы пытались позвонить. Я надеялась, что ты достаточно здоров и можешь нас встретить или кого-нибудь послать.

Я сказал, что одолжил бы у Роба его джип, если бы она мне дозвонилась.

— Я и не знала, где тебя искать, но мы встретили туземца, очень красивого мужчину, и он сказал, что знако́м с тобой. Он проводил нас, чтобы показать дорогу. — В этот миг по лицам мальчиков я понял, что с туземцем всё не слава Богу. — От денег он отказался. Может быть, я зря предложила ему плату? Но он вроде бы не обиделся.

— Нет, всё нормально, — сказал я.

Я был готов отдать весь свет, лишь бы отвести мальчиков в сторонку и поговорить с ними начистоту. Но изменило бы это хоть что-нибудь? Читая это, вновь переживая то, что случилось, я понимаю, что на письме теряется

одна деталь — тот факт, что всё произошло очень быстро. Между пробуждением Мэри и тем мигом, когда Ланги побежала в деревню за Робом, не прошло и ча́са.

Мэри лежала вся белая, белее песка. Исхудалая и белая-белая, очень похожая на меня.

— Он думал, что ты на берегу́, и хотел поискать тебя там, но мы слишком устали, — продолжала Мэри.

Пока всё. Честно сказать, я выбился из сил. Слова́, которые я пишу сейчас левой рукой, расплываются у меня перед глазами, а культя, которой я придерживаю ежедневник, ноет. Сейчас я лягу и буду плакать — это я знаю точно, и Ланги будет укачивать меня, как ребёнка.

Завтра продолжу.

✷ ✷ ✷

17.02. Из больницы прислали самолёт за Марком, но для нас мест в салоне на нашлось. Моей болезнью доктор заинтересовался куда больше, чем моей культёй. „*Доктор Роббинс отлично её обработал*“, — сказал он. В понедельник мы сядем на самолёт, который летит в Керне.

Надо дописа́ть историю. Но во-первых и в главных завтра я *украду* Робов джип. Так он мне его не даст, считает, что я *не могу* водить машину. Я-то знаю, что *могу*, хотя и медленно.

✷ ✷ ✷

19.02. Стои́м на взлётной полосе. Один двигатель барахлит. Хватит ли у меня теперь ду́ху написа́ть обо всём? Посмотрим.

Мэри рассказывала нам о своём проводнике, какой он красивый и сколько рассказал об островах, вещи, которых я сам не знал. И словно удивившись, что не заметила его раньше, указала и произнесла:

— Да вот же он.

Вокруг никого не было. Точнее, никого, кто был бы виден Ланги, мне или мальчикам. Когда всё кончилось, когда Роб осматривал Марка и Мэри, я поговорил с Адамом (с *моим сыном* Адамом, надо привыкать звать его *так*). Мне было велено[340] стягивать бинт — крепко-крепко, изо всех сил. А рука у меня ослабла.

Адам сказал, что Мэри остановила машину, дверца раскрылась, и Мэри попросила его пересесть назад к Марку. ДВЕРЦА РАСКРЫЛАСЬ САМА СОБОЙ. Этот момент он помнит яснее всего, и я тоже до конца дней своих буду помнить. И пото́м всю дорогу Мэри разговаривала с кем-то, кого они с братом не видели и не слышали.

Мэри закричала, и всего на секунду возникла акула. Она была больша́я, как пиро́га, а ветер, сильный, как океанское течение, сдул нас в воду. Призна́юсь честно: ума не приложу, как всё это можно было бы объяснить.

✷ ✷ ✷

Самолёт пока не взлетел. Всё-таки попытаюсь. Легко сказать, чего не произошло в тот миг. И безумно трудно — описа́ть, что именно произошло. Слов нет. Акула не плавала в воздухе. Я знаю, как это звучит, но она (он!) не плавала. Мы не находились под водой. Отнюдь. Мы могли дышать, ходить и бегать точно так же, как он мог плыть, хотя и не так быстро, как он. Могли даже бороться с течением.

Хуже всего было то, что он то появлялся, то исчезал, исчезал и появлялся, и уже́ казалось, будто мы бежим от него или сражаемся с ним при вспышках молний, иногда он был Хэнгой — высоким, выше короля — и улыбался мне, а сам гнал нас, как стадо.

Нет. Самое гадкое — в стадо, которое он гнал, входили *все, кроме меня*. Он заставлял их — Мэри, Ланги, Адама и Марка — двигаться в сторону бе́рега, как собака гонит овец, а мне он позволил бы убежать (Иногда я гадаю, почему не убежал. То был новый я, таким я себя вряд ли ещё увижу.) Его челюсти были вполне реальными — иногда я слышал их щёлканье, не видя его самого́. Я закричал, звал его по имени. Наверное, я кричал, что он нарушил наш договор, что причинять зло моим жёнам и сыновьям — всё равно что мне. Следует воздать этому дьяволу должное — по-моему, он просто *не понял*. Король сказал мне сегодня, что *старые боги очень мудры, но и их разуму не всё подвластно*.

340 В оригинале опечатка «ведено». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я схватил нож, хелетей, которым Ланги вскрывала кокосы. Думая о кабанах, я — Господь тому свидетель — пошёл на них в атаку. Вероятно, мне было ужасно страшно. Точно не помню — припоминаю лишь, как полосовал ножом что-то или кого-то огромного, который то появлялся, то исчезал, а через миг возвращался вновь. Поднятый ветром песок впивался в кожу. Я оказался по горло в пенистой воде. Резал и рубил. Акула-молот с моим ножом и моя рука в её пасти.

Мы всех их вытащили — мы с Ланги. Но Марк остался без ноги́, а Мэри перекусили челюсти трёхфутовой[341] ширины. То был сам Хэнга, я уверен.

✷ ✷ ✷

Вот моя версия. Думаю, он мог показываться лишь одному из нас кряду, потому-то и мерцал, то возникая, то исчезая. Он реальное существо (чертовски реальное!!!). Не совсем материальное в том смысле, в каком материален камень, но всё равно материальное в непостижимом для меня плане. Материальное, как свет и радиация — и всё же не совсем, как они. Он показывал себя каждому из нас, и всякий раз менее чем на секунду.

✷ ✷ ✷

Мэри хотела иметь детей и поэтому, ничего мне не говоря, перестала принимать таблетки. Она сказала мне об этом по дороге к Северному мысу, в Робовом джипе (я был за рулём). Я боялся. В основном не Хэнги (хотя и его тоже) — но того, что Мэри на дороге не окажется. И тут кто-то произнёс: „*Банзай!*“ Это слово прозвучало словно бы из уст человека, сидящего рядом со мной в джипе, — вот только в машине никого, кроме меня, не было. В ответ я тоже сказал: „*Банзай*“. Он больше не отозвался, но после этого я понял, что найду её, и стал дожидаться на краю́ обрыва.

Она вернулась ко мне, когда солнце спустилось к во́лнам Тихого, и чем больше темнело и ярче разгорались звёзды, тем реальнее она становилась. Бо́льшую часть времени я по-настоящему ощущал её в своих объятиях. Когда звёзды поблекли, а на востоке забрезжил рассвет, она прошептала: „*Мне пора*“, — и шагнула с обрыва, и пошла на север, медленно тускнея. Солнце освещало её справа.

341 См. 97. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я оделся и вернулся назад в деревню, на том дело и кончилось. Итак, я записáл последние словá, которые сказала мне Мэри через два дня после своей смерти.

Она вовсе не собиралась возвращаться ко мне; но потóм услышала, как тяжело я заболел в Уганде, и предположила, что болезнь меня изменила. (Да, *изменила*. Что толку заботиться о людях „*на краю́ света*“, если ты не можешь быть добр к своим собственным соотечественникам, и прежде всего к собственной семье?).

✷ ✷ ✷

Взлетаем.

Наконец-то мы в воздухе. О, Мэри! Мэри, звезда моя.

✷ ✷ ✷

Мы с Ланги отвезём Адама к его деду, потóм вернёмся, чтобы быть с Марком (в Брисбене[342] или Мельбурне), а когда он оправится, возьмём его домой.

Стюардесса разносит ленч, и впервые с того момента, когда всё это стряслось, я чувствую лёгкое желание подкрепиться. Одна стюардесса, двадцать — тридцать пассажиров: самолёт заполнен до отказа.[343] Когда разнеслась весть о нападении акул, туристы валом повалили с óстрова.

342 В оригинале варварская транскрипция «Брисбейне», хотя несомненно подразумевается Brisbane, т. е. Брисбен — восточноавстралийский порт на одноимённой реке, близ впадения её в тихоокеанский залив Мортон (Moreton Bay), доступный для морских судов, административный центр штата Квинсленд (Queensland); в 2008 г. 1 945 639 жителей. Железнодорожный узел, крупный индустриальный центр; военная, машиностроительная (судоверфь, железнодорожное оборудование, etc), химическая, нефтеперерабатывающая, кожевенно-обувная, текстильная, пищевая (мясохладобойни и мясо-овоще-фрукто-консервная, сахарная, табачная) промышленность. Университет (с 1909 г.). Брисбен открыт в 1824 г. как уголовная колония, ставшая обширной сельскохозяйственной прибрежной зоной, назван в честь сэра Томаса Брисбена (Sir Thomas Brisbane, 1773-1860 гг.), губернатора штата Новый Южный Уэльс (New South Wales) в 1821-25 гг.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

343 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Как видите, я могу выводить печатные буквы левой рукой.[344] Когда-нибудь научусь писáть по-человечески. Правая ладонь чешется, хотя её больше нет. Жаль, что нельзя её поскрести.

А вот и еда.

✷ ✷ ✷

Один из двигателей перестал работать. Пилот уверяет, что это не опасно.

✷ ✷ ✷

Он там, снаружи, плывёт бок о бок с самолётом. Минуту или больше я наблюдал за ним, пока он не исчез в грозовой туче. „*Моя шляпа — дерево*“. О Господи.

Господи ты, Боже мой!

Мой брат по крóви.

Что делать?

© Джин Родман Вулф

344 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Френсис Пол Уилсон «Страстная пятница»

— А Святой Отец говорит, что *вампиров не существует*, — сказала сестра Бернадетта Джайлин.

Сестра Кэрол Хэнарти подняла глаза́ от стопки контрольных по химии у себя на коленях — контрольных, которые, быть может, уже́ никогда не вернутся к её второкурсникам, — и посмотрела, как Бернадетта ведёт по[345] городу старый «Датцун», работая рычагом передач как заправский дальнобойщик. Её милая подруга и коллега — сестра милосердия — была худа, даже до болезненности, у неё были больши́е синие глаза́ и короткие рыжие волосы, выбивающиеся по краям из-под плата. Она всматривалась в ветровое стекло, и свет заходящего солнца румянил чистую гладкую кожу круглого лица́.

— Если Его Святейшество *так* говорит, мы *обязаны верить*, — ответила сестра Кэрол. — Но мы очень давно ничего от него не слышали. Я надеюсь…

Бернадетта повернулась к ней с расширенными в тревоге глазами.

— О, ты же не думаешь, что что-нибудь могло случиться с Его Святейшеством, правда, Кэрол? — сказала она, и в её голосе чуть пробивался неистребимый ирландский акцент. — Они бы не посмели!

Кэрол сразу не нашлась, *что* сказать, и потому отвернулась к боковому стеклу, глядя на пролетавшие группы деревьев. Тротуары маленького городка Джерси-Шор были пустынны, и на дороге тоже почти не было машин. Им с Бернадеттой пришлось объехать три бакалейные лавки, пока они нашли такую, в которой ещё было чем торговать. Кто припрятывал продовольствие, кому прекратились поставки, и найти еду было всё труднее.

Это ощущали все. Как говорит поговорка? Что-то насчёт *чутья беды́*… неважно.

Она потёрла замёрзшие ру́ки и подумала о Бернадетте. Моложе её само́й на пять лет — ей всего двадцать шесть — и с таким ясным разумом, умеющая так чётко о многом думать. Но вера у неё почти детская.

Она появилась в монастыре св. Антония всего два го́да назад, и между ними сразу установилась душевная связь. Очень много у них было общего. Не только ирландские корни, но и определённое одиночество. Родители Кэрол умерли много лет назад, а родители Бернадетты остались на старой родине. И

345 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

они стали сёстрами не только в том смысле, что принадлежали сестричеству одного о́рдена. Кэрол была старшей сестрой, Бернадетта младшей. Они вместе молились, вместе смеялись, вместе гуляли. Кэрол надеялась, что обогатила жизнь Бернадетты хотя бы вполовину так, как та обогатила её жизнь.

Бернадетта была так невинна! Она, кажется, считала, что раз Папа непогрешим в вопросах веры или морали, он должен быть вообще безошибочен.

Она Бернадетте об этом не говорила, но решила не верить Папе в вопросе о нежити. В конце концов, её существование — не вопрос веры или морали. Либо она существует, либо нет. А все новости из Восточной Европы в эту осень оставляли мало сомнении, что *вампиры вполне реальны.*

И что *они наступают.*

Каким-то образом они сумели организоваться. Они не только существовали, но их в Восточной Европе оказалось больше, чем мог подозревать самый суеверный крестьянин. Когда же рухнул коммунистический блок, когда все бывшие сателлиты и сама Россия лежали в хаосе, хапая территории и творя убийства во имя нации, расы и религии, вампиры воспользовались вакуумом власти и нанесли удар.

Нанесли удар по всем направлениям, и не успел остальной мир отреагировать, как вся Восточная Европа оказалось в их власти.

Если бы они просто убивали, с этим ещё можно было бы справиться. Но поскольку *каждое убийство было обращением*, их численность росла в геометрической прогрессии. Что такое геометрическая прогрессия, сестра Кэрол понимала лучше других. Разве она не демонстрировала это многие годы подряд на занятиях по химии, бросая кристалл в пересыщенный раствор? Один кристалл превращался в два, два в четыре, в восемь, в шестнадцать и так далее. Видно было, как формируется кристаллическая решётка, сначала медленно, пото́м она растягивается нитями через весь раствор всё быстрее и быстрее, и жидкость в пробирке превращается в твёрдую массу кристаллов.

Вот так это и было в Восточной Европе, а пото́м пошло́ на Россию и на Западную Европу.

Вампиры стали неудержимы.

Вся Европа много месяцев молчала. По крайней мере,[346] официально. Но пара старшеклассников из школы при монастыре св. Антония, у которых были коротковолновые приёмники, сообщили Кэрол о странных передачах, где говорилось о неимоверных ужасах по всей Европе под правлением вампиров.

346 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но Папа объявил, что *вампиров не бывает*. Так он сказал, но вскоре после этого и он, и Ватикан замолчали вместе со всей Европой.[347] Вашингтон отверг существование непосредственной угрозы, заявив, что Атлантический океан представляет собой естественный барьер для нежити. Европа под карантином, Америка в безопасности.

Пото́м пошли сообщения, вначале спорные и по-прежнему опровергаемые официально, о вампирах в Нью-Йорке. На прошлой неделе все радиостанции и телепередатчики Нью-Йорка прекратили вещание. И вот теперь…

— Ты же не веришь, что вампиры идут в Нью-Джерси, правда? — спросила Бернадетта. — То есть если бы они существовали…

— Ну, ведь в это трудно поверить? — ответила Кэрол, пряча улыбку. —[348] Потому что в Нью-Джерси вообще никто по доброй воле не сунется.

— О, Кэрол, не надо шутить! Это серьёзно.

Бернадетта была права́. Это и в са́мом деле серьёзно.

— Ну, если серьёзно, то это совпадает с тем, *что* мои школьники слышали из Европы.

— Но Боже милостивый, сейчас же Страстная неделя! Страстная пятница! *Как они смеют*?

— Если подумать, это *лучшее время*. Не будет ни одной мессы до Первой Пасхальной в воскресенье утром. Разве есть другой день в году́, когда *не служится ежедневная месса*?

— Нет, — покачала головой Бернадетта.

— Вот именно.

Кэрол посмотрела на свои похолодевшие пальцы и почувствовала, как холодок ползёт вверх по рукам.

Машина вдруг дёрнулась и остановилась, и послышался крик Бернадетты.

— Боже милосердный, они уже́ здесь!

С полдюжины фигур в чёрных мантиях столпились впереди на перекрёстке, глядя в их сторону.

347 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
348 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Надо отсюда убираться! — сказала взволнованно Бернадетта и дала газ.[349] Старый мотор кашлянул и заглох.[350] — О нет! — взвыла Бернадетта, лихорадочно вертя ключом и давя на газ, а тёмные фигуры скользили к машине. — Нет!

— Тише, милая, — сказала Кэрол, кладя ей руку на плечо. — Ничего страшного. Это всего лишь дети.[351]

«*Дети*» — это было не совсем точно. Два существа мужского пола и четыре женского, во́зраста около двадцати лет, но за густо накрашенными глазами угадывался тяжёлый опыт взрослой жизни всех видов. Ухмыляясь и вопя, они собрались вокруг машины, четверо со стороны́ Бернадетты и двое со стороны́ Кэрол. Землистые ли́ца были бледны от сло́я белой пудры, насурьмлённых век и чёрной губной помады. Чёрные ногти, ко́льца в ушах, бровях и ноздрях, хромированные штыри, пронзающие гу́бы и щёки. Волосы всех цветов спектра, от мертвенно-белого[352] до угольно-чёрного. У мальчиков безволосая голая грудь под кожаными куртками, у девушек грудь почти голая в чёрных открытых бюстгальтерах. Ботинки из блестящей кожи или винила, сетчатые чулки, слой на слое кружева́, и всё чёрное, чёрное, чёрное.

— Эй, глянь! — сказал один из ребят. На шее у него был кожаный ошейник с металлическими остриями, угри под белым гримом лица́. — Монашки!

— Пингвины! — добавил кто-то ещё.

Это показалось им очень остроумным, и все шестеро зашлись в хохоте.

«**Мы не пингвины**», — подумала Кэрол. Она уже́ много лет не носила полного облачения — только наголовный плат.

— Блин, и удивятся же они завтра утром! — сказала грудастая деви́ца в шёлковой остроконечной шляпе.

Ещё взрыв смеха у всех — кроме одной. Высокая худощавая девушка с тремя вытатуированными на щеке больши́ми чёрными слезами и белыми корнями крашеных в чёрное воло́с отодвинулась, будто ей было не по себе. Кэрол всмотрелась. Что-то *знакомое*…

Она опустила стекло.

— Мэри Маргарет? Мэри Маргарет Фланаган, это ты?[353]

Ещё хохот.

---

349 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа вовсе не завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

350 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

351 В оригинале без точки в конце предложения и к тому же абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

352 В оригинале «мертвенно белого» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

353 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мэри Маргарет? — крикнул кто-то. — Это же *Викки*![354]

Девушка шагнула вперёд и глянула Кэрол в глаза́.

— Да, сестра. Так меня звали когда-то. Но я больше не Мэри Маргарет.

— Вижу.

Она помнила Мэри Маргарет. Милая девушка, исключительно способная, но очень тихая. Прожорливая читательница, ей всегда было не по себе с другими детьми. В первый год её оценки резко упали, а на следующий она не вернулась. Когда Кэрол позвонила её родителям, ей сказали, что Мэри Маргарет осталась до́ма. Она не была в состоянии ничего больше выучить.

— Ты сильно изменилась за то время, что я тебя не видела. Сколько,[355] три го́да?

— Это ты говоришь о переменах? — сунулась в окно девушка в остроконечной шляпе. — Подожди до но́чи. Вот тогда ты увидишь, *как* она переменится!

Она расхохоталась, показав хромированный шип в языке.

— Отвали, Кармилла! — сказала Мэри Маргарет.[356]

Кармилла не реагировала.

— Они сегодня придут, сама знаешь. Владыки Но́чи будут здесь после заката, и это будет смерть твоего мира и рождение нашего. Мы отдадим им себя, мы подставим им горло, чтобы они выпили нас, и мы станем ими. И будем вместе с ними править ночью!

Это было похоже на отрепетированную речь, которую она наверняка не раз повторяла своей облачённой в чёрное труппе.

Кэрол глядела на Мэри Маргарет поверх головы́ Кармиллы.

— И это то, во что ты веришь? Чего ты действительно хочешь?

Девушка пожала высокими худыми плечами.

— Получше всего, что мне светило бы.

Старый «Датцун» наконец ожил, трясясь. Кэрол услышала, как Бернадетта включает передачу. Коснувшись её руки́, Кэрол попросила:

— Погоди. Пожалуйста, одну минутку.

---

354 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

355 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

356 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она хотела ещё что-то сказать Мэри Маргарет, но тут Кармилла ткнула пальцем почти ей в лицо и заорала:

— И тогда вы, суки, и тот занюханный бог, под которого вы, бляди, стелетесь, исчезнете на хрен!

С неожиданной силой Мэри Маргарет отдёрнула Кармиллу от окна́.

— Езжайте лучше, сестра Кэрол, — сказала Мэри Маргарет.

Машина поехала.

— Какого ты хрена, Викки? — услышала Кэрол крик Кармиллы, когда машина отъезжала от тёмной группы. — В религию ударилась? Тебя, может, надо называть «*сестра Мэри Маргарет*»?

— Она одна из немногих, кто был со мной честен, — ответила Мэри Маргарет. — Так что отвали, Кармилла, на хрен.

Они остались позади, и разговор стал не слышен.

✷ ✷ ✷

— Что за ужасные создания! — сказала Бернадетта, выглядывая из окна́ комнаты Кэрол. Она всё никак не могла забыть происшествие. — Почти моего во́зраста и такие ужасные выражения!

Комната Кэрол в монастыре была оштукатуренной коро́бкой десять на десять футов[357] с потрескавшимися стенами и отстающей на потолке краской. Здесь было одно окно, распятие, комод и зеркало, рабочий стол и табурет, кровать и ночной столик. Не много, но Кэрол рада была называть её своим домом. Обет бедности она принимала всерьёз.

— Наверное, мы должны за них помолиться.

— По-моему, им нужно больше, чем молитва. Поверь мне, они плохо кончат. — Бернадетта сняла висевшие у неё на шее слишком больши́е чётки с распятием и собрала их в руку. — Быть может, мы могли предложить им кресты для защиты?

Кэрол не смогла подавить улыбку.

— Очень гуманная идея, Берн, но не думаю, что они ищут зашиты.

— Да, конечно. — Бернадетта тоже улыбнулась, но скорбно. — Нет, не ищут.

357 См. 320. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Но мы будем за них молиться, — сказала Кэрол.

Бернадетта села на стул, просидела не больше секунды, встала снова, заходила по тесной комнате. Казалось, она не может сидеть спокойно. Она вышла в холл и почти тут же вернулась, потирая ру́ки, будто умывая их.

— Всё так тихо, — сказала она. — Так пусто.

— Очень на это надеюсь, — ответила Кэрол. — Сейчас только нам двоим полагается быть здесь.

Маленький монастырь был наполовину пуст даже когда все его насельницы были на месте. А теперь на следующую неделю школа св. Антония закрылась на каникулы, почти все монахини отправились по домам провести пасхальную неделю с братьями, сёстрами, родителями. Даже до тех, кто мог бы в прошлые годы остаться вблизи монастыря, дошли слухи, что сюда движется нежить, и они разбежались на юг и на запад. Единственным среди живых родственников Кэрол был брат в Калифорнии, и он её не пригласил; и даже если бы пригласил, она не могла бы себе позволить слетать туда и обратно в Джерси просто на Пасху. Бернадетта несколько месяцев уже́ не имела известий от семьи́ из Ирландии.

Так что они вдвоём и были оставлены *удерживать форт.*

Кэрол не боялась. Она знала, что в монастыре св. Антония опасность им не грозит. Монастырь входил в комплекс, состоящий из само́й церкви, до́ма священника, зданий младшей и старшей школы и приземистого старого двухэтажного жилого здания, где сейчас был монастырь. Им с Бернадеттой достались комнаты на втором этаже, а на первом жили монахини постарше.

Всерьёз не боялась, хотя ей бы хотелось, чтобы в комплексе остался ещё кто-нибудь, кроме неё, Бернадетты и отца Палмери.

— Не понимаю я отца Палмери, — сказала Бернадетта. — Запереться в церкви и не дать прихожанам приложиться к кресту в Страстную пятницу. Где это слыхано, спрашиваю я? Просто не понимаю.

Кэрол думала, что *понимает.* Она подозревала, что отец Альберто Палмери *боится.* Этим утром он запер свой дом, забаррикадировал дверь и спрятался в подвале церкви.

Прости её Господь, но, по мнению сестры Кэрол, отец Палмери был просто *трус.*

— Как мне хотелось бы, чтобы он отпер церковь, хотя бы ненадолго. Мне необходимо *там* побыть, Кэрол. Просто нужно.

Кэрол знала, *что* чувствует Берн. Кто это сказал, что *религия — опиум для народа? Маркс?* Кто бы он ни был, он не был совсем уж не прав. Для Кэрол сидение в прохладе и покое под готическими сводами церкви св. Антония,

молитва, сосредоточение и ощущение присутствия Го́спода было как ежедневная доза привычного наркотика. Доза, которой они с Берн сегодня были лишены. Му́ки абстиненции у Берн были сильнее, чем у Кэрол.

Младшая монахиня остановилась, проходя возле окна́, и показала вниз на улицу.

— А *это* кто ещё может быть, во имя Го́спода?

Кэрол встала и шагнула к окну. По улице ехала кавалькада блестящих новых автомобилей дорогих марок — «мерседес-бенц», «БМВ», «ягуары», «линкольны», «кадиллаки» — все с номерами штата Нью-Йорк, все выезжали со стороны́ парка.

Вид сверкающих в сумерках машин вызвал у Кэрол судорогу в животе. На волчьих лицах, видневшихся в окнах, застыло выражение *животной злобы*, и выруливали они свои роскошные машины… будто вся доро́га принадлежала им.

Проехал «кадиллак» с опущенным ве́рхом, и в нём четверо угрюмых мужчин. Водитель в ковбойской шляпе, двое сзади сидят поверх спинки сиденья и пьют пиво. Когда Кэрол увидела, что один из них поднял глаза́ в их сторону, она отдёрнула Берн за рукав.

— Назад! Не давай им себя увидеть!

— Почему? *Кто* они?

— Не знаю точно, но я слыхала о шайках людей, которые делают для вампиров грязную работу в дневное время. Они продали ду́ши за обещание бессмертия и… и за другие вещи.

— Кэрол, ты шутишь!

Кэрол покачала головой:

— Хотела бы я, чтобы это было шуткой.

— О Боже мой, а сейчас уже́ солнце зашло. — Она обратила к Кэрол перепуганные голубые глаза́. — Ты думаешь, нам надо…

— *Запереться*? Непременно. Я знаю, что Святой Отец говорил насчёт того, что *вампиров не бывает*, но он, быть может, переменил мнение и просто не может довести его до нас.

— Да, наверное, ты права́. Запри здесь, а я проверю внизу, в холле. —[358] Она спешно вышла, и Кэрол ещё только услышала:[359] — Как мне жаль, что отец Палмери закрылся в церкви. Мне бы так хотелось там немножко помолиться…

358 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
359 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа вовсе не завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сестра Кэрол снова выглянула в окно. Шикарные машины ужé уехали, но за ними рокотала колонна грузовиков — больши́х, восемнадцатиколёсных грузовиков, грохочущих по центральной полосе. *Зачем они здесь? Что везут? Что они доставили в город?*

Вдруг залаяла собака, пото́м ещё одна, и ещё, и ещё, будто все псы в городе решили подать голос.

Подавляя беспокойство, нараставшее внутри,[360] как морской прилив, сестра Кэрол сосредоточилась на простейшей[361] работе — закрыть и запереть окно и опустить шторы.

Но остался ужас, тошнотворная холодная уверенность, что *мир падает во тьму*, что ползучий край те́ни достиг этой точки глобуса, и если не будет чуда, прямого вмешательства гневного Бога, грядущая ночь изменит её жизнь необратимо.

И она стала молиться об этом чуде.

✷ ✷ ✷

Оставшиеся вдвоём сёстры решили сегодня не зажигать света в монастыре св. Антония.

И решили провести ночь вдвоём в комнате Кэрол.[362] Они перетащили сюда матрас Бернадетты, заперли дверь и завесили окно двойным слоем покрывал с кровати. Осветили комнату единственной свечой и стали молиться вместе.[363] Но музыка но́чи просачивалась сквозь сте́ны, две́ри и шторы; приглушённый стон сирен, поющих антифон их гимнам, тихие щелчки выстрелов, отбивавших ритм в псалмах, поднявшиеся крещендо сразу после полночи и оборвавшиеся… молчанием.

Кэрол видела, что Бернадетте особенно тяжело. Она сжималась при каждом завывании сирены, вздрагивала при каждом выстреле. Разделяя ужас Бернадетты, Кэрол всё же подавляла его, прятала поглубже ради подруги. В конце концов, Кэрол старше, и она знает, что сделана из материала покрепче. Бернадетта так невинна, так чувствительна даже по меркам вчерашнего мира, когда ещё не было вампиров. Как же ей выжить в мире, который будет после этой но́чи? Ей нужна будет помощь. И Кэрол поможет, насколько это в её силах.

360 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
361 В оригинале дивное «простей шеи» и раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
362 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
363 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но при всех ужасах, притаившихся за шумом но́чи, безмолвие было ещё хуже. Ни один людской вопль боли и ужаса не проникал в их святилище, но воображаемые крики страдающих людей отдавались в голове в невыносимом молчании.

— Боже милосердный, что же там происходит? — спросила Бернадетта, когда они прочли вслух двадцать третий псалом.

Она скорчилась на матрасе, набросив одеяло на плечи. Пламя свечи́ плясало в её перепуганных глазах и заставляло плясать высокую сгорбленную тень на стене за её спиной.

Кэрол сидела на кровати, скрестив но́ги. Она прислонилась спиной к стене и старалась не дать глазам закрыться. Изнеможение лежало свинцовым грузом на её плечах, облаком окутывало мозг, но она знала, что вопрос о сне даже не рассматривается. Не сегодня, не ночью, не до восхода солнца. А может быть, и тогда тоже нет.

— Спокойней, Берн… — начала Кэрол и остановилась. Снизу, от входной две́ри монастыря, донёсся еле слышный стук.

— Что это? — шепнула Бернадетта севшим голосом; глаза́ её расширились.

— Не знаю.

Кэрол схватила подрясник и вышла в коридор, чтобы лучше слышать.

— Не оставляй меня одну! — крикнула Бернадетта, выбегая за ней, накинув на плечи одеяло.

— Тише, — успокоила её Кэрол. — Слушай. Это у входной две́ри. Кто-то стучит. Я пойду посмотрю.

Она сбежала в вестибюль по широкой лестнице с дубовыми перилами. Здесь стук слышался громче, но всё равно сла́бо. Кэрол глянула в глазо́к, прищурилась, но никого не увидела.

Но стук продолжался, хотя и слабее.

— К-кто там? — спросила сестра Кэрол, заикаясь от страха.

— Сестра Кэрол! — донёсся слабый голос из-за две́ри. — Это я… Мэри Маргарет. Я ранена.

Кэрол инстинктивно потянулась к ручке две́ри, но Бернадетта схватила её за руку.

— Подожди! Это может быть *обман*!

А ведь она права́. Но пото́м Кэрол опустила глаза́ вниз и увидела перетекающую через порог *кровь*. Она ахнула и показала на алую лужу.

— Это не обман.

Она отперла дверь и потянула на себя. В луже кро́ви на придверном коврике лежала Мэри Маргарет.

— Господи Иисусе милосердный! — вскрикнула Кэрол. — Берн, помоги мне!

— А если она *вампир*? — спросила застывшая от страха Бернадетта. — Они не могут переступить порог, если их не *пригласить*.

— Прекрати эти глупости! Она ранена!

Доброе сердце Бернадетты возобладало над страхом. Она сбросила одеяло, открыв вылинявшую синюю ночную рубашку до щиколоток. Вместе они втащили Мэри Маргарет внутрь. Бернадетта тут же закрыла и заперла дверь.

— Звони *911*! — велела Кэрол.

Бернадетта побежала к телефону.

Мэри Маргарет стонала, лёжа на кафеле вестибюля, сжимая кровоточащий живот. Кэрол увидела покрытый ржавчиной и кровью кусок металла, торчащий в районе пупка. По фекальному запаху она поняла, что у девушки пробит кишечник.

— О бедное дитя! — Кэрол опустилась на пол рядом с ней и взяла её голову себе на колени, обернула одеялом Бернадетты дрожащее тело. — Кто это тебя так?

— Случайно, — выдохнула Мэри Маргарет. Настоящие слёзы оставляли потёки туши на слезах татуированных. — Я бежала… упала…

— От *чего* ты бежала?

— От **них**. Господи… ужас… Мы их *искали*, этих Владык Но́чи Кармиллы. И после заката мы одного *нашли*. Выглядел так, как мы всегда знали… понимаете, такой величественный, высокий, грациозный, соблазнительный и холодный. Он стоял возле грузовика — одного из тех, что сегодня приехали. Мои друзья подошли, но я вроде как осталась сзади. Не была уверена, что я хочу, чтобы из меня высосали кровь. А Кармилла прямо пошла к нему, стягивая топ и обнажая горло. Она себя *предлагала*.

Мэри Маргарет закашлялась и застонала от приступа боли.

— Не надо говорить, — сказала Кэрол. — Береги силы.

— Нет, — ответила девушка слабым голосом, когда её отпустило. — Вы *должны знать*. Этот Владыка *так* улыбнулся Кармилле, а пото́м махнул своим помощникам, и они открыли задние две́ри у того грузовика. — Мэри Маргарет всхлипнула. — Ужас! Там было полно́ этих… **тварей**! С виду люди, но грязные, голые и они как звери. Они оттуда **хлынули** и сразу их целая банда налетела на Кармиллу. Я видела, как она упала и закричала, и я тогда попятилась. Другие мои друзья попытались бежать, но их тоже свалили. А пото́м я увидела,

как один поднял голову Кармиллы, а Владыка этот говорит: «*Вот так, детки. Отрывайте го́ловы. Всегда отрывайте го́ловы. Нас уже́ достаточно*». И вот тут я повернулась и побежала. И пробегала через пустырь, а там упала… вот на *это*.

Бернадетта вбежала в вестибюль. Лицо её было искажено от страха.

— Девять-один-один не отвечает! Там никого нет!

— Они во всём городе, — сказала Мэри Маргарет после ещё одного приступа кашля. Кэрол едва её слышала. Она тронула горло девушки — холодное. — Они поджигают дома́ и нападают на копов и пожарных, когда те приезжают. Их человеческие помощники врываются и вытаскивают людей на улицу, и там на них нападают. А когда эти твари выпьют кровь, они отрывают го́ловы.[364]

— Боже милостивый, *зачем*? — спросила Бернадетта, присев рядом с Кэрол.

— Я думаю… не нужно им больше вампиров. Много кро́ви нужно, и они…

Она застонала в очередном спазме, пото́м вытянулась и затихла. Кэрол хлопала её по щекам, звала по имени, но тусклые неподвижные глаза́ Мэри Маргарет Фланаган сказали ей всё.

— Она… — прошептала Бернадетта.

Кэрол кивнула сквозь подступившие слёзы. *Бедное заблудшее дитя*, подумала она, закрывая глаза́ Мэри Маргарет.

— Она умерла в грехе, — сказала Бернадетта. — Ей нужно немедленное помазание! Я приведу отца…

— Нет, Берн, — ответила Кэрол. — Отец Палмери не придёт.

— Конечно же, придёт! Он священник и он нужен этой бедной заблудшей душе́!

— Поверь мне, *он ни за что не выйдет из церковного подвала*.

— Но он должен! — почти по-детски возвысила голос Бернадетта. — Он священник!

— Успокойся, Бернадетта, и мы сами за неё помолимся.

— Мы не можем того, что может священник, — возразила она, вскочив на но́ги. — Это не одно и то же.

— Куда ты? — спросила Кэрол.

— Я… взять рясу. Здесь холодно.

364 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«*Бедная, милая перепуганная Бернадетта*, — подумала Кэрол, глядя ей вслед. — *Как я понимаю твои чувства*».

— И захвати молитвенник! — крикнула она вдогонку. Кэрол натянула одеяло на лицо Мэри Маргарет и осторожно опустила её голову на пол. Она ждала возвращения Бернадетты… ждала… ждала… *Почему так долго?* Кэрол позвала её, и ответа не получила.

Обеспокоенная, Кэрол поднялась на второй этаж. Коридор был пуст и тёмен, только бледный столб лунного света пробивался через дальнее окно. Кэрол подбежала к двери́ Бернадетты. Закрыта. Она постучала.

— Берн? Берн, ты здесь?

Тишина.

Кэрол распахнула дверь и заглянула. Пустота и лунный свет.

Куда она…

Внизу, почти под ногами Бернадетты, хлопнула задняя дверь монастыря. *Что такое?* Кэрол же её сама закрыла — на закате задвинула засов.

Если только Бернадетта не спустилась по чёрной лестнице и не…

Она бросилась к окну и всмотрелась в лужайку между монастырём и церковью. Высокая и яркая луна превратила наружный мир в чёрно-белую фотографию, выбелив тусклым сиянием лужайку, очертив эбеновые колодцы возле кустов и деревьев. Она зажгла шиферную крышу церкви св. Антония, вырезав длинную извилистую полосу но́чи позади её готического шпиля.

А через лужайку к церкви бежала худощавая фигурка, обёрнутая в длинный плащ, и луна выхватывала белую ленту её плата, и чёрная вуаль билась тенью вокруг шеи — Бернадетта была слишком консервативна, чтобы позволить себе подойти к церкви с непокрытой головой.

— Берн! — прошептала Кэрол, прижавшись лицом к стеклу. — Берн, не надо!

Она смотрела, как Бернадетта подбежала к боковому входу церкви и застучала тяжёлым медным молотком в толстую дубовую дверь. Чистый высокий голос еле слышно донёсся через стекло.

— Отец! Отец Палмери! Пожалуйста, откройте! Там мёртвая девушка в монастыре! Её надо соборовать! Вы не пойдёте, отец Палмери?

Она всё стучала, всё звала, но дверь так и не открылась. Кэрол показалось, что она увидела бледное лицо отца Палмери в окне справа от Берн — в новом, не цветном окне церкви.[365] Оно мелькнуло на секунду и исчезло.

Но дверь не открылась.

365 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Это не охладило настойчивости Берн. Она только сильнее застучала молотком и ещё больше возвысила голос, и голос, отражённый эхом от каменных стен, отдался в ночи́.

Сердце Кэрол устремилось к ней. Она понимала нужду Берн, если не её отчаяние.

Почему отец Палмери хотя бы не впустит её внутрь? Бедняжка такой шум устроила, что мёртвого поднимет.

Внезапный ужас сковал морозом её затылок.

... мёртвого поднимет.

Берн слишком шумит. Она хочет только привлечь внимание отца Палмери, но что, если она привлечёт внимание... других?

Не успела мелькнуть в голове эта мысль, как Кэрол увидела тёмную высокую фигуру на лужайке со стороны́ улицы. Фигура эта, перебираясь от те́ни к те́ни, подбиралась к ничего не подозревающей подруге.

— О Боже! — вскрикнула Кэрол и задёргала задвижку окна́. Вывернула, рванула раму.[366] — Бернадетта! Сзади! — крикнула она. — Кто-то подбирается! Быстрее назад, Бернадетта! Быстрее!

Бернадетта обернулась и глянула на Кэрол, пото́м огляделась. При выкриках Кэрол чёрная фигура растворилась в тени́. Но Бернадетта учуяла что-то в голосе Кэрол, потому что побежала обратно к монастырю.

И не успела сделать и десяти шагов, как тёмная фигура её перехватила.

— **Нет**! — заорала Кэрол, когда чёрный силуэт прыгнул наперерез подруге.

Она застыла в окне, вцепившись пальцами в рамы, и тут вопль ужаса и боли разорвал ночь.

Бесконечный, беспомощный парализованный миг Кэрол смотрела, как эта фигура выволокла Бернадетту на лунную лужайку, разорвала плащ и упала сверху, смотрела, как забились в воздухе ру́ки и но́ги, а крики её, о Боже милосердный на небесах, крики её о помощи раскалёнными тонкими гвоздями втыкались в уши Кэрол.

И тут уголком гла́за Кэрол увидела всё то же бледное лицо в окне церкви св. Антония. Оно поглядело секунду и снова растворилось в темноте.

366 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа вовсе не завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Застонав от ужаса, боли, отчаяния Кэрол оттолкнулась от окна́ и побежала, спотыкаясь, по коридору. По дороге она схватила футовой[367] величины́ деревянное распятие со стены́ кельи Бернадетты и прижала его к груди́ двумя руками. Набирая скорость, переходя в бег, она стала кричать — не вопль страха, но длинный, непрерывный вой гнева.

Кто-то убивает её подругу!

Гнев был на благо. Он прогнал страх,[368] и оцепенение,[369] и отвращение, парализовавшие её. Он дал ей двигаться, бежать. Она открылась навстречу ярости.

Кэрол слетела по лестнице, вырвалась на лунную лужайку…

И остановилась.

Она не могла сориентироваться.[370] Бернадетты не было видно. *Где она? Где напавший?*

И тут она увидела вертящееся пятно те́ни на траве, впереди, возле кустов.

Бернадетта?

Стиснув распятие, Кэрол бросилась туда, и на бегу поняла, что это и в са́мом деле Бернадетта, распростёртая ниц, но не одна. На ней сидела верхо́м другая тень, шипя, как змея, щёлкая зубами, и пальцы её скрючились когтями, вцепившись в голову Бернадетты, будто пытаясь оторвать.

Кэрол среагировала не думая. С воплем она бросилась вперёд на эту тварь, вдвинув распятие в подставленную спину. Вспыхнул и зашипел свет, и густой чёрный дым пошёл маслянистыми клубами от ме́ста, где крест ударил в плоть.[371] Тварь выгнула спину и взвыла, вертясь под крестообразным ожогом, задёргалась, пытаясь выбраться из-под пылающего гнёта.[372] Но Кэрол не отступила, упала на колени, преследуя ползущую тварь, вжимая пылающий крест всё глубже и глубже в дымящуюся вскипевшую плоть, в спину, в позвоночник. Крики слабеющей твари стали почти жалобными, и Кэрол давилась густым чёрным дымом, но гнев не давал ей отступить. Она давила и давила, толкала деревянное распятие всё глубже и глубже в спину твари, пока крест не провалился в грудную полость и не прожёг сердце. Вдруг тварь поперхнулась, вздрогнула и затихла.

Вспышки погасли. Улетели с последним вздохом последние клубы дыма.

367 См. 220. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
368 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
369 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
370 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
371 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
372 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кэрол вдруг выпустила древко распятия, будто от удара, и бросилась к Бернадетте. Упав на колени возле неподвижного те́ла, она перевернула его на спину.

— Нет! — вскрикнула она, увидев разорванное горло Бернадетты, расширенные, застывшие, невидящие глаза́, и кровь, много кро́ви, залившей грудь.

Нет. Господи, прошу тебя, нет! Не может быть! Не может быть!

Из неё вырвалось рыдание.

— Нет, Берн! Не-е-е-ет!

Где-то невдалеке в ответ завыла собака.

Собака ли?

Кэрол поняла, что осталась без защиты. Надо вернуться в монастырь. Она вскочила и огляделась. Всё вокруг неподвижно. В двух ярдах[373] от неё лежала мёртвая тварь, и крест торчал из её спины́.

Она подбежала подобрать распятие, но дёрнулась, коснувшись твари. Теперь было видно, что это человек — голый, или что-то *очень похожее* на человека. Но *не совсем*. Чего-то неуловимого в нём не хватало.

Это один из них?

Из той нежити, о которой говорила Мэри Маргарет. Но может ли этот… эта тварь быть вампиром? Скорее она действовала, как бешеная собака в образе человека.

Что бы это ни было, оно изуродовало и убило Бернадетту. Ярость бушевала в теле Кэрол как злая инфекция, расходясь с током кро́ви, поражая нервную систему, угрожая поглотить целиком. Она подавила желание избить труп.

К горлу поднялась желчь; Кэрол проглотила её и уставилась на лежащее перед ней неподвижное тело. Когда-то это был человек, может быть, у него была семья. Наверняка он не просил превращать его в злобную ночную тварь.

— Кто бы ты ни был, — шепнула Кэрол, — теперь ты свободен. Свободен вернуться к Богу.

Она взялась за древко распятия, но оно застряло в сожжённой плоти, как стальной штырь в бетоне.

Снова что-то завыло. *Ближе.*

Надо было вернуться обратно, но она не могла оставить здесь Бернадетту.

373 В метрической системе 2 ярда — это почти 2 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Быстро подойдя к ней, Кэрол подсунула ру́ки ей под плечи и колени и подняла на ру́ки. *Такая лёгкая! Боже мой, она почти ничего не весит!*

Кэрол отнесла Бернадетту в монастырь так быстро, как позволили подгибающиеся но́ги. Оказавшись внутри, она задвинула засов двери́ и тяжело пошла на второй этаж, неся на руках Бернадетту.

Она принесла сестру Бернадетту Джайлин в её комнату. У неё не было сил снова перетаскивать матрас через холл, и она положила её навзничь на пружины кровати. Выпрямив тонкие но́ги Бернадетты, Кэрол скрестила ей ру́ки на окровавленной груди́, поправила, как могла, разорванную одежду и накрыла покрывалом с головой.

Пото́м, глядя на это неподвижное тело под покрывалом, которое она помогала Бернадетте вышивать, Кэрол рухнула на колени и зарыдала. Она пыталась сказать заупокойную молитву, но потрясённый горем разум забыл слова́. И она только рыдала в голос и спрашивала Бога, *за что? Как мог Он допустить, чтобы такое случилось с милой, доброй и невинной душой, которая только и хотела, что всю жизнь провести в служении Ему?* **За что?**

Но ответа не было.

Когда Кэрол смогла наконец справиться со слезами, она заставила себя встать, закрыть дверь Бернадетты и выйти в холл. Увидела свет в вестибюле и поняла, что так его оставлять нельзя. Она заторопилась вниз, переступила через неподвижное тело Мэри Маргарет под пропитанным кровью одеялом. *Две насильственные смерти в доме, посвящённом Богу. Сколько же их за этими дверями?*

Она выключила свет, но не нашла в себе сил поднять Мэри Маргарет наверх. Оставив её там, где она лежала, Кэрол в темноте поспешила к себе в комнату.

✷ ✷ ✷

Когда отключилось электричество, Кэрол не знала.

Она понятия не имела, сколько простояла на коленях возле своей кровати, то рыдая, то молясь, а когда она глянула на электрические часы на ночном столике, циферблат был тёмен и пуст.

Хотя неважно, есть электричество или нет. Она всё равно проводила ночь при свече. От неё остался только дюйм[374], но это тоже не подсказывало, сколько времени. Кто знает, как быстро сгорает свеча?

374 См. 26. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Был соблазн приподнять покрывало на окне и выглянуть, но Кэрол *боялась того, что может увидеть.*

«*Сколько до рассвета?*» — подумала она, протирая глаза́. Ночь казалась бесконечной. *Если только…*

Где-то за запертой дверью раздался еле различимый скрип. Это могло быть что угодно — ветер на чердаке, проседание старого до́ма, но звук был долгий, протяжный, высокий. Почти как…

Открываемая дверь.

Кэрол застыла, всё ещё на коленях, всё ещё со сложенными в молитве руками, опираясь локтями на кровать, и прислушалась. Но звук не повторился. Вместо него *другой* — ритмичный шорох… в коридоре… приближается к двери́…

Шаги.

Сердце заколотилось, будто желая выпрыгнуть из рёбер; Кэрол вскочила на но́ги и встала рядом с дверью, слушая, чуть не касаясь ухом дерева. Да, шаги. Медленные. И тихие, будто босыми ногами по по́лу. *Сюда. Ближе.* Уже́ за само́й Дверью. Кэрол вдруг пробрало холодом, будто волна холодного воздуха пахнула сквозь дерево двери́, но шаги не смолкли. Они прошли мимо двери́, дальше…

И остановились.

Ухо Кэрол уже́ было прижато к двери́. Она слышала грохот собственного пульса, пытаясь различить другие звуки. И вот они появились, снова шорох в коридоре, сначала непонятно какой, и снова шаги.

Возвращаются.

На этот раз они остановились точно за дверью Кэрол. Снова тот же холод, сырой, пронизывающий до костей. Он заставил Кэрол попятиться.

И ручка повернулась. Медленно. Дверь скрипнула под тяжестью навалившегося с той стороны́ те́ла, но засов держал.

И голос. Хриплый. Шёпотом. Единственное слово, еле слышное, но даже вопль не мог бы напугать Кэрол больше.

— Кэрол?

Кэрол не ответила — не могла.

— Кэрол, это я! Берн! Впусти меня!

Тихий стон вырвался из губ Кэрол помимо её воли. *Нет, нет, нет, это не может быть Бернадетта!* Её холодеющее тело Кэрол оставила на кровати в комнате на той стороне коридора. *Это какая-то ужасная шутка…*

Так ли? А не стала ли Бернадетта одной из них, из тех, кто убил её?

Но голос — голос за дверью не был голосом бешеной твари. Это был…

— Пожалуйста, впусти меня, Кэрол. Я боюсь здесь одна.[375]

Может, Бернадетта всё-таки жива? Мысли Кэрол заметались в поисках ответа.

Я же не врач. Я могла ошибиться. Она могла быть жива…

Она стояла, дрожа, разрываясь между отчаянным до боли желанием увидеть подругу живой и страшным опасением быть обманутым той тварью, в которую могла превратиться Бернадетта.

— Кэрол?

Если бы на двери́ был глазо́к или хотя бы цепо́чка, но ведь нет ни того,[376] ни другого, и что-то надо делать. Нельзя просто стоять, слушать этот жалобный голос и не сойти с ума. Она должна **узнать**… Не давая себе больше думать, Кэрол выдернула засов и распахнула дверь, готовая увидеть любое, что стои́т там в коридоре.

— Бернадетта! — ахнула она.

Подруга стояла сразу за порогом, *раскачиваясь и абсолютно голая*.

Нет, *не совсем*. На ней ещё был плат, хотя он и съехал набок, и *полоска ткани обёртывала шею, скрывая рану*. В тусклом неверном свете свечи́, падавшем из комнаты, Кэрол увидела, что кровь на груди́ смыта. Никогда ещё она не видела Бернадетту раздетой, никогда не думала, что она *так худа*. Рёбра ходили под кожей груди́, исчезая лишь под подушечками маленьких грудей с приподнятыми сосками; по краям и внизу плоского живота выступали ко́сти. Обычно светлая кожа была сейчас синевато-белой. Другими цветами были только тёмные озёра глаз и оранжевые пя́тна воло́с на голове и на лобке.

— Кэрол, — прозвучал слабый голос, — зачем оставила ты меня?

От зрелища стоя́щей перед ней живой и говорящей Бернадетты силы покинули Кэрол, груз вины от слов подруги чуть не бросил её на колени. Она прислонилась к дверной раме.

— Берн… — Голос отказал. Она с усилием проглотила слюну и попыталась начать снова. — Я… я думала, ты умерла. А где… где твоя одежда?

Бернадетта подняла руку к горлу.

— Разорвала рубашку на бинты. Можно мне войти?

375 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

376 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Кэрол выпрямилась и распахнула дверь шире.

— Конечно, Боже мой! Зайди. Сядь. Я тебе дам одеяло.[377]

Бернадетта прошаркала в комнату, опустив глаза́, глядя только на пол. Она была похожа на человека, опоённого наркотиком. Но после такой кровопотери вообще чудо, что она может ходить.

— Не надо одеяла, — сказала Берн. — Жарко. А тебе не жарко?

Она неуклюже опустилась на кровать Кэрол, пото́м подобрала но́ги и села по-турецки, лицом к Кэрол. Про себя Кэрол объяснила тот факт, что Бернадетта так бесстыдно и небрежно себя *выставляет*, её оглушённостью страшной травмой. Всё равно это было *неприятно*.

Кэрол поглядела на распятие, висящее над кроватью над и позади Бернадетты. На миг, когда Бернадетта под ним уселась, ей показалось, что оно *засветилось*. Наверное, блик от свечи́. Она повернулась и взяла из шкафа запасное одеяло, развернула его и обернула плечи и расставленные колени Бернадетты.

— Я хочу пить, Кэрол. Ты мне не дашь воды́?[378]

Что-то странное было в её голосе. Он звучал ниже, и хрипловато, но это естественно ожидать при травме горла. Нет, что-то было ещё, но Кэрол не могла точно это уловить.

— Конечно, тебе же нужна жидкость. Много жидкости.

Туалет и ванная были всего за две двери́ от её комнаты. Она подхватила кувшин, зажгла вторую свечу и оставила сидящую на кровати Бернадетту, похожую на индианку в шали.

Вернувшись с полным кувшином, она увидела пустую кровать. Но тут же заметила Бернадетту — у окна́. Окно не было открыто, но драпировка из покрывала снята и штора поднята. Бернадетта стояла, глядя в ночь. Снова *голая*.

Кэрол поискала глазами одеяло и нашла. Оно висело на стене, над кроватью…

Закрывая распятие.

377 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

378 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Половина сознания Кэрол вопила от страха, требуя *бежать, бежать без оглядки, спрятаться*. Но другая половина требовала остаться. Это её подруга. С Бернадеттой случилось что-то ужасное, и теперь ей нужна помощь, нужна больше, чем когда-нибудь за всю её жизнь. И если кто-то может помочь ей, то это Кэрол. И **только** Кэрол.

Она поставила кувшин на ночной столик.

— Бернадетта, — сказала она, и рот её был сух, как брёвна в этих старых стенах. — Одеяло…

— Мне было жарко, — ответила Бернадетта, не оборачиваясь.

— Я принесла тебе воды́. Я налью…

— Пото́м выпью. Иди сюда и полюбуйся ночью.

— Я не хочу смотреть в ночь. Она меня пугает.

Бернадетта повернулась с неуловимой улыбкой на губах.

— Но темнота так прекрасна!

Она шагнула ближе, протянула ру́ки к Кэрол, положила их ей на плечи и стала ласково разминать сведённые ужасом мышцы. Сладкое забытьё потекло по телу Кэрол. Глаза́ стали закрываться… усталые… *так давно она не спала…*

Нет!

Она заставила себя поднять веки и сжала ру́ки Бернадетты, отводя их от своих плеч. Зажала её ладони между своими.

— Помолимся, Берн. Повторяй за мной: «*Богородице, деве, радуйся…*»

— Нет!

— « *…благословенна ты…*»

Лицо Бернадетты перекосилось злобой:

— Я сказала *НЕТ*, будь ты проклята![379]

Кэрол старалась удержать ру́ки Бернадетты в своих, но та была слишком сильна.

— « *…в жёнах…*»[380]

Вдруг сопротивление Бернадетты стихло. Лицо её успокоилось, глаза́ прояснились, даже голос изменился — остался хриплым, но стал выше, легче, и она подхватила слова́ молитвы.

379 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

380 В оригинале так и было «в женах» (не меняю), хотя явный пример некачественного перевода (в оригинальной молитве эта часть звучит как «среди жён»). Далее вообще про некий «плот чрева» вместо «плод чрева» (этот бред тоже не меняю). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— « *И благословен плот чрева твоего…*»

Бернадетта попыталась произнести следующее слово — и не могла. Она стиснула ру́ки Кэрол почти до боли и разразилась потоком собственных слов.

— Кэрол, уходи! Ради любви Божией, уходи, беги! От меня уже́ мало осталось, и скоро я буду как те, что меня убили, и я тогда убью тебя! Беги, Кэрол! Прячься! Запрись в часовне внизу, только беги от меня, скорее!

Кэрол теперь знала, *чего* недоставало в голосе Бернадетты — *ирландского акцента*. Но сейчас он вернулся. *Она вернулась! Её подруга, её сестра вернулась!* Кэрол подавила всхлип.

— Нет, Берн, я тебе помогу! Помогу![381]

Бернадетта толкнула её к двери́.

— Никто мне уже́ не поможет, Кэрол! — Она рванула самодельный бинт на шее, обнажив глубокую рваную рану и висящие концы оборванных кровеносных сосудов. — Для меня уже́ поздно, для тебя ещё нет. Они — создания зла, и я скоро буду одной из них, так что беги, пока…

Бернадетта вдруг застыла, и черты лица́ её исказились. Кэрол сразу поняла, что короткая передышка, которую подруга тайком похитила у того ужаса, что овладел её телом, окончена. Власть над Бернадеттой принадлежала уже́ не ей.

Кэрол повернулась и бросилась прочь.

Но чудовище-Бернадетта было поразительно быстрым. Кэрол не успела добраться до порога, когда стальные пальцы сомкнулись у неё на руке выше локтя и дёрнули обратно, чуть не вывихнув плечо. Она вскрикнула от страха и боли, перелетев через комнату. Она ударилась бедром о расшатанный табурет возле стола, опрокинула его и рухнула рядом.

Кэрол застонала от боли. Она затрясла головой, пытаясь прояснить сознание, и увидела, как приближается к ней Бернадетта; движения её скованы, но более уверены, чем раньше, зубы оскалены — *очень много зубов, и куда длиннее*, чем у прежней Бернадетты, пальцы скрючены, тянутся к горлу Кэрол. С каждой секундой в ней оставалось всё меньше и меньше от Бернадетты.

Кэрол попятилась, ру́ки и но́ги лихорадочно заскользили по по́лу, когда она упёрлась в стену спиной. *Бежать некуда.* Она схватила табурет и выставила его перед собой как щит против чудовища-Бернадетты. Лицо, принадлежавшее когда-то её любимой подруге, скривилось презрительно гримасой, когда она отбила табурет небрежным взмахом руки́. От этого у

381 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

табурета отлетели ножки, сломавшись, как спички, разлетевшись резными щепками. Второй удар разломил сиденье пополам. Третий и четвёртый разбросали остатки в разные сто́роны комнаты.

Кэрол осталась беззащитной. Теперь она могла только молиться.

— «*Отче Наш, иже еси на небеси…*»[382]

— Поздно, *это* уже́ не поможет, *Кэрол*! — зашипела Бернадетта, выплюнув её имя.

— « … *да святится имя Твоё*» … — произнесла Кэрол, дрожа от страха, когда пальцы нежити сомкнулись на её горле.

И тут чудовище-Бернадетта прислушалось и застыло. И Кэрол тоже услышала. Настойчивое постукивание. В окно. Чудовище обернулось посмотреть, и Кэрол за ней. В окно заглядывало чьё-то лицо.

Кэрол заморгала, но оно не исчезло. *Это же второй этаж! Как же? …*

И тут же появилось второе лицо, только вниз головой, заглядывая сверху окна́. И пото́м третье, четвёртое, и каждое более зверское, чем предыдущее. И все они начинали стучать в стекло костяшками пальцев и ладонями.

— **Нет**! — крикнуло им чудовище-Бернадетта. — Нечего вам тут делать! Она моя! Никто её не тронет, кроме меня!

Она обернулась к Кэрол и улыбнулась, показав *зубы, которых никогда не было во рту у Бернадетты.*

— Они не могут переступить порог, если их не пригласит кто-то, кто здесь живёт. Я здесь живу — или жила когда-то. Но я не буду тобой делиться, Кэрол.

Кэрол глянула налево. До кровати всего несколько футов. А над ней завешенный одеялом крест. Если добраться…

Она не колебалась. Под бешеную барабанную дробь от окна́ она подобрала под себя но́ги и прыгнула к кровати. Вскочила на но́ги, вытягивая руку, хватаясь за одеяло…

Браслет ледяной плоти схватил её за лодыжку и грубо дёрнул назад.

— Ну нет, сука, — произнёс хриплый, без акцента, голос чудовища-Бернадетты. — Даже не думай!

Тварь захватила двумя горстями фланель рясы сзади и метнула Кэрол через комнату, будто монахиня была не тяжелее подушки. Кэрол ударилась спиной о стену, у неё отшибло дыхание. Послышался хруст рёбер. Она свалилась среди обломков стула, весь правый бок пронзила боль. Комната плыла и кружилась. Но сквозь рёв в ушах всё ещё звучала настойчивая барабанная дробь по стеклу.

382 В оригинале без закрывающей па́ры кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда зрение прояснилось, Кэрол увидела обнажённое тело чудовища-Бернадетты, махавшей руками тварям в окне — скопище слюнявых пастей и стучащих пальцев.

— Смотрите! — прошипела она. — Смотрите на мой пир!

Тут она испустила длинный воющий вопль и бросилась на Кэрол, выставив впереди скрюченные ру́ки, изогнув тело в полёте. Вопль, стук в окно, ли́ца за стеклом, любимая подруга, которая теперь хотела только её растерзать — это вдруг стало для неё слишком. Она хотела откатиться, но не могла заставить шевелиться своё тело. Рука нащупала возле бедра обломок табурета. Инстинктивно она подтащила его ближе, закрыла глаза́ и отчаянно подняла обломок между собой и ужасом, летящим к ней по воздуху.

Удар прижал обломок сиденья к груди́ Кэрол; она застонала от электрического удара боли в ушибленных рёбрах. Но победный жадный крик чудовища-Бернадетты резко оборвался булькающим кашлем.

Вдруг тяжесть свалилась с груди́ Кэрол, и обломок табурета вместе с ней.

И стук в окно стих.

Кэрол открыла глаза́. Над ней стояло голое чудовище-Бернадетта, расставив но́ги, держа перед собой сиденье табурета, кашляя и давясь, пытаясь оторвать его от себя.

Сначала Кэрол не поняла. Она подобрала но́ги и отползла вдоль стены́. И тут увидела, **что** произошло.

Три расколотых ножки, торчащих из сиденья, — и эти ножки глубоко вонзились в грудь чудовища-Бернадетты. Та бешено выкручивала сиденье, пытаясь вытащить дубовые[383] кинжалы, но только обломала их у са́мой кожи. Она отбросила обломок сиденья и закачалась, как дерево в бурю, рот её судорожно кривился, а ру́ки дёргались возле бескровных ран между рёбрами и тонких древесных кольев, за которые ей было уже́ не схватиться.

С глухим стуком она внезапно рухнула на колени. В нескольких дюймах от Кэрол она привстала на вывернутых ногах, му́ка ушла из её лица́, и глаза́ закрылись. Она упала головой вперёд рядом с Кэрол.

Кэрол обхватила подругу руками, притянула к себе.

— Берн, Берн, Берн! — простонала она. — Прости меня, прости! Если бы я чуть раньше прибежала!

Веки Бернадетты задрожали и раскрылись, и темноты в глазах больше не было. Осталась только её обычная небесная синева, ясная, чистая. Уголки губ дрогнули, но раскрылись только в половине улыбки, и Бернадетты не стало.

383 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кэрол прижала к себе обмякшее тело, застонала в необъятном го́ре и му́ке среди бесчувственных стен. Заглядывающие ли́ца стали отползать от окна́, и она крикнула им сквозь слёзы:

— Бегите! Давайте! Бегите и прячьтесь! Скоро будет светло, и тогда я пойду искать вас! Всех вас! И го́ре тем, кого я найду!

Она долго плакала над телом Бернадетты. Пото́м завернула его в простыню и стала укачивать на руках мёртвую подругу, пока не наступил рассвет.

На рассвете прежняя сестра Кэрол Хэнарти осталась в прошлом. Мирной души́, счастливой днями и ночами служения Господу, молитвами и постом, преподаванием химии непослушным детям, соблюдением обетов бедности, целомудрия и послушания, больше не было.

Новая сестра Кэрол переплавилась в горне этой но́чи и отлилась в женщину беспощадно мстительную и бесстрашную до отчаяния. И, быть может, призналась она себе без стыда и сожаления, более чем малость *безумную*.

Она вышла из монастыря и начала охоту.

© Френсис Пол Уилсон

Томас Френсис Монтелеоне «Репетиции»

Доминик Кейзен брёл в темноте, почти не сомневаясь: он здесь не один.

Догадка полоснула по сердцу, как бритва, когда он нашаривал выключатель. Где же эта хреновина? Панический страх захлестнул его, погнав к горлу горячую волну рвоты, но он овладел собой. Тут пальцы обнаружили выключатель.

И в одно мгновение возникло фойе, освещённое тусклыми светильниками.

Здесь не было ни души́ — как, впрочем, и во всём Барклаевском театре. Публика, актёры, технический персонал — все, кроме Доминика, — уже́ несколько часов как разошлись. И никому, кроме Доминика, не подобало здесь находиться. Дворник и ночной сторож «Барклайки», он привык к одиночеству,[384] честно сказать, оно было ему по душе́. Но уже́ третью или четвёртую ночь Доминик никак не мог избавиться от чувства, будто во тьме по огромному зданию рыщет кто-то. Кто-то чужой.

И даже не «кто-то», а «что-то». Тварь, стерегущая его, Доминика.

Работать в одиночку ему нравилось — он почти всю жизнь был один. Он ничего не имел против того, чтобы работать практически в полной темноте; в темноте — в духовной — прошла почти вся его жизнь.

Но это ощущение чужого присутствия начинало его беспокоить, более того, пугать. А Доминику очень не хотелось разочаровываться в «Барклайке». По сути, театр был его единственным домом, да и работа ему нравилась. Помогать рождаться театральному волшебству — это вам не хухры-мухры. Реквизит и костюмы, фантастический, но такой зримый мир декораций и задников… Иногда он специально приходил на работу пораньше, просто, чтобы понаблюдать за слаженно снующими, как пчёлы, актёрами и рабочими сцены, ощутить, как вновь начинает биться сердце волшебного мира.

384 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Всю жизнь ему словно бы дышала в затылок какая-то тварь. Безмозглая тварь, олицетворение неудач и отчаяния. Как бы он ни старался, она всякий раз нагоняла его и сталкивала в хаос. «Неужели она опять идёт по моему следу?» — спросил себя Доминик.

Сегодня. Сегодня она вновь попытается запугать его, заставить сбежать.

А он так устал, так устал убегать…

✷ ✷ ✷

… Убегать от своих хрупких детских грёз, от катастроф своего отрочества и незаладившейся зрелости. Отец твердил, что все люди на свете делятся на два со́рта — Добытчиков и Лохов. По мнению отца, его сын принадлежал, безусловно, ко второй группе.

Сейчас, в тридцать два го́да, Доминик был вынужден признать: старик не ошибался. Его биография являла собой изодранное лоскутное одеяло, сотканное из мук и поражений. Отслужив в армии, он скитался по стране, хватаясь за любую работу, которая не требовала специальных навыков.

Отупляющая сезонная работа на нефтепромыслах в Лаббоке, в доках Билокси, на бирмингемских заводах. Десять лет прошлялся, как цыган. Как цыганский лох.

Когда-то, ещё в юности, Доминик пытался доискаться, почему же всё на свете всегда выходит ему боком. Внешностью его Бог не так чтоб обделил: густые чёрные волосы, ясные голубые глаза́.

Да и голова у него работала. Раньше он читал массу комиксов и книг, а по субботам обязательно ходил в кино. Он даже спектакли иногда смотрел — в прежние времена, когда по телевизору шли прямые трансляции из театров.

Но после того, как он ушёл из до́ма, ни разу не[385] оглянувшись, вся его жизнь покатилась под откос. Промыкавшись десять лет, он задумался, не следует ли вернуться домой и начать всё с нуля?[386] Письму, извещавшему о смерти его отца, исполнилось к тому времени уже́ пять лет. На похороны Доминик не поехал. Даже не ответил матери на письмо — и теперь его мучила совесть.

Терзаемый смутными угрызениями, он уволился с буровой и поехал автостопом на Восточное побережье через Юг. Пересёк Луизиану и Миссисипи, Алабаму и Джорджию.

385 В оригинале малопригодное «ни». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
386 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Как-то вечером он сидел в придорожном баре где-то под Атлантой, пил кру́жками «Будвайзер»[387] и смотрел, как сидящий рядом элегантный субчик пытается утопиться в сухом мартини. Как водится в барах, они разговорились. Немолодой и явно преуспевший в жизни, этот субчик выглядел белой вороной в придорожном шалмане.

Доминик упомянул, что едет домой, возвращается в город, где родился. Щёголь захохотал и заплетающимся языком обозвал Доминика «Томасом Вулфом». Доминик поинтересовался, кто это такой. «Неужели не помните? — удивился щёголь. — Это ведь он сказал “Домой возврата нет” и, чтобы это доказать, написа́л толстую, донельзя занудную книгу».

Что щёголь не просто так болтал языком, Доминик понял, лишь оказавшись на родине. То был крупный город на побережье Атлантики. За время отсутствия Доминика он страшно изменился. Памятные приметы местности точно сквозь землю провалились; улицы казались холодными, чужими.

Несколько дней он не решался вернуться в свой родной район, чтобы после долгой разлуки вновь встретиться с матерью. Набирался храбрости…

Но вот он созрел. Вышел к знакомому перекрёстку. Нет, он не спутал адрес. Но до́ма своего не нашёл.

Вся улица целиком — всё беспорядочное, клаустрофобное скопление тесно прижавшихся друг к другу многоквартирных домов, коттеджей и одноэтажных магазинов — была стёрта с лица́ земли́. Программа реконструкции го́рода обрушилась на квартал, смолола в порошок все кирпичи и известку, все до одного воспоминания.

На месте улицы высилось чудовищное здание — монолит из стекла, стали и железобетона с вывеской «Барклайский театр». Вначале Доминик возненавидел его, как оккупанта. Этот неуклюжий немой колосс не оставил камня на камне от его прошлого, занял место, где когда-то стоял крохотный домик Доминика. Похоже, этот самый Томас Вулф был не дурак.

Но поразмыслив, Доминик пришёл к выводу, что это просто ирония судьбы́. Это надо же, чтобы именно театр раздавил всю память Доминика о детстве и юности!

Обхохочешься.

После визита в родной квартал Доминик попытался разыскать мать, но так и не нашёл. Она исчезла, и в каком-то смысле Доминик даже обрадовался. Уж очень ему не хотелось предстать перед ней человеком, у которого нет

387 В оригинале варварская транскрипция «Будвейзер», хотя несомненно подразумевается Budweiser, т. е. Бадвайзер или Будвайзер — всемирно известное пиво производства компании Anheuser-Busch, Inc. («Анхойзер-Буш»). Среди многих рекламных лозунгов товарного знака: «Something more than a beer, a tradition» («Это не просто пиво, это традиция») и «When you say Budweiser, you’ve said it all» («Бадвайзер. Этим всё сказано»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

будущего — а теперь и прошлого. Невесть почему Доминик решил остаться в городе — поселился в христианской церкви, а на жизнь зарабатывал поденной работой.

Незаметно пришло лето. Доминик не обзавёлся друзьями, не нашёл постоянной работы, бросил разыскивать мать. Он читал библиотечные книги, ходил в кино на утренние сеансы и жил один, наедине со своими разбитыми мечтами. Иногда он прогуливался по своему прежнему району, словно надеясь хоть одним глазком увидеть свой дом. И всякий раз останавливался под одним и тем же фонарём, созерцая сверкающую тушу Барклайского театра.

Это здание чем-то влекло его — в запертой комнате его души́ просыпались давние мечты. Однажды, увидев в газете объявление: «Барклайский театр приглашает на работу ночного сторожа с выполнением обязанностей дворника», он бего́м бросился на собеседование.

Его взяли с испытательным сроком, но Доминика это не смутило. Он старался вовремя приходить на работу и скрупулёзно выполнять свои обязанности. День ото дня он чувствовал, что в его сердце растёт нежность к «Барклайке»; театр стал для него тихой гаванью, олицетворением покоя. В этом месте он мог ужиться со своими былыми грёзами.

Когда его трудолюбие вознаградилось штатной должностью и прибавкой к зарплате, Доминик страшно обрадовался. Он стал приходить заранее и смотреть спектакли, выучил жаргон, на котором изъяснялись рабочие сцены, актёры и режиссёры. Театральные условности стали для него реальностью; он вслушивался сердцем в великие трагедии, смеялся над остроумными комедиями.

Но больше всего он любил поздний вечер, когда то́лпы рассеивались. Он шёл в зрительный зал и, слушая, как потрескивают, остывая, лампы, размышлял о сегодняшнем спектакле — сравнивал его с другими, сопоставлял со своей версией смысла, вложенного в пьесу драматургом. Впервые в жизни он был счастлив.

Но вдруг что-то изменилось. Ощущение чужого присутствия таилось в каждом тёмном углу и всё нарастало, нарастало…

… и сегодня он почувствовал, что больше не может терпеть. «Беги отсюда без оглядки», — звучал в его голове вкрадчивый голосок инстинкта самосохранения.

«Нет, — спокойно сказал он себе, — Больше никаких побегов. Завязываю».

Точно гигантский, занесённый кузнецом молот, над Домиником нависал балкон. Он прошёл в партер и прислушался к темноте. Покатый проход между рядами вёл вниз, к сцене. Занавес был поднят, драпировки — раздёрнуты, открывая взгляду декорации текущей постановки. Медленно толкая пылесос

по толстой ковровой дорожке, Доминик отметил про себя, что в театре стои́т всем сумракам сумрак. Светящаяся табличка «Выход» над[388] дверью казалась тусклой и далёкой.

Ряды кресел окружали его со всех сторон, точно притаившееся во мраке стадо округлых тварей.

Доминику почудилось, что он заперт в театре, как в склепе, в тёмной пустой гробнице. Он понял, что здесь есть кто-то ещё. В его желудке точно кислота вскипела. Горло пересохло, как натёртое мелом.

Он перевёл взгляд с пустых кресел на сцену — и заметил: что-то не так. Что-то неладно.

Сейчас шёл «Путь вашей жизни» Сарояна[389], и декорации изображали салун в Сан-Франциско под названием «У Ника». Но со вчерашнего дня эти декорации куда-то исчезли.[390] Их вдруг взяли и заменили. Доминик знал, что такого просто не может быть — ведь «Путь» шёл и сегодня, и пойдёт завтра — однако, вглядываясь в сумрак, он отчётливо различал совсем иные декорации.

Подойдя поближе — и привыкнув к тусклому свету, источаемому указателями «Выход», — Доминик рассмотрел декорации в подробностях. То была убогая гостиная с серыми стенами. Сбоку — ниша, служащая кухней.

Уныло-зелёные кресла́, укрытые кружевными накидками, коричневый диван в серебряную полоску, стеклянный журнальный столик, бар красного дерева, на котором стоял древний телевизор «Эмерсон» с крохотным экраном.

388 В оригинале недостаточное «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

389 William Saroyan, Уильям Сароян (родился 31.08.1908 г. во Фресно, Калифорния, умер в 1981 г.) — американский писатель и драматург, автор большого числа рассказов и нескольких романов, а также пьес, эссе, etc; родился в семье армянских эмигрантов, а с 1960 г. жил в Европе. Первая книга — сборник рассказов «Отважный молодой человек на летающей трапеции» («The Daring Young Man on the Flying Trapeze», 1934), за ней последовали «Вдох и выдох» (1936), «Маленькие дети» (1937), «Беда с тиграми» (1938), патриотичная книга «Меня зовут Арам» («My Name Is Aram», 1940), «Рок Ваграм» (1951), «Весь свет и сами небеса» (1956), etc. С конца 1930-х гг. на сцене (в том числе Бродвея, Broadway) идут его пьесы: «В горах моё сердце» («My Heart's in the Highlands», 1939), «Путь вашей жизни» («The Time of Your Life», 1939, Пулитцеровская премия, Pulitzer Prize), «Пещерные люди» (1939), «Проходи, старик» (1944), etc. Автор романов «Человеческая комедия» (1943, рос. пер. 1958), «Приключения Уэсли Джексона» (1946, рос. пер. 1959); произведений, рисующих семейные, психологические конфликты в интеллигентской среде: «Мама, я тебя люблю» (1956, рос. пер. 1970), «Папа, ты сошёл с ума» (1957, рос. пер. 1964), «Мальчики и девочки» (1963). С 1960-х гг. Сароян работает преимущественно в жанрах автобиографических очерков, эссе, воспоминаний, публицистики («Не умирать», 1963; «Дни жизни и смерти и бегства на луну», 1970; «Места́, где я отбывал срок», 1972, etc). Сароян изображает жизнь простых американцев, прежде всего армянской бедноты, среди которой прошли его детство и юность. Его творчество демократично, проникнуто сентиментальной добротой, непоказным оптимизмом и эксцентричным юмором, украшено сочностью бытовых зарисовок и яркой фантазией. Его герои — немного фантазёры и романтики, наивные и непрактичные мечтатели, нередко такие же неприкаянные эмигранты первого поколения, каким ощущал себя автор. Сароян также написа́л автобиографию «Велосипедист из Беверли-Хиллс» («The Bicycle Rider in Beverly Hills», 1952), часто посещал Армению, где по завещанию была захоронена частица его праха. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

390 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Неуютная, голая комната.

Знакомая комната.

Догадка вызвала у Доминика дрожь отвращения. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. НЕВЕРОЯТНО. Но он узнал комнату, узнал каждую вещь. Казалось, художник-постановщик ограбил его воспоминания — декорации в точности воспроизводили гостиную в доме его родителей. В доме, находившемся там, где теперь стоял театр. Разглядывая сцену с недоверчивым изумлением, Доминик обнаружил, что декорации ничуть не расплываются, чего следовало бы ждать от галлюцинации.[391] Перед ним было нечто чётко очерченное, плотное. Материальный объект, не искажённый линзой памяти.

Не раздумывая, он сделал ещё несколько шагов вперёд — и тут внезапно зажглись софиты. Декорации, выхваченные из пепельного сумрака, обрели цвет. В груди́ у Доминика странно заныло — казалось, проснулась старая рана. Многолетняя боль многочисленных обид. Ему пришло в голову, что, возможно, кто-то решил сыграть с ним жестокую шутку, и он оглянулся на будку осветителя, расположенную над балконом. Но за стеклом было темно и пусто.

Скрипнула, открываясь, дверь. У Доминика сердце упало в пятки.[392] Вновь обернувшись к сцене, он увидел, что из левой кулисы на подмостки вышла женщина в бирюзовом домашнем халате и бежевых шлёпанцах.

У неё было круглое, одутловатое лицо и тусклые гла́зки-пуговки. На плечах невидимым грузом лежала вечная усталость.

Доминик почувствовал, что на глазах у него выступают слёзы, а горло перехватило. Остолбенев, он смотрел на свою мать.

— Мама! Ма, что ты здесь делаешь? Мама? Ау!

Но она его не слышала. Мать механически начала накрывать на стол. Бумажные салфетки, фаянсовые тарелки, дешёвые вилки. Подбежав к са́мой сцене, Доминик закричал — но мать не обращала на него никакого внимания. Очевидно, она его не видела и не слышала — словно находилась в параллельном мире, словно сцена была отделена от зала зеркальным стеклом.[393] Что за фигня?

Доминик пытался не сойти с ума в этой безумной ситуации, докопаться до смысла морока. А наваждение продолжалось.[394] Дверь в дальней «стене» гостиной распахнулась, и на сцене появился отец Доминика.

При виде этого человека сердце Доминика словно бы сдавили в кулаке. Ведь отец умер! Однако же он стоял на пороге, ярко освещённый, весь в грязи́ и поту́.[395] Вызывающе набычившись, старикан злобно захлопнул за

391 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
392 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
393 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
394 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
395 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

собой дверь.[396] Он был одет в засаленные рабочие штаны и фланелевую ковбойку. В одной руке он держал помятый бидон с надписью «Кейзен», в котором брал с собой на работу обед, а в другой — вечернюю газету.

Оставив бидон на кухонном столе, отец Доминика быстро прошёл к своему любимому креслу и развернул газету. Если он и обратил внимание на присутствие жены, Доминик проглядел этот момент. В сцене было что-то сюрреалистическое — она вселяла ощущение, будто у всего происходящего есть иной, потаённый, смысл. По предположению Доминика, это мог быть любой из вечеров за двадцать лет совместной жизни его родителей.

Доминик боролся с захлестнувшим его наплывом эмоций, пытаясь сосредоточиться на персонажах сцены. Его изумило, что мать оказалась дурнушкой — ничего общего с красавицей из его воспоминаний, а отец — куда меньше ростом. Где же его былой грозный вид? Доминик вновь удостоверился, что выпуклая линза памяти извращает факты.

Дверь в левой кулисе внезапно распахнулась, и в комнату вошёл хилый, болезненно худой мальчик лет девяти. У мальчика были оттопыренные уши, ясные голубые глаза́ и тёмные, прилизанные бриолином волосы. Доминик вновь остолбенел: в мальчике он узнал СЕБЯ.[397] До этого ему и не приходило в голову, что в детстве он выглядел столь хрупким и странным; Доминик болезненно скривился, услышав высокий голос мальчугана:

Мальчик: Здравствуй, папа!

Держа под мышкой кипу альбомных листов, мальчик подошёл к отцовскому креслу.

Мальчик: Гляди, что мы с Бизи хотим сделать!

Приветствие было встречено молчанием.[398] Отец продолжал закрываться газетой.

Мать: Джозеф, мальчик с тобой разговаривает.

Отец: Что? Чего ему надо?

Мальчик: Смотри, папа! Мы с Бизи поставим спектакль! Со всех ребят будем брать по десять центов! *(суёт в ру́ки отцу несколько листов бумаги)* Вот я тут нарисовал… Гляди, вот это дом Белоснежки, а это…

Отец: Спектакль? Белоснежка? … Это которая в сказке?

Мальчик: Да, как в том мультике диснеевском, и…

Отец нехорошо рассмеялся.

396 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
397 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
398 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отец: Сказки? Сказки-пидоразки! *(взмахивает рукой, разбросав рисунки по всей комнате)* Это, сынок, дело не мужское! Пусть пидора спектакли ставят — или ты, малый, пидором стать хочешь?

Мальчик: Пап, но это же хорошая сказка и…

Отец: Вот что, убери эту мутотень и чтоб я больше ничего такого не видел. И не слышал! Дуй лучше в футбол играть… а эти пидорские фокусы брось!

Доминик стоял у сцены. От происходящего у него гудела голова. Как ему запомнился этот вечер! Отец буквально втоптал его в грязь, и маленький Доминик отказался от игры́ в театр. В тот вечер он позволил умереть частице своей души́.

Внезапная ярость охватила Доминика, когда он заставил себя вернуться в прошлое и припомнил, что случилось, когда он начал подбирать с пола рисунки.

На сцене его маленький двойник уже́ наклонился, потянувшись к разбросанным листочкам.

Подскочив к са́мой рампе, Доминик вскричал: «Берегись! Не подпускай его к ним… он их порвёт!»

Тощий темноволосый мальчишка замер, окинул взглядом тёмный зал, словно прислушиваясь. Его родители, очевидно, ничего не слышали и вообще застыли так, точно время для них остановилось.

Мальчик *(глядя в направлении Доминика)* **:** Что вы сказали?

— Отец сейчас порвёт твои рисунки… если ты ему не помешаешь, —[399] сказал Доминик. — Так что собери их сам, и поскорей. Пото́м скажи ему, *что* ты обо всём этом думаешь. Выскажи, что у тебя на душе́.

Мальчик: Кто вы?

Глубоко сглотнув, Доминик заставил себя спокойно и внятно произнести:

— Ты сам знаешь, кто я…

399 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мальчик *(улыбаясь)* **:** Ага, вроде догадываюсь.

Вновь обернувшись к сцене, мальчик проворно собрал все свои рисунки, к которым уже́ тянулась огромная лапища его отца.

Мальчик: Нет! Не смей их трогать! Оставь меня в покое!

Отец *(несколько шокированный словами мальчика)* **:** И что же ты хочешь делать?[400] Прибабахнутым хочешь вырасти? Чем тебе бейсбол не потрафил? Небось слабо́ в бейсбол-то играть?

Прижав листочки к груди́, мальчик замялся… отыскал глазами в темноте Доминика, после чего вновь уставился на отца. Мальчик тяжело дышал. Очевидно, ему было страшно, но в его позе чувствовалась какая-то новая сила. К его горлу подступали всхлипы, но он заставил себя чётко выговаривать слова́.

Мальчик: Да нет, бейсбол мне нравится. Но это вот мне нравится тоже. И… и плевать я хотел, если тебе это не нравится. Главное, чтобы мне самому́ нравилось! Только это и важно!

✷ ✷ ✷

Мальчик выбежал из комнаты, унося рисунки. Отец некоторое время пялился на дверь, за которой скрылся сын, затем вернулся к своей газете, стараясь делать вид, будто эта краткая стычка его ничуть не смутила. Мать продолжала стоять у стола с поникшим, безрадостным лицом.

Софиты и огни рампы моментально погасли, и всё погрузилось в сумрак. Доминик только глазами хлопал, наблюдая, как фигуры его родителей растворяются призраками в темноте, тают, оплывают.

Ещё одно мгновение — и родители исчезли. Декорации медленно стали превращаться в интерьер салуна «У Ника».

Сердце Доминика безмолвно вскрикнуло, но было уже́ слишком поздно. Виде́ние — или как там его назвать — испарилось.

Бухнувшись в первое попавшееся кресло, он перевёл дух. Потирая глаза́, ощутил на лице тонкую плёнку испарины. Сердце громко, нервно стучало. Что, за фигня с ним случилась?

400 В оригинале «?.», т. е. точка после вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Нет, он не спал — но чувствовал себя так, словно только что вышел из транса. Ясное дело: он сошёл с ума — и всё же чётко сознавал, что произошедшее не было галлюцинацией. Иначе вся его прежняя жизнь тоже была кошмаром.

Как натурально всё это смотрелось… Теперь потаённые механизмы, управлявшие жизнью его семьи́, казались Доминику простыми, как дважды два. Он даже удивился, что в детстве не видел вещи такими, какими они были на са́мом деле. Или, может быть, всё-таки видел…

Дети воспринимают жизнь на иной частоте, чем взрослые.

Дети ещё не успели потратить массу времени на создание защитных механизмов и формулирование оправданий для всех мерзостей, происходящих в мире. Дети не подслащивают пилюли. Это позже мы начинаем сами себе вешать лапшу на уши.

Вскочив, Доминик обвёл взглядом зал. Им завладело странное чувство: чудилось, будто он один остался в живых во всём мире. Он ощутил тотальное одиночество. И понял, что пора отсюда смываться. Хватит растравлять раны. Пора заглушить боль — разве не в этом смысл жизни?

Он вернулся в фойе и оттуда прошёл по длинному коридору в свой кабинет. Погасил свет, запер дверь, направился к служебному входу. Поравнявшись с запасным выходом, он услышал за спиной шаги. Мгновенно обернулся — и увидел маленького, скрюченного негра с шваброй в руках.

— Вечер добрый, мистер Кейзен, — произнёс негр.

— А, Сэм, здоро́во, — отозвался Доминик. — Ладно уж тебе надрываться. Спокойной но́чи.

И вышел через запасной выход на автостоянку, а старый ночной сторож и дворник остался в здании один.

✷ ✷ ✷

Наутро Доминик Кейзен почувствовал себя каким-то «другим», но объяснить себе это ощущение так и не смог. Свое вчерашнее приключение он забыл начисто, если не считать того, что в голове у него вертелось одно настырное сомнение. Должно быть, эту дикую мысль он вынес из увиденного во сне; тем не менее,[401] он решил кое-что уточнить.

401 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

По дороге в «Барклайку» он заглянул в мэрию и обратился в архив отдела городского планирования. Чиновники были радушны, как истинные бюрократы, но, потеряв часа́ два с лишним, Доминик выяснил кое-какие пикантные факты.

Вечером после спектакля Доминик, как обычно, вернулся к своим служебным обязанностям администратора сцены. Он должен был проверить, весь ли реквизит расставлен по своим местам для следующего спектакля, в порядке ли декорации; не исчезло ли из будки осветителя и звукорежиссёра расписание шумов и световых эффектов. Всё это Доминик делал неторопливо, выжидая, пока огромное здание опустеет. Затем прошёл в зрительный зал и уселся в первом ряду́ партера. Театр был тих. Доминик закрыл глаза́, глубоко задумавшись. Перед его мысленным взором стоял документ, найденный им в архиве: оказывается, на месте просцениума[402] «Барклайки» когда-то находился дом его родителей, стоявший в са́мой середине квартала.

Доминик медленно поднял веки, держа в поле зрения сцену. И, точно по его телепатическому приказу, софиты загорелись, ярко высвечивая один участок декорации за другим. На сей раз Доминик почувствовал не только страх, но и воодушевление, точно перед отъездом в долгожданное путешествие.

Подняв голову, Доминик увидел хорошо знакомую гостиную, согретую светом софитов…

Дверь открылась, и в комнату вошёл отец. Он был в своей обычной рабочей одежде, с бидоном и вечерней газетой. Широкоплечий Джозеф Кейзен обычно был скор на шаг и буквально излучал энергию грубой силы, но сегодня он, как ни странно, понуро сутулился.

Отец: Луиза! Луиза, ты где?

Ему никто не откликнулся. Пожав плечами, отец уселся в своё любимое кресло. Начал было разворачивать газету, но тут же с раздражением швырнул её на пол. В левой кулисе распахнулась дверь, и появилась мать Доминика[403] с кухонным полотенцем в руках.

Мать: Джозеф? Что это ты так рано?

Джозеф сердито зыркнул на неё, кривя рот. Но внезапно гнев оставил его. Стараясь не глядеть на жену, он с усилием заговорил.

Отец: Нас сегодня опять рассчитали… Прораб меня вконец достал. Он нам всем говорит: «Завтра утром пусть никто не приходит».[404] Ну, я взял да ушёл. Пусть им папа Карло дорабатывает!

402 Просцениум (лат. proscaenium, proscenium, от греч. προσκήνιον) — изначально (в античном театре) площадка для игры́ актёров, ныне передняя, ближайшая к зрителям часть сцены, расположенная перед порталом (впереди за́навеса) (прим. ред. Alex.Rus.UA)

403 В оригинале «мать—Доминика» через тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

404 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Лицо матери исказилось в болезненной гримасе.

Мать: Как всегда! И опять перед самым Рождеством! Это не по-божески.

Отец:[405] Надо поскорее куда-нибудь пристроиться. А то за свет будет нечем платить.[406] Вот только нигде сейчас не берут… ух, суки!

Мать подошла к отцу, положила руку ему на плечо

Мать: Ничего, раньше терпели, и сейчас как-нибудь перебьёмся.

Джозеф, замотав головой, в сердцах хлопнул себя ладонью по бедру.

Отец: Эх, Луиза, какой я тебе муж?! Мужчина должен о своих заботиться! Мужчина должен семью содержать!

Раскрылась центральная дверь, и вошёл подросток — юный Доминик. Под мышками — пачка книг и куртка.

Мальчик: Привет, ма… ой, папа, а что ты так рано пришёл сегодня?

Отец *(пропуская вопрос мимо ушей)* **:** Где таскаешься?

Мальчик: У нас после уроков была репетиция. Только что кончилась. *(Матери)* : Ма, можно мне яблоко или чего-нибудь ещё поесть?

Отец: Ре-пе-ти-ция, говоришь? опять шпектакли?

Мальчик: Ну пап, ты же отлично знаешь, у нас в школе будет конкурс одноактных постановок, и я участвую как режиссёр. Я эту пьесу сам написáл, помнишь?

Отец, медленно покачав головой, раздражённо вытер гýбы, затем покосился на жену.

Отец: Я тут бьюсь, как рыба об лёд, чтобы семью прокормить, а он всё пидорам пьески пишет!

Мать вновь прикоснулась к плечу Джозефа.

Мать: Джозеф, пожалуйста, не срывай на нём зло…

Мальчик: Вот именно, папа. Мы с тобой всё это ужé обсуждали, разве не помнишь?

Не говоря ни слóва, отец Доминика вскочил с крéсла и быстро, зло ударил подростка по лицу. Отлетев к стене, Доминик ударился головой и, шатаясь,[407] как пьяный, попятился в угол.

405 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
406 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
407 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отец: Что, ещё хочешь? Ещё получить хочешь? Умника из себя корчишь, щенок! С отцом так не разговаривают… смотри, не смей никогда больше!

Мать бросилась поддержать сына.

Мать: Зачем ты[408] его так сильно?

Отец: А ты не подходи к нему, поняла? Это я его ещё пожалел, вполсилы бил! Ишь ты, отца не уважает. В его годá пора работать идти, здоровый ужé мужик вымахал. Пора семье помогать!

Подросток устремил на отца глазá, полные ужаса. На фоне Джозефа он выглядел совсем беспомощным, и однако же, овладев собой, заговорил.

Мальчик: Чего тебе от меня надо? Что я тебе плохого сделал?

Отец *(издевательским тоном, жеманно блея)* **:** Мой милый, что тебе я сделала?

Ухмыльнувшись своей остроте, отец вновь занёс руку над мальчиком —[409] *просто так, чтобы заставить его подёргаться.*

Отец: Я тебе скажу, *что* ты сделал… ведёшь себя не как мужик! Что, скажешь, не плохо? Но этому конец.[410] С сегодняшнего дня ты у меня будешь мужчиной.

Мальчик: Что ты имеешь в виду?

Отец: Работать пойдёшь.

Мальчик: Но я ужé работаю…

Отец: Ха! Работа! Газетки разносить! Найдёшь настоящую работу. Где деньги платят! Пора ужé и помогать нам с матерью.

Мальчик: А как же школа?

Расхохотавшись, отец презрительно уставился на сына.

Отец: Школа? Ты ужé здоровый мужик… хватит, выучился! Я сам прошёл три класса, два коридора, и ничего! Или ты лучше меня?

Мальчик: Но, папа, я не хочу бросать школу. Мне нельзя сейчас бросать школу.

Отец: «Не могу»? «Не хочу»? Хочется-перехочется. Клал я на твои делá с прибором! Я тебе отец, и я за тебя решаю, что делать! Всё равно в этой школе тебе только мозги всякой мурнёй задуривают…

Мальчик: Папа, я ушам своим не верю…

---

408 В оригинале «Ты» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
409 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
410 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отец: Закрой хлебало и слушай, а не-то опять получишь!

Доминик замер, как заворожённый, с растущим гневом наблюдая это мерзкое зрелище. Теперь-то ему стала кристально ясна внутренняя механика его семейства. Доминик понял, что не позволит своему юному «я» подчиниться безумным идеям отца, этого забитого жизнью неудачника.

Не раздумывая, он вскочил и окликнул Доминика-младшего:

— Эй! Скажи ему, чтобы ру́ки не распускал! И предупреди, что, если он ещё раз попробует, ты ему не позволишь!

Как и в прошлый раз, ни отец, ни мать словно бы не услышали го́лоса Доминика. Но подросток среагировал молниеносно. Обернувшись к залу, он начал всматриваться в темноту.

Мальчик: Что вы сказали? Это опять вы?

— Да, — еле выговорил Доминик — у него перехватило горло. — Это я… а теперь повтори ему мои слова́. Выскажи ему, что ты сейчас думаешь. Без обиняков.

Кивнув, мальчик вновь обернулся к отцу. В воздухе повисло огромное напряжение — так в сырую погоду чувствуется предвестье грозы́.

Мальчик: Не смей меня больше бить.

Он стоял у стены́, высоко держа голову, излучая новообретённую силу.

Отец: Чего-о?

Мальчик: Не смей меня бить. Ты не имеешь пра́ва. Я ничего плохого не сделал и мне надоело, что ты мне всё какую-то вину навязываешь.

Отец: Захочу — выпорю, ясно!

Мальчик: Нет! Не выпорешь! Я тебе не дамся!

Ухмыльнувшись, отец переступил с ноги́ на ногу, опустив ру́ки по бокам точно готовился к драке.

Отец: Футы-нуты! Или в тебе вдруг мужик проснулся? Долго же он спал!

Мальчик: Школу я не брошу. И ты меня не заставишь. У меня есть кое-какие планы на дальнейшую жизнь, а если я брошу школу, они не осуществятся.

Отец, несколько опешив, молча воззрился на сына.

Мальчик: Я хочу кое-чего достигнуть в жизни… того, чего ты никогда не достигнешь.

Отец: Это ещё что за паскудные намёки?

Мальчик: Папа, заруби себе на носу. Я не собираюсь отдуваться за чужую жизнь… я отвечаю только за свою. А за твою я и тем более не отвечаю. Я не могу прожить твою жизнь за тебя — но свою я проживу по-своему.

Отец *(растерянно)* **:** Слушай ты, засранец…

Мальчик: Нет, папа. По-моему, твоя очередь слушать. Попробуй меня выслушать хоть раз в жизни.

Повернувшись спиной, мальчик направился к центральной двери́, взялся за ручку…

Мальчик: Пойду немного прогуляюсь.

И ушёл со сцены. Отец так и остался стоять, онемевший, утративший власть над сыном.

Доминик опустился в кресло, а сцена меж тем моментально погрузилась в сумрак, персонажи и реквизит растворились в темноте.

В одно мгновение декорации исчезли. Всё тело Доминика напряглось, в ушах у него стоял шум, похожий на рокот прибоя. Он чувствовал себя так, словно только что пробудился от сна. Но Доминик знал: то был не сон.

Воспоминание?

Возможно. Но в этот момент, сидя во тьме, он обнаружил, что воспоминаний у него нет. А семейный скандал, только что разыгравшийся на его глазах, — лишь вырванный из контекста момент, нечто вечное, что испокон веков мотается по волна́м времени. Событие, существующее вне времени.

«ДА ЧТО СО МНОЙ ТАКОЕ?» — этот мысленный вопрос разъедал Доминика, как концентрированная кислота, вселяя в него безотчётную панику. Встав с кре́сла, он понял, что надо срочно уходить. И направился к выходу из зала, приказав себе не оглядываться на тёмную сцену.

В освещённом фойе ему сразу полегчало. Страхи и безумные мысли отступали. Ничего. Надо просто вернуться домой. Зашагав к выходу, он услышал какой-то звук и замер. Щелчок дверной щеколды.

— Мистер Кейзен! — раздался знакомый голос. — Что это вы так припозднились?

Обернувшись, Доминик увидел, что у двери́ своего кабинета стои́т Боб Игер[411], администратор «Барклайки».

— А, Боб, привет. Я тут… Так, кое-что повторял. Вот собираюсь уходить.

Игер с усмешкой погладил свою бороду.

— Нервы расшалились из-за премьеры, верно? Дело житейское.

Доминик неловко улыбнулся.

— Да, ничего нет хуже премьеры…

— А знаете, мистер Кейзен, вы сыграли отлично. Высший класс.

— Правда?

Игер с улыбкой кивнул.

— Хорошо, поверю вам на слово, — проговорил Доминик. — Ну что ж, двину-ка я домой. Доброй но́чи.

Вернувшись в свой особняк, он обнаружил, что не может сомкнуть глаз. Его грызло ужасное ощущение, будто стряслась какая-то беда, будто что-то в его жизни поломалось, но что? С чашкой растворимого кофе он забрёл в свой кабинет, где на огромном, заваленном всякой ерундой столе ждали[412] пишущая машинка и толстая рукопись.

Он сел за стол и решил вновь повозиться с пьесой, которую пытался писа́ть. Каждый актёр мнит себя драматургом, верно ведь? Мысли заметались в голове, и Доминик принялся печатать. Лёг он в ту ночь совсем поздно.

На следующий вечер спектакль прошёл лучше, чем вчерашняя премьера, но всё равно казался ещё сыроватым. Доминик играл Алана в «Лимонном небе» Уилсона. Режиссёр был доволен созданным им образом, но Доминик знал — можно было бы и лучше. Давным-давно он понял на опыте, что недостаточно понравиться публике — важнее понравиться самому́[413] себе.

Он остался у себя в гримёрке, предаваясь ничегонеделанию, выжидая, пока все разойдутся. Остальные актёры решили ещё посидеть в их любимом бистро. Доминик вежливо отказался. Светская жизнь никуда не денется. Сегодня его, как магнитом, тянуло вернуться назад в театр, назад в эту тёмную пустоту, где добывается и пропадает прахом слава. Он и сам не понимал, что заставило его задержаться. Но его одолевали чувства, а точнее, воспоминания. Возможно, то были сны… или воспоминания о снах… Или…

Он и сам не понимал, что с ним такое, но отчётливо знал: ответ ждёт его в сумраке зрительного зала.

---

411 Очевидно, «говорящая» фамилия (по меньшей мере, ввиду отсутствия англоязычного оригинала, созвучно) слову eager — страстно желающий, жаждущий; интенсивный, напряжённый; энергичный. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

412 В оригинале «Ждали» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

413 В оригинале недостаточное «самом». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наконец народ рассосался, и Доминик, покинув гримёрку, направился окольным путём в зал. Войдя со стороны́ фойе, он обнаружил, что никого не видно — даже Сэм куда-то запропал. И ни одного огня — только светящиеся зелёным надписи «*ВЫХОД*». Шагая по центральному проходу, он почувствовал себя как в заброшенном соборе. Темнота сгущалась[414] вокруг него, как густой туман, голова невесть от чего слегка кружилась. Окружённый со всех сторон бескрайним морем пустых кресел, он увидел за раздвинутым занавесом на сцене смутные очертания декораций — современного особняка в пригороде калифорнийского го́рода Эль-Кахон.

И тут медленно, тихо потрескивая, софиты начали разогреваться… и сцена, озарённая внезапным светом, ожила. Тёмные силуэты вновь сменились объёмным, полноцветным антуражем трудного детства.

Убогая гостиная, кухонька, истёртые ковры, унылые шторы. Раскрылась центральная дверь, и появилась мать Доминика, одетая в простой костюм от хорошего портного. Её посеребрённые сединой волосы были завиты и уложены. Весь её облик был исполнен строгой элегантности. Доминик, насколько ему помнилось, никогда не видел мать такой. Мать огляделась по сторонам, точно удивляясь, что до́ма никого нет.

Мать: Доминик, где ты? Доминик?

С озадаченным видом она закрыла за собой дверь. Вновь позвала сына по имени. Затем, обернувшись к рампе, нашла взглядом в зале Доминика, который[415] остолбенело созерцал происходящее.

Мать: Ах, вот ты где. Иди сюда, Доминик! Иди ко мне…

Доминик удивился, но повиновался словам матери — безотчётно, точно во сне. В ситуации было что-то сюрреалистическое. Он интуитивно понял, что надо не сомневаться, а просто подыгрывать матери.

И он подыграл.

Забравшись на сцену, он ощутил на лице жаркие лучи софитов — и понял, что преодолел некий барьер.

Его охватило волшебное чувство, известное всякому актёру по моменту, когда занавес поднимается и ты выходишь на сцену… но к этому привычному ощущению примешивалось нечто совсем иное…

Доминик: А где папа? Его ведь там не было, правильно?

Мать *(отводя глаза́)* **:** Нет, Доминик… Мне очень жаль. Не знаю даже, куда он подевался?[416] Вообще не приходил ещё с работы.

414 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Сгущалась». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
415 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
416 В оригинале «—.» (тире и точка) вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она замялась, поправляя кружевную накидку на диване. Затем вновь обернулась к сыну.

Мать: Но, Доминик, это было просто чудесно! Самый красивый спектакль в моей жизни! И ты замечательно играл! Как я тобой горжусь, мой мальчик!

Улыбнувшись, Доминик подошёл к ней и обнял. И поймал себя на том, что не может припомнить, когда вот так обнимал мать. Открытые проявления чувств в его доме были редкостью. Их чурались почти с ужасом.

Доминик: Спасибо, мама.

Мать: Я всегда знала: ты просто молодчина. Я всегда знала, что когда-нибудь буду тобой гордиться.

Доминик: Правда?

Отстранившись от матери, он заглянул, ей в глаза́.

Доминик: Тогда почему ты мне никогда этого не говорила, когда я был маленьким? Когда я действительно в этом нуждался.

Мать, отвернувшись, уставилась на раковину.

Мать: Тебе не понять, Доминик. Ты не знаешь, сколько раз мне хотелось что-нибудь сказать, но…

Доминик: Но он не давал, верно? Господи, мама, неужели ты до такой степени его боялась? Как ты могла спокойно стоять[417] и смотреть, как он ломает жизнь твоему единственному сыну?

Мать: Не надо так говорить, Доминик. Я за тебя молилась, Доминик… Целыми ночами молилась, чтобы ты стал сильнее меня, чтобы ты дал ему отпор. Я делала всё, что могла, Доминик…

Доминик: Мама, одних молитв мне было недостаточно… ну да ладно, я[418] понимаю. Извини, что я на тебя так ополчился.

Раздался скрежет ключа — должно быть, кто-то пытался попасть им в скважину. Громко, зловеще щёлкнул замо́к. Дверь медленно распахнулась, и в проёме возникла привалившаяся к косяку фигура отца Доминика. Очевидно, он был пьян. Джозеф Кейзен ввалился в гостиную, не обращая внимания на жену и сына. Плюхнувшись в своё любимое кресло, он уставился куда-то в пространство.

Доминик: Где ты был?

Отец уставился на него со злостью, которую не смягчала даже осоловелость взгляда.

Отец: А тебя это е…?

417 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Стоять». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
418 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Я». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Доминик: Да. Ты мой отец. Сыновья за своих отцов обычно беспокоятся… или это тебе в новинку?

Отец *(закашлявшись)* **:** Ты мне это, не мудри! Ща токо встану, как врежу —[419] косточек не соберёшь!

Доминик *(с печальной улыбкой)* **:** Ты знаешь какие-нибудь другие способы общения с людьми? Или всё «врежу» да «врежу»[420]?

Отец *(хихикая)* **:** Да что с тобой говорить! Ишь, учёными словами выражаешься… Хоть раз попробуй быть мужчиной!

Доминик: Папа, я так хотел, чтобы сегодня ты был в зале. И ты знал, что я хочу тебя там видеть — знал ведь?

Отец посмотрел на Доминика, и злоба в его глазах чуть-чуть рассеялась. Глядя себе под но́ги, Джозеф Кейзен тихо проговорил.

Отец: Д-да… Я знал.

Доминик: Так почему же ты не пришёл? Неужели это так уж приятно:[421] заползти в одну из тех помоек, что ты зовёшь барами, и нажраться, как свинья? Ты[422] что, думал, что если напьёшься, всё это исчезнет? Что ты…

Отец: Заткнись! Заткнись, а то врежу!

Отец Доминика прикрыл уши руками, чтобы не слышать обидных слов.

Доминик: Нет уж. По-моему, ты больше никому не врежешь. Никогда.

Отец: Ишь как расхрабрился! Чудак на букву «М»!

Доминик: Ты со мной о храбрости не заговаривай. Почему ты сегодня не пришёл на спектакль? На мой спектакль! Спектакль, в котором играет твой сын!

Отец: Ты это куда клонишь, а?

Доминик: Чего ты испугался, папа? Что тебя увидят твои дружки? Что они скажут: «Джо пошёл на пидоров смотреть»?

Отец: Ха! Гля, сам признался!

Мать Доминика встала между мужчинами.

Мать: О Господи, поглядели бы вы на себя! Столько злобы… столько ненависти. Перестаньте, ради всего святого! …

Доминик: Ненависти? Нет, мама, ты не права́. Любви особой я к нему не питаю, верно… но ненависть? Разница есть.

---

419 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
420 В оригинале без закрывающей па́ры кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
421 В оригинале без двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
422 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отец *(глядя на сына)* **:** Да что ты понимаешь, сопляк?

Доминик: По-моему, в этом-то и состоит суть проблемы: любовь в нашем доме в дефиците. Ни капли любви. Ни капли тепла, ни капли любви.

Отец: Тьфу! Я тебе расскажу про любовь! Тридцать пять лет на твою мать работаю. Как папа Карло! Но зато она до́ма царствует и не ходит на работу, как у других мужей жёны! Усёк, паршивец?

Произнося каждое из этих слов, отец конвульсивно трясся. На опухшем багровом лице выступил пот.

Доминик: Папа, любовь проявляется не только в этом. Например, наши с тобой отношения… Когда я был маленьким, ты хоть раз подсаживался со мной поиграть? Рассказал мне хоть одну сказку? Пробовал меня рассмешить? А на рыбалку мы с тобой ходили? А зме́и запускали? Хоть разочек?

Отец: Мужчина должен работать!

Доминик: Ты, значит, до такой степени любил свою работу?

Отец: Ты это куды клонишь?

Доминик: Ты работу любил больше, чем меня?

Отец *(растерянно, со злостью)* **:** Ты это… попусту не бзди!

Доминик: Слово «бздеть» здесь неуместно. Послушай, когда я был маленький, то много времени проводил один. Ведь братьев и сестёр у меня не было. Иногда я нуждался в ком-то, кто направлял бы меня, учил.

Отец: Я вас бросил? Нет! Я в жизни не пришёл домой позже восьми… у матери спроси! Я всегда был до́ма, каждый вечер!

Доминик *(с печальной улыбкой)* **:** — О да, твоя физическая оболочка присутствовала до́ма. Но в том, что касалось эмоций — тебя до́ма не было! Разве ты не понимаешь? Я помню, как подглядывал на улице за другими ребятами — как они гуляют со своими отцами и занимаются всякими разностями. Я помню, как жгуче я их НЕНАВИДЕЛ — потому что чувствовал себя обделённым. Это было куда побольнее твоего ремня, намного больнее.

Отец[423] *смолчал, уставившись на свои колени, на бессознательно сцепленные ру́ки.*

Мать: Доминик, не трогай его сейчас. Давайте кофейку выпьем, а пото́м…

Доминик: Нет, мама. Давайте дойдём до конца. Давайте всё друг другу выскажем. К этому давно шло. *(Отцу)* : Послушай, папа… ты знаешь, что ты ни разу на моей памяти меня не хвалил и не подбадривал? Разве что приказывал заниматься всей этой фигнёй. «Настоящий мужчина…»!

423 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отец: Ты что называешь фигнёй?

Доминик: Помнишь ту дешёвую гитару? Я её купил на заработанные деньги, когда газеты разносил.

Отец: И чего?

Доминик: Но, бьюсь об заклад, ты забыл, как на меня тогда разорался. «Нам не по карману тебе учи́теля нанимать!» «Музыканты — все пидора!»

Отец: Что-то не припомню…

Доминик: Зато я помню. А когда я тебе сказал, что сам выучусь играть, ты расхохотался, помнишь?

Отец: Так-таки и расхохотался?

Доминик: Да. И мне не надо напрягаться, чтобы это вспомнить. Оно врезалось в моё сердце. Вся эта треклятая сцена.

Отец: Да слыхано ли, чтобы кто-то выучился музыке сам? Чушь собачья!

Доминик: Может быть… но я-то выучился, разве нет! И играл в группе до того ве́чера, когда поздно пришёл домой с танцев, а ты поджидал меня в прихожей. Помнишь, папа? Помнишь, как разбил мою гитару об раковину?

Отец отвёл глаза́. Похоже, ему всё-таки стало стыдно.

Доминик: Вот какая у меня была жизнь, папа; я занимался всякими интересными вещами НАПЕРЕКОР тому, что получал от тебя. Или лучше сказать, чего я от тебя не получал.

Отец: Брешешь.

Доминик: Хотел бы я, чтобы это была брехня. Серьёзно, хотел бы. Но всё это правда, папа. Чистая правда.

Отец: Да заткнёшься ты, наконец?!

Доминик: Заткнусь. Когда всё скажу. В чём проблема? Ты меня боишься, что ли? По-моему, тут-то и была зарыта собака с са́мого начала — тебе не нравилось, что твой ясноглазый мальчик интересуется миром?

Отец *(устало)* **:** Всё чушь какую-то мелешь.

Доминик: Попробуем с другого конца. Ты боялся не только меня, но и всех вообще на свете. Всех, кого считал умнее себя, или образованнее, или богаче… всех их ты всегда старался обосрать, верно ведь?

Отец: Нет! Брешешь!

Доминик: Погоди! Я ещё не всё сказал. И вот, когда однажды утром ты проснулся и осознал, что твой чокнутый сын не вырастет мужланом с пивным брюхом, ты его бросил, верно?

Отец: Ты это куды клонишь?

Доминик: Я вот куда клоню: когда ты увидел, что твой собственный сын совсем не похож на тебя — но очень похож на всех тех, кого ты боишься и потому презираешь, — ты просто перестал быть отцом этому странному сыну.

Отец: Чего?

Доминик: Разве ты не знал, что я нуждаюсь лишь в крохотной капле одобрения? Капле любви?

Отец: Ты так толкуешь, будто тебе всё ясно… думаешь, ты доктор какой-нибудь? Профессор кислых щей?!

Доминик *(улыбаясь)* **:** Нет. Не «профессор» … просто сын. И если мне ещё не всё ясно, я хотя бы пытаюсь разобраться. А ты даже не пробовал!

Отец, глядя на Доминика, попытался что-то сказать, но язык ему не повиновался. Его нижняя губа мелко тряслась от натуги.

Доминик: Разве[424] ты не понимаешь, зачем я всё это говорю? Разве ты не понимаешь, что я пытаюсь всем этим сказать?

Отец быстро помотал головой. Из его уст вылетело односложное слово.

Отец: Нет…

Доминик: Мне больше ничего не приходит в голову. Не знаю уж, как тебе втолковать… остаётся лишь просто сказать тебе это, папа. Не знаю уж, почему, но после всех этих лет, после всех этих страданий, я знаю, что всё равно тебя люблю. Не могу тебя не любить.

Сделав несколько шагов к отцу, Доминик заглянул ему в глаза́, надеясь найти там хоть тень понимания.

Доминик: Я тебя люблю, папа.

(пауза)

И мне очень нужно услышать те же самые слова́ от тебя.

Надолго воцарилось молчание. Отец и сын встретились взглядом. Доминик чуть ли не кожей чувствовал огромное облако энергии, повисшее над сценой. Затем он увидел, что у отца на глазах выступили слёзы.

Отец *(шагнув к сыну)* **:** Эх, Доминик…

Отец неуклюже обхватил его и крепко прижал к себе. Секунду Доминик противился, но тут же расслабился, нежась в объятиях отца.

Отец: Сынок… что на нас такое нашло?

(пауза) Я… тебя люблю!

424 В оригинале с маленькой буквы в начале предложения «разве». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я тебя люблю! Гад буду!

* * *

Осязая своей грудью могучую грудь отца, Доминик всеми фибрами души́ осознавал, какая это небывалая ситуация. Внезапно в ушах у него громко зашумело, и Доминик запаниковал, растерялся. Отцовские объятия ослабли, и Доминик, отстранившись, взглянул ему в лицо.

Доминик еле успел заметить, что софиты вдруг погасли, но в последнюю секунду перед тем, как воцарилась тьма, обнаружил, что отца подменили. На его месте стоял незнакомый человек.

Актёр.

В рокочущем звуке послышалось что-то знакомое, и Доминик, обернувшись, поглядел в переполненный зал. Целое море людей. И все они, вскочив на но́ги, бурно аплодировали.[425] Тут опустился занавес, отрезав Доминика от зрителей, от потока восторгов.

Доминик и не заметил, как его товарищи по сцене — актёры, игравшие его родителей — подошли к нему с разных сторон и взяли за ру́ки.

Софиты вновь загорелись. Занавес поднялся. Бурная овация набрала новую силу, и внезапно до Доминика дошло.

Тепло разлилось по его телу, и с чувством глубокой благодарности, благодарности неведомым силам, Доминик Кейзен вышел к рампе на поклоны.

© Томас Френсис Монтелеоне

425 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Т. Е. Д. Клайн
«Сделай сам»

Сладенькая, ты только послушай. Какая душещипательная история.

Журнал, вытащенный из середины стопки, пожелтел и пахнул плесенью. Херб облизал гу́бы толстым языком, всмотрелся в страницу с загнутым уголком. «*Дорого́й мистер Почини! Этой весной в моей спальне на линолеуме появился круглый пузырь. А когда установилась тёплая погода, он начал расти,*[426] *как на дрожжах. Мой муж, у которого и так слабое здоровье, вчера споткнулся об него и чуть не упал. Что это, какой-нибудь грибок? Как я смогу избавиться от этого пузыря, не снимая линолеум? Мы не можем позволить себе перестилать пол и очень надеемся на вашу помощь*». Подпись: «*Встревоженная*».

— Меня её тревога не удивляет, — ответила Ирис,[427] окутанная ароматами лимонного масла и пчелиного воска. Она полировала старый столик и у неё чуть сбилось дыхание. — Кому охота делить ванную с поганками?

— Не волнуйся, мистер Почини держит ситуацию под контролем. «*Дорогая Встревоженная! Похоже на то, что между линолеумом и досками попала влага. Зачастую причина тому — сырой подвал. Просверлите отверстие в полу́, в которое и уйдёт скопившаяся под линолеумом вода, а пото́м загерметизируйте этот участок мастикой или креозотом*». — Херб потёр подбородок. — Не так уж это и сложно.

— Только не в этом доме.

— Не понял.

— У нас нет подвала, помнишь? Тебе бы пришлось ложиться на живот и заползать под дом, в эту грязь.

— А ведь ты права́! Удовольствие маленькое. — Живот Херба затрясся от смеха. — Слава Богу, ванная у нас новая.

426 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
427 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Собственно, ванная, чистенькая, недавно выложенная плиткой, и стала одной из основных причин, по которым они купили этот дом. Херб любил подолгу стоять под душем, а Ирис, у которой,[428] в отличие от первой жены Херба,[429] не нашлось времени на рождение детей, обожала полежать в ванне.

В остальном же дом требовал ремонта. Сливы прогнулись, в о́кна дуло, а если б они захотели жить в доме не только летом, но и круглый год, пришлось бы менять древнюю печь, которую топили углём. Со временем возникла бы необходимость добавить несколько комнат. В настоящее время жилым был только один этаж, а чердак прежние хозяева завалили сломанной мебелью, старыми матрасами, какими-то баулами. Кем они были, так и осталось тайной. Ни Херб, ни Ирис не сомневались, что в этом доме уже́ много лет никто не жил, хотя риэлтерша утверждала обратное.

Оба, конечно, хотели купить что-нибудь получше: всё-таки судьба свела их, когда значительная часть жизни осталась позади. Но алименты, которые выплачивал Херб, и неожиданный штраф, наложенный в апреле Департаментом налогов и сборов, заставил их поумерить аппетиты. Кроме того, они получили три акра[430] ле́са, звёзды, которые не могли видеть в городе, и кваканье лягушек, обитавших на соседнем болоте. Рядом с домом стояли сарай и гараж, переделанный из амбара, а расчищенный участок земли́ на опушке ле́са, заросший мхом и поганками, риэлтерша упорно называла огородом. Зато здесь они были вдвоём и принадлежали друг другу. А когда кто-то из приятелей спросил Херба, сможет ли он отремонтировать дом, тот небрежно отмахнулся: «*Я смогу выписать чек, а остальное не так уж и важно*».

Откровенно говоря, он лелеял мысли о том, что всё сделает своими руками, хотя последний раз брал в ру́ки молоток лишь в средней школе на уроках труда. Почему-то Херб не сомневался, что несколько тщательно подобранных руководств по ремонту до́ма и короткие курсы «Этот старый дом» позволят ему обойтись без посторонней помощи. Если уж для создания собственного «гнёздышка» ему предстояло овладеть навыками плотника, маляра, сантехника, значит, он станет мастером на все ру́ки.

И судьба, похоже, пошла ему навстречу. Среди наследства, оставленного прежними хозяевами, обнаружились по́лки со старыми журналами.

В общем-то не такими и старыми, конца семидесятых годов, но повышенная влажность добавила им годков, и выглядели они так, словно вышли в свет лет на двадцать раньше. Ирис хотела сразу их выбросить.

— Они такие противные. — Ирис сморщила носик. — И пахнут плесенью. Лучше мы используем по́лки под книги, которые купим на распродаже.

428 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
429 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
430 В метрической системе 3 акра — это примерно 1,214 га или 12140,58 м^2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но Херб не хотел этого слышать.

— В деревенском доме они просто необходимы. Ты посмотри, что это за журналы: «Домашний мастеровой», «Практичный садовод», «Овощи без удобрений», «Бережём здоровье». Отличное чтиво в дождливый день.

К счастью для Херба, в этой части света дождливых дней хватало. И после трёх месяцев, проведённых в доме, ему стало ясно, что читать, к примеру, колонку мистера Почини, которая имела место быть в каждом номере журнала «Домашний мастеровой», куда увлекательнее, чем что-то делать по дому. Ему ужасно нравилось покупать инструменты, часть гаража он превратил в мастерскую. Но когда инструменты замерли на крюках, вбитых в стéны, и появилось место для работы, энтузиазма у Херба сразу поубавилось.

Более того, их обоих одолела лень, может, причиной этому стала сырость. Лето выдалось очень уж дождливым. Количество выпавших осадков побило все рекорды. «Газета скидок», которую они каждую неделю доставали из почтового ящика, расползалась в руках. Страницы купонной книжки, которую купила Ирис, слиплись между собой. Долларовые купюры в бумажнике Херба давно ужé не хрустели. Вот и сегодня тяжёлые облакá предвещали грозовые дожди.[431] Херб отложил «Мастерового» и провёл вторую половину дня, уткнувшись в «Кухню загородного дóма». Ирис не удалось превратить приставной столик, который она притащила с чердака, в предмет старины, поэтому она убрала воск и ретировалась в спальню вздремнуть часок-другой.

Когда она проснулась, ужé начало темнеть. Облакá полностью затянули небо, но дождь так и не пошёл. Несмотря на то,[432] что вторую половину дня они ничего не делали, на готовку сил не осталось. Поэтому они пообедали при свечах.[433] В придорожном ресторанчике, который находился в нескольких милях от их дóма. Выпили по маленькой, пожелав друг другу здоровья.

Дом встретил их холодом, в воздухе стояла сырость. Им ужé пришлось купить шерстяные подстилки, которые укладывались на матрасы, чтобы прóстыни не впитывали влагу.[434] В этот вечер, чтобы изгнать сырость, Херб решил разжечь камин. Перед тем как занести дрова в дом, он внимательно осматривал[435] каждое полено, чтобы соскочивший с него паук или какое-то другое насекомое не проникло за порог. Ему вспомнилась строчка из «Практичного садовода» насчёт того, что надо постоянно остерегаться появления «*насекомых-паразитов на персиковом дереве и гусениц на бутонах роз*».

431 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
432 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
433 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
434 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
435 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Осматривал». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А пото́м его вновь увлёк «Домашний мастеровой». Журналы он просматривал уже́ не одну неделю, начав с тех экземпляров, которые лежали в са́мом низу, и поднимался всё выше и выше. И пока Ирис, лежавшая на диване, зевала над очередным женским романом, Херб увлечённо читал о том, как обеспечить безопасность дровяной печи́, построить внутренний дворик и, хотя и знал, что уж этим заниматься ему точно не придётся, откачать воду из затопленного подвала.

Он вытащил из стопки очередной журнал, не столь пожелтевший, как остальные.

— Любопытное письмо, — нарушил Херб тишину. — От человека, который не мог выкорчевать пень у своего до́ма. Мистер Почини рекомендует как можно быстрее избавиться от пня, а не то в нём поселятся термиты. — Херб покачал головой. — Господи, да в деревенском доме нельзя терять бдительность ни на секунду. А вот ещё одно, от человека, который построил трубу, пропускающую дым. — Он хохотнул. — Вот болван. Дым у него идёт не на улицу, а на чердак. — Херб задумчиво оглядел камин, но его вроде бы построили по всем правилам. Поленья весело трещали, дым уходил куда следовало. Херб вернулся к журналу. — Какой-то парень спрашивает, как вывести пя́тна с бетонного пола. Мистер Почини рекомендует смесь на основе винного камня и какой-то «щавелевой кислоты» … Слушай, а вот ещё одно письмо от той же женщины. «*Дорого́й мистер Почини! Совет, который вы нам дали, насчёт того как избавиться от пузыря на линолеуме с помощью отверстия, просверленного в потолке подвала, нам не пригодился. Подвала у нас нет, а под дом ни я, ни мой муж залезть не можем. Пузыри…*[436]»

Ирис оторвалась от книги.

— Вроде бы *вначале пузырь был один.*

— Ты же знаешь, дорогая, как бывает с этими пузырями. — Перед его мысленным взором возникла Ирис, но лежащая не на диване, а в ванне. Сегодня их нет, а завтра — есть. — Он дождался её улыбки, прежде чем перевёл взгляд на колонку мистера Почини. — «*Пузыри увеличиваются в размерах, от них уже́ идёт неприятный за́пах. Что же нам делать?*» Подпись: «*По-прежнему встревоженная*», — Бедная женщина. — Ирис потянулась. — Ты же не думаешь, что это радон, не так ли?

— Нет. Мистер Почини говорит, что, возможно, мы имеем дело с «*досковой водянкой*». — Херб поёжился.[437] Не понравилось ему *это* словосочетание. — «*Вам нужно думать о сохранении уже́ не линолеума, а пола. Просверли́те по центру каждого пузыря по два отверстия и осторожно закачайте в одно из них раствор, состоящий из равных долей пищевой соды, уайт-спирита и ванильного экстракта. Если результата не будет, я настоятельно рекомендую обратиться к специалисту*».

436 В оригинале точка вместо троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
437 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вот это ей следовало сделать в первую очередь. — Ирис зевнула. —[438] Хотелось бы знать, чем всё закончилось.

— Мне тоже, — кивнул Херб. — Давай посмотрим, может, будет и продолжение.

Он пролистал ещё несколько журналов «Домашнего мастерового». Мистер Почини советовал, что надо делать, если течёт труба, плохо качается вода из колодца, перекашивается крыльцо. О пузырях на линолеуме речь больше не шла. Херб услышал, как заскрипел диван: Ирис улеглась на спину. Книжка упала на ковёр. Глаза́ закрылись, рот, наоборот, чуть приоткрылся. Наблюдая, как в свете камина мерно опускается и поднимается живот жены, Хербу вдруг стало очень одиноко.

По крыше забарабанил дождь. Обычно этот звук его успокаивал, сегодня нервировал. Он вдруг представил себе, как земля вокруг до́ма пропитывается водой и превращается в болото, в котором может завестись всякая гадость. Главное, он это знал, позаботиться о том, чтобы чёрный пол до́ма находился выше уровня земли́, иначе дерево начнёт гнить. Конечно, зазор, пусть и небольшой, между чёрным полом и землёй защищал от влаги. Но он пожалел о том, что в доме нет подвала.

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить жену, он прошёл в ванную, где всё ещё приятно пахло краской и лаком. Пристально всмотрелся в пол. Встревожился, когда заметил крошечную трещинку между двумя плитками. Но освещение оставляло желать лучшего, так что трещинка, возможно, была там с са́мого начала.

Когда он вернулся в гостиную, огонь в камине уже́ угасал. Он бы подбросил несколько полешек, но побоялся разбудить Ирис. Уселся на ковёр рядом со стопкой журналов и вновь принялся просматривать «Домашнего мастерового», вплоть до последнего но́мера, полученного прежними хозяевами до́ма тремя годами раньше. Новых писем от Встревоженной Херб не нашёл, но не мог сказать, разочаровал его сей факт или обрадовал. Скорее обрадовал, решил он. Значит, всё разрешилось к всеобщему удовольствию.

Стопку «Домашнего мастерового» он заменил менее пожелтевшим и не столь толстым «Современным здоровьем». И этот журнал, естественно, не обошёлся без колонки советов, которую вёл доктор Забота. Протечки крыши уступили место герпесу на губах и мозолям на пятках, треснувшая штукатурка и прогнившие до́ски — сенной лихорадке и облысению.

«*У меня ужасно распух большой палец правой ноги́*», — с оттенком гордости начиналось одно письмо. «*У меня грыжа, которую никто не хочет лечить*», — прочитал Херб в друго́м. Читатели жаловались на бородавки, боли в пояснице, кашель. *Собственное тело, что дом*, подумал Херб. *И тут надо постоянно быть начеку. Рано или поздно что-то даст слабину, и начнётся гниение.* «*Дорого́й мистер Забота!* — прочитал Херб на странице с загнутым

438 В оригинале без тире после точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

уголком. — *Нас с мужем совершенно замучила какая-то сыпь. От неё кожа идёт красными пятнами. Может, это какой-то грибок? Ничего не чешется, не болит, но по центру пятен появляются какие-то странные наросты*». Написа́ла письмо «*Прикованная к постели*».

Все эти пи́сьма о поломках и болезнях нагоняли тоску, а при упоминании постели Херб[439] почувствовал жуткую усталость. Камин практически потух. Глянув на ответ до́ктора — тот советовал не отчаиваться, побольше бывать на свежем воздухе и увеличить в рационе долю свежих овощей и фруктов, — Херб поднялся. Из другой комнаты донёсся скрип дерева, словно и дом отходил ко сну.

Ирис тихонько посапывала на диване. Выглядела она такой умиротворённой, что Хербу очень не хотелось её будить. Но он знал, что она снова быстро заснёт: бессонницей они не страдали. Звук дождя уже́ не будоражил Херба.

— Сладенькая, — прошептал он. — Пора баиньки.

Подошёл к дивану, наклонился над Ирис, откинул со лба прядь воло́с, нежно поцеловал в щёку, розовую в отсвете догорающих углей.

© Т. Е. Д. Клайн

439 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Чет Уильямсон «Избранные места́ из “Анналов Нового Зодиака” и дневников Генри Уотсона Фэрфакса»

От а́втора

Название «*Зодиак*» носил нью-йоркский клуб гурманов, основанный в 1868 году́ и насчитывавший, согласно уставу, двенадцать членов. К «Зодиаку» принадлежали величайшие светские львы Нью-Йорка, сливки общества. Известно, что за счёт клуба было опубликовано,[440] как минимум,[441] два то́ма анналов «Зодиака», запечатлевших драгоценные подробности его заседаний.

440 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
441 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 сентября 20... г.

Вчера перед сном прочёл в газете одну статью. Автор уверял, что *в корне всех пресловутых отвратительных деяний, совершаемых как детьми, так и взрослыми, лежит дефицит учтивости и миролюбия в обществе*. Не могу не согласиться.

Последние десятилетия минувшего ве́ка были отмечены глубоким упадком учтивости, да и наше, новое столетие, не обещает возврата к былой утончённости манер. Со всех сторон нас осаждает вульгарная реклама. Пресса описывает все события при помощи военной терминологии — как «*битвы*», «*во́йны*» и «*зачистки*», — и даже я порой ловлю себя на том, что срываюсь на нынешний эрзац-язык.

Припоминаю (с глубоким раскаянием) своё выступление на совете директоров нашей компьютерной компании — было это не далее чем вчера. А именно я заявил, что мы не имеем пра́ва успокаиваться, пока не раздавим в лепёшку компанию Тома Чэмберса — ибо, кроме неё, буквально никто не преграждает нам путь к юридически законной монополии на сетевые серверы. Наше состояние я в точности описа́л метафорой «*горстка плохо вооружённых бойцов*», в то же самое время отметив, что ключ к победе в войне — храбрость и смекалка, и объявил о своей готовности бросить в бой свежие наличные деньги из капитала других компаний Фэрфакса. Далее я приравнял Чэмберса к дьяволу, описав его как главу империи зла, которая не успокоится, пока не завладеет всеми компьютерами мира.

Безусловно, мои[442] высказывания были правдивы — но не могу не стыдиться употребленных мной гневных гипербол, которые, несомненно, заставили бы краснеть и моих предков.[443] В течение ста пятидесяти лет Фэрфаксы осуществляли свои многочисленные предприятия с хладнокровием и сдержанностью, и теперь мне чудятся горестные упрёки теней минувшего — моего отца, деда и прадеда, — обвиняющих меня в измене традициям.

А посему, дабы искупить вину, я планирую учредить — точнее, возобновить — традицию, которая, насколько мне известно, долго пребывала в забвении. Надеюсь, с её помощью практическая деятельность,[444] как минимум,[445] дюжины деловых

442 В оригинале неуместное «май». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
443 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
444 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
445 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

людей — включая вашего покорного слугу и его основных конкурентов — вскоре проникнется духом миролюбия и учтивости…

Конституция

Статья 1. Настоящему Клубу присваивается наименование «*Новый Зодиак*». Он будет устроен по образцу первого «*Зодиака*», клуба гурманов, основанного в 1868 году́.

Статья 2. В Клубе будет двенадцать членов, также называемых «*Знаками*», каждому из которых, согласно коллегиальному решению клуба, будет присвоено имя одного из знаков Зодиака. При обращении к членам настоящего Клуба следует использовать исключительно эти имена.

Статья 3. Обеды-заседания «Нового Зодиака» назначаются на последнюю субботу каждого ме́сяца. Место встречи избирает хозяин обеда, также именуемый «*Окормителем*». Он же берёт на себя все заботы по приготовлению обеда, цена же обеда будет разделена поровну между всеми Знаками. Ви́на и прочие спиртные напитки оплачивает сам Окормитель.

Члены-основатели

Водолей М-р Фрэнк Рейнольдс

Рыбы М-р Тодд Арнольд

Овен М-р Джефф Конделли

Телец М-р Ричард Рэнк

Близнецы М-р Томас Чэмберс

Рак М-р Эдвард Девор

Лев М-р Джон Торнтон

Дева М-р Кларк Тейлор

Весы М-р Брюс Левин

Скорпион М-р Кэри Блэк

Стрелец М-р Дэвид Уолш

Козерог М-р Генри Фэрфакс

25 ноября

Боюсь, что при отборе членов-основателей «Нового Зодиака» я совершил ряд промахов. Лишь Эд Девор и Джон Торнтон, подобно мне, происходят из старых аристократических семейств, остальные же — выскочки. Сила первого «Зодиака», по всей вероятности, зиждилась на том, что все Знаки принадлежали к нью-йоркскому обществу в те времена, когда слово «*общество*» пока ещё что-то значило. В истории «Зодиака» оставили свой след такие блестящие фигуры, как оба Дж. П. Моргана — Старший и Младший,[446] — а также преподобный Генри Ван-Дайк, Джозеф Х. Чоут и Джон Уильям Дэвис (оба посланники в Сент-Джеймском дворце), сенатор Нельсон У. Олдрич и многие другие состоятельные, обладавшие огромной властью и, самое главное, чувством собственного достоинства люди, знавшие, как важно быть *учтивым*. Заботясь о демократичности клуба, я отбирал людей исключительно по принципу наибольшего богатства и влияния, надеясь преподать учтивость тем, кто в ней наиболее нуждается, — в том числе и вашему покорному слуге.

Однако первое заседание прошло не совсем так, как я предполагал, несмотря на все мои усилия следовать, насколько это возможно в наше время, подлинному меню са́мого первого обеда первоначального «Зодиака», имевшего место быть 29 февраля 1868 го́да…

446 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Протокол первого заседания «Нового Зодиака»

Нью-Йорк[447], «Хогтон клуб».

24 ноября 20... го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — брат Козерог.

Меню

Устрицы ~ Седло барашка

Потаж[448] а-ля-Багратион ~ Арико-вер

Буше а-ля-Рейн ~ Салат-латук-о-фромаж[449]

Террапэ а-ля-Мэриленд ~ Пуден глясе

Сюпрем-де-волейль ~ Пирожные

Спаржа ~ Фрукты

Пунш по-римски ~ Кофе

Ви́на

Крюг 1982 г.[450]

447 В оригинале «Нью — Йорк» через тире с пробелами вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
448 Похлёбка (густой суп). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
449 От фр. fromagé — приправленный сыром. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
450 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Лафит 1969 г.

Шамбертен[451] 1947 г.

Старый бренди 1895 г.

* * *

Брат Близнецы предложил избрать брата Козерога, которому принадлежит честь учреждения этой серии обедов, секретарём клуба «Новый Зодиак». Кандидатура была одобрена единогласно, после чего брат Близнецы заметил, что дополнительные обязанности, вероятно, будут отнимать у брата Козерога много времени, так что он, дословно, «*перестанет совать свой ср…й*[452] *нос в мой бизнес*». Заявление встречено дружным доброжелательным смехом. Брат Козерог согласился вступить в должность.

Обед, по-видимому, имел успех, хотя брату Овену пришлось напомнить, что в своих сотоварищей-Знаков не принято бросаться фруктами. «*Мы же в конце концов называемся “Новый Зодиак”, а не “Клуб трутней”*»[453], — заметил брат Козерог.

— «*Клуб трутней*»? Что за хрень такая? — переспросил брат Овен и, получив соответствующие разъяснения, отметил, что никогда не слышал о П. Г. Вудхаузе. Со словами «*а пошёл он на х… этот Мудхауз*», он швырнул ягоду клубники и, что немало развлекло собравшихся, попал брату Козерогу в левый глаз.

Возник вопрос, кто из собравшихся вызовется взять на себя роль окормителя на следующий месяц?[454] Эту роль решил взять на себя брат Близнецы, получив заверения в форме честного сло́ва каждого из Знаков, что всё происходящее на обедах останется абсолютно конфиденциальным.[455] Брат Близнецы, со своей стороны́, также дал клятву, заявив, что в следующем месяце он «*закатит Знакам настоящий пир, какого ещё ни один миллиардер не видал, — мы ж это давно, б…,*[456] *заслужили. И всё сегодняшнее вам г…м покажется — я вам не такие редкости заготовлю*».

451 В оригинале некий «Шамбертэн» (через «э»), хотя несомненно подразумевается chambertin — сорт вина́ шамбертен. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
452 В оригинале «ср…и» через «и» вместо «й». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
453 В оригинале только одна пара закрывающих кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
454 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
455 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
456 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Брат Близнецы поинтересовался у брата Козерога, не одолжит ли тот ему два то́ма анналов изначального «Зодиака», чтобы он мог позаимствовать там идеи для меню?[457] Брат Козерог охотно согласился.

Под конец ве́чера братья Телец, Весы и Рак поведали собравшимся несколько смешных историй об афро-американцах, а братья Дева и Стрелец —[458] ряд фривольных анекдотов о дамах, входивших в штат подотчётных им учреждений.

Заседание закрыто.

Секретарь Козерог.

> … Большинство вело себя с отменной вульгарностью. Призна́юсь, я ничуть не удивился, когда даже Эд Девор[459] подхватил тему этнических анекдотов. Он давно уже́ относится к чернокожим предвзято — в особенности с того момента, когда его компании запретили вести какую бы то ни было деятельность в ЮАР —[460] стране, где та целый век получала высокие доходы. Что же касается Джона Торнтона, он покамест не опускался до идиотизма, проявленного большинством остальных, но, по моим впечатлениям, ждал лишь подходящего случая, чтобы дать себе волю. Полагаю, что на следующем же обеде он поведёт себя весьма развязно.
>
> По крайней мере,[461] они были более или менее любезны друг с дру́гом — для начала неплохо. Даже Конделли после моей репримандыы[462] перестал швыряться едой — разумеется, я не беру в расчёт ту гордую клубничку, призванную доказать, что мои миллиарды ничуть не влиятельнее его миллиардов. Возможно, со временем они остепенятся. Есть также надежда, что, занявшись подготовкой обеда, Чэмберс на время отвлечётся от дел своей компании, и нам удастся отвоевать у него часть рынков. Однако интересно, чем же он собрался нас удивить? …[463]

457 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
458 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
459 В оригинале вдруг «Делор» через «л». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
460 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
461 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
462 Репримандр, репримандра (от фр. réprimande или réprimandée) — упрёк, выговор, нагоняй (как правило, подчинённому). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
463 В оригинале только троеточие, без вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Заседание второе

Штат Орегон, Портленд, «Медиа-башня»

29 декабря 20... го́да.

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Близнецы.

Меню

Устрицы ~ Суфле-о-эпинар[464]

Потаж-крем-де-орж-реганс ~ Яблоки «Мон[465]-де-Ор»

Тимбаль[466]-де-краб ~ Медальон де фуа-гра

Мясо в нарукавниках А-ля-Помпадур ~ Салат «Арлезианский»

Яичница-глазунья «Виргинская-Чемпионская» ~ Спаржа в голландском соусе

Шампанское ~ Омлет-норвегьён

Ви́на

Монастырская сливовая наливка 1894 г.

«Моэт-Шандон» 1969 г.

«Шато-Латур» 1957 г.

«Мусиньи» 1954 г.

«Отель-де-Пари»

---

464 Непереведённое (очевидно, умышленно) фр. épinard — шпинат. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

465 В оригинале неправильно транскриптированное «Монт», фр. mont — гора, бугорок (на ладони; в хиромантии); в данном случае, очевидно, подразумевается фр. mont d’or — куча, груда золота, огромное богатство. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

466 Непереведённое (очевидно, умышленно) фр. timbale — кушанье, запечённое в тесте. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мадера «Синяя трубка»

Рейнская мадера «Холмс» 1879 г.

Коньяк «Наполеон» 1890 г.

Это пышное пиршество, как сообщил нам брат Близнецы, почти в точности воссоздавало обед, данный в 1925 году́ Дж. П. Морганом: отличались лишь года́ вин, а также сорта́ мяса, использованного для приготовления двух блюд. Подробности он обещал сообщить после.

Также, подражая щедрости Дж. П. Моргана, брат Близнецы устлал стол, за которым восседали Знаки, льняной скатертью венецианской работы, на которой были вышиты все знаки Зодиака, — точной копией дара Моргана первому «Зодиаку».

При всём великолепии пищи (а также обстановки, в которой она была вкушаема, ибо брат Близнецы принял своих гостей в своём только что достроенном особняке с видом на Тихий океан),[467] ви́на и ликёры были ещё чудеснее. И лишь после того,[468] как всякий из Знаков продегустировал все представленные на столе напитки и взбодрился несравненным коньяком, брат Близнецы открыл нам секретные ингредиенты «Мяса в нарукавниках а-ля-Помпадур» и «Яичницы-глазуньи “Виргинская-Чемпионская”». Морган-младший потчевал своих гостей «Голубиным мясом в горшочке а-ля-Помпадур» и «Яичницей а-ля-Поль-и-Виргиния», и все Знаки с немалым любопытством пытались разгадать секрет вариантов, придуманных братом Близнецы.

Разгадка тайны была срежиссирована в неповторимо оригинальном стиле брата Близнецы. А именно,[469] по одному слову из уст последнего столовая превратилась в мультимедийный зал для презентаций. Повинуясь устройствам распознавания речи, с потолка спустились экраны, свет потух, и брат Близнецы объявил, что, хотя он берёт на себя стоимость вин и прочих напитков (четверть миллиона долларов с хвостиком; цена вполне сходная, уверил он, с учётом того, как мало времени было отведено его сотрудникам на их приобретение), с каждого из Знаков за обед причитается восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

467 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
468 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
469 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда же Знаки испустили изумлённый вздох, брат Близнецы поинтересовался у брата Козерога стоимостью предыдущего обеда, который был оплачен последним единолично, и узнал, что она составляла семнадцать тысяч долларов, не считая вин. Брат Близнецы признал, что между семнадцатью тысячами и десятью с гаком миллионами долларов есть определённая разница, но (пояснил он) его братья-Знаки поймут всё сами, когда узна́ют, *что именно* вкушали.

Засим началась презентация — фильм, в котором с помощью документальных видеосъёмок и фотографий были детально отображены все этапы производства и приготовления мяса. Части фильма носили названия: «Откорм», «Скотный рынок», «Забой» и, наконец, «Приготовление блюд». Многие сцены фильма отличались наглядностью и откровенностью, не совсем соответствующей вкусам некоторых Знаков — в том числе вашего покорного слуги́ секретаря. Брату Раку и брату Весы обед и ви́на не пошли впрок: они извергли всё содержимое своих желудков в шёлковые мешочки на пластиковой подкладке, заботливо заготовленные предусмотрительным хозяином.

Однако все остались на своих местах, а после видеопрезентации, выслушав красноречивую и вполне логичную апологию брата Близнецы в поддержку и защиту избранных им блюд, почти все Знаки согласились с ним и обещали прислать чеки, покрывающие соответствующую долю расходов.

Следующим окормителем был назначен брат Овен, уверивший своих братьев-Знаков, что продолжит традицию, которой положил начало брат Близнецы.

На этом заседание было закрыто.

Секретарь Козерог.

> … «*Мясо в нарукавниках*». Эд Девор и Джон Торнтон, мои старинные друзья, хохотали (Боже, даже не верится!) над этой зловещей метафорой. Возможно, это извращение чувства юмора — симптом наследственного размягчения мозгов (практика узкородственного размножения не проходит даром для аристократии Новой Англии). Правда, вначале Девора, как и Левина, вырвало, но, полагаю, тому виной были не сведения о происхождении съеденного ими мяса, а всего лишь визуальные аспекты презентации. Зрелище умерщвления быка на бойне наверняка вызвало бы у них не менее сильную тошноту — здесь же речь шла о *человеке*.
>
> О, эти омерзительные каламбуры Чэмберса: «*Мясо в нарукавниках*», «*Яичница-глазунья “Виргинская-чемпионская”*»[470]! «*Яичница-глазунья*» — намёк на ингредиенты, а Кевин Дюпре,

470 В оригинале только одна пара кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

работавший в компании Чэмберса младшим менеджером по закупкам, в школе действительно победил на олимпиаде штата Виргиния по орфографии. Мы узнали это из его резюме, продемонстрированного на экране.

А в какие ужасные подробности углубился Чэмберс, чтобы провести параллели с откормом и покупкой скота! Нам продемонстрировали Дюпре на этапе «*откорма*» — на работе и в кругу́ семьи́; нам показали душераздирающую сцену «*на скотном рынке*»; Чэмберс лично предложил выплатить семье бедняги десять миллионов долларов за то, что последний навсегда исчезнет; мы увидели, как до Дюпре медленно *доходит*, что теперь он принадлежит Чэмберсу душой и телом, а в случае отказа его и всю семью ожидает полный крах, причём не только финансовый, ибо больши́е деньги — залог всесилия.

Во время сцены забоя я весь похолодел и чуть не лишился жизни вместе с несчастным Дюпре; затем мы увидели, как мясо готовят и раскладывают по тарелкам и — самые жестокие кадры — как мы сами его поедаем (последнее было отснято скрытыми камерами всего час назад и тут же смонтировано людьми Чэмберса).

К концу фильма одни из Знаков позеленели, другие ёрзали на месте, а третьи ухмылялись, как мальчишки, попавшиеся на воровстве сластей. Но стоило Чэмберсу заговорить, как на их лицах появилось совсем *иное* выражение. Этот субъект порой сквернословит, как рабочий с конвейера, но если ситуация того требует, он способен превзойти в изысканном красноречии самого́ дьявола. Он говорил, что *все мы, все двенадцать, — подлинные лидеры нашей страны́, новые повелители мира, а наши служащие, от самых скромных, остающихся для нас незримыми, до менеджеров высшего звена, работающих с нами бок о бок, —*[471] *не что иное, как предметы потребления, сырьё, которое следует покупать, продавать и использовать, сообразуясь исключительно с необходимостью.* «*Наш ум, прозорливость и энергия*, — заявил он, — *дают нам власть обогащать, разорять… или пожирать, если мы того желаем*».

И, помилуй меня Боже, я никаким образом не мог бы втолковать остальным, что Чэмберс не прав. Он уже́ *доказал* свою правоту. Он *совратил* их — как моих друзей, так и моих конкурентов. Я буквально чувствовал, как крутятся шестерёнки в их головах, изобретающих способы затмить пир Чэмберса. В следующем месяце окормителем будет Конделли; судя по всему, он без ума от радости.[472] Моё желание содействовать распространению учтивости дало начало совершенно

471 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
472 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

противоположному процессу, и ума не приложу, как мне остановить его. Честь заставляет меня хранить молчание — и одновременно довести до конца то, что я затеял. Я готов осуществить свой замысел незамедлительно, но в случае, если это окажется невозможным, в запасе у меня почти год до того дня, когда мне вновь выпадет черёд быть окормителем… А за год много воды́ утечёт…

Заседание третье

Штат Мэриленд, Балтимор, имение «Гавани»

6 января 20… го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Овен.

Меню

Куриный бульон

Карликовые баклажаны

Жареная нога Анри Баррашка в мятном соусе

29 января

… Барраш был у Конделли директором европейского филиала. Вначале я предположил, что он пожертвовал свою ногу и *выжил*, поскольку стоимость обеда была куда ниже, чем в случае с Чэмберсом, но мои источники сообщают, что Анри Барраш *бесследно исчез*.

Такой шаг — открытый вызов остальным Знакам. Барраш играл не последнюю роль в успехах заморских предприятий Конделли. Складывается впечатление, будто Конделли хотели этим сказать: «*Любой может поступиться анонимным офисным трутнем, но я способен на истинные жертвы!*»

Заседание четвёртое

Штат Техас, Даллас, ранчо «Двойное Р»

23 февраля 20... го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Телец.

Меню

Свиные колбаски

«Еврейские стряпчие»

Буровики, фаршированные перцем чили

Сыр (ой) «Первызам»

Горячие куриные крылышки

Картофель по-техасски

24 февраля

… мало того,[473] что Рэнк не пожалел двух руководителей своих оффшорных нефтепромыслов в Латинской Америке. Но какая же это глупость — самому́ себе вонзить нож в грудь, пустив своего первого зама по сбыту на бифштексы исключительно ради сомнительного созвучия «*первый зам*» — «*пармезан*». И, самое

473 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ужасное, он *расправился со всеми своими юристами, приготовив из них всего лишь закуску*. Конечно, он всегда может нанять новых, но всё же *его поведение граничит с безумием*…

Заседание пятое

Штат Массачусетс, Бостон, «Девор-хаус»

30 марта 20… го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Рак

Меню

Чёрная икра

Динд-соваж-роти

Пари-о-маррон

Потаж-велюте-Шантильи

Желе-д-Эрелль

Жареные гру́дки

Минди в соусе «Нотэн»

31 марта

… приятное возвращение к истинным пиршествам после злосчастного техасского барбекю у Рэнка. Однако же Девор поднял дело на новую высоту или же опустился до невиданных доселе низостей. Возможно, он предположил, что может превзойти Рэнка лишь в том случае, если его жертва будет иметь отношение не только к бизнесу. Не сомневаюсь, он любил *Минди*. Она семь лет была его *содержанкой*. В психологическом плане для человека и его

фирмы подобная утрата опаснее, чем потеря служащих, и, как не укрылось от моего проницательного взгляда, Девор тяжело переживает кончину Минди. Интересно, что станется с его фирмой в ближайшие несколько месяцев? После прошлого обеда корпорация Рэнка как-то вдруг перестала расти. Возможно, после того как будет решена проблема Чэмберса, я попытаюсь взять измором «Рэнк-индастриз» …

Заседание седьмое

Молочный генеральный менеджер…

Заседание девятое

Медальоны «Совет директоров» …

Заседание одиннадцатое

Отец под шубой…

Заседание двенадцатое

Штат Флорида, Майами, «Тейлор-хаус»

30 ноября 20… го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Дева.

Меню

Уитр

Салат «Ницца»

Потаж-«борш полонез»

Веточная спаржа в соусе «муслен»

Бульон из молоденькой тёлочки

Бомб-Альгамбра

Сладкие хлебцы

Пти-пуа-о-бер

Барон-д-агно-Боарне

Помм-нуазетт

Ви́на

«Крюг» 1978 г.

«Шато-Латур» 1946 г., магнум

«Кло-де-Вожео» 1948 г.

Рейнская мадера 1886 г.

Коньяк «Наполеон» 1873 г.

* * *

В этот вечер большинство Знаков пребывали в печальном расположении духа, несмотря на великолепные яства, приготовленные братом Девой. Да и сам брат Дева был несколько мрачен (вероятно, в связи с злоключениями в делах, постигшими почти всех братьев по «Новому Зодиаку», а также, по-видимому, из-за некоторых ингредиентов бульона); однако,[474] по мере дегустации вин и прочих напитков,[475] общее настроение начало меняться в сторону улучшения.

Некоторые Знаки шутливо поддразнивали брата Близнецы, имея в виду успешное насильственное поглощение его компании корпорацией брата Козерога. Последний возразил, что юридическая терминология не отражает истинного положения дел, так что он лично относится к брату Близнецы без малейшей вражды и надеется, что брат Близнецы ответит ему такой же доброжелательностью. В завершение своей речи брат Козерог заверил брата Близнецы, что для последнего всегда найдётся место за этим столом, невзирая ни на какие капризы фортуны.

Поскольку с первого заседания «Нового Зодиака» истёк целый год, брату Козерогу вновь выпал черёд взять на себя роль окормителя. Он заявил, что приглашает всех братьев-Знаков[476] на обед, который даст в следующем месяце.

Засим заседание закрывается.

Секретарь Козерог.

1 декабря

… свою родную дочь. Они превратились в чудовищ, но заплатили за это вопиющую цену. Даже если ты суров и бессердечен, нельзя ничего не почувствовать, когда на стол подают твоё детище, твою плоть и кровь.

Твой «бизнес» тоже не может уцелеть, когда от занятий делами тебя отвлекает совесть, когда ты сам пробиваешь зияющие бреши в своей корпоративной структуре, забивая на мясо тех, кто выстроил это здание.

474 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
475 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
476 В оригинале «братьев Знаков» раздельно, без дефиса, в отличие от остального текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Недолго же простоит здание, когда уцелевшие служащие получают информацию о случившемся из сообщений по электронной почте, которые, будучи прочитанными, бесследно стираются из памяти сетевых серверов «Фэрфакс-Текнолоджи», используемых ныне повсеместно.

9 декабря

Всем Знакам, кроме одного, пришёл *крах*. Они стали жертвами собственного голода и аппетитов, которые пробудил этот голод. Благодаря конфиденциальной информации об их неприятностях, которой я располагаю, мне было легко скупить и проглотить их. Сегодня утром пал последний бастион.

Итак, фирмы Знаков «Нового Зодиака» можно считать поглощёнными.

Протокол тринадцатого и последнего заседания клуба «Новый Зодиак»

Нью-Йорк, «Фэрфакс-клуб».

28 декабря 20... го́да

Присутствуют все Знаки. Окормитель — Козерог. Отсутствуют на своих местах Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец.[477]

477 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Меню

Закуски а-ля-Водолей ~ Пельмени «Стрелецкие»

Рыбный суп ~ Котлетки телецкие

Паштет «Близнецы» ~ Гру́дки «Девственные»

Жаркое из мяса льва в мятном соусе ~ Тушёные скорпионы

Салат «Весы» ~ Седло Овна

Раки в сметане

Ви́на

«Пол-Роджер» сухое 1956 г.

«Шато-Латур» 1947 г.

Мадера «Тихнер» 1868 г.

«Кафе-Англе» 1854 г.

✷ ✷ ✷

Послеобеденная беседа продлилась недолго.[478] Брат Козерог заметил, что *иногда единственным средством против неучтивости в обществе может быть лишь насильственное удаление неучтивых элементов*. Против этого замечания никто не возражал.

После краткой паузы брат Козерог предложил упразднить клуб «Новый Зодиак» в связи с недостаточным количеством членов. Решение было одобрено большинством голосов («*За*» — один голос, «*Против*» — ни одного).

Поскольку брат Козерог трапезовал в одиночестве, он вызвался оплатить полную стоимость обеда. Возражений не было.

Другие Знаки учтиво отправились наслаждаться миром и покоем.

478 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На этом заседание было закрыто.

Секретарь Козерог.

© Чет Уильямсон

Рэмси Кемпбелл «Забава»

Когда Шоун[479] обнаружил, что он уже́ в Уэстингси[480], он различал только мелькавшие перед глазами обрывки доро́ги, извивающиеся, как гадюки, под хлынувшим ливнем. Бульвар, где он видел пенсионеров, вывезенных на колясках за ранней дозой солнечного света, и туристов с рюкзаками, набитых в вагоны, которые повезут их к Озёрам, махал отдельными деревьям, которые казались слишком юными, чтобы выходить одним к серому морю, несущему сотни пенных гребней. Сквозь шум помех и шипение ветрового щитка местная радиостанция советовала водителям *не выезжать сегодня на дорогу*, и он чувствовал, что ему предлагают *шанс*. Сняв номер, он сможет позвонить Рут. В конце бульвара он объехал вокруг старого каменного солдата, вымокшего почти дочерна, и поехал вдоль приморских отелей.

Вид был довольно неприветливый. Знак перед самым больши́м и белым отелем говорил *НЕТ*, явно потеряв терпение перед тем, как осветить второе слово. Шоун свернул в первую узкую улочку меблированных комнат, из тех безликих, где он останавливался с родителями почти пятьдесят лет назад, но таблички в окнах были столь же негостеприимны. На улицах, которые, как он помнил, состояли из малых отелей, было меньше зданий, и всё это были дома́ престарелых. Пришлось опустить окно, чтобы прочесть знаки на той стороне доро́ги, и когда он их прочёл, правый бок у него уже́ промок. Ему нужна была комната — сил на возвращение в Лондон не хватит. Через полчаса он выедет на шоссе, около которого ему обязательно надо найти отель. Но он только достиг окраины го́рода и притормозил на развилке, когда увидел ру́ки, закрепляющие объявление в окне трёхэтажного до́ма.

Он прищурился в зеркало, чтобы проверить, что не стои́т ни у кого на дороге, пото́м опустил стекло на дюйм[481]. Объявление либо упало, либо его сняли, но стоянка в конце короткой дорожки была не занята, и над высокой толстой слезящейся стеной висел знак, на котором кусты изо всех сил старались скрыть слово «*ОТЕЛЬ*». Он зарулил между столбами воро́т и чуть не зацепил правую стену здания.

479 В оригинале вдруг «Шоум» через «м». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
480 Затрудняюсь определить однозначно, что именно подразумевается, ввиду отсутствия англоязычного оригинала. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
481 См. 26. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Через окно мало что можно было различить. Слой сетчатых занавесей, а может, и не один, защищал комнату от посторонних взглядов. За тяжёлыми сиреневыми шторами, прилипавшими к влажному стеклу, внезапно погас свет. Шоун схватил сумку с заднего сиденья и выскочил на открытую веранду.

Дождь лил всё время, пока он давил на медный звонок рядом с высокой дверью. Кнопки в нём уже́ не было, осталось только гнездо с грязной крестовиной, пружинившей с той же яростью, с которой давил на неё палец. Он не успел взяться за ржавый дверной молоток над нейтральной гримасой щели для писем, когда раздался голос женщины — то ли приветствие, то ли предупреждение — распахнувшей дверь:

— Здесь кто-то есть.

Ей было за семьдесят, но одета она была в платье, которому не удавалось прикрыть пятнистые поганки коленей. Она согнулась, будто вес обвисшего горла тянул вниз её лицо, такое же белое, как и волосы.

— Вы — «*забава*»? — спросила она.

У неё за спиной[482] коридор в[483] два роста Шоуна, оклеенный тёмными обоями с тиснёнными лозами, чем-то напоминавшими артерии, вёл к главной лестнице, исчезавшей на верхнем этаже. Рядом с женщиной стоял длинноногий стол, заваленный смятыми проспектами местных аттракционов; над ним висел на стенке таксофон без но́мера на диске. Шоун пытался сообразить, действительно ли это отель, когда его огорошил этот вопрос.

— Я — *кто*?

— Не беспокойтесь, комната вас ждёт. — Она хмуро посмотрела ему за спину и встряхнула головой, как мокрая собака. — И обед с завтраком ждут всякого, кто успокоит *вот этих*.

Он решил, что это относится ещё к той ссоре, которая началась или возобновилась в комнате, где уже́ зажёгся заново свет, погашенный на его глазах. Потеряв счёт ссорам, с которыми ему приходилось иметь дело в детском саду в Хэкни[484], где он работал, он не видел, почему здесь должно быть иначе.

— Попытаюсь, — сказал он и пошёл в комнату.

Комнату, несмотря на её размер, заполняли всего две женщины — одна, дышавшая так глубоко, как широко было её розовое платье; она пыталась подняться из кре́сла с помощью узловатой палки и рухнула обратно,

482 В оригинале неуместное «спином». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
483 В оригинале неуместное «и». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
484 Hackney, Хакни (иногда Хэкни) — небольшой городок северо-востока Большого Лондона (Greater London, т. е. Лондона и его пригородов, бывших графств) поблизости Топей Хакни (Hackney Marshes, самое большое место отдыха в Лондоне); образован в 1965 г. для объединения городков Шордич (Shoreditch), Сток-Ньюинтон (Stoke Newington) и собственно Хакни (Hackney); в 2003 г. 208 400 жителей, площадь 19 км^2 (8 миль^2); в честь местности хакни называется также легкоупряжная порода (hackney) лошадей или пони. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

покраснев, и её компаньонка, тощая женщина в жакете от тёмно-синего костюма и юбке от серого, которая суетливо отходила от выключателя полистать страницы телевизионного журнала перед тем, как быстрее бе́лки из мультфильма в телевизоре начать дёргать шнур бархатных занавесов, каковое действие, как решил Шоун, должно было убрать извещение из окна́, что бы оно ни значило. Обе женщины были точно не моложе той, что ему открыла, но он не дал этому факту себя обескуражить.

— В чём проблема? — спросил он, и тут же вынужден был добавить: — Я не слышу, когда вы говорите обе сразу.

— Свет мне в глаза́ бьёт, — пожаловалась женщина в кресле, хотя из шести лампочек в люстре одна перегорела, а другая отсутствовала. — Юнити всё время его зажигает, когда я смотрю.

— Амелия весь день смотрит свои мультики, — ответила Юнити, ткнув в телевизор и начав постукивать пальцами по креслу. — А я хочу посмотреть, что в мире делается.

— Не дать ли нам теперь Юнити посмотреть новости, Амелия? Если это не то, что вы любите смотреть, вы не будете возражать против включённого света.

Юнити посмотрела на него злобно, а пото́м зарылась у себя в декольте в поисках предмета, которым в него запустила. Успев его перехватить, он определил, что это пульт от телевизора. Юнити бросилась у него этот пульт выхватывать, и когда появился диктор с войной у него за спиной, Шоун отступил. Он ещё задержался, закрывая дверь, пока пытался решить, чем скрыты пейзажи на стене — туманом или пылью, когда человек у нею за спиной буркнул:

— Выходите быстрее и закройте дверь!

Он был слишком тощим для своего костюма, серого, под цвет редким волосам. Несмотря на озабоченный взгляд красноватых глаз и постоянное пожимание плечами, будто в попытках избавиться от дро́жи, он сумел выдавить улыбку в достаточной степени, чтобы показать часть зубов.

— Ну-ну, Даф сказала, что *вы с ними разберётесь*, и так оно и вышло. Можете *остаться*, — сказал он.

Среди вопросов, которые Шоун пытался решить, был и тот, почему этот человек кажется ему знакомым, но порыв дождя —[485] такой сильный, что полилось из-под входной двери́, —[486] сделал предложение человека неотразимым.

— Вы имеете в виду *на ночь*?

— Это как минимум, — начал свою речь менеджер и повернулся к сгорбленной женщине. — Даф проведёт вас наверх, мистер? …

485 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
486 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Шоун.

— Как его зовут? — спросила Даф, будто собираясь его объявить.

— Том Шоун, — ответил Шоун.

— Мистер Томсон?

— Том Шоун. Том — это имя.

— Мистер Том Томсон.

Он мог бы заподозрить шутку, если бы не её серьёзнейший вид, и потому он обратился к менеджеру.

— Мне расписаться?

— Позже, не берите в голову, — ответил менеджер, отступая по коридору.

— А плата…

— Комната и стол. Условия всегда такие.

— То есть вы хотите, чтобы я…

— Устраивайтесь, — сказал менеджер и исчез за лестницей куда-то, откуда пахло неизбежным обедом.

Шоун почувствовал, что сумку сняли у него с плеча. Даф избавила его от груза и шагала по лестнице, то и дело поглядывая, идёт ли он за ней.

— Он навсегда куда-то ушёл, мистер Снелл, — сказала она и повторила: — *Мистер Снелл.*

Шоун подумал, не приглашение ли это ответить шуткой, но тут она сказала:

— Не беспокойтесь, мы знаем, каково это — *забыть своё имя.*

Она сказала, что *это он путает, а не она.* Если бы она не скрылась из виду, ответ его был бы так же резок, как нахлобучка воспитанникам, которые слишком ребячатся. Над средним этажом лестница склонялась к фасаду до́ма, и Шоун увидел, как неожиданно далеко зашло здесь запустение. Наверное, в этой части до́ма никто не жил, потому что коридор был тёмен и наполнен затхлым запахом. Взявшись за перила для скорости, он тут же понял, что по липкости они мало чем уступают обсосанному леденцу. Добравшись до верхнего этажа, он разозлился, обнаружив, что запыхался.

Дафна остановилась в конце коридора, освещённого — если такое слово подходит — редкими лампочками в стеклянных цветах, растущих из стен. Те́ни подчёркивали жилы обоев.

— Вот *тут* будете вы, — сказала Даф, толкая дверь.

Рядом с окошком под желтеющей лампочкой потолок уходил вниз почти до ковра, коричневого,[487] как грязь. Углом стояла узкая кровать напротив гардероба,[488] и ночного столика,[489] и умывальника под мутным зеркалом. По крайней мере,[490] на полочке возле умывальника был телефон. Даф отдала ему сумку, когда он вошёл в комнату.

— Вас позовут, когда настанет время, — объяснила она.

— *Время*? Время…

— Обеда и веселья, тупица! — сказала она с таким резким смехом, что уши вздрогнули.

Она ужé прошла полкоридора до лестницы, когда он решил к ней обратиться.

— А ключ мне не полагается?

— Он будет у мистера Снелла. *Мистера Снелла*, — напомнила она и ушла.

Надо будет позвонить Рут, как только он высушится и переоденется. Где-нибудь здесь должен быть туалет. Он закинул сумку на плечо, придерживая пальцем, и вышел в сумрак коридора. Не успел он пройти пáру шагов, как над краем пола высунулась голова Даф.

— Вы нас не покидайте.

Дурость, но он почувствовал свою вину.

— Только в туалет схожу.

— Это *там*, куда вы идёте, — сказала она достаточно твёрдо, чтобы это была команда, а не совет, и тут же исчезла в дыре лестницы.

Не может быть, чтобы она имела в виду соседнюю комнату. Когда ему удалось уговорить липкую пластиковую ручку повернуться, он увидел за дверью комнату, очень похожую на его собственную, только окно было в покатой крыше. На кровати в сумерках, ужé переходящих в темень, сидела фигура в голубом детском комбинезоне — плюшевый медведь с большúми чёрными рваными глазами, а может, без них. Кровать следующей комнаты была усыпана фотографиями такими размытыми, что едва можно было разглядеть улыбки на каждой из них. В следующей комнате кто-то было вязал, но, видно, отвлёкся, поскольку один рукав розовато-лилового свитера был вдвое больше другого. Каждый рукав был пришпилен к кровати вязальной спицей. Теперь Шоун был возле лестницы, за которой была задняя часть дóма, такая-же тёмная, как та секция нижнего этажа. Наверняка Даф ему сказала бы, если бы он шёл не по той стороне коридора, а помещение за лестницей не

487 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
488 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
489 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
490 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

было так заброшено, как казалось: из темноты пискливое бормотание, чей-то голос выговаривал жалобу так быстро, что слов было почти не разобрать, молясь с такой силой, что, казалось, даже не делает пауз на вдох. Шоун быстро миновал перила, окружающие три стороны́ лестничного колодца, и открыл дверь, которая была сразу за ними. Здесь был туалет, а те пластиковые шторы, которые кто-то задёрнул, — наверняка душ. Он отодвинул дверь локтем, и занавески ду́ша шевельнулись, реагируя на его присутствие.

И не только они. Когда он дёрнул изношенный шнур, чтобы зажечь лампочку без абажура, откуда-то со стороны́ ду́ша донеслось приглушённое хихиканье. Закинув сумку на крюк у двери́, он раздёрнул шторы. На поддоне ду́ша стояла на четвереньках голая женщина, такая худая, что не только рёбра были видны, но и форма ягодичных костей. Она глянула вытаращенными глазами поверх расставленной узловатой руки́, пото́м опустила руку, открыв широченный нос, в пол-лица́, и радостно ощеренный беззубый[491] рот, и выпрыгнула из ду́ша. Не успел он отвернуться от сморщенных грудей и болтающегося бородатого живота, как она уже́ выскочила наружу. Слышно было, как она вбежала в комнату в тёмном конце коридора, выкрикивая что-то вроде «*теперь ты*» или «*теперь тебе*». Он не понял, предназначены ли эти слова́ ему. Внимание его отвлекло то, что дверь была без засова.

Он оставил туфли в углу под петлями и сложил на них промокшую одежду, пото́м прошёл босиком по липкому линолеуму к ду́шу. Поддон был холоден, как камень, и просел с громким треском не меньше чем на полдюйма[492], когда Шоун встал в него под слепой медный глаз ду́ша. После поворота скрипнувших кранов вода пошла сначала, будто дождь забрался в дом, но быстро стала такой горячей, что пришлось прижаться к холодной кафельной стене, чтобы достать до кранов, и только он успел снизить температуру до терпимой, как задёргалась ручка двери́.

— Занято! — крикнул он. — Здесь занято!

— Моя очередь.

Голос звучал так близко, что рот говорящего, наверное, был прижат к двери́. Ручка застучала ещё неистовей, и Шоун крикнул:

— Я недолго! Десять минут!

— Моя очередь.

Это был уже́ *другой* голос. Либо говоривший понизил тембр, чтобы устрашить Шоуна, либо *там было их больше одного*. Шоун потянулся к мылу в выступе кафельной плитки, но ограничился только водой, заметив, что мыло покрыто седыми волосами.

— Подождите там! — крикнул он. — Я уже́ почти кончил. Нет, не надо ждать, приходите через пять минут!

491 В оригинале почему-то «беззубный» с «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
492 В метрической системе ½ дюйма — это почти 13 мм. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Стук ручки стих, и не менее одного те́ла стукнулось в дверь с мягким шлепком. Шоун отдёрнул шторы как раз вовремя, чтобы увидеть, как его одежда разлетелась по линолеуму.

— Прекратите! — рявкнул он и услышал, как кто-то убегает — то ли человек с серьёзной инвалидностью, то ли не меньше двух человек стукаются в сте́ны, устроив драку в коридоре. Хлопнула дверь, пото́м ещё раз — или это была другая. К тому времени он уже́ вышел из-под ду́ша и взял единственное банное полотенце с шаткой стойки. Из полотенца выскочил паук с ногами как длинные седые волосы и телом размером с ноготь большого пальца и спрятался под ванной.

Своего полотенца у Шоуна с собой не было. Он собирался одолжить его у Рут. Взяв полотенце за два угла на вытянутых руках, он встряхнул его над ванной. Когда оттуда больше ничего не выпало, он вытер волосы и всё тело как можно быстрее. Расстегнув сумку, он вытащил одежду, которую припас на ужин с Рут.[493] Запасных туфель у него с собой не было, и когда он попытался надеть те, в которых пришёл, в них хлюпнула вода. Собрав мокрую одежду и туфли, он положил их на сумку и быстро прошлёпал к себе в комнату.

Ткнув дверь коленом, он услышал за ней звуки: прерывистый вздох, ещё один, и голоса́, льющиеся в темноту. Не успев пересечь комнату и сунуть сумку и мокрую одежду в шкаф, который, как и вся мебель, был привинчен к стене и к по́лу, он услышал вливающиеся в дом голоса́. Наверное, прибывшая на автобусе группа — прерывистые вздохи издавали пневматические две́ри и тормоза́. Пока что, судя по опыту, появление наплыва жильцов ничего привлекательного не сулило и только подогрело желание побыстрее поговорить с Рут. Сунув туфли между рёбрами еле тёплого радиатора, он сел на тощую подушку и поднял липкую трубку.

Услышав гудок, он начал набирать номер. Уже́ набрав больше половины одиннадцатизначного но́мера Рут, он услышал голос Снелла:

— Кого вам?

— Междугороднюю.

— Боюсь, из но́мера это невозможно. Внизу в холле есть телефон. Всё остальное так, как вам хотелось бы, мистер Томсон? У меня тут люди приехали.

Шоун слышал их снаружи. Они не издавали звуков, если не считать неуверенного шарканья и приглушённого скрипа нескольких дверей. Можно было только предположить, что им было велено его не беспокоить.

— Здесь кто-то *балуется*, — сказал он.

— Они готовятся к сегодняшнему вечеру. Должны кое-что сделать, кое-кто из них. Всё остальное в порядке?

493 В оригинале двоеточие вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— В моей комнате никто не прячется, если вы это имеете в виду.

— Никто, кроме вас.

Это уже́ Шоуну совсем не понравилось, и он был готов явно выразить свои чувства, спрашивая, где его ключ, когда менеджер сказал:

— Значит, скоро мы вас увидим здесь внизу.

Линия отключилась, оставив Шоуна в попытке отреагировать на все последние события недоверчивой ухмылкой. Он пытался поделиться ею со своим отражением над умывальником, но только сейчас заметил, что зеркало покрыто паутиной или трещинами. Эти нити усилили худобу его лица́, обесцветили кожу и добавили морщин. Когда он приблизил лицо, чтобы убедиться, что это всего лишь иллюзия, то заметил какое-то шевеление в умывальнике. Предмет, который был длинным седым волосом, торчал из стока и блестел принадлежащим ему телом, продавливая себя прочь в трубу. Шоун напомнил себе переложить бумажник и деньги из мокрой одежды в то, что было на нём, и вышел из комнаты.

Ковёр в коридоре был влажен от следов ног, большинство из которых он бы обошёл, если бы его не отвлекли звуки из комнат. Там, где был плюшевый медведь, кто-то напевал: «*К мамочке иди, резиновый*». В следующей комнате голос выводил «*Вот где вы все*», очевидно, обращаясь к фотографиям, и Шоун был рад, что из комнаты с неряшливым вязанием не доносилось никаких слов, а только пощёлкивание, такое быстрое, что казалось механическим. Не пытаясь разобраться в этих приглушённых шумах из комнат с тёмной стороны́ коридора, он прошлёпал вниз так быстро, что два раза чуть не оступился.

В холле ничего не шевелилось, если не считать заливающегося под дверь дождя. Перед телевизором шло несколько разговоров, никак друг с дру́гом не связанных. Шоун поднял трубку и сунул в телефон монеты, и его палец застрял над нулём на диске. Может, его отвлекла внезапная тишина, но *он не мог вспомнить номер Рут.*

Он оттянул ноль на диске до упора, будто это могло подсказать ему остальные цифры но́мера, и, пока диск возвращался на место, так и случилось. Ещё десять поворотов диска наградили его звонком, заглушаемым потрескиванием, и казалось, что весь дом ждёт, пока Рут ответит. Понадобилось шесть пар звонков — дольше, чем ей надо, чтобы пройти через всю квартиру, — пока раздались слова́:

— Рут Лоусон.

— Рут, это я. — В ответ на молчание он попытался оживить старую шутку: — Старый безрутный бандит.

— И что дальше, Том?

Он позволил себе надеяться, что она хоть из вежливости засмеётся, но раздражённый тон потряс его меньше, чем реакция из холла с телевизором: хихиканье чьего-то го́лоса, пото́м ещё нескольких.

— Я просто хотел тебе сказать…

— Том, ты *бормочешь*. Я тебя *не слышу*.

Он просто пытался, чтобы его слышала *только она*.

— Я говорю, я хочу, чтобы ты знала, что у меня просто вышел очень плохой день, — сказал он громче. — Я на са́мом деле думал, что должен приехать сегодня.

— С каких пор у тебя такая плохая память?

— С… не знаю, кажется, с сегодняшнего дня. Нет, честно, ты ведь думаешь про свой день рождения? Я знаю, что я про него тоже забыл.

Волна веселья накатила из холла перед телевизором. Конечно, все там смеются над телевизором, у которого приглушён звук, объяснил он себе, пока Рут ему отвечала:

— Если ты *это* можешь забыть, ты *всё* можешь забыть.

— Мне очень жаль.

— Мне ещё жальче.

— А мне жальче всех, — рискнул он, и тут же пожалел, что выполнил этот ритуал, поскольку это не дало ему ни малейшей реакции от неё, но больше потому, что из холла раздался рёв смеха. — Послушай, я просто хотел, чтобы ты знала, что я *не пытался* тебя подловить, вот и всё.

— Том!

Голос был такой сочувственный, как мог бы быть у кровати больного старого родственника.

— Рут, — ответил он, и тут же глупо спросил: — Что?

— Мог с тем же успехом и *пытаться*.

— То есть… ты хочешь сказать, что я мог…

— Я хочу сказать, что ты *почти* это сделал.

— О! — И после паузы, такой же пустой, как было у него внутри, он повторил этот звук. На этот раз не с разочарованием, а со всем удивлением, которое смог собрать. Он мог бы дать и третью версию этого звука, несмотря на или благодаря последнему взрыву веселья в холле, если бы Рут не заговорила:

— Я сейчас *с ним* говорю.

— *С кем* говоришь?

Не договорив ещё до конца, Шоун ужé понял, что она говорила не *с ним*, а *о нём*, потому что услышал у неё в квартире мужской голос. И тон его был куда теплее дружеского, и голос был существенно моложе.

— Удачи вам обоим, — сказал он менее иронично и более бесстрастно, чем сам хотел бы, и рванул рычаг, вешая трубку.

Из щели вывалилась монетка и плюхнулась на ковёр. Среди бешеного веселья у телевизора несколько женщин кричали: «*Кому, кому*», как стадо коров.

— А он хорош, правда? — заметил кто-то ещё, и Шоун попытался понять, что ему делать со своим смущением на грани паники, когда раздался звон, уходящий в тёмную часть дóма.

Это был небольшой, но гулкий гонг в руках у управляющего. Шоун услышал оживлённый топот шагов в холле и ещё топот наверху. Он замялся в нерешительности, и Даф вынырнула к нему из-за управляющего.

— Давайте я вас посажу, пока не началась суматоха, — сказала она.

— Я только возьму туфли у себя в комнате.

— Вы же не хотите столкнуться с этим старым стадом. Они же *мокрые*?

— *Кто*? — спросил Шоун, потóм нашёл в себе достаточно здравого смысла, чтобы самомý с лёгким смешком ответить на свой вопрос. — Ах, *туфли*! У меня с собой только одна пара.

— Я вам что-нибудь найду, когда посажу на место, — сказала она, открывая дверь напротив холла с телевизором, и нагнулась ещё ниже, подгоняя его.

Как только он вошёл за ней, она пробежала через столовую и стала похлопывать по стоя́щему отдельно столику, пока он не сел на единственный за ним стул. Он был обращён к комнате и был окружён тремя длинными столами, каждое место за которыми было сервировано, как и его собственное, пластиковой вилкой и ложкой. За столом напротив висел бархатный занавес, бессильно шевелясь, когда óкна дрожали от дождя. Стéны покрывали подписанные фотографии — портреты комиков, которых он не мог узнать, с весёлым или забавно-мрачным видом.

— Они у нас *всё*, — сказала Даф. — Они нас *поддерживают. Смех — вот что даёт жизнь старикам.*

Может, это она и не ему говорила, потому что ужé выходила из комнаты. Он еле успел заметить, что гравюры на уэльском столике слева нарисованы на дереве во избежание поломок, как ввалились жильцы.

Споры о том, кому входить первому, стихли при виде его. Некоторые из столующихся еле смогли найти свои места́, потому что не отрывали от него глаз, глядя куда пристальнее, чем он в ответ. Несколько было таких раздутых, что трудно определить их пол иначе как по одежде, и даже это непросто в случае с наиболее толстыми, у которых ли́ца казались погружены в гнездо из плоти. Контрастом был мужчина столь высохший, что часы без стре́лок соскальзывали с его запястья на костяшки пальцев. Юнити и Амелия сидели лицом к Шоуну, и, к его отчаянию, последнее из восемнадцати мест было занято женщиной, на которую он наткнулся в ду́ше, теперь одетой от шеи до лодыжек в чёрный свитер и брюки. Когда она оглядела его с таким выражением лица́, будто никогда не встречала и очень рада, что это наконец произошло, он попытался испытать некоторое облегчение, но в основном он испытывал чувство, что все обедающие, кажется, *ждут от него чего-то*. Их внимание начинало его парализовывать, когда снова появились Даф и мистер Снелл — из двери́ за уэльским столиком, которой Шоун не заметил.

Управляющий уставил левый стол тарелками супа, пока Даф подбежала с особо вместительной парой шлёпанцев из белой материи, которые, как заметил Шоун, носили все жильцы.

— У нас только эти, — сказала она, бросая их к его ногам. — Они сухие, а это главное. Как вам они?

Шоун при желании мог бы засунуть обе ноги́ в каждый.

— Честно говоря, я в них малость как *клоун*.

— Ничего, вы же никуда не собираетесь.

Она сунула его но́ги в тапочки и подняла их, чтобы проверить, есть ли у этой обуви шанс не свалиться. Тут же все жильцы разразились *смехом*. Некоторые затопали в качестве аплодисментов, и даже Снелл выдал мимолётную благосклонную улыбку, когда они с Даф скрылись на кухне. Шоун опустил но́ги, что явно было достойно второго взрыва веселья. Оно миновало, когда Даф и Снелл появились с новыми тарелками супа, одну из которых управляющий принёс Шоуну. Он опустил тарелку на стол через плечо гостя, а пото́м опустил ру́ки на его плечи.

— Перед вами *Томми Томсон*, — объявил он и наклонился к уху Шоуна. — Так годится, правда? *Лучше звучит*.

В этот момент Шоуна меньше всего заботило его имя. Он жестом показал на пластиковый столовый прибор:

— Вы не думаете, что мне можно бы…

Не успел он попросить металлический прибор с ножом, Снелл двинулся прочь, будто его уносили взрывы радости, которую вызвало его объявление.

— Будьте сами собой, — сказали Шоуну его гу́бы.

Ложка была такого размера, какой Шоун размешивал бы чай, если бы доктор недавно не запретил ему сахар. Когда он поднял её, тут же воцарилась тишина. Он опустил её в слабый бульон, где не удалось найти ничего твёрдого, и поднёс к губам. Коричневатая жидкость имела вкус какого-то неопределимого мяса и ржавый привкус. Шоун был достаточно взрослым, чтобы не привередничать насчёт еды, которую подают всем. Он проглотил её, и когда тело его захотело восстать в протесте, он начал переливать в себя ложкой бульон как можно быстрее, в надежде[494] скорее с ним разделаться.

Едва только его намерение стало очевидным, как жильцы принялись аплодировать и топать. Одни пытались имитировать его стиль поедания бульона, другие демонстрировали, насколько более театрально это умеют делать они, и сидевшие ближе всего к холлу подняли такой шум, что казалось, будто бульканье идёт даже снаружи. Когда он с кривой ухмылкой глянул в их сторону, жильцы зафыркали, будто он отколол ещё одну презабавную шутку.

Наконец Шоун бросил ложку в тарелку, только чтобы Даф вернула её на стол с быстротой, не слишком отличающейся от грубости. Пока она и Снелл были на кухне, все остальные глазели на Шоуна, который почувствовал себя обязанным приподнять бро́ви и помахать руками в воздухе. Один из раздутых толкнул другого, и оба они радостно залопотали, а всех остальных свалил неодолимый смех, который продолжался во время доставки второго, будто это была шутка, которую они очень хотели бы, чтобы он увидел. На тарелке оказались три кучки какого-то месива: белая, бледно-зелёная и коричневая.

— Что это? — решился он спросить у Даф.

— То, что всегда, — ответила она будто ребёнку или кому-то, вернувшемуся в это состояние. — То, что нам нужно, чтобы поддержать наши силы.

Кучки оказались картофелем, овощами и чем-то вроде фарша с тем же запахом, что у бульона, только сильнее. Он изо всех сил старался есть естественно, несмотря на аплодисменты, которыми эти попытки были вознаграждены. Ощутив тяжесть в животе, он сложил прибор на тарелку, никак не чистую, и Даф тут же склонилась над ним.

— Я закончил, — сказал он.

— Ещё нет.

Когда она протянула ру́ки, он думал, что она хочет вернуть ложку и вилку на их законные места́ с обеих сторон тарелки. Вместо этого она убрала тарелку и начала убирать следующий стол. Пока он старался скрыть свою реакцию на эту еду, жильцы, как он заметил, жадно поглощали свои порции. Тарелки унесли в кухню, и повисла напряжённая тишина, нарушаемая только

494 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

беспокойным шарканьем. Куда бы он ни посмотрел, никто ногами не шевелил, и он сказал себе, что звуки издает Даф, появившаяся из кухни с большим пирогом, покрытым глазурью,[495] как памятник.

— Даф *снова его сделала*, — сказал самый толстый из жильцов.

Шоун решил, что это относится к портрету глазурью клоуна на пироге́. Он не мог разделить общий энтузиазм по этому по́воду; клоун казался недокормленным и угревато-краснолицым, и не было ясно, что за форму должны образовывать его широко раздвинутые гу́бы. Снелл принёс стопку тарелок, на которые Даф разложила куски пирога́, разрезав его пополам и при этом отрезав клоуну голову с плеч, но распределение ломтей вызвало некоторые дебаты.

— Дайте Томми Томсону мой глаз, — сказал человек с выпученными красными глазами.

— Ему можно дать мой нос, — предложила женщина, которую он видел в ду́ше.

— Я ему дам колпак, — сказала Даф, что было встречено одобрительным воем.

Выданный Шоуну кусок пирога́ почти точно следовал очертаниям остроконечного клоунского колпака. По крайней мере, как ему подумалось, это будет уже́ конец обеда, и ничего такого страшного в пироге́ быть не может. Он не ожидал, что у пирога́ будет *тот же неуловимый вкус*, что у остальной еды. Может быть, поэтому он, вызвав бурю восторга, закашлялся и подавился. Очень нескоро Даф принесла ему стакан воды́, которая, как он обнаружил, имела *тот же вкус*.

— Спасибо, — тем не менее,[496] выдохнул он[497] и, когда его кашель и аплодисменты вокруг стихли, смог сказать: — Спасибо, всё уже́ в порядке. Теперь, если вы меня извините, я думаю пойти спать.

Тот шум, что раньше поднимали жильцы, был ерундой с поднявшимся теперь рёвом.

— Ещё не было *забавы*, — возразила Юнити, вскакивая на но́ги и от нетерпения подпрыгивая на месте. — Спеть надо за ужин, Томми Томсон.

— Никаких песен и никаких речей, — объявила Амелия. — У нас всегда бывает представление.

— *Представление*! — стали скандировать обедающие, хлопая и топая в такт по движениям палки Амелии. — Представление! Представление!

Управляющий наклонился к столу Шоуна. Глаза́ его были краснее обычного и мигали несколько раз в секунду.

---

495 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
496 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
497 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Лучше с ними согласиться, а то они вам покоя не дадут, — тихо произнёс он. — Ничего особенного им не надо.

Может быть, то, *как* наклонился к нему Снелл, показалось Шоуну *знакомым*. Может ли быть, что он управлял этим отелем, когда Шоун останавливался тут с родителями лет пятьдесят назад? Так *сколько же ему должно быть сейчас*? Шоун не мог сообразить, потому что вопрос был:

— Что они просят меня сделать?

— Ничего особенного. Ничего такого, с чем не может справиться человек вашего во́зраста. Пойдёмте, я вас отведу, пока они не захотели играть в свои и́гры .

Было неясно, насколько это должно было быть *угрозой*. Сейчас Шоун был только благодарен, что его уводят от топанья и скандирования. Уход наверх перестал его соблазнять, и бежать к машине тоже не имело смысла, поскольку он только и мог шаркать по ковру, чтобы не спадали тапочки. Так что вместо этого он пошёл за управляющим к двери́ в телевизионный холл.

— Давайте *туда*, — подтолкнул его Снелл с дёрганной улыбкой. — Просто встаньте *там*. Вот они идут.

В комнате произошли существенные перемены. Число сидений увеличилось до восемнадцати добавкой нескольких складных стульев. Все они стояли лицом к телевизору, перед которым был воздвигнут портативный театр, несколько напоминающий театр Панча и Джуди[498]. Над пустой авансценой поднималась высокая остроконечная крыша, напомнившая Шоуну тот самый клоунский колпак. Слова́, которые были когда-то написаны на основании фронтона, давно вылиняли вместе со всеми цветами. Можно было только разобрать «*ВХОД ЗДЕСЬ*», пока он шаркал к театру, подгоняемый скандированием из холла.

Задником театра служил тяжёлый бархатный занавес, чёрный там, где не отливал зеленоватым. В нём до высоты́ примерно четырёх футов[499] была сделана прорезь. Когда Шоун поднырнул под него, плесневелый занавес прилип к шее. Когда он выпрямился, его охватил за́пах сырости и затхлости. Локти упёрлись в сте́ны ящика, побеспокоив две фигуры, лежащие на полке под сценой. Их пустые тела́ были вытянуты, они лежали, перепутавшись,[500] лицами вниз, будто пытались теснее прижаться друг к другу. Он повернул их лицами вверх и увидел, что эти фигуры, с застывшими улыбками и глазами чуть слишком больши́ми для того, чтобы забавлять, изображали мужчину и женщину, хотя на каждом пыльном черепе оставалось только несколько клочков воло́с. Он заставил себя прикоснуться к этим перчаточным телам, а тем временем жильцы с топотом заполняли зал.

498 Punch and Judy, Панч и Джуди — основные персонажи английского народного театра кукол. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
499 В метрической системе 4 фута — это чуть более 1,2 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
500 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Юнити подбежала к одному стулу, потóм, не в силах успокоиться, к другому. Амелия плюхнулась в середину софы и медленно, постанывая, сдвинулась к крáю. Несколько особо толстых устроились на складных стульях, что немедленно стало внушать опасения. Наконец рассаживание публики положило конец скандированию, но все глазá были прикованы к Шоуну. За спиной жильцов Снелл показал губами: «*Наденьте их на рýки*».

Шоун подтянул к себе кукол открытыми концами и растянул выходы, опасаясь появления оттуда обитателей. Они, однако, оказались не обжитыми, и потому он сунул в них рýки, пытаясь сообразить, какие из детсадовских рассказов можно адаптировать к этому случаю. Коричневатая материя легко натянулась на рýки, почти такая же удобная, как кожа, которую она изображала, и не успел он ещё подготовиться, как большúе пальцы стали руками кукол, а три соседних пальца поднимали трясущиеся кукольные гóловы, будто куклы просыпались ото сна. Зрители ужé радостно вопили — отклик, от которого, казалось, черепá с кустиками полос поднялись над сценой. Их появление было встречено шумом, в котором всё сильнее выделялись заявки:

— Пусть подерутся, как теперешняя молодёжь!

— Пусть побегают, как звери!

— Пусть ребёнком в футбол играют!

— Пусть головами стукнутся!

Шоун сказал себе, что они, наверное, имеют в виду Панча и Джуди — и некоторое желание смогло подавить все остальные.

— Давайте «Старый безрукий бандит».

«*Старый безрукий бандит*» превратился в скандирование, и топот возобновился — а рýки Шоуна взметнулись на сцену столкнуть кукол. Всё, что ему пришлось пережить за этот день, сконцентрировалось в руках, и, быть может, это был единственный способ это избыть. Он кивнул мужчиной, которым стала его правая рука, лысеющей женщине и нетерпеливо каркнул:

— Что значит — «*не мой день*»?

Он встряхнул женщину и дал ей писклявый голос:

— А какой, по-твоему, день?

— Среда? Нет, четверг… погоди, конечно, пятница. То есть суббота.

— Сейчас воскресенье. Колоколá слышишь?

— Я думал, это для нас, свадебные. Эй, что ты там прячешь? Я не знал, что у тебя есть ребёнок.

— Это не ребёнок, это мой дружок.

Шоун повернул фигуры лицом к публике. Куклы могли бы ожидать хохота или даже стона в ответ на старые шутки — он точно их ждал. Жильцы глядели на него в лучшем случае с интересом. С той минуты, как он начал представление, единственными звуками стали шорох кукол по сцене и голоса́, которые он изображал хрипящим горлом. Управляющий и Даф пристально смотрели на него через го́ловы жильцов; казалось, они забыли, как моргать или улыбаться. Шоун отвернул кукол от зрителей, как хотелось бы отвернуться и ему самому́.

— Что с нами стряслось? — пискнул он, тряся головой женщины. — Что-то нам нехорошо.

— Ерунда, я всё равно тебя люблю. Давай поцелуемся, — каркнул он и заставил вторую куклу сделать два смешных шажка и рухнуть лицом вниз. Громкий треск застал его врасплох, как и то, что от удара его пальцы застряли в голове куклы. Её неуклюжие попытки подняться даже не надо было изображать.

— Клоунские эти ботинки! — буркнул он. — Как в них можно ходить? Шатаешься в них, как недоразумение.

— А кто ты ещё есть? Ты скоро своё имя забудешь.

— Не хами! — каркнул он, не понимая, зачем он вообще продолжает это представление — разве что для того, чтобы разогнать молчание, которое заставляло его вытягивать из себя слова́. — Мы оба знаем, как меня зовут.

— Это пока у тебя дырки в голове не было. А теперь ты в ней вообще ничего не удержишь.

— Ха, это ты завралась! Меня зовут… — Он имел в виду куклу, а не себя, вот почему имя оказалось трудно произнести. — Ты знаешь, отлично знаешь. Не хуже меня.

— Видишь, его уже́ нет, ага!

— А ну-ка скажи, а то я тебя поколочу! — рявкнул Шоун со злостью, которая уже́ не принадлежала только кукле, и сдвинул ухмыляющиеся го́ловы с треском, будто сломалась кость. Зрители наконец начали аплодировать, но он уже́ едва ли их замечал. От удара ли́ца раскололись, обнажив верхние фаланги его пальцев, тут же застрявшие в щелях. Неуклюжие тела́ кукол прилипли к нему, а ру́ки его боролись друг с дру́гом. Вдруг что-то поддалось, и голова женщины отлетела от разорванного те́ла. Правый локоть ударился в стену театра, и конструкция повалилась на него. Он попытался её подхватить, и в это время голова куклы подкатилась ему под но́ги. Он отшатнулся назад к заплесневелому занавесу. Театр завертелся вместе с ним, и комната опрокинулась.

Он лежал на спине, а дыхание его было где-то в другóм месте. Пытаясь не дать передней стенке театра упасть на него, он случайно стукнул себя по виску треснувшей мужской головой. Сквозь просцениум виднелся высокий потолок и доносился одобрительный вой публики. Прошло больше времени, чем Шоуну казалось необходимым, пока некоторые из зрителей приблизились.

То ли театр был тяжелее, чем он думал, то ли он ослабел от падения. Хотя ему удалось стащить куклу с рукú, поднять с себя театр оказалось трудно, поскольку кукла лежала у него на груди́, как испустивший дух младенец. Наконец Амелия наклонилась над ним, и он с ужасом подумал, что сейчас она на него сядет. Но она протянула руку, которая казалась почти варёной, к сáмому его лицу, схватилась за просцениум и сняла с него театр. Кто-то подхватил театр и унёс, а она схватила Шоуна за лацканы и, несмотря на то,[501] что трость её потрескивала, подняла его с помощью нескольких рук, толкавших его сзади.

— Вы целы? — прохрипела она.

— Всё в порядке, — ответил Шоун, не успев подумать. Он заметил, что все стулья снова отодвинуты к окнам.

— Сейчас мы вам покажем, как *мы играем*, — сказала Юнити у него за спиной.

— Вы это *заслужили*, — сказала Амелия, собирая обломки кукол и прижимая их к груди́.

— Я думаю, я бы…

— Точно, мы так и сделаем. Покажем вам, как мы играем. У кого капюшон?

— У меня! — крикнула Юнити. — Кто-нибудь, завяжите его!

Шоун обернулся и увидел, как она натягивает чёрную шапку. Когда она надела её на голову, он обнаружил, что у него опять перехватило дыхание. Когда Юнити опустила поля́, оказалось, что шапка предназначена закрывать глаза́ игрока — скорее как реквизит волшебника, чем как предмет для игры́. Человек с часами без стре́лок, которые сваливались с рукú, туго затянул тесёмки капюшона и завязал узлом, потóм повернул её на месте несколько раз, и каждый раз она попискивала от удовольствия. Потóм он отпустил её и отошёл на цыпочках назад к остальным у стен, а она ещё раз повернулась.

Она стояла спиной к Шоуну — он остался возле стульев у окнá, за которым стихал шум дождя. Она устремилась прочь от Шоуна, хлопая тапочками по ковру, потóм дёрнулась в сторону ни к кому в отдельности и наклонила голову. Она была в стороне от доро́ги Шоуна к двери́, где уверенно стояли Даф и управляющий. Надо только обойти эту женщину с повязкой на

501 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

глазах — и он уже́ на пути в свою комнату, где можно либо забаррикадироваться, либо взять свои вещи — и к машине. Он двинул ногой внутри тапка, и Юнити метнулась к нему.

— Поймала! Я знаю, кто это. Мистер Томми Томсон!

— А вот и нет! — возразил Шоун со злостью на всё, что привело к этому моменту, но Юнити бросилась на него. Схватив его костлявыми руками за щёки, она держала его крепко куда дольше, чем нужно было, чтобы развязать завязки капюшона правой рукой, левой не выпуская и поглаживая его подбородок.

— Теперь *ваша очередь ходить во тьме*.

— Мне кажется, на сегодня хватит, и если вы меня извините…

Это вызвало бурю протеста на грани возмущения.

— Ты ещё не устал, такой молодой, как ты… Она старше тебя, а не безобразничает… Тебя поймали, ты должен играть… Так нечестно.

Управляющий отступил в дверь и вытянутой рукой сделал жест Шоуну, а Даф произнесла одними губами: «*Сейчас время стариков*». Её слова́ и скандирование «*Нечестно*» вызвали у Шона чувство вины, усилившееся, когда Юнити открыла полные упрёка глаза́ и протянула ему капюшон. *Он разочаровал Рут; не следует теперь огорчать этих стариков*.

— Хорошо, я буду играть, — сказал он. — Только не вертите меня слишком сильно.

Не успел он договорить, как Юнити натянула ему капюшон на голову и надвинула на бро́ви. Ощущение было как от матерчатых тел кукол. Не успел он даже передёрнуться, как материя опустила ему веки, и он ничего не видел, кроме темноты. Капюшон прилип к скулам, и тут же быстрые пальцы завязали тесёмки у него на затылке.

— Только не сильно… — успел он выдохнуть, когда его завертели через всю комнату.

Как будто его втянуло в воронку радостных воплей и выкриков, но слышался и неразборчивый говор.

— Он со мной баловался в ду́ше.

— А нас он туда не пустил.

— Я из-за него мультики пропустила.

— Ага, и ещё он пульт хотел отобрать.

Его так закрутило, что он уже́ не мог понять, где он.

— Хватит! — крикнул он, и в ответ немедленно наступила тишина. Когда чуть спало головокружение, он понял, что он уже́ в другой комнате, гораздо дальше в глубину до́ма. Сквозь тапочки ощущались протёртые на ковре ды́ры, хотя этим трудно было бы объяснить чуть уловимое шуршание ног, окружившее его со всех сторон. Он подумал, что слышит шёпот или постукивание какого-то предмета в пустом ящике на уровне головы́. Тут в приступе паники, сверкнувшей в капюшоне белой слепотой, он понял, что последнее замечание Дафны предназначалось не ему и вообще никому, кого он здесь видел. Ру́ки его взметнулись развязать капюшон — чтобы увидеть, не где он, а *куда бежать*.

С таким ужасом он нащупал мёртвый узел тесьмы, что не сразу сообразил искать её свободные концы. Потянув за них, он освободился. Просунув пальцы под край капюшона, он услышал лёгкие сухие шаги, стремящиеся к нему, и почувствовал что-то, о чём ему хотелось бы думать, что это рука, схватившая его за лицо. Он отшатнулся назад, вслепую отбиваясь от того, что это было. Пальцы напоролись на рёбра, такие голые, как вообще не бывает, и просунулись *между ними*, коснувшись подрагивающего содержимого грудной клетки. Шоун содрогнулся всем телом, хватаясь за капюшон и сдёргивая его прочь.

В комнате было то ли слишком темно, то ли недостаточно темно. Она была не меньше той, откуда он вышел, и в ней стояли с полдюжины продавленных кресел, блестящих от влаги, и более чем вдвое больше фигур. Некоторые из них раскинулась в креслах как небрежные связки палок с гримасничающими масками наверху, но при этом изо всех хилых сил старались хлопать дрожащими ладонями. Даже те, что качались вокруг него, казалось, оставили где-то бо́льшую часть своего те́ла. Все они были привязаны к верёвочкам или нитям, блестевшим в полумраке и уводившим его взгляд в самый тёмный угол комнаты. Там сбилась беспокойная масса — тело с неестественно больши́м количеством конечностей или груда тел, всё более запутывавшихся друг в друге в процессе дряхления. Какие-то, хотя и не все, движения этой массы были как выбросы изнутри конечностей, строящих её части, или уносящих фрагменты, или протягивающих ещё нити к другим фигурам в комнате. Понадобилось усилие, напрягшее мозг, чтобы он смог заметить ещё что-то: тонкую щель за шторами, голое окно дальше — слева, очертания двери́ холла. Когда ближайшая фигура низко поклонилась и Шоун увидел, что то, что осталось от её глаз, выглядывает из-под воло́с, кокетливо спущенных на лицо, он бросился к двери́ холла.

Она отодвинулась в сторону, потому что у Шоуна кружилась голова. Тапочки зацепились за дыру в ковре и чуть не бросили пол в лицо Шоуну. Ручка двери́ отказалась повернуться в потной руке, даже когда он схватился за неё и второй рукой. Пото́м она поддалась, и пока пол за спиной зашуршал неуверенным, но явно направленным шарканьем, резко открылась. Он выпал за дверь и неуклюже побежал, хлопая тапочками, подальше от тёмной части холла.

Все комнаты были закрыты. Если не считать царапанья ногтей в дверь у него за спиной, была тишина. Он пробежал через холл, стараясь не потерять тапочки, не зная почему, зная только, что должен добраться до входной двери́. Он сбросил щеколду, широко распахнул дверь и тут же её захлопнул, вылетев из до́ма.

Дождь перестал, только с листьев ещё капало. Галька блестела, как речное дно. Автобус, прибытие которого он слышал — старый частный автобус, заляпанный грязью, — стоял позади его машины, чуть не касаясь бампера. *Отсюда ему не выехать*. Он чуть не постучал в окно телевизионного холла, но вместо этого заковылял на улицу, к безмолвным отелям. Он понятия не имел, куда идёт, лишь бы подальше от этого до́ма. После первых же шагов тапочки промокли, и но́ги всё сильнее саднили на каждом шагу, но тут из го́рода показались быстро едущие фары.

Они принадлежали полицейской машине. Она остановилась возле, подмигивая аварийной сигнализацией, и с пассажирского сиденья вышел полисмен в форме, пока Шоун ещё не успел сло́ва сказать. Слегка полноватое озабоченное лицо полисмена в свете уличного фонаря имело здоровый розовый цвет.

— Помогите мне, пожалуйста! — взмолился Шоун. — Я…

— Не надо ничего говорить, *старина*. Мы видели, *откуда* вы вышли.

— Они меня *заперли*! То есть мою машину, вот, посмотри́те! Если бы вы им только сказали, чтобы они меня выпустили…

С другой стороны́ подошёл водитель, будто пытавшийся перещеголять своего напарника по части заботливого выражения лица́.

— Успокойтесь, мы всё сделаем. Что это у вас с головой?

— Стукнулся. Ударил по ней… вы не поверите, но это не важно. Всё будет в порядке. Мне бы только забрать свои шмотки…

— Что вы потеряли? Это не может быть в доме?

— Да-да, в доме, наверху. Там мои туфли.

— Но́ги болят, да? Неудивительно, если вы бродите в *таком* виде в *такую* ночь. Эй, возьми его под другую руку. — Водитель твёрдо взялся за правый локоть Шоуна, и со своим напарником поднял и понёс к дому. — Как ваше имя, сэр? — спросил водитель.

— Не Томсон, что бы там они ни говорили. Не Томми Томсон, и не Том, то есть Том, это да, но Том Шоун. Правда же, это не похоже на Томсона? Шоун, а не клоун. Одна девушка всегда говорила, что ей со мной всегда весело, хоть я и не клоун. Я вообще-то к ней сегодня ехал.

Он понимал, что *говорит слишком много*, а полисмены тем временем кивали, и дом с двумя светящимися окнами — у него в комнате и в телевизорном холле — поднимался и приближался.

— В общем, моя фамилия Шоун. Не Клоун, и не Слоун и не Стоун. Шоун. *Ш-о-у-н.*

— Мы поняли.

Водитель потянулся к пустому гнезду кнопки звонка, потóм просто стукнул в дверь. Она тут же открылась внутрь, явив стоя́щего за ней менеджера.

— Этот джентльмен — из ваших гостей, мистер Снелл? — спросил напарник водителя.

— Мистер Томсон! А мы вас обыскались, — объявил Снелл и распахнул дверь пошире. Весь народ из телевизорного холла построился вдоль стен, как зрители на параде. И скандировал:[502]

— Томми Томсон!

— Это *не я*! — завопил Шоун, беспомощно дёргая ногами, пока его шлёпанцы не влетели в коридор. — Я вам сказал…

— *Сказали,* сэр, — успокоительно пробубнил водитель, а его напарник сказал даже ещё тише:[503]

— Куда вы хотите, чтобы вас отвели, сэр?

— Наверх, просто…

— Мы *знаем,* — заговорщицки сказал водитель.

В следующий момент Шоуна понесли к лестнице и вверх по ней, с почти незаметной паузой, когда полисмены подобрали каждый по тапку. Скандирование из холла затихло, уступив тишине, которая, затаив дыхание, ждала в тёмной части дóма. Имея полицейский эскорт, Шоун снова обрёл уверенность в себе.

— Я теперь могу сам идти, — сказал он, но его только быстрее понесли к концу лестницы.

— Туда, где дверь открыта? — предположил водитель. — Где свет горит?

— Да, там я. То есть не я, в том смысле я, что…

Его внесли под локти в дверь и поставили на ковёр.

— Эта ничья больше комната быть не может, — сказал водитель, бросая тапки перед Шоуном. — Ну вот, вы ужé *здесь*.

502 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
503 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Шоун посмотрел, *куда* уставились полисмены с таким *сочувствием*, что оно повисло в комнате как тяжесть. На фотографию, где он и Рут, обняв друг друга за плечи, на фоне далёкой горы́. Фотографию вынули из мокрого пиджака и поставили на по́лку вместо телефона.

— Я же только что её *принёс*! — возразил Шоун. — Смотрите, она ещё *мокрая*!

Он заковылял через комнату натянуть туфли. И ещё не дошёл до них, как увидел *себя* в зеркале.

Он стоял, чуть покачиваясь, не в силах оторвать глаз. Он слышал, как полисмены поговорили вполголоса и отбыли, пото́м донёсся двойной хлопо́к дверей и звук отъезжающей машины. Но собственное отражение всё ещё не позволяло ему шевельнуться. Без толку было бы говорить себе, что сеть морщин — это паутина, и волосы уже́ были не седеющие, а просто белые.

— Ладно, я *вижу*! — заорал он, понятия не имея сам, *кому* орёт. — Я старый! *Старый*!

— Скоро, — произнёс голос, подобный шипению газа в коридоре; он приближался, и лампы гасли одна за другой.

— Скоро с тобой будет очень весело, — донеслись остатки другого го́лоса откуда-то из комнаты.

Он не успел заставить себя посмотреть на его источник, что-то на конце остатков руки́ высунулось из-за двери́ и выключило свет. Темнота упала, будто ему отказало зрение, но он знал, что *это начинается новая игра, и скоро он узнает, будет ли она хуже жмурок — хуже, чем первое липкое прикосновение паутины этого до́ма к лицу*.

© Рэмси Кемпбелл

Ким Ньюман «Мертвяки-американы в московском морге»

Евгений Чирков отстал от части на железнодорожной станции Бородино. Когда поезд замедлил ход, он спрыгнул из своего вагона на платформу, получив приказ по любой цене купить шоколад и сигареты. Но что-то случилось, и древний паровоз так и не остановился. Евгений споткнулся о винтовку, упал и не дотянулся до протянутых рук своих товарищей. Остальные солдаты, высовываясь из окон, смеялись и махали ему руками. Струя пара из паровоза, ехавшего в противоположном направлении, напугала Евгения, он отпрянул, опять зацепился ногой за винтовку и упал. Сержанта Трауберга пируэты Чиркова очень рассмешили, и он даже забыл, что сунул в руку рядового тысячу рублей. Чирков вскочил и побежал за набирающим скорость составом. Выскочил из-под навеса под падающий с неба снег на несколько секунд позже последнего вагона. Взглянув вниз, на рельсы, увидел человека в военной форме со связанными руками и ногами. Голова лежала по одну сторону сверкающего рельса, тело — по другую. Этот метод приобретал всё бóльшую популярность. Подальше от станций на рельсы укладывали сразу по двадцать, а то и по тридцать *американов*. Лишившись голов, они никому не могли причинить вреда.

С обожжёнными пáром ногами, с лицом и руками, покусанными морозом, он брёл по вокзалу. Стéны обложили мешками с песком. Сéмьи сидели тесными группками, словно первопроходцы Дикого Запада в ожидании нападения индейцев, приберегающие последние пули для женщин и детей. Чирков мысленно сплюнул. *Америка вторглась в его сознание, как и предупреждали политруки.* Одни беженцы уходили из Москвы, другие, наоборот, тянулись в столицу. Каждый действовал на свой страх и риск. На огромный плакат с изображением нового Генерального секретаря кто-то плеснул чем-то чёрным. Бурое пятно запёкшейся крóви на стене указывало, что *тут кого-то расстреляли.* Американов хватало и в Бородино. Расположенное в семидесяти милях[504] от Москвы, местечко это было *музеем сопротивления нашествиям.* Таблички, памятники, картины славили победы 1812 и 1944 годов. Тут же висел список местных чиновников, расстрелянных за участие в последней контрреволюции. В воздухе пахло гарью: при подавлении зáговора пострадали не только люди, но и домá. И сейчас

504 В метрической системе 70 миль — это более 112 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

неподалёку что-то горело. Офицер приказал ему *встать в очередь и ждать*. Из Москвы прибывало гораздо больше поездов, чем уходило туда. Сие трактовалось однозначно: *в столице практически никого не осталось*.

Чирков решил покинуть вокзал. У дверей от снéга расчистили небольшую площадку. Сугробы сверкали в двенадцати ярдах[505] от ступеней. Солнечный свет слепил глазá. На Украине он к такому холоду не привык. Трое солдат с раскосыми глазами, заброшенные за тысячи миль от дóма, предложили ему сигарету и попытались поговорить с ним по-русски. Он понял, что родом они из Амги[506]. Где-то там была гора, с вершины которой просматривалась Япония. Он спросил, знают ли они, где найти какого-нибудь начальника. Они что-то зачирикали на незнакомом Евгению языке, но тут он увидел первого американа. Тот появился меж сугробов и захромал к ближайшему КПП. *Мертвяк* выглядел так, словно действительно жил в Америке. Босой, в обтрёпанных джинсах, рубашке с ярким попугаем на груди́. На шее на тонкой верёвке болтались солнцезащитные очки. Чирков указал часовым на американа. И как зачарованный уставился на шагающего мертвяка. На каждом шагу в американе что-то потрескивало. На коже тут и там виднелись ледяные наросты. Шёл он медленно, уставившись прямо перед собой слепыми, замороженными глазами. Рýки, как палки, висели по бокам.

Сержант осторожно подобрался к американу и ударил прикладом по колену: часовым строго настрого запретили тратить патроны попусту, потому что *боеприпасов не хватало*. Хрустнула кость, американ упал на колени, словно молящийся перед иконой. Сержант пнул американа в спину, тот повалился лицом в снег. Чирков думал, что от мертвяка должно вонять, но от этого, промёрзшего насквозь, ничем не пахло. Розовая кожа становилась красной в тех местах, где её разрывал лёд. Мертвяк протянул руку к сержанту, теперь что-то хрустнуло в плече. Сержант увернулся от руки́ и сапогом придавил американа к бетону. Один из солдат вытащил из-за пóяса штык-нож с лезвием в добрый фут[507] и вонзил его мертвяку в затылок. Другой достал мачете и профессиональным ударом отрубил мертвяку голову.

Штык-нож требовался для того, чтобы пронзить череп насквозь и коснуться остриём земли́. *Только так остатки души́ могли покинуть тело*. Официального приказа на этот счёт не было, но *все солдаты знали об этом*. То ли от одного из молдаван, то ли от человека, который общался с молдаванами. Молдаваны утверждали, что *ходячие мертвяки им не в диковину*. Голова американа развалилась, как арбуз. На внутренних

505 В метрической системе 12 ярдов — это почти 11 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

506 Амга — судоходная в низовье река в Якутии, наибольший приток Алдана (левый); длина 1462 км, площадь бассейна 69 300 км^2. Берёт начало с Алданского нагорья, где протекает в узкой и глубокой долине с каменистым руслом. Ниже с. Тёгюльте-Тёрдё долина сильно расширяется и река спокойно течёт по межгорной равнине. Питание снеговое и дождевое. Высокое весеннее половодье (подъём воды́ до 7 м и более), частые летние паводки и очень низкий зимний сток. Самый многоводный месяц — май, реже июнь. Средний годовой расход 178 м^3/сек. Ледостав обычно с первой половины октября; весенний ледоход, нередко сопровождаемый заторами, заканчивается в мае. Зимой наледи. В низовье судоходна. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

507 См. 220. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

поверхностях чéрепа засверкали серовато-красные кристаллы. Мертвяк разом перестал шевелиться. Сержант тут же начал снимать с него яркую рубашку, очень осторожно, словно мясник, свежующий лошадь. Джинсы срослись с кожей, так что снять их не представлялось возможным. О чём все, конечно же, пожалели: *из джинсов получились бы отличные шорты для симпатичной девчушки.* Сержант предложил Чиркову солнцезащитные очки. Одного стекла не было, иначе он не проявил бы такую щедрость по отношению к незнакомцу. Из вежливости очки Чирков взял, решив, что выбросит их, как только уедет из Бородина.

✷ ✷ ✷

Тремя днями позже, когда Чирков добрался до Москвы, выяснилось, что отыскать его часть невозможно. Диспетчер на центральном вокзале утверждала, что его часть переброшена в Орехово-Зуево, но её начальник безапелляционно заявил, что часть ужé девять месяцев как расформирована. Поскольку диспетчер не решилась возражать заслуженному партийцу, Чиркову пришлось смириться с тем, что части, в которой он служил, более нет. В результате его направили на *Курорт*. Там постоянно ощущалась нехватка персонала, и заявки Курорта всегда удовлетворялись в первую очередь. Служба на Курорте предполагала лишь охрану объекта да лёгкий физический труд: американы, попадавшие на Курорт, ужé не могли оказать никакого сопротивления. Диспетчер выдала Чиркову стопку сопроводительных документов толщиной с французский сандвич и начала объяснять, как добраться до Курорта. Но очередь к тому времени начала нервничать, и Чиркову пришлось отправляться в неизвестность. Однако он не забыл прицепить к шинели синюю багажную бирку с размазанной печатью, которая служила пропуском. *Отсутствие бирки каралось расстрелом на месте.*

Автобусы ходили нерегулярно. Прождав час на улице у центрального вокзала, Чирков решил добираться до Курорта пешком, штурмуя бесконечные сугробы. Повсюду ему встречались пожарные бригады. Они шли следом за солдатами, которые методично сжигали дом за домом. С освобождённого пространства тут же убирался весь мусор. Везде висели плакаты, призывающие *остерегаться американов.* Партия возложила всю ответственность за случившееся на Соединенные Штаты. По официальной версии, Америка развязала бактериологическую войну. Вирусы, разработанные в секретной лаборатории, доставили в Россию смертники, приехавшие под видом туристов. Этот вирус гальванизировал нервную систему покойников, активизировал животные инстинкты, понуждающие американов есть человеческое мясо. *В выпусках новостей показывались тщательно подобранные отрывки из американских фильмов ужасов, дабы*

показать варварство западной цивилизации. Передачи «Го́лоса Америки», рассказывающие о том, что и там приходится бороться с ходящими мертвяками, глушились. Но в народе появление мертвяков связывали отнюдь не с американцами. Причины приводились разные: Чернобыль… Божья кара… результат исследований, начало которым положил Сталин во время Великой Отечественной войны́… вирусы, занесённые на Землю космонавтами со станции «Новый мир» … за́говор затаившихся в подполье контрреволюционеров… проклятие, о котором давно знали молдаваны.

К счастью, Курорт находился недалеко от Красной площади. Даже украинец, только-только прибывший в Москву, представлял себе, *как* добраться до Красной площади. Чирков так долго тащил винтовку, что ремень протёр погон. Единственная обойма с патронами лежала у него во внутреннем кармане. Ему говорили, что *Москва — самый красивый город мира*, но *под натиском зимы́ и американов её красота заметно поблекла*. Над головой кружили вертолёты, мощные динамики напоминали о грозной опасности и сообщали последние новости: *трудящимся рекомендовалось оставаться на рабочих местах и выполнять порученное им дело; неизбежность победы над американской гидрой не вызывала сомнений; кризис близился к концу, гениальные стратеги предрекали скорый контрудар; покойников предлагалось обездвиживать и помещать в специальные сборные пункты; очередную группу предателей завтра ждал законный суд*.

В церкви с куполом-луковкой солдаты разбирались с американами. Их привозили в крытых грузовиках и по одному заводили в две́ри. Когда Чирков проходил мимо, мёртвая женщина в огромной шубе, похожая на медведицу, вывалилась из очереди. Солдаты тут же окружили её, один из них пронзил голову штыком. Останки унесли в церковь. Чирков знал, что *церковь сначала набьют битком, а пото́м подожгут*. Это называлось *очистительной жертвой*. На Красной площади громкоговорители транслировали военные марши. Джон Рид всё ещё сражался на баррикадах. В Мавзолей Ленина туристов уже́ не пускали. Сержант Трауберг обожал рассказывать историю о том, *что* произошло в Мавзолее, когда американы начали подниматься. И все ему верили. Курорт находился рядом с площадью. До революции 1917 го́да в том здании располагался закрытый оздоровительный комплекс для членов царской семьи́. Теперь его отдали под морг.

✷ ✷ ✷

Чирков вручил свои бумаги тощему офицеру, который встретил его на ступенях, ведущих к дверям Курорта, и застыл по стойке «*смирно*» в ожидании, пока офицер просмотрит все бумаги. Пото́м ему приказали пройти в дом и найти Любашевского. Офицер же осторожно спустился по ступеням:

под слоем сне́га их покрывала корка льда — ещё один элемент защиты. Чирков понимал, *почему* американы поскальзывались и падали на льду: с равновесием у них было плохо. А *с лежащим мертвяком справиться было легче*. На дверях Курорта высотой в три человеческих роста Чирков насчитал больше трёх десятков отметин от пуль, давнишних и совсем свежих. Незапертые и несмазанные, они противно скрипнули, когда Чирков их открывал. В вестибюле его встретили мраморные полы́ и потолки, разрисованные нимфами и атлетами. Бюсты Маркса и Ленина охраняли главную лестницу. Над первой площадкой висел портрет нового Генерального секретаря, не такой выцветший, как те, что попадались Чиркову на улицах.

Мужчина в гражданском, в котором он угадал Любашевского, сидел за столом и читал какую-то брошюру. На сгибе руки́ лежала початая бутылка водки. Он вскинул голову и сообщил Чиркову, что на прошлой неделе все стулья увезли в Комитет здравоохранения. Чирков отдал свои документы и сказал, что его послала сюда диспетчер. Любашевский ответил, что с центрального вокзала к ним постоянно присылают солдат, но он никак не может взять в толк,[508] зачем. Любашевский не брился,[509] как минимум,[510] три дня, а глаза́ у него были разного цве́та. Он предложил Чиркову глотнуть водки, настоящей, крепкой, не того пойла, разбавленного талым снегом, которое он купил в Бородине, и уткнулся в документы, выискивая нужную подпись. В конце концов он решил, что Чиркову лучше остаться на Курорте. Открыв шкаф, он достал длинный белый халат, выпачканный на заднице. Чиркову не хотелось менять на него свою длинную тёплую шинель, но Любашевский заверил его, что *на Курорте практически ничего не пропадает*. Люди, даже деклассированные элементы, предпочитали обходить это место стороной и появлялись здесь только в случае крайней необходимости. Прежде чем снять шинель, Чирков вспомнил про пропуск и прикрепил его к халату. Пото́м Любашевский взял винтовку Чиркова, похвалил за то, что оружие содержится в чистоте, убрал винтовку в шкаф, а взамен выдал Чиркову запылившийся револьвер, тяжёлый и холодный. Откинув барабан, Чирков увидел, что патронов всего три. *Русская рулетка*, подумал он, *шансы пятьдесят на пятьдесят*. Кобуру ему не дали, поэтому револьвер пришлось сунуть в карман. Ствол тут же высунулся в дыру. За оружие попросили расписаться.

Любашевский велел отправляться в *Бассейн* и доложить о своём прибытии директору Козинцеву. Чирков спустился вниз в кабине поскрипывающего лифта и очутился в огромном помещении размером с бальный зал. *Бассейном* работающие на Курорте называли подвал, где хранились трупы. До революции тут действительно был бассейн. Поколения Романовых рассекали в нём воду, пока их всех не смыло волной истории. Воду из бассейна спустили ещё в 1916 году́, а в подвале царил такой холод, что конденсат, осаждаясь на мраморном полу́, превращался в лёд. Сте́ны

508 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
509 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
510 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

украшали золочёные фрески, отзвук каждого шага гулко разлетался по всему залу. Чирков подошёл к кра́ю Бассейна, посмотрел вниз на застеленные белым столы и лежащие на них неподвижные тела́. Тонкие деревянные перегородки разделяли Бассейн на рабочие комнаты и узкие коридоры. Он обратил внимание на блондинку с собранными на затылке в пучок волосами. Гу́бы её блестели от ярко-алой помады, рукава халата она закатала до локтей, ковыряясь в грудной клетке трупа женщины, которая могла быть её старшей сестрой. Во лбу трупа темнела чёрная дыра, на волосах что-то налипло, как догадался Чирков, вышибленные мозги. Чирков кашлянул, а когда блондинка подняла голову, спросил, где найти директора. Блондинка ответила, что надо пройти к *Глубокому Концу*, спуститься по лесенке и по коридорам добраться до середины Бассейна. Там и находился кабинет директора.

Выйдя на бортик Глубокого Конца, Чирков нашёл лестницу, которая вела на дно Бассейна. Её охранял солдат, который сидел, забросив ногу на ногу, с револьвером на колене и играл на варгане[511]. Пото́м перестал играть и сообщил Чиркову, что это была народная американская песня про ковбоя, убитого адвокатом. Называлась она «*Человек, который застрелил Либерти Вэленса*». Часовой представился сержантом Толубеевым и спросил, не хочет ли Чирков купить кассеты с записями мистера Эдварда Кокрена и мистера Роберта Дилана. У Чиркова не было кассетного магнитофона, но Толубеев пообещал отдать свой за какие-то пять тысяч рублей. Из вежливости Чирков пообещал подумать, поскольку, по его разумению, сделка предлагалась выгодная. Толубеев предложил ему и другие предметы первой необходимости: презервативы, шоколадные батончики, зубную пасту, чистые носки, ароматизированное мыло, запрещённую литературу. Чирков знал, что в каждой государственной структуре Советского Союза, будь то военная часть или гражданская организация, обязательно служит *такой вот* Толубеев. Должно быть, и в Центральном Комитете Коммунистической партии один из секретарей приторговывал дисками и жевательной резинкой, которые покупали у него власть предержащие. Чирков решил для себя, что со временем обязательно потратит часть рублей, полученных от сержанта Трауберга, на нижнее белье и мыло.

Спустившись в Бассейн, Чирков сразу забыл, где что расположено. Он очутился в лабиринте и начал плутать по узким коридорам, изредка спрашивая дорогу у кого-нибудь из сотрудников. Обычно ему отвечали пожатием плеч, но он не терял надежды и продолжал путь. Каждый из

511 Варган (от лат. organum, греч. ὀργανο — орудие; музыкальный инструмент) — самозвучащий язычковый щипковый музыкальный инструмент в виде подковы (металлической дуги́) с язычком посередине или пластинки из дерева, кости́, металла; при игре его прижимают к зубам или зажимают ими (язычок защипывают пальцем, нитью или палочкой). Рот служит подвижным резонатором; изменяя форму и объём ротовой полости, выделяют необходимые для исполнения мелодии тоны обертонового ряда. Тихий звук и небольшой квартовый или квинтовый диапазон варгана ограничивают его репертуар короткими танцевальными мелодиями, традиционными наигрышами и напевами. Инструмент распространён у многих народов Средней и Юго-Восточной Азии и Океании (пластинчатый), а также в Европе, Центральной Азии и Африке (дугообразный); бытует под различными национальными наименованиями. В конце XVIII-начале XIX вв. в Европе пользовался популярностью усовершенствованный варган — аура. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

специалистов самозабвенно резал трупы, используя для столь увлекательного занятия как визжащие дисковые пи́лы, так и острые сверкающие скальпели. Он прошёл мимо блондинки, которую заприметил сверху, бирка на груди́ указывала, что блондинка — *техник Свердлова*, но она представилась *Валентиной*. Чирков обнаружил, что за время его блужданий по лабиринту Валентине удалось полностью обнажить грудную клетку трупа, над которым она работала. *Вот так нынче выглядит утончённая москвичка*, подумал Чирков. *Невозмутимая и безупречная, пусть ру́ки по локоть вымазаны человеческими останками.* Прядка воло́с падала Валентине на глаза́, она сдувала её, но упрямая прядь возвращалась на прежнее место. Результаты своего исследования Валентина сразу надиктовывала на магнитофон. В теле мёртвой девушки обнаружились некоторые аномалии. В частности, повышенная упругость мышц. Чирков с радостью остался бы у Валентины, но чувство долга звало его в путь. Попрощавшись, он вышел из её закутка, споткнувшись о ведро, чуть ли не доверху набитое часами, обручальными кольцами, очками. Валентина разрешила взять всё, что ему понравится, но Чирков отказался. Наоборот, сунул руку в карман, достал разбитые солнцезащитные очки и бросил в ведро. Точно так же бросали копейку в источник, выполнявший желания, поэтому Чирков одно тут же и загадал. Валентина хихикнула, словно прочла его мысли.[512] Густо покраснев, Чирков вышел в коридор.

✷ ✷ ✷

Наконец он добрался до двери́ с табличкой «*В.*[513] *А. КОЗИНЦЕВ, ДИРЕКТОР*». Чирков постучал, из-за двери́ донеслось бурчание, он открыл дверь, вошёл. И в мгновение ока перенёсся из морга в студию скульптора. На одном столе рядом с кипящим самоваром лежали мешочки с разноцветной пластичной глиной.[514] В центре кабинета, освещённого люстрой, которая висела над Бассейном, директор Козинцев, с аккуратно подстриженной бородкой и в круглых очках, одетый в халат, работал над бюстом лысого мужчины. Работал одной рукой, длинные пальцы осторожно вдавливались в щёки. В другой руке он держал стакан с чаем. Отпил и тут же покачал головой, недовольный результатом. Мгновенно приняв Чиркова за своего, Козинцев попросил помочь ему вернуться в исходную точку. Поставил стакан на стол и закатал рукава. А пото́м в четыре руки́ они сжали мягкое лицо и потянули. Глина сползла, обнажив череп. Стеклянные глаза́, удерживаемые в глазницах шариками из мятых газет, буквально загипнотизировали Чиркова. Он вспомнил, *что* слышал про директора: в Советском Союзе В. А. Козинцев

512 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
513 В оригинале без точки после первой буквы, явно обозначающей инициалы имени. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
514 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

был одним из самых известных специалистов по пластической реконструкции. Именно он работал с черепами, принадлежащими, согласно результатам многочисленных экспертиз, членам королевской семьи́. Он воссоздавал ли́ца первобытных людей, жертв насилия, Ивана Грозного.

Чирков доложил, что прибыл для выполнения служебных обязанностей, и директор предложил ему найти какое-нибудь полезное занятие. Выглядел Козинцев подавленным: трёхдневные труды пошли прахом. Он объяснил, что одного че́репа для восстановления лица́ недостаточно. Необходимы косвенные признаки, указывающие на взаиморасположение мышц и тканей. Объясняя Чиркову нюансы своего творчества, Козинцев скатал сигарету, сунул в рот. Похлопал по карманам в поисках спичек. Чирков понял, что Козинцев реализует очередной исторический проект под патронажем Министерства культуры. Проект, никак не связанный с основной деятельностью Курорта (тут пытались определить происхождение и способности американов), но привлекающий внимание и позволяющий выбить средства. И пока директор, глубоко затягиваясь, листал анатомический атлас, Чирков разлеплял кусочки разноцветной глины и раскладывал их на столе. Отдельно под стеклянным колпаком стоял «болван» с надетым на него чёрным париком, бровями, усами и бородой. Они должны были пойти в дело после того, как череп обрёл бы своё лицо. Чирков спросил, чей это череп, и Козинцев небрежно ответил, что *Григория Распутина*. Пожаловался, что возникли проблемы с изготовлением точной копии глаз. Современники писа́ли, что глаза́ у Распутина были сине-стальные, а зрачки превращались в точку, когда их владелец пытался в чём-то убедить своего собеседника. Или собеседницу. Чирков вновь посмотрел на череп и не увидел ничего особенного.

✷ ✷ ✷

Каждый вечер ровно в девять часов директор проводил совещание. Присутствовали все сотрудники Курорта, включая Чиркова. Он поселился в этом же здании, в маленькой комнатке на верхнем этаже, приспособив под кровать массажный стол. Поскольку кормили его, пусть и не регулярно, в кафетерии, у Чиркова отпала всякая необходимость покидать Курорт. Достаточно быстро Чирков вошёл в курс де́ла. Узнал, что начальник охраны — капитан Жаров, который с большей радостью патрулировал бы улицы, но выбитое колено привело его на Курорт, а заместитель Козинцева и главный коронер — доктор Фёдор Дудников, знаменитый эксперт-криминалист, который консультировал полицию при расследовании многих политических убийств. Теперь же, когда в исследованиях, проводимых на Курорте, сменились ориентиры, его обширные знания оставались невостребованными. Текучка директора не интересовала, поэтому всеми

делами на Курорте заправляли Любашевский, администратор, присланный из Министерства сельского хозяйства, и Толубеев, который справлялся с организацией охраны и снабжения куда лучше Жарова.

Девушка Чиркова, Валентина, несмотря на молодость, пользовалась на Курорте авторитетом. Она исследовала американов и на каждом совещании докладывала о достигнутых за день результатах. Суть её открытий зачастую оставалась непонятной даже для коллег, но она верила, что *американы — не просто ожившие мертвяки*. Проводимые ею вскрытия показывали, что во многом американы функционируют, как обычные живые существа. Во всяком случае, их мышцы приспосабливались к новому состоянию, пусть тело и освобождалось от лишних тканей и кожи. Она привязалась к этим тихим, спотыкающимся созданиям и высказала предположение, что *со временем американы становятся сильнее*. Валентина всё более склонялась к мнению, что *американы — не ходячие покойники, а совершенно новый вид разумных существ, имеющий свои сильные и слабые сто́роны*. На каждом совещании Валентина жаловалась, что для продолжения исследований мёртвых тел недостаточно и для настоящего прорыва необходимы эксперименты с «живыми» мертвяками. Она представила рисунки с её ви́дением эволюции американов: скелеты, обтянутые мышцами, прямо-таки иллюстрации из анатомического атласа.

Ведущим оппонентом Валентины выступал А. Тарханов, утверждавший, что её теории ведут в тупик. По его мнению, Курорту следовало сконцентрировать усилие на выявлении бактериологического агента, ответственного за оживление мертвецов, с тем чтобы найти средство его уничтожения. Тарханов, член партии, настаивал на том, что они столкнулись с феноменом, созданным американскими специалистами по генной инженерии. Он с горечью говорил о том, сколь щедро финансируются капиталистическими картелями эти создатели чудовищ, жаловался на то, что от советской бюрократической машины ничего похожего ждать не приходится. Вот в этом вопросе между Валентиной и Тархановым царило полное взаимопонимание: оба в один голос твердили, что для их исследований катастрофически не хватает средств. Поскольку на этих совещаниях всем приходилось сидеть на полу́ (лишь директор Козинцев, скрестив но́ги, устраивался на столе), предметом первой необходимости стали *стулья*, хотя учёные давно уже́ представили администрации длинные списки медицинских препаратов и инструментов, без которых они не могли продолжать работу. На все жалобы учёных у Любашевского был стандартный ответ: он зачитывал свой список, в котором указывались заявки, первичные и повторные, отправленные в соответствующие правительственные департаменты. На третьем для Чиркова совещании всеобщее оживление вызвало сообщение Любашевского о том, что Комитет гражданской обороны прислал на Курорт пятьдесят пять детских одеял. Одеяла они не заказывали, но Толубеев предложил провести бартерную сделку с детской больницей: отдать одеяла, получив взамен или овощи, или медицинские инструменты.

На том же совещании капитан Жаров доложил, что его люди успешно отразили попытку вторжения. Двух американов обнаружили на заре. Они сумели преодолеть скользкие ступени и стояли у парадных дверей, словно чего-то ждали. Один — у самых дверей, второй — ступенькой ниже. *Словно в очереди.* Жаров лично разделался с обоими, всадив в затылок каждому по пуле, а потóм распорядился отвезти останки на сборный пункт, чтобы потóм их вернули на Курорт для исследований. Валентина тут же запричитала, что американов следовало взять в плен и запереть в отдельной комнате, к примеру,[515] в парнóй, для последующего наблюдения. В ответ Жаров процитировал пункты действующего приказа. Под занавес совещания Козинцев прочитал большýю лекцию о Распутине, обосновав собственную версию о том, что духовный наставник последней царицы был далеко не сумасшедшим, как утверждало общественное мнение, и его влияние на царскую семью в немалой степени способствовало успеху революции. С особым энтузиазмом он говорил о приписываемых Безумному Монаху способностях исцелять больных, о его знаменитых руках, которые могли останавливать кровь у страдающего гемофилией царевича. По его твёрдому убеждению, Распутин был *экстрасенсом.* Причём *очень сильным экстрасенсом.* Но даже Чирков полагал, что это не более чем домыслы, особенно после того как директор признал, что очередная попытка реконструировать лицо Распутина не принесла успеха.

✷ ✷ ✷

Вместе с Толубеевым он заступил на вахту в последнюю ночную смену, с трёх часов нóчи до девяти утрá. В этот период часовые оставались в вестибюле, не выходя на улицу. Капитан Жаров и Любашевский[516] никак не могли определиться с Чирковым, не знали, считать ли его солдатом или лаборантом. Поэтому ему приходилось выполнять обязанности и первого, и второго, иногда одновременно. Солдату после ночной вахты полагался сон, лаборанту предписали ровно в девять явиться к Козинцеву. Чирков особо не возражал; если привыкнуть к трупам, полагал он, на Курорте очень даже *интересно.* Тем более что *здесь трупы были трупами.* И пусть по личным причинам он всегда вместе с двумя другими учёными и поваром голосовал за предложение техника Свердловой привести на Курорт американов, его радовало, что всякий раз она оставалась в меньшинстве. Толубеев — бабушка у него была молдаванкой —[517] постоянно рассказывал истории о вурдалаках и василисках и знал множество новых анекдотов. У Толубеева выходило, что все американы при жизни были членами партии, потому-то многие носили добротную одежду и имели при себе дорогие товары далеко не первой

515 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
516 В оригинале некий «Любашевскни». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
517 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

необходимости. Последним хитом среди мертвяков стали кассетные плейеры с наушниками, причём не американского производства, а японского. Толубеев собрал це́лую коллекцию этих штуковин, позаимствованных у американов, которым размозжили го́ловы; другие солдаты брезговали копаться в серовато-розовом желе. Сожалел Толубеев о том, что *мертвяки не таскали с собой видеоплейеров*. Если бы у них появилась такая привычка, говорил он, сотрудники Курорта стали бы миллионерами не рублёвыми, а долларовыми. У многих мертвяков находили иностранную валюту. Тарханов даже высказал гипотезу, что именно *в деньгах содержался бактериологический агент, вызывающий это невиданное доселе заболевание, и через них и распространялась эпидемия*. Толубеев никогда не снимал перчаток, а потому гипотезы Тарханова не вызывали у него тревоги.

Толубеев как раз распространялся о том, как весело бы они зажили, имея в своём распоряжении видеоплейеры, когда раздался стук в дверь. По ней не барабанили, как бывало, если кто-то хотел войти. Нет, стукнули один раз, словно что-то случайно ударилось о дубовую панель. В тот же самый момент магнитофон Толубеева, радовавший слух новой аранжировкой мелодии Криденса Клиаутера[518] «Спустившееся с неба», вдруг замолчал. Толубеев попытался вынуть кассету, но оказалось, что машина её зажевала. Сержант выругался: *плёнки были куда в большем дефиците, чем кассетники*. Часы показывали половину пятого. Москва спала. Хотя шума хватало: завывал ветер, наверху кто-то надсадно кашлял, издалека доносились выстрелы. Чирков взвёл курок револьвера, надеясь, что под ударником есть патрон, надеясь, что осечки не будет, надеясь, что патрон настоящий — не холостой. Стук повторился, такой же, как и первый. Просто стук, не несущий в себе требования открыть дверь. Толубеев приказал Чиркову выглянуть в глазо́к. Ему с трудом удалось сдвинуть латунную закрылку и приникнуть глазом к глазку.

Лицо мертвяка находилось по са́мому центру глазка́. Пожалуй, впервые Чиркову пришла мысль о том, что *американов-то можно и испугаться*. На этот раз он с трудом разглядел в темноте пустые глазницы и постоянно жующий рот. На шее висело несколько фотоаппаратов и шёлковый шарф с

518 В оригинале ужасающе варварская (учитывая ещё и склонение) транскрипция «Криденса Клиаутера» (оставляю, аки позорную печать), хотя несомненно подразумевается «Creedence Clearwater Revival» — американская группа, активная в 1967-72 гг., которая образовалась под названием «The Blue Velvets» (лидер — Том Фогерти, а Джон Фогерти, Дуг Клиффорд и Стю Кук аккомпанировали ему как инструментальное трио) ещё в конце 1950-х в пригороде Сан-Франциско Эль-Серрито (El Cerrito), а уже́ в 1964 году́ группа изменила название на «Golliwogs», последний из четырёх синглов которой, «Porterville», компания Fantasy Records в конечном итоге перевыпустила под «вывеской» «Creedence Clearwater Revival» (название не имело общего смысла: первое слово в нём — имя знакомой девушки Джона Фогерти, второе — часть пивной рекламы, третье — символ начала новой жизни для группы). «Creedence Clearwater Revival» имели умеренный успех до конца своего существования, однако через несколько лет после распада в 1972 г. их стали называть одной из самых великих рок-групп США. Группа оказала огромное влияние на рок: песни Фогерти считаются классикой рока и были перепеты бессчётным числом музыкантов, а три альбома (Green River, Willy and the Poor Boys, Cosmo's Factory) вошли в список 500 лучших альбомов всех времён журнала «Rolling Stone». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

нарисованной на нём обнажённой женщиной. Чирков доложил об увиденном Толубееву, которого живо заинтересовали фотоаппараты. Он предложил открыть дверь, чтобы Чирков пустил пулю в голову американа. Толубеев не сомневался, что уж фотоаппараты они точно обменяют на стулья. А добыв стулья, они станут героями Курорта, имеющими права́ на определённые привилегии. Чирков хоть и сомневался в собственной храбрости, но согласился, и Толубеев принялся отодвигать засовы. Когда две́ри держали только ру́ки Толубеева, вцепившиеся в ручки, Чирков кивнул, сержант потянул две́ри на себя и отступил в сторону. Чирков шагнул вперёд, поднял револьвер и нацелил его американу в лоб.

Мертвяк пришёл не один. Толубеев выругался и побежал за винтовкой. Чирков не стрелял, переводя взгляд с одного мёртвого лица́ на другое. Четверо стояли друг другу в затылок, по одному на каждой ступеньке. За «фотографом» — мужчина в офицерской форме, с медалями на груди́. Далее —[519] женщина в костюме в полоску и гангстерской шляпе.[520] Последней — девочка в бейсболке, с золотыми волосами и зелёным лицом, тащившая за собой куклу. Толубеев вернулся, вставляя в винтовку обойму. Вскинул её к плечу. Но тоже не выстрелил, поскольку не прочитал на лицах мертвяков никакой угрозы. Дул холодный ветер. Должно быть, от него по коже Чиркова побежали мурашки. Ему-то постоянно твердили, что *американы всегда набрасываются на людей*. Эти же стояли, чуть покачиваясь, словно *заснули на ногах*.[521] Глаза́ девочки смещались справа налево, а пото́м слева направо, как маятник. Чирков шёпотом попросил Толубеева вызвать кого-нибудь из учёных, лучше всего Валентину. Когда сержант ретировался, вспомнил, что *у него только три патрона, которых явно не хватит на четверых американов*. Он отступил от дверного проёма, не сводя с мертвяков глаз, и захлопнул две́ри. Ребром ладони задвинул па́ру затворов. Выглянув в глазо́к, увидел, что ничего не изменилось. Мертвяки по-прежнему стояли в очереди.

Спустилась Валентина в длинном, до пят, халате, наброшенном поверх пижамы. *Босиком. Она же отморозит но́ги,* обеспокоился Чирков. Толубеев рассказал о ночных гостях, и Валентине пришлось напомнить ему о рапорте капитана Жарова. Эти американы вели себя точно так же, как и прошлой ночью: спокойно стояли в очереди. Она откинула волосы со лба и прильнула к глазку. Радостно вскрикнула, подозвала Чиркова, указала, куда надо смотреть. Взглянув поверх очереди, Чирков увидел бредущую к Курорту пятую фигуру. Этот мертвяк как-то странно загребал ногами, словно шёл в ластах. Он пристроился в затылок девочке. Совершенно голый, разложившийся до такой степени, что отвалился половой о́рган. Скелет, ко́сти которого сцепляли воедино лишь полоски мышц, напоминавшие мокрую кожу. Валентина сказала, что для изучения она взяла бы именно его, но ей нужен и кто-то ещё. Толубеев напомнил ей о нестандартности ситуации и спросил, почему мертвяки выстраиваются в очередь на ступеньках Курорта. Валентина начала что-то говорить об остаточном инстинкте. Это, мол, горожане, которые при

519 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
520 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
521 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

жизни долго и часто стояли в очередях, а у мертвяков, похоже, сохраняются какие-то остатки памяти, иначе они не копировали бы поведение живых людей, вот они и выстраиваются в очередь.[522] Толубеев согласился помочь ей в захвате подопытных кроликов, но предупредил, что они должны проявить предельную осторожность и, не дай Бог, не повредить фотоаппараты. Он и Валентине сказал, что они могут стать миллионерами.

Валентина держала толубеевскую винтовку, как и положено солдату, прижавшись щекой к прикладу, направив ствол на мертвяков. Она стояла в дверном проёме, прикрывая Чиркова и Толубеева. Толубеев взял на себя «фотографа». Чиркову предстояло провести на Курорт ходячий скелет, хотя тот стоял последним в очереди, а *в Москве попытка пролезть без очереди считалась куда более тяжким преступлением, чем матереубийство*. Толубеев принёс несколько холщовых мешков. Они решили сначала надеть мешок на голову американу, а уж пото́м заводить мертвяка в вестибюль. Толубеев ловко накинул свой мешок на «фотографа», затем верёвкой начал связывать запястья рук. Из-под верёвки на перчатки сержанта закапала зеленовато-красная жижа. Очередь бесстрастно наблюдала за манипуляциями Толубеева. И когда тот завёл свою жертву в вестибюль, за дело принялся Чирков.

Начал спускаться к ступеньке, на которой стоял скелет, с раскрытым мешком в руках. Все американы скашивали на него глаза́, когда он проходил мимо, в какой-то момент его охватила паника, он поскользнулся и упал, ударившись бедром о твёрдый край. С криком заскользил вниз. Грохнул выстрел, и маленькая девочка, которая выступила из очереди и заковыляла к Чиркову, осела на ступеньку, лишившись половины головы́: Толубеев стрелял без промаха. У подножия лестницы Чирков поднялся. Горячая боль растеклась по бедру, бок онемел. Он огляделся. Ещё три фигуры брели к Курорту. Чирков взлетел по ступенькам, забыв о покрывающей их ледяной корке.[523] Лишь на секунду замедлил ход, чтобы схватить скелет за локоть и потащить за собой. Тот не сопротивлялся. Мышцы, как зме́и, обвивали ко́сти. Он втолкнул скелет в вестибюль, где их поджидал Толубеев со своей верёвкой. Чирков повернулся и успел бросить короткий взгляд на площадь, когда Валентина уже́ закрывала две́ри. Американы всё подходили. Новые мертвяки стояли на ступеньках, которые чуть раньше занимали скелет и девочка, за ними пристроились две или три фигуры. Прежде чем окончательно закрыть две́ри, Валентина в щёлочку оглядела очередь. Мертвяки стояли спокойно. А пото́м, словно по команде, все поднялись на ступеньку. Офицер занял место «фотографа», соответственно продвинулись и остальные. Валентина захлопнула две́ри, Чирков задвинул засовы. После этого техник Свердлова приказала отвести подопытных кроликов в парну́ю.

522 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
523 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

На завтрак дали половину репки, на удивление свежей, пусть и прихваченной морозцем. Грызя её, Чирков вышел из кафетерия и спустился в Бассейн, чтобы доложить о своём прибытии директору. Он полагал, что на вечернем совещании Валентина сама сообщит о подопытных кроликах, сидящих в парно́й, — не его дело распространять сплетни. Появившись в кабинете раньше директора, Чирков первым делом принялся кочегарить самовар: Козинцев жить не мог без горячего чая. Когда он поднёс спичку к щепочкам, для растопки, *сзади кто-то словно щёлкнул каблуками*. Он огляделся, но не увидел ничего необычного. Те же глина, парик, инструменты, череп, ящики, выполнявшие роль стульев. *Щелчок повторился*. Чирков вскинул глаза́ на люстру. И с ней ничего не изменилось. Самовар раскочегарился, забулькала вода. Чирков жевал репу и старался не думать о сне и американах.

Это утро Козинцев опять намеревался начать с реконструкции. Череп Григория Ефимовича Распутина буквально исчез под глиняными полосками. И очень походил на голову американа, которого Чирков вытащил из очереди: широкие красные полоски поддерживали челюсти, ныряя в ды́ры под скулами, фарфоровые фишки заменяли отсутствующие зубы, белея на серовато-жёлтом фоне, тоненькие воло́кна окружали глаза́. Чиркову нравилось наблюдать за манипуляциями директора. На одной из полок лежала стопка фотографий Монаха, но Козинцев не любил сверяться с ними. Его метод пластической реконструкции отталкивался от контуров костей, поэтому он не стремился добиться схожести с фотографиями. Крестьянский нос картошкой Распутина совсем его замучил. Хрящи давно сгнили, вот Козинцев менял и менял носы. Несколько, упавших на пол и раздавленных, превратились в глиняные кляксы. После революции фанатики вытащили тело целителя душ из могилы и вроде бы сожгли. И существовали серьёзные сомнения, решительно отметаемые директором, а над распутинским ли черепом он работал?

На глазах у Чиркова челюсть Распутина отвисла, натягивая глиняные мышцы, а пото́м, резко поднялась так, что *клацнули зубы*. Чирков подпрыгнул, с губ сорвался нервный смешок. Прибыл Козинцев. Сбросил пальто, надел халат, поздоровался, потребовал чаю, Чирков пребывал в полном замешательстве, гадая, а не пригрезилось ли ему случившееся. Череп вновь клацнул зубами. Козинцев движение уловил, снова потребовал чаю. Чирков, выйдя из ступора, подал ему полную чашку. Пото́м, впервые, налил чаю и себе. Козинцев не стал комментировать столь вопиющее нарушение субординации. Он с интересом вглядывался в оживающий череп. Челюсть медленно двигалась из стороны́ в сторону, словно череп что-то пережёвывал. Чирков задался вопросом, а уж не его ли копирует Григорий Ефимович, и перестал жевать репку. Козинцев указал, что и глаза́ пытаются двигаться, но глине не хватает силы настоящих мышц. И начал рассуждать вслух, а не

добавить ли ему нитей, чтобы имитировать строение человеческой плоти, хотя в пластической реконструкции такое и не принято. Рот Распутина широко раскрылся, словно в молчаливом крике. Директор поднёс палец к черепу и торопливо отдёрнул, за мгновение до того, как щёлкнули челюсти. Радостно рассмеялся и назвал монаха *забавным типом*.

Очередь по-прежнему стояла на ступеньках. Сотрудники Курорта по одному приникали к дверному глазку. Толубеев каждый час докладывал о сокровищах, навешанных на американах. Он клялся, что засёк на одном драгоценнейший видеоплейер: Толубеев где-то раздобыл кассеты с фильмами «101 далматинец» и «Звёздные шлюхи», но никак не мог их просмотреть. Капитан Жаров настаивал на том, чтобы расстрелять мертвяков, но Козинцев, поглощённый наблюдениями за черепом, не отдавал соответствующего указания, а офицер мог решиться на столь серьёзные действия, лишь получив прямой приказ, предпочтительнее в письменном виде. Ради эксперимента он вышел на лестницу, спустился на несколько ступенек, наугад выбрал американа и прострелил ему череп.[524] Тот, словно мешок с костями, вывалился из очереди.[525] Жаров пнул останки, и труп, разваливаясь, катился вниз, пока не застрял в сугробе. После короткой паузы очередь передвинулась на одну ступеньку. Валентина была в парно́й со своими «подопытными кроликами». Новости о её приобретении распространялись по Курорту, вызывая оживлённые дискуссии. Тарханов заявился к директору, чтобы пожаловаться на коллегу, которая явно превысила свои полномочия, но ничего не успел сказать, потому что Козинцев пригласил его принять участие в изучении удивительного че́репа. Доктор Дудников несколько раз позвонил в Кремль, сообщив о происходящих на Курорте и вокруг него событиях мелкому функционеру, который пообещал немедленно дать ход этой важной информации. Дудников надеялся, что тем самым удастся переориентировать на Курорт материально-технические ресурсы, которые шли в другие научные учреждения. Побудительный мотив оставался прежним:[526] «*Стулья для Курорта!*»

Во второй половине дня Чирков задремал стоя, наблюдая за Козинцевым. Хотя челюсть продолжала двигаться, череп не проявлял агрессивности и более не пытался укусить директора. Тот реквизировал у Толубеева варган и вставил его между шейных мышц в надежде, что варган сыграет роль примитивных голосовых связок. Распутин тем временем научился управлять своими невидящими глазами.[527] Чиркову особенно не нравилось, когда он закатывал нарисованные зрачки под самый лоб, оставляя на обозрение лишь белки́. Чирков знал, *какие невероятные усилия потребовались, чтобы убить этого человека*. Яда, которого скормили ему убийцы, хватило бы, чтобы уложить слона. Пото́м ему стреляли в грудь и спину, пинали в голову, били дубинкой и, наконец, завёрнутого в портьеру, бросили в прорубь. На черепе, кстати, Козинцев нашёл отметину от

524 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
525 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
526 В оригинале восклицательный знак вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
527 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

аристократического пинка. *Но людям убить Распутина не удалось: он умер, захлебнувшись ледяной водой.* Работая, Козинцев напевал какую-то весёленькую мелодию, сочинённую Прокофьевым. Чтобы чем-то занять рот, он сунул между зубов сигарету. Директор пообещал Григорию Ефимовичу, что скоро у него появятся гу́бы, но вот с лёгкими ничего не мог поделать. Он поделился с черепом (а заодно и с Чирковым) своей тайной мечтой: перенести предложенный им метод пластической реконструкции на весь скелет. К сожалению, как Распутин предрекал ещё при жизни, бо́льшая часть Монаха превратилась в пепел, который разнесло ветром.

Любашевский влетел в кабинет директора с телефонным аппаратом. Шнур протянулся сквозь лабиринт коридоров Бассейна, словно нить Ариадны. Звонили из Кремля. Чирков и Любашевский инстинктивно вытянулись в струнку, пока Козинцев вёл задушевную беседу с Генеральным секретарём. То ли Дудников позвонил кому следовало, то ли Тарханов, которого все держали за осведомителя, стукнул в КГБ, но Генеральный секретарь оказался в курсе событий. Он похвалил Козинцева и обещал выделить для морга дополнительные ресурсы. У Чиркова сложилось впечатление, что Генеральный секретарь перепутал два проекта! Козинцева хвалили за исследования Валентины. Дире́ктора же обещание выделить дополнительные ресурсы только порадовало: он мог использовать их для продолжения работы с черепом.

После телефонного разговора директор, естественно, пребывал в превосходном настроении. Он сообщил черепу, что они на пороге величайшего открытия, и требовал от Любашевского, чтобы тот услышал едва слышное звяканье варгана. *Григорий Ефимович пытается с ними говорить*, уверенно заявлял Козинцев. Спросил, помнит ли тот, как ел отравленный шоколад. После того как задвигалась челюсть Распутина, Козинцев прилепил к черепу глиняные уши. Оставив надежду оживить монаха, он пытался снабдить его о́рганами чувств. Поскольку мозг Распутина сгнил или сгорел, оставалось загадкой, чего добивался директор, *как*, собственно, должны были функционировать эти о́рганы. А пото́м доктор Дудников доложил по громкой связи, что Курорт окружён солдатами, которые закладывают взрывчатку и собираются взорвать здание. Григорий Ефимович вновь закатил глаза́.

Сапёры уже́ устанавливали заряды в вестибюле. В здание они вошли через чёрный ход, не столкнувшись с очередью американов, выстроившейся на лестнице, которая вела к парадной двери́. Очередь всё удлинялась. Командир сапёров, толстяк с родимым пятном на лице (пятно это придавало ему сходство со спаниелем), представился майором Андреем Кобулинским. Он внимательно следил за работой своих подчинённых, гордо заявив, что *его люди сровняют любое здание с землёй, затратив минимум взрывчатых веществ.* Кружа по вестибюлю и коридорам, Кобулинский указывал, *куда* должно поставить дополнительные заряды. На взгляд Чиркова, майор сам себе противоречил: его люди буквально обклеили сте́ны семтексом[528]. Доктор Дудников запротестовал, ссылаясь на Генерального секретаря,

528 Вид пластиковой взрывчатки

который лично признал, что Курорт проводит важные исследования по ликвидации вторжения американов, но Кобулинского куда больше интересовали колонны, которые следовало подорвать, чтобы обрушить расписанный декадентами потолок. Работая, сапёры напевали модную песенку «Девочки просто хотят поразвлечься».[529] Убедившись, что все заряды установлены в указанных им местах, майор Кобулинский не отказал себе в удовольствии прочитать собравшимся короткую лекцию об уже́ достигнутых и ещё планирующихся успехах проводимой им кампании. На полу́ расстелили карту Москвы площадью три квадратных ярда[530]. Тут и там на карте краснели квадраты. Каждый являл собой целый квартал или отдельный дом, взорванный сапёрами Кобулинского. Чирков понял, что майор не успокоится, пока на карте не останется только один цвет — красный. Тогда, по мнению Кобулинского, и кризису придёт конец. Он заявил, что сделать это следовало ещё в са́мом начале кризиса, и американов надо только благодарить за то, что руководство страны́ перешло от слов к делу. Пока майор разглагольствовал, Толубеев и Любашевский — их активность не укрылась от Чиркова — пытались найти что-то пишущее в ящиках стола. Копались в куче ручек, мелков и маркеров, пробовали их на куске туалетной бумаги. Под столом кучей лежали динамитные шашки с вставленными в них детонаторами. Кобулинский взглянул на часы и сообщил, что они *опережают график: взрыв грянет через полчаса*. Любашевский поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание майора, и выразил сомнение в том, что взрывчатки, уложенной под парадную лестницу, хватит для подрыва столь мощной конструкции. Поначалу Кобулинский грубо посоветовал тому не лезть не в своё дело, но пото́м прогулялся к лестнице, проверил установленные под ней заряды, решил, что *кашу маслом не испортишь*, и приказал установить ещё па́ру десятков динамитных шашек.

Пока Кобулинский крутился у лестницы, Толубеев подкрался к карте, упёрся коленями в Красную площадь, наклонился и красным фломастером замазал Курорт, расширив зону, в которой уже́ прогремели взрывы. Когда же Кобулинский вернулся к карте, Толубеев находился в друго́м конце вестибюля. Один из сапёров, с новенькими наушниками, болтающимися на шее, указал майору на картографическую аномалию. Кобулинский соблаговолил посмотреть на карту, и глаза́ у него медленно вылезли из орбит. Карта однозначно указывала, что с Курортом его подразделение уже́ разобралось и на са́мом деле это не здание, а груда кирпичной и мраморной крошки. Другой сапёр, с бейсболкой в заднем кармане брюк, достаточно убедительно припомнил, что три дня тому назад они минировали Курорт. Кобулинский вновь посмотрел на карту, опустился на четвереньки, пополз по улицам и площадям Москвы. Почесал затылок, потрогал родимое пятно. Директор Козинцев, сложив ру́ки на груди́ и гордо вскинув голову, заявил, что для него вопрос закрыт, и потребовал от сапёров немедленно убрать взрывчатку с вверенной ему территории. Кобулинский имел разрешение только на однократный подрыв Курорта и, согласно карте, уже́ произвёл сие

529 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
530 В метрической системе 3 ярда^2 — это незначительно больше 2 ½ м^2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

деяние. Повторить операцию он мог лишь на основании нового разрешения, а если такое разрешение будет затребовано, возникнут сомнения в эффективности подразделения Кобулинского: обычно сапёры управлялись с зданием за один раз. Чуть ли не в слезах, сбитый с толку, майор приказал разминировать Курорт. С отеческой нежностью аккуратно сложил карту, убрал её в кожаный чехол. Не принеся извинений, сапёры отбыли.

В ту ночь американы Валентины выбрались из парно́й, и сотрудники целых три часа́ разыскивали их по всему Курорту. Чирков и Толубеев обследовали Бассейн. Электроэнергию вновь отключили, так что пришлось пользоваться керосиновыми лампами, которые не столько освещали, сколько нагоняли страха. Движущиеся те́ни нависали со всех сторон, что-то злобно шептали по-молдавски, словно голодные хищные твари. На быстрый успех рассчитывать не приходилось. Сначала они обошли Бассейн поверху, поднося лампы к са́мому бортику, но бо́льшая часть Бассейна оставалась в чернильной тьме. Пото́м спустились по лесенке у Глубокого Конца и начали методично обследовать лабиринт, протискиваясь меж деревянных перегородок, натыкаясь на расчленённые трупы, целясь в вешалки для шляп. Толубеев без умолку шептал японскую молитву, охраняющую от мёртвых: «*Санио, сони, сейко, мицубиси, панасоник, тошиба…*»

Наконец они добрались до середины Бассейна. Американы стояли в кабинете Козинцева и таращились на обмазанный глиной череп, словно видели перед собой цветной телевизор. Распутин стоял на подставке. Чёрное покрывало, наброшенное сверху, походило на волосы. Нервы Чиркова сочетания Распутина и американов не выдержали. Он вскинул револьвер и прострелил одному скелету голову. Грохот выстрела едва его не оглушил. Скелет повалился на пол. Когда к Чиркову вернулся слух, в Бассейн сбежались остальные сотрудники. Дире́ктора Козинцева более всего волновала сохранность че́репа. Он ощупал его руками и облегчённо вздохнул, убедившись, что Григорий Ефимович не пострадал. Валентину рассердила потеря одного «подопытного кролика», но она благоразумно держала язык за зубами, потому что второй американ повёл себя безобразно. Вывалился из кабинета, раздвигая перегородки, переворачивая столы. Тарханов в шёлковом халате оказался у него на пути, вовремя не отошёл в сторону, и американ кусанул его за плечо. Далеко он,[531] конечно, не ушёл. Толубеев заплёл ему но́ги рукояткой топора, затем уселся американу на грудь и вогнал скальпель в переносицу. Американ ничем не подтвердил гипотезу Валентины. Пребывая в ожившем состоянии, мертвяк не эволюционировал: продолжал разлагаться. Но Валентина,[532] тем не менее,[533] утверждала, — что американ, убитый Чирковым, — *модель биологической эффективности, отринувшая всё лишнее, а потому потенциально бессмертная*. Теперь, однако, американ больше напоминал груду костей.

531 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
532 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
533 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Даже Козинцева, который прилаживал деревянные ру́ки своему ожившему любимцу, обеспокоила растущая очередь американов. Она змеёй извивалась по площади. Американы постоянно переминались с ноги́ на ногу, словно грели замерзающие ступни. Капитан Жаров установил в вестибюле пулемёт, нацеленный на заложенные брёвнами две́ри. Пока пулемёт лишь служил элементом устрашения, потому что ленты с патронами соответственного калибра на Курорте отсутствовали. Чирков и Толубеев наблюдали за американами с балкона. В очереди царил железный порядок. Лишь когда кто-то из американов, совсем уже́ разложившийся, выпадал из очереди, стоявшие сзади продвигались на шаг.

Толубеев разглядывал мертвяков в бинокль и составлял список сокровищ, которые надлежало реквизировать. Мобильные телефоны, электронные часы, синие джинсы, кожаные пиджаки, золотые браслеты, золотые зубы, шариковые ручки. Площадь превратилась в рай для карманников. Когда спустилась ночь, Чирков и Толубеев увидели, что о́кна не светятся даже в Кремле.

Наконец подачу электроэнергии восстановили. По радио на полицейской волне транслировали успокаивающую музыку из «Лебединого озера». На совещании собралось гораздо меньше народу, чем обычно, и Чирков вдруг понял, что *часть сотрудников дезертировала*. Доктор Дудников объявил, что никому не может дозвониться. Любашевский доложил, что угроза подрыва Курорта снята и едва ли возникнет вновь, но возникла новая опасность: учреждение, стёртое с лица́ земли́, могли лишить довольствия. На кухню поступила партия свежей рыбы. Оставшиеся сотрудника очень оживились, пропустив мимо ушей слова́ шеф-повара о том, что *многие рыбины продолжают бить плавниками и прекрасно себя чувствуют на свежем воздухе*. Валентина уже́ в сотый раз потребовала выделить ей для исследований живых мертвяков. Но голосование, пусть на этот раз сторонников Валентины и прибавилось, показало, что её идеи ещё не овладели массами. Козинцев официально известил всех о самоубийстве Тарханова, и собравшие почтили память коллеги, пусть и стукача, который докладывал в о́рганы о каждом их шаге, минутой молчания. Толубеев предложил организовать вылазку на площадь, чтобы освободить стоя́щих в очереди американов от сокровищ, незаменимых для бартера. Никто не вызвался составить ему компанию, отчего сержант заметно погрустнел. Закрывал совещание, как и ожидалось, Козинцев. Реконструкция Григория Ефимовича продвигалась успешно. Ру́ки с помощью простейших шарниров удалось прикрепить к подставке, на которой стоял череп. Глиняно-нитяные мышцы уже́ тянулись от лица́ к шее. Голова научилась управлять руками. Вытягивала их и напрягала мышцы запястий[534], словно хотела сжать ещё не

534 В оригинале великомогучее «запястьев». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

существующие кулаки. Особенно вдохновляли директора звуки, которые практически непрерывно издавал варган. Хотя он и не мог сказать, музыка это или рудиментарная речь. Продемонстрировал череп и целительные способности: гайморит, которым страдал Козинцев, бесследно исчез.

✷ ✷ ✷

Двумя днями позже Толубеев пустил американов в здание. Чирков не знал, *кто* подсказал сержанту *такую* мысль. Он просто поднялся из-за пулемёта, подошёл к дверям и начал откидывать брёвна. Чирков не пытался его остановить, занятый совсем другой проблемой: как вставить в пулемёт не подходящую к нему ленту. Тем временем Толубеев справился с брёвнами, отодвинул засовы и распахнул две́ри. Первым, ещё с того са́мого момента, как они завели в Курорт двух мертвяков, стоял офицер. Всё это время лицо его продолжало разлагаться. Плоть слезала со скул, мешками набираясь на челюстях. Офицер, печатая шаг, двинулся в вестибюль. Любашевский, который спал на кушетке, придвинутой к столу, поднялся, чтобы посмотреть, что происходит. Толубеев сорвал с груди́ офицера несколько медалей, две-три достаточно ценные сунул в карман, остальные бросил на пол. Офицер, прихрамывая, направился к лифту. За офицером в вестибюль вошла женщина в костюме в полоску. Толубеев снял с неё шляпу и нахлобучил себе на голову. У следующих американов Толубеев позаимствовал серебряный идентификационный браслет, кожаный пояс, карманный калькулятор, старую брошь. Добычу он складывал на полу́ за своей спиной. Американы заполняли вестибюль, выстраиваясь треугольником, вершиной которого являлся офицер.

Чирков предположил, что теперь мертвяки уж точно его съедят, и пожалел о том, что не попытался забраться в постель к технику Свердловой. В револьвере оставалось два патрона, то есть он мог уложить одного американа, прежде чем уйти из этого беспокойного мира. Выбирать было из кого, но ни один не проявил к нему ни малейшего интереса. Кабина лифта ушла вниз, а те, кто не вместился в неё, обнаружили лестницу. Их всех тянуло в подвал, к Бассейну. Толубеев по-прежнему продолжал собирать дань. Одних мертвяков хлопал по плечу, предлагая добровольно расстаться со своими богатствами, с других, которые выглядели совсем смирными, сдирал то, что ему нравилось. Любашевский пришёл в ужас, глядя на толпу американов, но ничего не предпринял. Пото́м сообразил, что решение в такой ситуации может принимать только начальство. И попросил Чиркова рассказать Козинцеву о происходящем в вестибюле. Чирков резонно предположил, что директор сейчас в Бассейне, возится с черепом Распутина, а потому текущие события скоро перестанут быть для него тайной, но,[535] тем не менее,[536] начал

535 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
536 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пробираться сквозь толпу, с трудом подавляя желание извиниться за те толчки, что доставались мертвякам. Американы, в принципе, и сами расступались перед ним, поэтому скоро он уже́ обогнал толпу и с криком «*Американы идут!*» подбежал к бортику Бассейна. Исследователи подняли го́ловы, он увидел, как раздражённо сверкнули глаза́ Валентины, и подумал, что, наверное, уже́ поздно говорить с ней о сексе. Толпа мертвяков накатывала на Чиркова, прижимая его к кромке Бассейна. Он спрыгнул вниз, благо,[537] находился на Мелком Конце, и поспешил к кабинету Козинцева. Многие перегородки уже́ снесли, так что к директору вела широкая доро́га. Валентина надула губки, взглянув на него, но тут же её глаза́ широко раскрылись: она увидела но́ги, окружающие Бассейн. Американы посыпались вниз, круша столы и трупы, многие, упав, уже́ не могли подняться. Однако самые крепкие продолжали продвигаться к цели, затаптывая и оттесняя техников. Люди кричали, по дну Бассейна текла кровь. Чирков выстрелил не глядя: пуля оторвала ухо у бородатого мертвяка в поношенном костюме. Пото́м повернулся и бросился к кабинету Козинцева. Влетев в кабинет, подумал, что директора нет, но пото́м понял, что ошибся. Уйдя с головой в работу, В. А. Козинцев соорудил деревянный каркас, который установил себе на плечи так, что голова стала сердцем новою те́ла, которое он сотворил для Григория Ефимовича Распутина. На голову, значительно прибавившую в размерах, спасибо глиняно-резиновым мышцам, директор уже́ нацепил парик и бороду. Появились на лице Распутина гу́бы и кожа. Верхняя, деревянная, часть те́ла напоминала торс великана с огромными руками, но из-под него высовывались тоненькие ножки-спички директора. Чирков уж подумал, что такую громадину директор не выдержит, однако нет, он не падал, его даже не качало. Чирков посмотрел на гротескное лицо Распутина. Синие глаза́ *сверкали*, не стеклянные — *живые*.

Валентина, раскрыв рот, замерла рядом с Чирковым. Тот обнял её и дал себе клятву, что при необходимости пуля, которую он оставил для себя, достанется ей. Он вдохнул аромат её надушенных воло́с. Теперь они вдвоём смотрели на святого маньяка, который полностью подчинил себе женщину, а через неё и Европу, чтобы пото́м погубить их обеих. Распутин коротко глянул на них, а пото́м перевёл взгляд на американов. Они толпились вокруг, *пилигримы, пришедшие в храм*. Ужасная улыбка осветила грубое лицо. Вытянулась рука с ладонью-лопатой и пальцами, сотворёнными из хирургических инструментов. Рука упала на лоб ближайшего из американов, офицера. Лицо мертвяка полностью исчезло под ладонью, пальцы охватили голову. Похоже, Григорию Ефимовичу хватало сил, чтобы расколоть череп, как яйцо, но пальцы лишь крепко обжимали его. Распутин вскинул глаза́ на люстру, из горла донёсся долгий, монотонный, вибрирующий звук. Американ завибрировал, плоть и одежда посыпались с него, словно капустные листья. Наконец,[538] Распутин отпустил мертвяка. Теперь он напоминал скелет, который изучала Валентина, только выглядел куда более крепким и сильным. Он выпрямился во весь рост, потянулся. Хромота исчезла, повреждённый

537 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
538 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

коленный сустав стал,[539] как новенький. Американ щёлкнул зубами и огляделся в поисках свежего мяса. Второй американ занял его место под рукой Распутина. Григорий Ефимович излечил и его. А потóм третьего, четвёртого…

© Ким Ньюман

539 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Томас Лиготти
«Эта тень, эта тьма»

Было похоже, что Гроссфогель взял с нас грабительскую сумму за то, что предлагал. Некоторые из нас (всего нас было около двенадцати) винили себя и наш собственный идиотизм с той минуты, как мы оказались в этом месте, которое один опрятно одетый джентльмен тут же окрестил «*Средоточием нигде*». Тот же самый джентльмен, который несколько дней назад сообщил своим собеседникам, что он перестал писáть стихи из-за отсутствия, как он считал, надлежащего преклонения перед его новаторской «*герметической лирикой*», а затем объявил место, где мы оказались, именно таким, какого нам следовало бы предвидеть,[540] и скорее всего именно таким, какое мы, идиоты и неудачники, вполне заслужили. У нас, объяснил он, не было ни малейших оснований ожидать чего-либо получше, чем мёртвый городок Крэмптон в сáмой нигдешней области всей страны́, да и всего мира, если на то пошло́ — в самую унылую пору го́да, вклинившуюся между щедрой ослепительной осенью и тем, что обещает быть щедрой и ослепительной зимой. *Мы в ловушке*, сказал он, практически заперты в той области страны́ и всего мира, где в окружающем пейзаже налицо все признаки этой унылой поры́ или, вернее, полное отсутствие каких бы то ни было признаков, где абсолютно всё полностью ободрано до голого остова, и где жалкая безличность форм в их неприкрытой наготе столь беспощадно бросается в глаза́. Когда я указал, что гроссфогелевский проспект этой экскурсии, наименованной «*физически-метафизической экскурсией*», строго говоря, нигде прямо не вводил в заблуждение относительно цели нашей поездки, ответом мне были злобные взгляды соседей за нашим столиком, а также и сидевших за столиками вокруг в небольшой, почти миниатюрной столовой, в которую втиснули всю нашу группу, под завязку набив зал любителями экзотики, которые, перестав на минуту-другую препираться, просто тупо смотрели в убийственной тишине на пустые улицы и полуразрушенные здания мёртвого городка Крэмптон, видневшиеся в затуманенных окнах. Затем городок был язвительно назван «*убогой бездной*» — так выразился скелетообразный субъект, всегда представлявшийся «*расстриженным академиком*». Такое самообозначение обычно провоцировало вопрос о том, что, собственно, оно обозначает, после чего он пускался в подробные объяснения, как неспособность приспособить своё мышление к требованиям «*интеллектуального базара*», по его выражению, вкупе с неумением скрывать свои неортодоксальные изыскания и методики лишили его возможности получить пост в каком-нибудь пристойном академическом учреждении или любом друго́м учреждении, а также фирме. То есть он

540 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пребывал в убеждении, что его фиаско являются его высоким отличием, и в этом смысле он был типичен для всех нас — тех, кто сидел за несколькими столиками и у стойки этой миниатюрной столовой и жаловался, что Гроссфогель запросил с нас грабительскую сумму и в какой-то мере преувеличил в своём проспекте важность и смысл экскурсии в мёртвый городок Крэмптон.

Вытащив из заднего кармана брюк мой экземпляр гроссфогелевского проспекта, я положил его перед тремя моими соседями по столику. Затем достал мои хрупкие очки для чтения из кармана старого джемпера под моим даже ещё более старым пиджаком, чтобы ещё раз проштудировать эти страницы и подтвердить подозрения, которые у меня возникли относительно их истинного смысла.

— Если вы имеете в виду мелкий шрифт… — начал мой сосед слева, фотограф-портретист, который обычно закашливался, стоило ему заговорить, как случилось и на этот раз.

— Мне кажется, мой друг собирался сказать следующее, — пришёл ему на помощь мой сосед справа. — Мы стали жертвой афёры — и очень хитрой афёры. Я говорю от его имени, так как именно таков ход его мысли. Я прав?

— Метафизической афёры, — подтвердил мой сосед слева, на секунду перестав кашлять.

— О да, *метафизической афёры*, — повторил сосед справа с лёгкой насмешкой. — Мне и в голову не могло прийти, что я попадусь на подобную наживку, учитывая мой опыт и особые знания. Но, разумеется, это чрезвычайно тонкое и[541] сложное мошенничество.

Я знал, что мой сосед справа — автор неопубликованного философского трактата, озаглавленного «*Исследование за́говора против человечества*», — но я не совсем понял, *что* он подразумевал под своим «*опытом и особыми знаниями*». Прежде,[542] чем[543] я успел обратиться к нему за пояснениями, меня бесцеремонно перебила женщина, моя визави.

— Мистер Райнер Гроссфогель — шарлатан, вот и всё, — сказала она достаточно громко, чтобы её услышали все в зале. — Я, как вам известно, уже́ некоторое время знала о его надувательствах. Даже до его так называемого *метаморфического озарения* или как он там это называет…

— *Метаморфического исцеления*, — подсказал я.

— Прекрасно! Его *метаморфического исцеления*, что бы это там ни значило. Ещё до этого я замечала у него все признаки шарлатанства. И требовались только удачно сложившиеся обстоятельства, чтобы оно вырвалось наружу. И тут — якобы неизлечимая болезнь, которая, по его утверждению, привела к этому — мне трудно даже выговорить — *метаморфическому*

541 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
542 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
543 В оригинале неуместное «нем». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

исцелению. И он получил возможность пустить в ход все таланты шарлатана, каким всегда намеревался стать. Я присоединилась к этой экскурсии, к этому фарсу, только,[544] чтобы иметь удовольствие увидеть, как другие поймут то, что я всегда знала и всегда говорила про Райнера Гроссфогеля. Вы все — мои свидетели, —[545] докончила она, а её глаза́ в кольце морщин и щедрого макияжа рыскали по нашим лицам и лицам остальных в зале в поисках искомой поддержки.

Эта женщина была мне известна только под её профессиональным псевдонимом — *миссис Анджела*. До последнего времени она управляла тем, что все в нашем кружке́ называли «*спиритуалистической кофейней*». В числе угощений и услуг, предлагаемых этим заведением, имелся прекрасный выбор превосходных пирожных — творений само́й миссис Анджелы — во всяком случае, так она утверждала. К несчастью, ни спиритуалистические сеансы, проводившиеся медиумами, нанятыми миссис Анджелой, ни превосходные пирожные с кофе по несколько завышенной цене не смогли обеспечить процветание её заведению. Именно миссис Анджела первая во всеуслышание пожаловалась на качество как обслуживания, так и скромного подкрепления сил, которые ожидали нас в крэмптонской столовой. Вскоре после того, как мы прибыли днём и немедленно набились в единственное работающее заведение в городке, миссис Анджела подозвала молодую женщину, чьей обязанностью было единолично обслуживать нашу группу.

«*Этот кофе нестерпимо горек!* — крикнула она девушке, одетой в словно бы с иголочки новую униформу. — *А плюшки зачерствели все до единой. Куда нас завезли? По-моему,*[546] *этот*[547] *городишко и всё в нём — сплошной обман*».

Когда девушка подошла к нашему столику и остановилась перед нами, я заметил, что её костюм больше подошёл бы больничной сестре, чем официантке в скромной столовой. А главное, он мне напомнил униформу, которую я видел на сёстрах в больнице, где лечился Гроссфогель и в конце концов исцелился от болезни, казавшейся крайне серьёзной. Пока миссис Анджела всячески поносила официантку за качество поданных нам кофе и плюшек, которые составляли часть того, что гроссфогелевская брошюра превозносила как «*ни с чем не сравнимую физико-метафизическую экскурсию*», я перебирал всё, что хранила моя память о пребывании Гроссфогеля в этой плохо оборудованной, подчёркнуто несовременной больнице, где он лечился — пусть совсем недолго,[548] за два го́да до нашей поездки в мёртвый городок Крэмптон. Он попал в убогую палату из приёмного покоя, который был попросту чёрным ходом даже не в больницу в строгом смысле сло́ва, а скорее импровизированный лазарет, помещавшийся в обветшалом старом доме в том же районе, где Гроссфогель и большинство

544 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
545 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
546 В оригинале точка вместо запятой, хотя явно предложение продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
547 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Этот». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
548 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

знавших его вынуждены были жить из-за наших весьма ограниченных финансовых средств. Именно я был тем, кто отвёз его на такси в этот приёмный покой и сообщил регистраторше все необходимые сведения о нём, поскольку сам он был не в состоянии говорить. Позже я объяснил сестре, которую счёл всего лишь санитаркой в костюме сестры —[549] настолько скудными казались её сведения в области медицины,[550] — что Гроссфогель упал без сознания в местной картинной галерее, на открытии скромной выставки его произведений. Я сообщил ей, что он впервые предстал перед публикой как художник и впервые же оказался жертвой внезапного обморока. Однако я не упомянул, что указанную галерею точнее было бы назвать пустующим складским помещением, которое время от времени подметали и сдавали под различные выставки и всякие художественные вечера́. Весь вечер Гроссфогель жаловался на боли в животе, сказал я сестре, а пото́м повторил это заведующему приёмным покоем, который также показался мне более похожим на санитара, чем на дипломированного врача. На протяжении ве́чера эти боли усиливались, сообщил я сестре и врачу, по моему мнению,[551] из-за возрастающего волнения Гроссфогеля при виде собственных картин, выставленных на всеобщее обозрение, поскольку он всегда относился с подчёркнутым недоверием к своему таланту, как художника — и с полным на то основанием, сказал бы я. С другой стороны́, нельзя было исключить и серьёзного физического недуга, признал я, когда говорил с сестрой, а позднее и с врачом. Как бы то ни было, но Гроссфогель рухнул на пол картинной галереи и с того момента был способен только *стонать* — жалобно и, если уж на то пошло́, довольно-таки *противно*.

Выслушав мой рассказ об обмороке Гроссфогеля, врач предписал художнику лечь на каталку, ожидавшую в глубине скверно освещённого коридора, сам же врач вместе с сестрой удалился в противоположном направлении. Всё время, пока Гроссфогель лежал на этой каталке среди теней этой скроенной на скорую руку больнички, я стоял подле него. Была уже́ глубокая ночь, и стоны Гроссфогеля заметно поутихли, но для того лишь, чтобы смениться тем, что в тот момент я принял за прерывистый бред. В течение этой бредовой декламации художник несколько раз упомянул какую-то «*всепроникающую тень*». Я сказал ему, что дело в скверном освещении коридора, и собственные слова́ показались мне несколько бредовыми из-за усталости, вызванной событиями этого ве́чера и в галерее, и в этой паршивой больничке. Но Гроссфогель — в бреду, я полагаю, — только обводил коридор взглядом, словно не видел, что я стою там, и не слышал моих обращённых к нему слов. Тем не менее,[552] он прижал ладони к ушам, словно оберегая их от какого-то мучительного оглушающего звука. Пото́м я просто стоял там и слушал бормотание Гроссфогеля, никак не откликаясь на его бредовые и всё более усложнённые фразы о «*всепроникающей те́ни, которая*

549 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
550 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
551 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
552 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

вынуждает предметы быть тем, чем они не являются», а затем (позднее) о «*вседвижущей тьме, которая вынуждает предметы делать то, чего они не делают*».

Послушав Гроссфогеля так примерно с час, я заметил, что врач и сестра стоят почти вплотную друг к другу в дальнем конце этого тёмного коридора. Они, казалось, очень долго совещались и очень часто то по отдельности, то вместе поглядывали туда, где я стоял рядом с распростёртым на каталке и бормочущим Гроссфогелем, гадая, долго ли ещё они будут продолжать эту медицинскую шараду, эту больничную пантомиму, пока художник лежит тут, стонет и всё чаще бормочет что-то про тень и тьму. Возможно, я на минуту, стоя, задремал, так как внезапно сестра очутилась передо мной, а врач исчез. В мрачном сумраке коридора белая униформа сестры словно *светилась*.

— Можете теперь вернуться домой, — сказала она мне. — Вашего друга примут в больницу.

После этого она покатила Гроссфогеля к лифту в конце коридора. Едва она приблизилась к дверям лифта, как они быстро и бесшумно раздвинулись, озарив тёмный коридор ярчайшим светом. Когда они разошлись до конца, я увидел, что в кабине стои́т врач. Он потянул каталку в сияние кабины, а сестра подтолкнула её сзади. Едва все они оказались внутри, как две́ри бесшумно сомкнулись, и коридор, в котором всё ещё стоял я, снова заполнили те́ни, словно бы более густые, чем раньше.

На следующий день я посетил Гроссфогеля в больнице. Его поместили в маленькую отдельную палату в дальнем углу верхнего этажа. Пока я шёл к его палате, номер которой получил в справочной, мне показалось, что все остальные палаты на этом этаже *пустуют*. Только когда я увидел нужный номер и заглянул внутрь, моим глазам предстала занятая кровать, и *внушительно* занятая, так как Гроссфогель был весьма корпулентен, и ему потребовались вся длина и ширина старого продавленного матраса. Он выглядел настоящим великаном на этом маленьком казённом матрасе, в этой комнатушке без окон. Мне еле удалось втиснуться между стеной и кроватью художника, который словно бы продолжал бредить, как накануне ночью. Не было никаких признаков, что он заметил моё присутствие, хотя из-за тесноты я чуть ли не лежал на нём. Даже, когда я несколько раз назвал его по имени, его слезящиеся глаза́ не обратились на меня. Однако, едва я начал пятиться от кровати, как,[553] к моему изумлению,[554] Гроссфогель ухватил меня за плечо огромной левой рукой, той са́мой, которой он писа́л и рисовал творения, выставленные накануне в складском помещении, отданном под картинную галерею.

— Гроссфогель, — сказал я с надеждой, думая, что он наконец как-то отзовётся на моё присутствие, хотя бы снова заговорив про всепроникающую тень (которая вынуждает предметы быть тем, чем они не являются), о вседвижущей тьме (которая вынуждает предметы делать то, чего они не

553 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
554 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

делают). Однако через секунду-другую его рука расслабилась и соскользнула с моего плеча на самый край бугристого казённого матраса, на котором его тело вновь застыло в неподвижности.

Вскоре я вышел из отдельной палаты Гроссфогеля и прошёл к посту дежурной сестры на том же этаже узнать о состоянии художника. Единственная сестра на посту выслушала мою просьбу и заглянула в папку с пометкой «*Райнер Гроссфогель*» в одном из верхних уголков. Поизучав меня несколько дольше, чем она изучала содержимое папки, касающееся художника, а теперь пациента этой больницы, она сказала просто:

— Ваш друг находится под строгим наблюдением.

— И это всё, что вы можете мне сказать?

— Результаты его анализов ещё не получены. Можете узнать о них позже.

— *Позже*, но *сегодня*?

— Да, *позже сегодня*, — ответила она и, взяв папку Гроссфогеля, скрылась за соседней дверью. Я услышал скрип выдвигаемого ящика и резкий стук, когда он был задвинут. Сам не знаю, почему, но я стоял там и ждал, когда сестра выйдет из помещения, куда унесла папку Гроссфогеля. В конце концов я устал ждать и отправился домой.

Когда позже в этот день я позвонил в больницу, мне сообщили, что Гроссфогель *выписан*.

— Он поехал домой? — ничего другого мне в голову не пришло.

— Нам неизвестно, *куда* он направился, — ответила женщина, снявшая трубку, и тут же положила её на рычаг. И никто другой не знал, куда девался Гроссфогель, потому что домой он не вернулся, а в нашем кружке́ никто понятия не имел, где он может находиться.

Прошло несколько недель — во всяком случае,[555] больше ме́сяца после выписки Гроссфогеля из больницы и последовавшего его освобождения, когда по воле случая некоторые из нас встретились в складской картинной галерее, где художник упал в обморок в день открытия своей первой выставки. К этому времени даже я уже́ не вспоминал о Гроссфогеле и о том, как он без всякого предупреждения исчез с нашего горизонта. Тем более, что он был далеко не первым из нас, пропавшим без вести: ведь наш кружок состоял из более или менее неуравновешенных, а то и опасно переменчивых людей, которые были вполне способны впутаться в какие-нибудь тёмные дела́ под влиянием тех или иных творческих либо интеллектуальных побуждений или просто в смятении духа.

555 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

По-моему, про Гроссфогеля мы упомянули, прохаживаясь в тот день по галерее, потому лишь, что его работы всё ещё были выставлены там, и куда бы мы ни смотрели, в глаза́ нам бросались то картина, то рисунок, то ещё какое-либо его творение, которые, как я сам написа́л в каталоге к выставке, являли «*воплощение ви́дения исключительно одарённого художника-провидца*», хотя на са́мом деле они все без исключения были пошловатыми образчиками того ро́да художественных поделок, которые,[556] по причинам, неизвестным никому из причастных к ним лиц, иногда приносят их создателю некоторый успех, а то и славу.

— Что мне делать с этим хламом? — пожаловалась женщина, владелица, а может, просто арендаторша складского помещения, сданного под картинную галерею.

Я уже́ собрался сказать ей, что возьму на себя избавление галереи от гроссфогелевских работ и, может быть, даже помещу их куда-нибудь на временное хранение, но тут вмешался скелетообразный субъект, всегда представлявшийся «*расстриженным академиком*», и рекомендовал расстроенной владелице — или,[557] по крайней мере,[558] арендаторше — картинной галереи отправить их в больницу, где предположительно лечится Гроссфогель. Когда я спросил, почему он употребил слово «*предположительно*», то услышал:

— Я давно подозреваю, что это довольно сомнительное место, и в этом я не одинок.

Тогда я спросил, есть ли у него какие-нибудь факты для такой его уверенности, но он только скрестил костлявые ру́ки на груди́ и взглянул на меня так, будто я его оскорбил.

— Миссис Анджела, — сказал он женщине, которая стояла неподалёку, рассматривая картину Гроссфогеля так пристально, словно серьёзно подумывала, не купить ли её. В то время спиритическая кофейня миссис Анджелы ещё не доказала своей финансовой несостоятельности, и, возможно, ей казалось, что творения Гроссфогеля, хотя и очень посредственные с точки зрения искусства, тем не менее,[559] окажутся созвучными двусмысленности её заведения, где клиенты сидят за столиками и получают советы от нанятых ею консультантов-медиумов, одновременно услаждая себя широким выбором превосходных пирожных.

— Вам следует прислушаться к тому, *что* он говорит про эту больницу, —[560] сказала мне миссис Анджела, не отводя взгляда от картины Гроссфогеля. — У меня она давно вызывает сильное неприятное чувство. В некоторых её аспектах есть что-то чрезвычайно *сумбурное*.

556 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
557 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
558 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
559 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
560 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— *Сомнительное*! — поправил расстриженный академик.

— Да, — ответила миссис Анджела. —[561] Во всяком случае, это не то место, где я хотела бы оказаться, проснувшись однажды поутру.

— Я написáл о ней стихотворение, — сказал опрятно одетый джентльмен, который всё это время мерил шагами пол галереи, несомненно выжидая удобной минуты, чтобы подойти к женщине, которая была владелицей или арендаторшей складского помещения и убедить её устроить то, о чём он без конца разглагольствовал, а именно «*вечер герметической поэзии*», гвоздём которого, разумеется, должны были стать его собственные произведения. — Я как-то прочёл вам это стихотворение, — сказал он владелице галереи.

— Да, вы мне его читали, — подтвердила она без всякого выражения.

— Я написáл его после того, как поздно ночью получил первую помощь в тамошнем приёмном покое, —[562] пояснил поэт.

— А что с вами было? — спросил я.

— О, ничего серьёзного, как выяснилось. Через несколько часов я ужé был дóма. Рад сказать, в палату меня не положили. Это место (я цитирую своё стихотворение о нём) — «*средоточие бездн*».

— Прекрасно сказано, — сказал я, — но не могли бы мы поговорить более конкретно?

Однако, прежде чем я сумел вытянуть ответ у самопровозглашённого творца герметической лирики, дверь картинной галереи внезапно была распахнута с *силой*, которую мы все внутри тотчас *узнали*. Секунду спустя мы увидели перед собой корпулентную фигуру Райнера Гроссфогеля. Физически он в большей своей части словно был тем же человеком, которого я помнил до его падения на пол картинной галереи шагах в пяти от того мéста, где я стоял сейчас, и в нём не осталось ничего от стонущего бредящего индивида, которого я отвёз в приёмный покой больницы для немедленного принятия мер. Однако в нём чудилось что-то *иное*, скрытая, но полная *перемена* в том, *как* он смотрел на то, *что* перед ним: если взгляд художника был привычно опущен или нервно отведён в сторону, его глазá теперь смотрели прямо и были исполнены спокойной целеустремлённости.

— *Всё это* я забираю, — сказал он, делая широкий, но мягкий жест в сторону плодов своего творчества, которые заполняли галерею: ни единое не было продано ни в день открытия выставки, ни за всё время его исчезновения. — Я был бы благодарен вам за помощь, если вы склонны её оказать, — добавил он и начал снимать картины со стен.

561 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
562 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мы все соединили наши усилия с его усилиями, не задавая вопросов, ничего не говоря, и,[563] нагружённые произведениями искусства, больши́ми и малыми, последовали за ним из галереи на улицу к видевшему виды пикапчику, припаркованному у тротуара перед входом. Гроссфогель небрежно швырнул свои творения в кузов взятой на прокат, а может быть, одолженной машины (поскольку до этого дня никаких транспортных средств,[564] вроде бы,[565] у него не имелось), нисколько не заботясь о возможных повреждениях лучших образчиков, как он прежде считал, сошедших к этому моменту с его творческого конвейера. Миссис Анджела немного поколебалась, возможно, всё ещё прикидывая, как одно или несколько этих произведений будут смотреться в её спиритически-кондитерской кофейне, но затем и она принялась выносить творения Гроссфогеля из галереи и швырять их в кузов пикапчика, где их *куча* росла всё выше и выше, точно *мусорная*, пока сте́ны и пол галереи полностью не очистились, и она ни обрела вид типичного пустующего складского помещения. Затем Гроссфогель сел за руль, а мы все стояли в изумлённой тишине перед очищенной картинной галереей. Высунув голову в окошко взятого на прокат или одолженного пикапчика, он окликнул женщину, которая заведовала галереей. Она подошла к пикапчику со стороны́ водителя и обменялась с художником несколькими словами перед тем, как он завёл мотор машины и уехал. Вернувшись туда, где мы продолжали стоять на тротуаре, она сообщила нам, что через несколько недель в галерее откроется новая выставка работ Гроссфогеля.

✷ ✷ ✷

Вот такой была новость, облетевшая кружок художников и интеллектуалов, с которыми я общался: Гроссфогель,[566] после тяжёлого приступа неизвестной болезни и обморока на первой,[567] весьма неудачной выставке своих работ,[568] намерен устроить вторую вставку, после того как полностью очистил галерею от более чем посредственных картин, рисунков и всего прочего, уже́ предложенного им обозрению публики, и увёз их в кузове пикапчика. Разумеется, новой выставке Гроссфогеля была устроена профессиональная реклама заботами женщины, которой принадлежала картинная галерея и которая могла получить финансовую выгоду от продажи того, что в рекламном проспекте этого мероприятия не слишком уклюже было названо «*кардинальной и перепровидческой фазой в творчестве знаменитого*

563 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
564 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
565 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
566 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
567 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
568 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

художника-провидца Райнера Гроссфогеля». Тем не менее,[569] из-за обстоятельств, связанных как с прошлой, так и с предстоящей выставкой, сразу же всё было окружено туманом бредовых, а порой и жутковатых сплетен. Такое развитие событий вполне отвечало натуре тех, кто составлял этот кружок сомнительных (не говоря уж о сумбурных) художников и интеллектуалов, в котором я нежданно занял центральное место. В конце-то концов это я отвёз Гроссфогеля в больницу после его обморока на выставке его работ, и именно больница — ужé, как я узнал, обладавшая странной репутацией, — мрачно маячила в тумане сплетен и предположений, сгустившемся вокруг предстоящей выставки Гроссфогеля. Намекали даже на особые процедуры и медикаментацию, которым подвергся художник за краткое пребывание там (чем объяснялось его непонятное исчезновение и последовавшее возвращение) для достижения того, что,[570] по мнению многих,[571] должно было оказаться «*художественным провидением*». Вне сомнения, именно эти ожидания, эта отчаянная надежда на нечто потрясающей новизны и ослепляющего блеска, которые некоторым индивидам со слишком горячечным воображением мнились, как прорыв за пределы чистой эстетики,[572] и понудили многих в нашем кружкé принять неортодоксальную природу следующей выставки Гроссфогеля, а также объяснило эмоциональное ощущение обманутости, поджидавшее тех из нас, кто пришёл на открытие выставки.

И, сказать правду, произошедшее в галерее в тот вечер ничем не напоминало открытия выставок, привычные нам: стéны и пол галерей оставались такими же пустыми, какими стали после того, как Гроссфогель приехал в «пикапчике» и увёз все свои работы со своей прежней выставки, тогда как новая, как мы скоро узнали, приехав туда, должна была открыться в небольшой комнате в глубине складского помещения. Далее: с нас взяли солидную плату за вход в эту маленькую заднюю комнату, освещённую лишь несколькими очень слабыми лампочками, кое-где свисавшими на шнурах с потолка. Одна покачивалась в углу комнаты над столиком, накрытым обрывком простынú, под которым что-то крутилось. От этого угла с тусклой лампочкой и столиком под обрывком простынú расходились полукружья кое-как расставленных складных стульев. Эти неудобные стулья в конце концов были заняты теми из нас (всего десяток с небольшим), кто был готов уплатить солидную сумму за право увидеть то, что больше смахивало на незатейливый театр одного актёра, чем на художественную выставку. Я слышал, как миссис Анджела на стуле позади меня снова и снова повторяла сидевшим рядом: «*Что происходит, чёрт подери?*» В конце концов она наклонилась ко мне со словами:

— Что ещё затеял Гроссфогель? Я слышала, что с тех пор, как он вышел из больницы, его до одурения пичкали всякой дрянью.

569 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
570 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
571 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
572 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Тем не менее,[573] художник, казалось, был в ясном уме и твёрдой памяти, когда,[574] минуту-другую спустя, он прошёл между кое-как расставленными стульями и встал рядом со столиком, накрытым обрывком простыни́, над которым покачивалась тусклая лампочка. В тесноте задней комнаты картинной галереи корпулентный Гроссфогель выглядел почти великаном — точно так же, как он выглядел, когда лежал на казённом матрасе в своей отдельной палате. Даже его голос, который обычно бывал негромким, почти шепчущим, казалось, усилился, когда он обратился к нам.

— Благодарю вас всех за то, что вы пришли сюда сегодня, — начал он. —[575] Много времени это не займёт. Мне нужно сказать вам совсем немного, и мне хотелось бы кое-что вам *показать*. Право же, поистине чудо, что я стою здесь и говорю с вами вот так. Не столь давно, как некоторые из вас, возможно, помнят, в этой са́мой картинной галерее со мной случился тяжелейший припадок. Надеюсь, вы не против того, чтобы я сообщил вам некоторые сведения о природе этого припадка и его последствиях, ибо,[576] по моему убеждению,[577] это необходимо для должного восприятия того, *что* я должен показать вам сегодня.

Ну, так разрешите мне начать, указав, что припадок, сразивший меня в этой картинной галерее во время открытия моей выставки, на одном уровне по своей природе был простым желудочно-кишечным расстройством, пусть и очень серьёзным для недуга такого ро́да. Это желудочно-кишечное заболевание, это расстройство моего пищеварительного тракта развивалось во мне уже́ долгое время. В течение многих лет это расстройство незаметно прогрессировало на одном уровне — в недрах моего организма, а на другóм — в са́мом тёмном аспекте моего существа. Этот период совпал и, собственно говоря, был порождён моим горячим желанием, связанным с одной областью искусства: иными словами, моим желанием *сделать нечто*, то есть творить произведения искусства, а также моим желанием *быть кем-то*, то есть художником. На протяжении периода, о котором я говорю, а если на то пошло́, то и на протяжении всей моей жизни я пытался сотворить что-то своим сознанием, и особенно созидать творения искусства с помощью единственного, как я считал, средства, имеющегося в моём распоряжении, а именно: используя моё сознание или используя моё воображение, или творческие способности, используя, короче говоря, некую силу или функцию того, что люди называют *душой*, или *духом*, или просто *личностью*. Но когда я лежал на полу́ галереи[578] и позже, в больнице, испытывая невыразимую боль в брюшной полости, меня потрясло сознание, что у меня нет ни духа, ни воображения, которыми я мог бы воспользоваться, и ничего, что я мог бы назвать своей душой — всё это нонсенс и пустые иллюзии. В моём жестоком желудочно-кишечном страдании я осознал, что хоть в какой-то степени существует лишь это физическое тело, размерами больше среднего. И я

573 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
574 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
575 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
576 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
577 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
578 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

осознал, что сделать это тело ничего не может, кроме как функционировать в физической боли, и не может быть ничем, кроме того, чем является — не художником, не творцом чего-либо, а только грудной плотью, системой костей, тканей и прочего, терпящей му́ки, сопряжённые с расстройством её пищеварительного тракта, и всё, что бы я ни делал, если оно не прямо проистекает из этих фактов — а уж особенно при создании произведений искусства, — было глубоко и полностью *поддельно* и *нереально*. И в то же время я осознал силу, которая скрывалась за моим горячим желанием что-то сделать и быть чем-то, и особенно за моим желанием творить полностью поддельные и нереальные произведения искусства. Иными словами, я осознал, *что именно* активизирует моё тело на са́мом деле.

Прежде, чем продолжить это вступление, составлявшее первую часть его художественной выставки — или театра одного актёра, как я мысленно её определил, Гроссфогель помолчал, словно оглядывая свою маленькую аудиторию, сидящую в задней комнате галереи. То, что он сообщил нам касательно своего те́ла и нарушения его пищеварительной функции, в общем, было достаточно понятно, несмотря на то,[579] что некоторые положения, которые он формулировал, выглядели в тот момент сомнительными, а взятые целиком — в некоторой степени не слишком привлекательными. Однако мы отнеслись к словам Гроссфогеля с терпимостью, так как, полагаю, нам казалось, что они подведут нас к следующей, возможно, более аппетитной фазе испытанного им, поскольку каким-то образом мы уже́ почувствовали, что оно не так уж чуждо нашему собственному опыту, идентифицируемся ли мы с его своеобразной желудочно-кишечной природой или нет. А потому мы молчали, чуть ли не почтительно, если учесть неортодоксальность происходившего в тот вечер, и Гроссфогель продолжал излагать то, что должен был поведать нам, перед тем, как совлечь покрывало с того, что доставил сюда *показать* нам…

— Всё это так, так *просто*, — продолжал художник. — Наши тела́ ведь всего лишь одно из проявлений энергии той активизирующей силы, которая приводит в движение все предметы, все тела́ в этом мире и позволяющей им существовать так, как они существуют. Эта активизирующая сила несколько подобна те́ни, находящейся снаружи всех тел этого мира, но внутри, пронизывая их все насквозь, — вседвижущая тьма, которая сама по себе не имеет субстанции, однако движет все предметы в этом мире, включая и предметы, которые мы называем нашими телами. Пока я находился в муках моего желудочно-кишечного припадка в больнице, где меня лечили, я, так сказать, спустился в ту бездну сущности, где мог ощутить, как эта тень, эта тьма активизирует моё тело. Кроме того, я мог слышать её движение не только внутри моего те́ла, но и во всём вокруг меня, так как производимый ею звук не был звуком моего те́ла. Собственно, это был звук этой те́ни, этой тьмы, могучий рёв — звук неведомого звериного океана, накатывающегося на чёрные и бесконечные берега́, непрерывно их пожирая. Точно так же мне было дано воспринять действие этой всепроникающей и вседвижущей силы с помощью обоняния и вкуса, а также осязания, присущих моему телу.

579 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наконец, я открыл глаза́, ибо почти на всём протяжении мучительного испытания, которому меня подверг мой пищеварительный тракт, мои веки оставались крепко зажмуренными от боли. А когда я открыл глаза́, то обнаружил, что способен видеть, как всё вокруг меня, включая и моё собственное тело, активизируется изнутри этой всепроникающей тенью, этой вседвижущей тьмой. И ничто не выглядело таким, каким я привык его видеть. До той но́чи я никогда не воспринимал мир через мои физические о́рганы чувств, каковые находятся в прямом контакте с этой бездной сущности, которую я называю тенью, тьмой.

Должен признаться, что перед моим физическим коллапсом в этой са́мой картинной галерее я испытал психический коллапс — коллапс чего-то поддельного и нереального, какого-то — это разумеется само собой —[580] какого-то нонсенса и иллюзорности, хотя в тот момент всё это представлялось мне подлинным и реальным. Этот коллапс моего сознания и моей личности был вызван холодностью приёма, какой оказали моим художественным творениям посетители, собравшиеся на открытие моей первой выставки, тем, насколько неудачными они оказались как произведения искусства, постыдным фиаско даже среди поддельных и нереальных произведений искусства. Эта провалившаяся выставка показала мне, какое фиаско я потерпел в моих усилиях стать художником. Все посетители выставки могли видеть, какой неудачей оказались плоды моего творчества, и я видел всех и каждого в момент оценки моего ничем не смягчённого провала как художника. Таков был психический кризис, который ускорил мой физический кризис и последовавший затем коллапс моего те́ла в спазмах желудочно-кишечной агонии. Едва моё сознание и ощущение себя как личности разрушилось, в действии остались только мои о́рганы физических чувств, благодаря которым я получил возможность впервые напрямую ощутить эту бездну сущности, то есть тень, тьму, которая активизировала моё горячее желание добиться успеха, делать что-то и быть кем-то, и тем самым активизировала моё тело для движения в этом мире, точно так же, как активизируются все[581] тела́. И то, что я ощутил через прямые каналы сенсорного восприятия — зрелище те́ни внутри всё и вся, вседвижущую тьму, — было неописуемо *ужасно*, и уже́ я не сомневался, что перестану существовать. В определённом смысле я действительно перестал существовать таким, каким существовал до этого ве́чера, поскольку мои чувства сенсорного восприятия теперь функционировали иначе — особенно слух и зрение. Без вмешательства моего сознания и моего воображения — всех этих нонсенсов и иллюзий касательно моей души́ и моей личности — я был вынужден видеть все вещи в аспекте те́ни внутри них, тьмы, которая их активизировала. И это было невыразимо ужасно — настолько, что у меня нет слов, чтобы описа́ть вам это.

580 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
581 В оригинале вдруг «Асе». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Тем не менее,[582] Гроссфогель продолжал описывать в мельчайших деталях тем из нас, кто заплатил чрезмерную сумму за право увидеть его театр одного актёра — описывать неописуемую ужасность того, *как* он теперь вынужден видеть мир вокруг себя, включая и его собственное тело в желудочно-кишечных муках, а также свою категорическую уверенность в том, что такое ви́дение вещей вскоре станет причиной его смерти, вопреки всем мерам для его спасения, принятым, пока он находился в больнице. Гроссфогель утверждал, что у него осталась только одна надежда выжить: а именно, погибнуть полностью в том смысле, что личность, или сознание, или «я» того, что прежде было Гроссфогелем, действительно перестанет существовать. Это обязательное условие выживания, заявил он, толкнуло его физическое тело подвергнуться «*метаморфическому исцелению*». Через па́ру часов, сообщил нам Гроссфогель, он больше не испытывал острых болей в брюшной полости, которые привели его к коллапсу, и более того: теперь он мог терпеть свою необратимую обречённость видеть вещи, цитируя его, «*в аспекте те́ни внутри них, тьмы, которая их активизирует*». Поскольку человек, который был Гроссфогелем, погиб полностью, тело Гроссфогеля получило возможность существовать, как «*преуспевающий организм*», не тревожимый воображаемыми муками, которые прежде навязывали ему его сфабрикованное сознание и его поддельная нереальная личность. Как сформулировал он сам: «*Я больше не оккупирован моей личностью или моим сознанием*». Мы, сидящие в зале, теперь видим перед собой, сказал он, тело Гроссфогеля, говорящего голосом Гроссфогеля и пользующееся нервной системой Гроссфогеля, но без «*воображаемого персонажа*», известного как Гроссфогель. Все его слова́ и действия, сказал он, теперь являются прямой эманацией той силы, которая активизирует каждого из нас, но понять это мы могли бы, только прибегнув к способу, которым он вынужден был воспользоваться, чтобы сохранить своё тело живым. Художник с жутким спокойствием подчеркнул, что он ни в каком смысле не выбирал свой уникальный путь к исцелению. Никто по доброй воле его не выбрал бы, заявил он. Всякий человек предпочитает существовать как сознание и личность, какую бы боль это ему ни причиняло, какими бы поддельными и нереальными они ни были бы, нежели принять очевидность того, что он всего лишь тело, приводимое в движение той бессознательной, бездушной и безличной силой, которую он обозначил как «*эта тень, эта тьма*». Однако, поведал нам Гроссфогель, именно эту реальность он вынужден был принять, чтобы это тело продолжало существовать и преуспело как организм.

— Это вопрос физического выживания —[583] и только, — сказал он. — Понятно это быть должно всем. И кто угодно сделал бы то же самое.

К тому же прославленное *метаморфическое исцеление*, в процессе которого Гроссфогель-особь исчез, а Гроссфогель-тело выжил, было настолько успешным, заверил он зрителей своего театра одного актёра, что он немедленно отправился усердно путешествовать главным образом на недорогих междугородних автобусах, которые возили его на больши́е

582 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
583 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

расстояния вдоль и поперёк страны́, чтобы он мог обозревать разных людей, разные места́, используя свою новую способность видеть *тень, которая пронизывала их, вседвижущую тьму, которая активизировала их*, поскольку он освободился от заблуждений касательно мира, этих порождений сознания и воображения — этих противодействующих механизмов, которые теперь были удалены из его организма; не то чтобы он ошибочно воображал, будто кто-то или что-то действительно обладает душой или личностью. И повсюду, где он побывал, он наблюдал зрелище, которое раньше привело его в такой ужас, что ввергло в почти летальное состояние.

— Теперь я мог познавать мир прямо через о́рганы чувств моего те́ла, —[584] продолжал Гроссфогель. — И телом я увидел то, что не был способен увидеть сознанием или воображением, пока оставался художником-неудачником. Всюду, где я путешествовал, я видел, как *всепроникающая тень, вседвижущая тьма использовала наш мир*! Поскольку у этой те́ни, у этой тьмы нет ничего собственного, нет способа существования, кроме как активизируя силу, энергию, мы же имеем наши тела́, и мы — только тела́. Органические ли они тела́ или нет, человеческие или неорганические, никакой разницы не составляет — они всё равно просто тела́, не что иное, как тела́ без компонентов сознания, души́ или личности. А потому *эта тень, эта тьма использует наш мир для получения того, что ей нужно, чтобы благоденствовать*. У неё нет ничего, кроме активизирующей энергии. А мы —[585] ничто, если не считать наших тел. Вот почему эта тень, эта тьма вынуждает предметы быть тем, чем они не являются, и делать то, что они не делают. Ибо без этой те́ни внутри них, вседвижущей черноты, активизирующей их, они были бы лишь тем, чем являются — нагромождениями материи, лишённой какого бы то ни было импульса, какой бы то ни было потребности процветать, добиться успеха в этом мире. Такое положение дел было бы названо именно тем, что оно есть, — *абсолютным кошмаром*. Вот в точности то, что я испытал в больнице, когда понял,[586] благодаря моим желудочно-кишечным страданиям, что не имею ни сознания, ни воображения, ни души́, ни личности, что они все — лишь нонсенс и иллюзорные посредники, сфабрикованные для того, чтобы воспрепятствовать людям понять, *что мы такое на са́мом деле: всего лишь бесчисленные тела́, активизированные этой тенью, этой тьмой*. Те из нас, кто в какой-то степени являются преуспевающими организмами, включая художников, достигают этого благодаря степени, в какой мы функционируем, как тела́, а отнюдь не как обладатели сознания или личности. Вот тут-то я и потерпел столь катастрофическое фиаско, ибо был чересчур категорично убеждён в существовании моего сознания и моего воображения, моей души́ и моей личности. Моя единственная надежда заключалась в *метаморфическом исцелении*, в безоговорочном принятии кошмарного порядка вещей, чтобы я мог существовать и дальше, как преуспевающий организм, даже без защитного нонсенса сознания и воображения, без защитной иллюзии, будто я обладаю душой и личностью. Иначе я был бы уничтожен роковым

584 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
585 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
586 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

травмирующим безумием, вызванным шоком от этого сокрушающего осознания. Поэтому особь, которая была Гроссфогелем, должна была погибнуть в больнице — туда ей и доро́га! —[587] чтобы тело Гроссфогеля могло избавиться от своего желудочно-кишечного кризиса и отправиться путешествовать по разным направлениям, пользуясь разными видами транспорта, но главным образом самым недорогим междугородными автобусами, — и созерцать, как эта тень, эта тьма использует наш мир тел для получения того, что ей нужно, чтобы благоденствовать. А насозерцавшись этого зрелища, я неизбежно должен был запечатлеть его в какой-либо форме, не как художник, потерпевший фиаско, потому что опирался на нонсенс, именуемый сознанием или воображением, но как тело, которому удалось обнаружить, *как* всё в этом мире функционирует на са́мом деле. И вот я здесь сегодня, чтобы *показать вам это, выставить его перед вами*.

Я, также убаюканный или же взволнованный рассуждениями Гроссфогеля, как все остальные его слушатели, был почему-то изумлён, если не испуган, когда он внезапно завершил свою лекцию или фантастический монолог — ну, словом, то, чем в тот момент мне представлялись его слова́. Казалось, он будет говорить и говорить без конца в задней комнате этой галереи, где с потолка на шнурах свисали тусклые лампочки, и одна из них — прямо над столиком, укрытым обрывком простыни́. И вот Гроссфогель начал приподнимать этот обрывок простыни́, чтобы наконец-то показать нам то, что сотворил не с помощью своего сознания или воображения, каковых, по его утверждению, не осталось так же, как его души́ или личности, но с помощью только физических о́рганов чувств своего те́ла. Когда он наконец полностью снял со своего творения обрывок простыни́,[588] и *оно* предстало перед нами целиком, освещённое висевшей прямо над ним лампочкой на шнуре, в первый момент никто из нас не продемонстрировал никакой реакции — ни положительной, ни отрицательной, возможно, потому, что наши сознания были оглушены всей этой словесной подготовкой к этому мигу совлечения обрывка полосы́.

Видимо, это было что-то вроде скульптуры. Однако первоначально я не нашёл для этого предмета никакого родового обозначения, как художественного, так и не художественного. Он мог быть чем угодно. Поверхность его повсюду была одинаково сияющей тьмой, глянцевой плёнкой, под которой вихрился чёрный туман теней, словно бы находящихся в движении —[589] эффект, вероятнее всего порождаемый покачиванием болтающейся над ним лампочки. И пока я смотрел на этот предмет, мне почудилось, что я слышу отдалённый рёв, в котором, бесспорно, было и что-то звериное, и что-то океаническое, как перед тем сообщил нам Гроссфогель. В общих очертаниях проглядывало отнюдь не случайное сходство с какого-то ро́да существом, нечто вроде примитивной карикатуры на скорпиона или краба, поскольку из совершенно бесформенной середины тянулось довольно много клешнеподобных отростков. Кроме того, он словно бы содержал

587 В оригинале после восклицательного знака без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
588 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
589 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

слагаемые, устремлённые вверх, — подобия горных пиков или рогов, торчащих вверх примерно под прямым углом и завершающихся либо остриём, либо мягкой выпуклостью, похожей на голову. Поскольку Гроссфогель так много говорил о телах, было только естественно увидеть их подобия, но в искажениях: то как основание чего-либо, то каким-то образом внедрёнными в него — хаотический мир всевозможнейших тел, контуров, активизируемых этой тенью внутри них, этой тьмой, которая вынуждает предметы быть тем, чем они не являются, и делать то, чего они не делают. И среди этих телообразных контуров я ясно различил корпулентную фигуру самого́ художника, хотя значение того, что Гроссфогель имплантировал себя туда, осталось мной незамеченным, пока я сидел там, созерцая эту скромную выставку.

Что бы там скульптура Гроссфогеля ни воплощала в отдельных своих частях и взятая целиком, она бесспорно давала понятие о том «*абсолютном кошмаре*», который художник, так сказать, осветил в своей лекции или фантастическом монологе ранее в этот вечер. Тем не менее,[590] этого качества скульптуры даже для аудитории, не в малой степени ценившей кошмарные темы и контуры, было недостаточно, чтобы компенсировать чрезмерную сумму, которую с нас потребовали за право выслушать подробности гроссфогелевского[591] желудочно-кишечного испытания и самопровозглашённого *метаморфического исцеления.* Вскоре после того, как художник обнажил перед нашими глазами своё творение, каждое наше тело поднялось с этих неудобных складных стульев, и со всех сторон зазвучали ссылки на причины, не позволяющие остаться тут далее. Прежде чем удалиться в свой черёд, я заметил, что рядом со скульптурой Гроссфогеля, не слишком на виду, покоится карточка с напечатанным на ней названием этого произведения: «*Цалал № I*» — гласила она. Позднее я кое-что узнал про это определение, которое в словесном смысле и освещало, и скрывало природу предмета, который называло.[592]

✷ ✷ ✷

Скульптура Гроссфогеля (он затем создал це́лую серию из нескольких сотен, каждая из которых носила то же название, за которым стоял номер, указывавший её место в ряду́ этих плодов художественного творчества) послужила темой, которую мы подробно обсуждали, пока

590 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
591 В оригинале «гроссфобелевского» вдруг через «б». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
592 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

толпились в столовой на главной улице мёртвого городка Крэмптон. Мой сосед слева по столику,[593] одному из немногих в зале, повторил свои обвинения против Гроссфогеля.

— Сначала он сделал нас жертвами художественного мошенничества, —[594] сказал этот субъект, подверженный внезапным и длительным припадкам кашля, —[595] а теперь делает нас жертвами метафизического мошенничества. Просто неслыханно! Содрать с нас *такую* сумму за эту его выставку, а теперь снова сдирает непомерную плату за эту «*физически-метафизическую экскурсию*». Нас всех надул этот…

— Этот законченный шарлатан, — сказала миссис Анджела, когда мой сосед слева не сумел завершить фразу из-за нового припадка кашля. — Не думаю, что он вообще тут появится, — продолжала она. — Он заставляет нас приехать в эту немыслимую дыру. Говорит, что именно здесь мы должны собраться для этой его экскурсии. Но что-то его нигде здесь не видно. Где он раскопал это место? В одном из путешествий на автобусах, о которых он всегда разглагольствует?

Казалось, нам приходилось винить только себя и свой идиотизм за то, что мы оказались в таком положении. Хотя никто вслух в этом не признавался, однако на тех из нас, которые присутствовали в тот день в галерее, когда туда вошёл Гроссфогель и кротко попросил нас помочь ему побросать все его выставленные в галерее произведения в кузов «пикапчика», он произвёл очень большое впечатление. Никто в нашем небольшом кружке́ художников и интеллектуалов никогда не совершал ничего хоть отдалённо похожего на такой поступок, и даже помыслить не мог о том, чтобы сделать что-то столь бесповоротное и драматичное. С того дня нашим безмолвным убеждением стало, что Гроссфогель нашёл жилу, а нашим постыдным секретом — желание присосаться к нему, чтобы извлечь из общения с ним хоть какую-то выгоду. В то же самое время нас, разумеется, возмущало чересчур смелое поведение Гроссфогеля, и мы были вполне готовы приветствовать ещё одно его фиаско, а может быть, и ещё одно падение в коллапсе на пол галереи, где он и его произведения уже́ один раз потерпели фиаско (к полному всеобщему удовольствию). Такая путаница мотивов явилась более чем достаточной причиной, толкнувшей нас заплатить чрезмерную сумму, которую Гроссфогель потребовал за право посетить его новую выставку, от которой мы затем так или иначе пренебрежительно отмахнулись.

В тот вечер после вернисажа я стоял на тротуаре перед картинной галереей и снова слушал инвективы миссис Анджелы касательно *метаморфического исцеления* Гроссфогеля и источника его творческого вдохновения.

593 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
594 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
595 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мистер Райнер Гроссфогель просто живёт на медикаментах с того момента, как вышел из больницы, — сказала она мне, будто в первый раз. —[596] Одна моя знакомая девушка работает в аптеке и отоваривает его рецепты. Она моя клиентка, одна из лучших, — добавила она, а её глаза́ в кольце морщин и щедрого макияжа засверкали самодовольством. Затем она продолжила свои скандальные разоблачения:[597] — Думаю, вы знаете, *какого* ро́да медикаменты выписываются при заболеваниях, как у Гроссфогеля, которое и не заболевание вовсе, а психофизическое расстройство, как я и все, кто работает у меня, могли бы ему сказать давным-давно. Мозг Гроссфогеля уже́ много месяцев купается во всевозможных транквилизаторах и антидепрессантах. Но и этого мало. Он сверх всего принимает ещё препарат против спазмов[598], помогающий при заболевании, от которого он якобы избавился столь чудотворным образом. Меня не удивляет, что он полагает, будто не обладает ни сознанием, ни какой-никакой личностью, да и в любом случае это чистое притворство и ничего больше. Против спазмов[599]! — зашипела на меня миссис Анджела, когда мы стояли с ней на тротуаре перед картинной галереей после посещения выставки Гроссфогеля. —[600] Вы знаете, *что* это означает? — спросила она и незамедлительно ответила на свой вопрос:[601] — Это означает белладонну, ядовитый *галлюциноген*. Это означает фенобарбитал[602] — *барбитурат*. Девушка из аптеки рассказала мне всё это. Он ублажает себя сверхдозами всех этих *наркотиков*, понимаете? Вот почему он видит всё столь своеобразным образом, как пытался нам внушить. И вовсе не тень или как там он называл то, что активизирует его тело, в чём он старался нас убедить. Уж об этом я бы что-нибудь да знала, ведь верно? Я же обладаю особым даром, который позволяет мне проникать в такого ро́да феномены.

Однако, вопреки её предполагаемым дарованиям, а также подлинно прекрасным пирожным, спиритуалистическая кофейня миссис Анджелы в коммерческом смысле сло́ва дышала на ладан, а в конце концов и вовсе обанкротилась. А вот скульптуры Гроссфогеля, которые он творил с большой плодовитостью и быстротой, пользовались колоссальным успехом, как у местных скупщиков художественной продукции, так и у торговцев предметами искусства, а также у коллекционеров по всей стране. И даже в какой-то мере вышли на международный рынок. Кроме того,

596 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
597 В оригинале переход на новый абзац, т. е. абзац разрывается, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
598 В оригинале недостаточное «спазм». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
599 В оригинале недостаточное «спазм». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
600 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
601 В оригинале переход на новый абзац, т. е. абзац разрывается, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
602 В оригинале некий «фенолбарбитал», хотя несомненно речь про luminal, люминал, phenobarbital, фенобарбитал — лекарственный препарат из группы барбитуратов (barbiturate), который назначают в порошках и таблетках как снотворное средство длительного действия, а также для лечения эпилепсии, сосудистых спазмов, etc; входит в состав различных комбинированных таблеток, включающих анальгезирующие, спазмолитические, etc препараты (андипал, камфотал, палюфин, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Райнера Гроссфогеля превозносили в больши́х статьях, публиковавшихся и в ведущих журналах сферы искусства, и в журналах других сфер, хотя обычно он обрисовывался, заимствуя слова́ одного критика, как «*художественный и философский балаган уродов в лице одного исполнителя*». Тем не менее,[603] Гроссфогель теперь по всем меркам функционировал как крайне преуспевающий организм. Именно этот успех, даже подобия которого не удалось достичь никому из нашего маленького кружка́ художников и интеллектуалов, стал причиной, по какой те из нас, кто порвал с Гроссфогелем после его лекции о *метаморфическом исцелении* от тяжелейшего желудочно-кишечного расстройства и осмотра первой из необъятной серии скульптур *Цалал*, теперь вновь связали себя и наши провалившиеся карьеры с ним и его бесспорно преуспевающим телом без сознания и личности. Даже миссис Анджела стала ведущим знатоком «*осознаний*», которые Гроссфогель сначала изложил в задней комнате этой картинной галереи в помещении пустующего склада, а теперь развивал в нескончаемых философских брошюрах, за которыми коллекционеры принялись охотиться почти как за его серией скульптур *Цалал*. Вот почему, когда Гроссфогель распространил проспект среди художников и интеллектуалов небольшого кружка́, отношения с которым продолжал поддерживать даже после того, как добился столь поразительного финансового успеха и известности — проспект, извещавший о «*физически-метафизической экскурсии*» в мёртвый городок Крэмптон, мы более чем охотно заплатили *грабительскую* сумму, которую он запросил.

Именно к этому проспекту я и отослал моих соседей за столиком в крэмптонской[604] столовой — фотографа-портретиста, подверженного припадкам кашля, слева от меня, а́втора неопубликованного философского трактата «*Исследования за́говора против человечества*» справа от меня и миссис Анджелу прямо напротив меня. Мой сосед слева всё ещё повторял и повторял с долгими перерывами на припадки кашля (которые я тут опущу) выдвинутое им обвинение: Гроссфогель устроил *метафизическую афёру* с помощью своей дорогостоящей «*физически-метафизической экскурсии*».

— Вся эта гроссфогелевская болтовня о те́ни и черноте, и кошмарном мире, которые он *якобы* видел… и куда же нас *это* привело? В какой-то забытый Богом городишко, который заброшен уже́ давным-давно и в каком-то районе страны́, где всё решительно смахивает на перепроявленные фотографии. Я взял с собой камеру, готовый творчески запечатлевать портреты, ли́ца, которые узрели гроссфогелевскую тенистую черноту или что ещё им для нас приготовленное. Я даже придумал отличные названия и истолкования этих фотографических портретов, которые, полагаю, имели бы большой шанс быть опубликованы вместе, как альбом,[605] или, на худой конец, появились бы на врезках ведущего фотографического журнала.[606] Я думал,

603 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
604 В оригинале чрезмерное «крэмптоновской». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
605 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
606 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

что,[607] по меньшей мере,[608] увезу с собой серию фотографических портретов Гроссфогеля, его огромной физиономии. Я мог бы поместить их в почти любом из лучших журналов сферы искусства. Но где знаменитый Гроссфогель? Он сказал, что встретит нас здесь. Он сказал, что мы постигнем все эти фигли-мигли с тенями, насколько я его понял. Кроме того,[609] я подготовил мой мозг для абсолютных кошмаров, про которые Гроссфогель распространялся в своих брошюрах и в этом его насквозь лживом проспекте.

— Этот проспект, — сказал я в одной из пауз, заполненной особенно надрывным кашлем, — ничего прямо не обещает[610] касательно того, что в вашем воображении он предлагал. В нём специально подчёркивается, что это будет экскурсия, цитирую: «*в мёртвый город,*[611] *в момент, когда одно время го́да угасает, а другое только начинает своё движение к расцвету*». В проспекте Гроссфогеля, кроме того, говорится, что это «*конченный город, потерпевший фиаско город, поддельная и нереальная декорация, продукт непреуспевших организмов и, следовательно, город, представляющий собой идеальный образчик того предельного состояния фиаско, какое только может подействовать угнетающе на системы человеческих организмов, особенно на пищеварительный тракт, вплоть до ослабления её иллюзорных и полностью сфабрикованных защит, то есть сознания, личности — и тем самым привести к кризису кошмарного осознания, влекущего за собой…*» ну, я думаю, мы все знакомы с рассуждениями о те́ни-тьме, которые следуют дальше. Суть же в том, что в этом проспекте Гроссфогель не обещает ничего, кроме окружающей обстановки, которая смердит фиаско, своего ро́да парника для организмов-неудачников. Всё остальное — чистые домыслы вашего воображения… а также и моего, могу я добавить.

— Ну, — сказала миссис Анджела, придвигая к себе проспект, который я положил на стол перед ней, — значит, я *вообразила*, что прочла *вот это*? Цитирую: «*будет обеспечено адекватное питание*». Горький кофе и чёрствые плюшки не отвечают моим представлениям об адекватности. Гроссфогель теперь богат, как известно всем, — и *это* лучшее, что он был способен обеспечить? До того дня, как я навсегда закрыла мою кофейню, там подавался великолепный кофе, не говоря уж о превосходных пирожных, даже, если я теперь и призна́ю, что *не сама* их готовила. А мои спиритические сеансы — и мои личные, и всех, чьими услугами я пользовалась — были *потрясными*, не меньше самых прославленных. И вот новоявленный Крез и эта вот официантка практически отравляют нас этим горьким кофе и этими невообразимо чёрствыми уценёнными плюшками. Лично я сейчас не отказалась бы от дозы средства против спазмов[612], которое Гроссфогель принимает в таком количестве и так долго. И я уверена, у него с собой[613] будет

607 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
608 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
609 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
610 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
611 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
612 В оригинале недостаточное «спазм». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
613 В оригинале странное «сдобой» вместо «с собой». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

большой его запас, если (в чём я сомневаюсь) он тут всё-таки появится после того, как поотравлял нас всех своим *адекватным питанием*. Вы меня извините.

Когда миссис Анджела прошла в глубину зала, я заметил, что перед единственной дверью с надписью «**ТУАЛЕТ**» уже́ выстроилась небольшая очередь. Я обвёл взглядом тех, кто ещё сидел за столиком или на табуретах у стойки. Среди них словно бы многие прижимали ладони к области желудка, а кое-кто так и нежно её массировал. Я тоже начал ощущать некое кишечное беспокойство, которое можно было отнести на счёт скверного качества кофе и плюшек, которые подала нам официантка, которую теперь нигде не было видно. Мой сосед слева тоже попросил извинить его и направился через зал. В тот момент, когда я уже́ готовился встать из-за столика, чтобы присоединиться к нему и прочим, мой сосед справа начал рассказывать мне про свои «*изыскания*» и «*логические построения*», которые легли в основу его неопубликованного трактата «*Исследования за́говора против человечества*», и как они коррелируют с его глубочайшими подозрениями относительно Гроссфогеля.

— Мне следовало бы знать, что ни в коем случае нельзя было присоединяться к этой… *экскурсии*, — сказал он. — Но я чувствовал, что мне надо узнать побольше о том, *что* скрывается за историей Гроссфогеля. Я испытывал глубочайшие подозрения касательно его претензий и заявлений о его *метаморфическом исцелении* и многом друго́м. Например, его утверждение, его осознание, как он выражается:[614] что сознание и воображение, душа́ и личность —[615] всего лишь нонсенс и иллюзии. Но,[616] тем не менее,[617] он настаивает, что эта его тень, эта его тьма — *Цалал*, как именуются его скульптурные произведения, —[618] не нонсенс и не иллюзия, и что она использует наши тела́ «*для получения того, что ей нужно, чтобы благоденствовать*». Нет, но разве основой для отрицания его сознания, воображения и прочего не является всего лишь признание реальности его *Цалал*, которая выглядит продуктом некой иллюзии такого же нонсенса?

Скептические рассуждения этого человека оказались желанным отвлечением от давления, нараставшего в моём кишечнике. В ответ на его вопрос я сказал, что могу лишь повторить объяснение Гроссфогеля: он более не воспринимает предметы, то есть более не видит предметы с помощью своих предположительно иллюзорных сознания и личности, а воспринимает их своим телом, которое, как он утверждал далее, было активизировано и целиком оккупировано тенью, которая есть *Цалал*.

— Это отнюдь не самое нелепое откровение такого ро́да, во всяким случае, насколько известно мне, — сказал я в защиту Гроссфогеля.

— И насколько известно мне, — сказал он.

614 В оригинале тире вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
615 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
616 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
617 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
618 В оригинале без запятой и тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Кроме того, — продолжал я, — оригинально названные скульптуры Гроссфогеля, по моему мнению, обладают достоинствами и интересны помимо строго метафизического контекста и предпосылок.

— Вам известно, что означает это слово — *Цалал*, — которое он использует как единственное название всех его скульптурных произведений?

— Нет. Боюсь, я не имею ни малейшего понятия о его происхождении или смысле, — с сожалением признался я. — Но, полагаю, вы бросите на это свет?

— Свет не имеет никакого отношения к этому слову, каковое взято из древнееврейского языка. Оно означает «*становиться затемнённым*» … становиться, так сказать, «*затенённым*». На термин этот я не так уж редко натыкался в процессе моих изысканий для моего трактата «*Исследование за́говора против человечества*». Слово это, естественно, встречается на многих страницах Ветхого Завета, этого плавильного тигля апокалипсисов, больши́х и малых.

— Возможно, — сказал я. — Однако я не согласен с тем, что гроссфогелевское употребление этого сло́ва по необходимости ставит под вопрос искренность его утверждений или даже их обоснованность, если вы готовы зайти *настолько* далеко.

— Да, видимо, я не сумел достаточно ясно изложить вам мою мысль. С тем, о чём я говорил, мне пришлось столкнуться на ранних этапах моих изысканий и предварительных логических построений для моего «*Исследования*». Короче, я просто скажу, что у меня не было намерения подвергать сомнению гроссфогелевский *Цалал*. Моё исследование докажет мою ясную и твёрдую позицию в отношении этого феномена, хотя я никогда бы не прибегнул к несколько бьющему на эффект и довольно тривиальному подходу, который избрал Гроссфогель, чем в какой-то мере может объясняться потрясающий успех его скульптур и брошюр с одной стороны́, а с другой — неизмеримого провала моего трактата, который останется вовеки неопубликованным и не прочитанным. Но это в сторону. Я отнюдь не утверждаю, будто этот гроссфогелевский *Цалал* не является тем или иным образом подлинным феноменом. Я слишком хорошо знаю, что сознание и воображение, душа́ и личность — это не только нонсенс и иллюзии, какими их представляет Гроссфогель. На са́мом деле они не более, чем маскировка — столь же поддельная и нереальная, как произведения Гроссфогеля, предшествовавшие его заболеванию и исцелению. Гроссфогель сумел познать этот факт благодаря крайне редкому обстоятельству, которое, без сомнения, находится в какой-то связи с его заболеванием.

— Его желудочно-кишечным расстройством, — сказал я, всё сильнее и сильнее ощущая симптомы этого недуга в моём собственном теле.

— Совершенно верно. Именно механизм этого его переживания и заинтересовал меня настолько, что я вложил средства в эту его экскурсию. Вот что остается столь неясным. Нет ничего явного, если мне дозволено так

выразиться, ни в его *Цалал*, ни в механизмах *Цалал*, однако Гроссфогель выдвигает, на мой взгляд, увлекательные гипотезы и уточнения со столь подавляющей убеждённостью! Но,[619] по меньшей мере,[620] в одном он *ошибается* или, возможно, *подтасовывает*. Я говорю это потому, что он прибегнул к фигуре умолчания, касаясь *больницы*, где его лечили. В процессе изысканий для моего «*Исследования*» я изучал подобные места́ и то, *как* они управляются. Мне совершенно точно известно, что больница, где лечили Гроссфогеля, — крайне *прогнившее* медицинское учреждение, *абсолютно* прогнившее. Всё там —[621] маскировка и прикрытие самых устрашающих *манипуляций*, в истинном размахе которых, мне кажется, не отдают себе отчёта даже те, кто связан с подобными местами. И дело ни в какой-либо извращённости или злонамеренности. Просто развивается своего ро́да тайный сговор, зловредный альянс между определёнными людьми и местами. Они в союзе с… Если бы вы могли прочесть моё «*Исследование*», вы бы знали, с какого ро́да кошмаром Гроссфогель соприкоснулся в этой больнице, в месте, *смердящем* кошмарами. Только в *подобном* месте мог Гроссфогель столкнуться с этими кошмарными сознаниями, о которых он распространяется в своих бесчисленных брошюрах и которые изображает в своей серии скульптур *Цалал*, утверждая, что они не плод его сознания или воображения, души́ или личности, но плод того, что он видит своим телом и о́рганами физических чувств — этой те́ни, этой тьмы. Сознание и всё прочее, душа́ и всё прочее — всего лишь маскировка, сфабрикованная маскировка, как говорит Гроссфогель. Они то, что нельзя увидеть телом, нельзя воспринять ни единым о́рганом физических чувств. Ибо на са́мом деле они несуществующие прикрытия, маски, личины для того, что активизирует наши тела́ способом, какой объяснил Гроссфогель, активизирует их и использует для получения благоденствия, которое ей нужно. Они —[622] *творения*: собственно говоря, художественные творения самого́ *Цалал*. О, невозможно объяснить вам это изустно. Я хотел бы, чтобы вы прочли моё «*Исследование*». Оно объяснило бы всё, совлекло бы покров со всего. Но как вы можете прочесть то, что *никогда не было написано*?

— *Не было написано*? — осведомился я. — Почему оно не было написано?

— *Почему*? — сказал он, умолк на секунду и сморщился от боли. — Ответ это именно то, что Гроссфогель проповедовал и в своих брошюрах, и в своих публичных выступлениях. Вся его доктрина — если её можно назвать так, если вообще возможно что-либо подобное в каком бы то ни было смысле — опирается на *несуществование*, на воображаемую природу всего, чем мы себя считаем. Вопреки его попыткам выразить произошедшее с ним, он не может не знать, что нет слов, способных объяснить подобное. Слова́ — это полнейшее затемнение того са́мого фундаментального факта существования, того са́мого за́говора против человечества, которые мог бы осветить мой трактат.

619 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
620 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
621 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
622 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Гроссфогель испытал на себе квинтэссенцию этого за́говора — или, во всяком случае, он утверждает, будто испытал её. Слова́ — всего лишь маскировка этого за́говора. Они — конечное средство для маскировки, конечное художественное произведение этой те́ни, этой тьмы — её конечная художественная маскировка. Поскольку существуют слова́, мы полагаем, будто существует сознание, будто существует нечто вроде души́ или личности. Просто ещё один из бесконечных покровов этой маскировки! Но нет сознания, которое могло бы написа́ть «*Исследование за́говора против человечества*», не существует сознания, которое могло бы написа́ть такую книгу, как и сознания, которое могло бы её прочесть. Нет никого, кто мог бы сказать хоть что-то про этот самый фундаментальный факт существования, никого, кто мог бы сообщить об *этой* реальности. И нет никого, кому бы можно было когда-либо сообщить про неё.

— Всё это невозможно понять, — заметил я.

— Было бы возможно, так или иначе, имейся, *что* понимать и *кому* понимать. Но *подобные существа не существуют.*

— Если это так, — сказал я, морщась от боли в брюшной полости, — кто в таком случае[623] ведёт этот разговор?

— Вот именно — *кто*? — ответил он отвлечённо-риторическим тоном. —[624] Тем не менее,[625] я хотел бы продолжать говорить. Даже если это только нонсенс и иллюзии, я испытываю потребность увековечить всё это. Особенно в данный момент, когда я ощущаю, *как* эта боль овладевает моим сознанием и моей личностью. Вскоре это всё не будет значить ничего. Да, — сказал он мёртвым голосом. — теперь это не имеет значения.

Я заметил, что он уже́ некоторое время пристально смотрел в окно столовой, созерцая город. И другие в зале смотрели туда же, оглушённые тем, *что* видели там и терзаемые не менее меня тем, благодаря чему видели *всё это.* Безликость пустых улиц городка и унылость времени го́да, которая окутывала окружающий пейзаж — всё то, что по прибытии сюда заставило нас жаловаться на отсутствие хоть чего-нибудь заслуживающего интереса, теперь в глазах многих из нас претерпевало зримую метаморфозу, словно происходило солнечное затмение. Однако *то*, что мы видели, не было тьмой, спускающейся с небес, но тенью, возникавшей *изнутри* мёртвого городка вокруг нас, будто бешеный поток чёрной кро́ви с рёвом нёсся по его бледному трупу — с рёвом дальнего океана, движущегося в зверином устремлении к своим берегам. Я вдруг заметил, что внезапно, сам того не зная, оказался среди первых, на кого подействовала эта метаморфоза, даже хотя в буквальном смысле сло́ва не имел ни малейшего понятия о происходящем: никакие сведения не поступали в моё сознание, которое перестало функционировать прежним образом и в тупой агонии оставило моё тело, чьи о́рганы физических чувств регистрировали жуткое зрелище того, что меня

623 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Случае». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
624 В оригинале после точки без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
625 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

окружало: другие телá, затемнённые тенью, клубящейся у них под кожей, причём некоторые ещё разговаривали, будто были особями, обладающими сознанием и личностью — воображаемыми единствами, которые всё ещё жаловались человеческими словами на боль, которую только-только начали замечать, перекрикивали нарастающий рёв, требуя медикаментов, пока втягивались в «*средоточие бездн*», всё ещё видя своим сознанием —[626] вплоть до мига, когда сознание полностью их покинуло, рассеялось, точно мираж, способные говорить лишь о том, как всё представлялось их сознаниям, как контуры городка за окнами столовой искривлялись, зазубривались, тянулись к ним, будто клешни, и устремлялись странными горными пиками и рогами в небо, которое ужé не было бледным и серым, но клубилось всепроникающей тенью, вседвижущей тьмой, которую они наконец смогли увидеть столь ясно, оттого что теперь они видели своими телами, *только* своими телами, погружёнными в великую ревущую черноту боли. И раздался один голос — голос, который одновременно и стенал и кашлял, возвещая, что снаружи возникло лицо, «*лицо поперёк всего неба*», — сказал этот голос. И небо, и городок были теперь так темны, что, возможно, лишь тот, кто был сосредоточен на человеческих лицах, мог увидеть что-то подобное в мире кипящих теней за окнами столовой. Вскоре затем словá умолкли, ибо телá, испытывая истинную боль, не говорят. Последние словá, помнящиеся мне, были словами женщины, кричавшей, чтобы кто-нибудь отвёз её в больницу. И просьбу эту страннейшим образом предвосхитил тот, кто соблазнил нас отправиться в эту «*физически*[627]*-метафизическую экскурсию*» и чьё тело ужé постигло то, что наши телá ещё только начинали постигать, — кошмар тéла, которое используется, и знает, *что именно* его использует, вынуждая предметы быть тем, чем они не являются, и делать то, что они не делают. Я ощутил присутствие молодой женщины, которую прежде видел в униформе, белой, как марля. Она вернулась. И другие, подобные ей, двигались между нами, и их контуры были самыми чёрными, и *они знали, как справиться с нашей болью* для нашего *метаморфического исцеления*. Нас не надо было доставлять в их больницу, потому что их больница со всей своей гнилостностью была доставлена к нам.

И как бы мне ни хотелось поведать обо всём, что произошло с нами в городке Крэмптон (чьи мертвенность и уныние мнятся иллюзией рая, после того как нашим глазам открылась его потаённая жизнь) … как бы мне ни хотелось поведать, каким образом мы покинули самую *нигдешнюю* область всей страны́, это *средоточие бездны*, и вернулись домой… как бы мне ни

626 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
627 В оригинале с заглавной буквы в середине предложения «Физически». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

хотелось поведать точно, какую помощь и лечение мы могли получить, которые извлекли нас из этого ме́ста и этой боли, я не могу поведать об этом решительно ничего. Ибо, когда тебя спасут от подобной му́ки, нет в мире ничего труднее, чем поставить под вопрос средства этого спасения: тело не знает, да и знать не хочет, что именно освобождает его от боли, и оно не способно поставить это под вопрос. Ибо вот во что мы *превратились* — и вот во что мы *почти* превратились — в тела́ без иллюзорных сознаний или воображений, в тела́ без докуки[628] души́ или личности. Со времени нашего… *исцеления* никто в нашем кружке́ не ставил под вопрос этот факт. И мы не говорим об исчезновении Гроссфогеля из нашего кружка́, который более не существует таким, каким был прежде, то есть как собрание художников и интеллектуалов. Мы стали получателями того, что кто-то обозначил как «*наследие Гроссфогеля*», и это не просто метафора, поскольку художник действительно завещал каждому из нас в случае своей «*смерти или исчезновения на указанный период времени*» долю внушительного состояния, которое он скопил из доходов от продажи своих произведений.

Но это строго денежное наследство было лишь началом успехов, которые пришли к нам всем из рассыпавшегося кружка́ художников и интеллектуалов, семенем, из которого мы начали прорастать сквозь наше существование потерпевших фиаско сознаний и личностей в наши *новые жизни весьма преуспевающих организмов* — каждый в собственной сфере дерзаний. Разумеется, в достижении того, к чему мы стремились, мы не могли бы потерпеть фиаско, даже если бы хотели, поскольку всё, что мы испытывали, всё, что мы создавали, было *феноменом* этой те́ни, этой тьмы, которая тянулась *наружу*, тянулась вверх из нас, чтобы *пробиться*, взобраться на высо́ты нагромождённых горами человеческих и нечеловеческих тел. Они — всё, что у нас есть, всё, что мы есть; они — то, что *используется для благоденствия использователя*. Я способен чувствовать, как моё собственное тело используется и культивируется, ощущать желания и импульсы, которые толкают его к успеху, буксируют его ко всяческим видам успеха. И нет способа, каким я мог бы противостоять этим желаниям и импульсам теперь, когда существую *только* как тело, которое ищет *только* надёжного поддержания своего существования, *чтобы оно могло быть использовано тем, чему оно нужно для благоденствия*. И нет возможности сопротивляться тому, чему нужно нас использовать, нет возможности так или иначе выдать его. Медикаменты, которые я и остальные теперь поглощаем в таком изобилии, только способствуют дальнейшему процессу культивирования нас, этому толканию, буксированию и использованию наших тел. И даже, если это моё маленькое сообщение — мой собственный *Цалал*, если хотите (местоимения не важны), даже если эта маленькая летопись словно бы открывает тайны, которые могли бы подорвать указанный *кошмарный порядок вещей*, на са́мом деле она только поддерживает и усиливает этот порядок. Ничто не может воспротивиться этому кошмару или выдать его, ибо

628 Докука (устаревшее) — надоедливое, скучное дело; навязчивая просьба, забота, беспокойство. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

не существует ничего, способного сделать что-то и быть чем-то, которое могло бы добиться успеха в этом направлении. Самая идея о чём-то подобном —[629] только нонсенс и иллюзии.

Никогда ничто не может быть написано о «*за́говоре против человечества*», так как идея за́говора требует множественности исполнителей, разделения на противоборствующие сто́роны, одна из которых так или иначе подрывает другую, а эта другая обладает существованием, которое можно подорвать. Но нет подобной множественности, подобного разделения, ни подрывания, ни сопротивления, ни выдачи той ли, другой ли стороны́. Существует же только это толкание, эта буксировка всех тел этого мира. Но эти тела́ имеют коллективное существование только в таксономическом или, может быть, топографическом смысле и ни с какой стороны́ не составляют коллективного единства, деятеля или кого-то ещё, кто мог бы стать объектом за́говора. И коллективное единство, именуемое *человечеством*, не может существовать там, где имеется только *конгломерат ничевошек*, тел, которые сами всего лишь подсобное средство, и будут исчезать одно за другим — всем конгломератом всё время приближаясь к нонсенсу, всё время распыляясь в иллюзии. Не может быть за́говора в пустоте, а вернее, в чёрной бездне. Может быть только буксировка всех этих тел — к тому заключительному успеху, который, видимо, осуществил мой корпулентный друг, когда наконец был использован в полной мере — *его тело использовано до конца, полностью поглощено тем, что нуждалось в нём для своего благоденствия.*

«*Есть лишь один истинный и финальный успех,* — провозгласил Гроссфогель в своей са́мой последней брошюре. — *Есть только один истинный и финальный успех для вседвижущей*[630] *черноты, которая вынуждает предметы делать то, чего они не делают*», — написа́л он. И это самые последние стро́ки этой са́мой последней брошюры. Гроссфогель не смог объяснить себя или что-либо ещё сверх этих незавершённых утверждений. У него иссякли слова́, которые (цитируя того, кто останется безымянным настолько, насколько это дано только членам ро́да человеческого) суть высшее художественное произведение этой те́ни, этой тьмы — её высшая художественная маскировка. И как он мог ей сопротивляться? Пока это тело буксировалось к этому заключительному успеху, он не мог выдать её своими словами.

Более по́лно я осознал, куда клонили эти последние слова́ Гроссфогеля, зимой,[631] после экскурсии в Крэмптон. Однажды поздно вечером я стоял, глядя в окно, за которым кружил первый снег этой зимы́, падая всё более и более густыми хлопьями с каждым из тёмных часов, в течение которых я наблюдал его падение моими о́рганами физических чувств. Я уже́ мог видеть то, *что* было *внутри* падающих хлопьев сне́га, точно так же, как я мог видеть то, *что* находилось *внутри* всех вещей, активизируя их своей силой. И видел я чёрный снег, под несмолкаемый рёв, валящийся из чёрного неба. В этом небе

629 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
630 В оригинале «вседвижушей» вдруг через «ш». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
631 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

не было ни единой знакомой приметы — и уж конечно, не было знакомого лица́, растянутого поперёк но́чи и вживлённого в неё. Была только эта ревущая чернота вверху и эта ревущая темнота внизу. Была только эта всепожирающая, разрастающаяся, ревущая чернота, чей единственный и заключительный успех сводился всего лишь к поддержанию само́й себя настолько успешно, насколько возможно в мире, где нет ничего такого, которое могло бы надеяться стать чем-либо, кроме того, в чём для своего благоденствия нуждается эта тень, эта тьма… пока всё не будет полностью поглощено и во всём сущем не останется только одно: бесконечное тело ревущей темноты, активизирующей себя и осуществляющейся через вечный успех в глубочайшей бездне единства. Гроссфогель не мог ни сопротивляться ей, ни выдать её, даже, если она и была *абсолютным кошмаром, высшим физико-метафизическим кошмаром*. Он перестал быть личностью, чтобы остаться преуспевающим организмом. «*И кто угодно сделал бы то же самое*», — сказал он.

И что бы я ни говорил, я не могу ни сопротивляться ей, ни выдать её. Этого не может никто, потому что *здесь никого нет*. Только *это тело, эта тень, эта тьма*.

© Томас Лиготти

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аннотация 4

Рик Хотала
«Стук»

Эрик ван Ластбадер
«Вознесение к термагантам»

Эдвард Ли
«Реанимация»

* * * 61

* * * 67

Эд Горман
«Энджи»

* * * 76

* * * 79

* * * 81

* * * 83

* * * 83

* * * 85
* * * 87

Эл Саррантонио
«Бечёвка-бесовка»

* * * 92
* * * 94
* * * 95
* * * 96
* * * 96

Томас Майкл Диш
«Филин и Киска»

* * * 105

Стивен Спрюлл
«Гемофаг»

* * * 118

Майкл Маршалл Смит
«Книга иррациональных чисел»

* * * 122
* * * 122
* * * 122
* * * 123

* * * 123
* * * 123
* * * 124
* * * 124
* * * 125
* * * 125
* * * 125
* * * 125
* * * 126
* * * 127
* * * 128
* * * 128
* * * 128
* * * 129
* * * 129
* * * 129
* * * 130
* * * 130
* * * 130
* * * 131
* * * 131
* * * 131
* * * 131
* * * 132
* * * 132
* * * 133
* * * 133

* * * 133
* * * 134
* * * 134
* * * 134
* * * 135
* * * 135
* * * 135
* * * 136
* * * 136
* * * 136
* * * 136
* * * 137
* * * 138
* * * 138
* * * 139
* * * 139
* * * 139

Питер Шнайдер
«Des saucisses, sans doute»

* * * 142

Эдвард Брайант
«Стикс и ко́сти»

* * * 146
* * * 153

* * * 154
* * * 156
* * * 156
* * * 158
* * * 158
* * * 161
* * * 162

Джин Родман Вулф
«Моя шляпа — дерево»

* * * 166
* * * 167
* * * 167
* * * 168
* * * 170
* * * 171
* * * 171
* * * 171
* * * 172
* * * 172
* * * 172
* * * 173
* * * 173
* * * 173
* * * 174
* * * 177
* * * 180

* * * 180
* * * 180
* * * 181
* * * 183
* * * 184
* * * 186
* * * 186
* * * 186
* * * 187
* * * 187
* * * 188
* * * 188
* * * 189
* * * 189
* * * 192
* * * 192
* * * 193
* * * 194
* * * 194
* * * 195
* * * 195
* * * 196
* * * 196

Френсис Пол Уилсон
«Страстная пятница»

* * * 202

* * * ····· 205
* * * ····· 213
* * * ····· 216

Томас Френсис Монтелеоне «Репетиции»

* * * ····· 224
* * * ····· 231
* * * ····· 232
* * * ····· 245

Т. Е. Д. Клайн «Сделай сам»

Чет Уильямсон «Избранные местá из “Анналов Нового Зодиака” и дневников Генри Уотсона Фэрфакса»

От áвтора ····· **253**
18 сентября 20… г. ····· 254
Конституция ····· **255**
Члены-основатели ····· **255**
25 ноября ····· 256
Протокол первого заседания «Нового Зодиака» ····· **257**
Меню ····· 257

Ви́на ····· 257
* * * ····· **258**
Заседание второе ····· **260**
Меню ····· 260
Ви́на ····· 260
* * * ····· **261**
Заседание третье ····· **264**
Меню ····· 264
27 января ····· 264
Заседание четвёртое ····· **265**
Меню ····· 265
24 февраля ····· 265
Заседание пятое ····· **266**
Меню ····· 266
31 марта ····· 266
Заседание седьмое ····· **267**
Заседание девятое ····· **267**
Заседание одиннадцатое ····· **267**
Заседание двенадцатое ····· **267**
Меню ····· 268
Ви́на ····· 268
* * * ····· **269**
1 декабря ····· 269
9 декабря ····· 270
Протокол тринадцатого и последнего заседания клуба «Новый Зодиак» ····· **270**
Меню ····· 271
Ви́на ····· 271
* * * ····· **271**

Рэмси Кемпбелл
«Забава»

Ким Ньюман
«Мертвяки-американы в московском морге»

* * * 297
* * * 298
* * * 301
* * * 302
* * * 304
* * * 308
* * * 313
* * * 314

Томас Лиготти
«Эта тень, эта тьма»

* * * 325
* * * 333
* * * 342

Информация о книге:

horror
999. Том 2 «Число зверя» антология рассказа
Рик Хотала, Эрик ван Ластбадер, Эдвард Ли, Эд Горман, Эл Саррантонио, Томас Майкл Диш, Стивен Спрюлл, Майкл Маршалл Смит, Питер Шнайдер, Эдвард Брайант, Джин Родман Вулф, Френсис Пол Уилсон, Томас Френсис Монтелеоне, Т. Е. Д. Клайн, Чет Уильямсон, Рэмси Кемпбелл, Ким Ньюман, Томас Лиготти
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

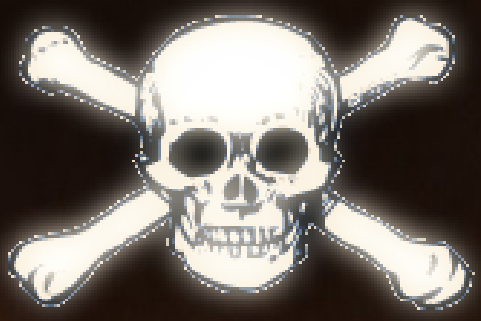
Авторство документа:	**Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus**
Редакция и оформление:	**08.06.2017-16.06.2017**
Время редактирования:	**21:21:32**
Текущая редакция:	**121**

Общее количество страниц:	**356**
Общее количество абзацев:	**4343**
Общее количество слов:	**111820**
Общее количество символов:	**695545**

Kharkiv, Ukraine

Copyright © 23.01.2011 by Юрий

Copyright © 08.06.2017-16.06.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus



999

08.06.2017-16.06.2017 © Alex.Rus.LA AKA Alex-Rus